ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

4
2018

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН 2018 №4

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

2018

4

Журнал выходит шесть раз в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Серийное издание

К 200-летию Института востоковедения РАН

To the 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Журнал учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: древнеегипетские керамические сосуды второй половины III тыс. до н. э., найденные в ходе работ Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Малом некрополе у гробницы Ченти I в Гизе (*фото С. Е. Малых*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2018

4

Published bimonthly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

The Journal was founded by the Academic Council
of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Вестник Института востоковедения РАН. № 4. – М.: ИВ РАН, 2018. – 254 с.

ISSN 2618-7302

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 9

К 200-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Вертяев К. В. Курдоведение в Институте востоковедения РАН. Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока 10

Мамедова Н. М. История изучения Ирана в Институте востоковедения РАН 16

Орешкова С. Ф., Болдырев А. В. Сектор Турции Института востоковедения РАН 24

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Седов А. В. Самхарам – древний порт на побережье Дофара (Оман) 35

Лебединский В. В., Пронина Ю. А. Подводно-археологическая экспедиция Института востоковедения РАН в Крыму 47

Малых С. Е. Древнеегипетские пивные кувшины и вотивные модели из Малого некрополя у гробницы Ченти I в восточной Гизе: проблемы интерпретации 59

ВОСТОЧНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Алаев Л. Б. Отношение к числам в древней и средневековой Индии 73

ДИСКУССИЯ

Рябинин А. Л., Рябинина И. А. Еще раз о сельской общине на Востоке 80

ORIENT ET OCCIDENT

Болдырев А. В. «Нам надлежало стать не врагами Оттоманской империи, а защитниками от ее мнимых западных друзей»: русский дипломат о Восточном вопросе в 1864 г. 89

Арабаджян З. А. Разгон Меджлиса Мохаммедом Али-Шахом в 1908 г. и англо-русское соперничество в Иране (по русским источникам) 94

ПРАВО НА ВОСТОКЕ

Полхов С. А. Судебные тяжбы в японском уделе периода Сэнгоку (по материалам «Коёгункан»). Часть I 103

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВОСТОКА

Атманова Ю. Г. Атрибуция могольской миниатюры из Петербургского альбома: портрет могольского принца или образ Йусуфа? 114

Дубровская Д. В. Некитайское искусство Китая: импрессионизм Сунь Юньтая, постимпрессионизм Пань Юйлян и «спекулятивный арт» Вэй Дуна 122

PAX MONGOLICA

Кадырбаев А. Ш. Куманы на Балканах в XII–XIV вв. 133

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В XXI ВЕКЕ

Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Япония – Восточная и Юго-Восточная Азия: возможно ли повторение японского проекта «сопроцветания» в XXI в. 137

Макеев Ю. А. Общие интересы Китая и стран-экспортеров нефти в реализации инициативы «Пояса и пути» 147

Прохоров Р. Е. Политико-дипломатическая активность Пакистана (2015–2017 гг.) 153

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ

Бурлак С. А. Падежные системы в тохарских и анатолийских языках 159

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Тимохин Д. М. Эволюция историографии о государстве Хорезмшахов из династии Ануштегинидов 164

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Кормышева Э. Е. В. С. Голенищев и цесаревич Николай. Встречи на Ниле 176

Горбунова Н. М., Ланда Р. Г., Чарыгева Н. К. Николай Алексеевич Иванов, Олег Ефимович Непомнин и Петр Михайлович Шаститко – вклад трех ученых Института востоковедения РАН в изучение Востока 184

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Головачёв В. Ц. ИВ РАН глазами китаеведов: от Армянского переулка и Китайского проезда до Хохловского переулка и Рождественки. Часть II 192

Кулагина Л. М. Воспоминания ираниста 205

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Васильев А. Д., Васильев Д. Д. XVIII Международный конгресс по тюркской истории – крупнейший форум тюркологов, побивший все рекорды (Анкара, 01–05.10.2018) 210

Шелестин В. Ю. Конференция ассириологов и египтологов в Институте востоковедения РАН 218

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Ванина Е. Ю. Служанка в Индии: обзор-рецензия с размышлениями и переводом 222

Лахути Л. Г., Чалисова Н. Ю. Персидский соловей в саду страны Советов: поэма Абулькасима Лахути «Повесть о розе» 236

CONTENTS

Editorial 9

TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

Vertyaev C. V. Kurdish Studies in the Institute of Oriental Studies RAS. Department for Near and Middle Eastern Countries' Studies 10

Mamedova N. M. History of Iranian Studies in the Institute of Oriental Studies RAS 16

Oreshkova S. F., Boldyrev A. V. Department of Turkish Studies, Institute of Oriental Studies RAS 24

FIELD STUDIES

Sedov A. V. Sumhuram – an Ancient Port on the Dhofari Coast (Oman) 35

Lebedinski V. V., Pronina J. A. The Underwater Archaeological Expedition of the Institute of Oriental Studies RAS in Crimea 47

Malykh S. E. Ancient Egyptian Beer Jars and Votive Models from the Minor Cemetery near the Tomb of Tjenty I in the Eastern Giza: Problem of Interpretation 59

ORIENTAL MENTALITY

Alayev L. B. Hindu Attitude to Numbers in Ancient and Medieval Periods 73

DISCUSSION

Ryabinin A. L., Ryabinina I. A. Once Again about the Village Community in the Orient 80

ORIENT ET OCCIDENT

Boldyrev A. V. "We Were Meant to Be Not the Enemies of the Ottoman Empire, but the Defenders from Its Alleged Western Friends": Russian Diplomat on the Eastern Question in 1864 89

Arabadzhyan Z. A. Dispersal of the Mejlis by Mohammed Ali-Shah in 1908 and Anglo-Russian Rivalry in Iran (According to Russian Sources) 94

LAW IN THE ORIENT

Polkhov S. A. Litigation in Japanese Domain of the Sengoku Period (on the Basis of the Evidence of "Koyogunkan"). Part I 103

VISUALISING ORIENT

Atmanova Yu. G. Attribution of the Mughal Miniature from the St. Petersburg Album: the Portrait of a Mughal Prince or the Image of Yusuf? 114

Dubrovskaya D. V. The Non-Chinese Art in China: Impressionism of Sun Yuntai, Postimpressionism of Pan Yuliang, and "Speculative Art" of Wei Dong 122

PAX MONGOLICA

Kadyrbaev A. Sh. Cumans on the Balkans in the 12–14th Centuries 133

ECONOMY AND POLITICS OF ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES IN THE 21ST CENTURY

Krupyanko M. I., Areshidze L. G. Japan and Eastern and South-Eastern Asia: Is the Repetition of Japanese "Co-prosperity" Project Possible in the 21st Century 137

Makeev Yu. A. Common Interests of China and Oil-exporting Countries in Implementing the Belt and Road Initiative 147

Prokhorov R. E. Political and Diplomatic Activity of Pakistan (2015–2017) 153

ORIENTAL LANGUAGES

Burlak S. A. Case Systems in Tocharian and Anatolian Languages 159

HISTORIOGRAPHY OF THE ORIENT

Timokhin D. M. The Evolution of Historiography about the State of Khorezm Shahs of the Dynasty of Anushteginids 164

HISTORY OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES

Kormysheva E. E. Vladimir S. Golenischev and Crown Prince Nicholas. Meetings on the Nile 176

Gorbunova N. M., Landa R. G., Charyeva N. K. Nikolay A. Ivanov, Oleg E. Nepomnin, and Petr M. Shastitko: Three IOS RAS Scholars' Input in Oriental Studies 184

ORAL HISTORY

Golovachev V. Ts. Institute of Oriental Studies through the Eyes of Sinologists: From Armyansky Lane to Kitaisky Drive; from Khokhlovsky Lane to Rozhdestvenka Street. Part II 192

Kulagina L. M. Recollections of an Iranian Scholar 205

SCHOLARLY EVENTS

Vasiliev A. D., Vasiliev D. D. XVIII International Congress of Turkic History – The Largest Forum of Turkologists Sets New Records (Ankara, 01–05.10.2018) 210

Shelestin V. Yu. Conference of Assyriologists and Egyptologists in the Institute of Oriental Studies RAS 218

TRANSLATIONS AND COMMENTARIES

Vanina E. Yu. Maid in India: A Review with Contemplation and Translation 222

Lahuti L. G., Chalisova N. Yu. Persian Nightingale in the Garden of the Soviet Country: a Poem "The Story of a Rose" by Abulkasim Lahuti 236

ОТ РЕДАКЦИИ

Четвертый номер «Вестника ИВ РАН» выходит в преддверии двухсотлетия Института востоковедения, с нетерпением ожидаемого обитателями здания на Рождественке и всей востоковедной общественностью. В течение всего года «Вестник» посвящает юбилею специальную рубрику, методически знакомя читателя с историей востоковедных дисциплин и подразделений Института, неразрывно связанных с историей России и афро-азиатских стран.

Рассказы о различных «*-ведениях»* и *«-логиях»* органично переросли в воспоминания о коллегах, будь то фигуры, уже ставшие легендарными (как египтолог В. С. Голенищев, сопровождавший цесаревича Николая в порой рискованных приключениях на Ниле) или ходившие по тем же коридорам, что и мы с вами, – сначала на Пречистенке и в Армянском переулке, а потом и на Рождественке – ученые и организаторы науки, прославившие институт и упоминаемые в этом выпуске, – И. Ю. Крачковский, В. А. Гордлевский, А. А. Губер, В. А. Авдиев, Б. Г. Гафуров, Е. Э. Бертельс, И. М. Рейснер, Б. Н. Заходер, Л. П. Делюсин, П. М. Шаститко, Н. А. Иванов, Р. В. Вяткин…

В этом номере мы снова предоставляем читателю возможность насладиться афористичным словом и кинжальной остротой мысли мэтра российской индологии Л. Б. Алаева, заставляющего задуматься о сорока сороках смыслах чисел в культуре, и передаем от него «общинную» эстафету Л. А. Рябинину, проводящему второй раунд скрупулезного детективного поиска улик, связанных с сельской общиной на Востоке.

Тем временем институтские археологи исследуют полярные стихии – черноморские воды и жаркие пески Египта и Омана, размышляя о «круглых кораблях» римлян, о таинственных пивных кувшинах египетских карликов, о взлете и падении ближневосточного портового города, полного храмов забытых божеств.

Векторы внутри вечного треугольника любви-ненависти между британскими, российскими и восточными правительствами и дипломатиями, словно стрелы, пронизывают материалы об Османской империи и Иране в XIX – начале XX вв., а поклонники классической политической истории узнают, кем по национальности был хан с трогательным именем Котян и какие отношения связывали его соплеменников с гордой Византией и не менее гордыми балканскими народами.

Путешественники по «пути воина» с интересом обнаружат, за что следует распять жену самурая, предварительно отрезав нос и уши ее мужу, а визуалы насладятся образами продаваемых на рынке прекрасных невольников с характерными височными локонами или оскорбятся видом пораженных целлюлитом китайских красавиц, похожих на китайских красавцев. Как собирается «сопроцветать» со странами Азии современная Япония, попутно отбивающаяся от удушающих пут «Шелкового пути» Китая? С какими странами и дипломатиями, как и почему контактирует современный Пакистан?

И наконец, известия из первых уст. История о персидском соловье и революционере, попытавшемся изысканным стихом воздействовать на Сталина, и рассказ о том, как живется индийским горничным, вынужденным выбирать между мытьем чужих мраморных полов, побоями и голодом, маркируют широкое поле, внутри которого находится живая история народов, тиранов, простых людей, культурной элиты, писателей Востока и о Востоке.

В предыдущих номерах мы приглашали читателей на разного рода чайные церемонии, а в этом, в честь нашего юбилея, зовем всех на кувшинчик пива, учитывая бытовой характер употребления египтянами этого напитка.

Редакция журнала «Вестник Института востоковедения РАН»

КУРДОВЕДЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН. ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

К. В. Вертяев*

Статья представляет собой исторический обзор курдоведческих исследований в России с 1818 г., в НИИ востоковедения в Ленинграде, в ИВ АН после передислокации института из Ленинграда в Москву и до настоящего времени. Дана характеристика основных курдологических публикаций, перечислены основные ученые-курдоведы и важнейшие труды, проанализированы направления работы.

Ключевые слова: курдоведение, курды, Институт востоковедения РАН, ИВ РАН, история науки.

KURDISH STUDIES IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS. DEPARTMENT FOR NEAR AND MIDDLE EASTERN COUNTRIES' STUDIES

Cyrill V. Vertyaev

The article gives historical outline of Kurdish Studies in Russia since 1818, in the Oriental Studies Institute in Leningrad, in the Institute of Oriental Studies (SAS) after the relocation of Institute to Moscow and till present. Main publications of Russian kurdologists are reviewed, leading researchers, published works, and main research topics are listed and analysed.

Keywords: Kurdish studies, Kurds, Institute of Oriental Studies (RAS), IOS RAS, science history.

Курдоведение как самостоятельное направление востоковедения зародилось именно в России. Это наука о курдском народе, являющемся автохтонным населением передней Азии, обладающем богатой древней письменной и устной культурой и борющемся за реализацию своих национальных прав. Несмотря на то что курды – это крупнейшим в мире этнос, не имеющий своего национального государства, «курдский фактор» является важной составляющей многих конфликтов и политических интересов на Ближнем Востоке. В этническом Курдистане, расположенном на территории Турции, Сирии, Ирака и Ирана, курды насчитывают около 30 млн. человек. Территория этнографического Курдистана богата природными и водными ресурсами и обладает важным геостратегическим положением.

Достаточно долго курдоведение считалось частью иранистики, однако с 1818 г., когда при Императорской академии наук был создан Азиатский музей, в нем начала формироваться серьезная источниковедческая база, связанная с историей и литературными памятниками курдского народа. В этом нет ничего удивительного: в 1813 г. между Россией и Ираном был подписан Гюлистанский мирный договор, в результате чего значительная часть курдов Карабахского ханства, называемых в литературе того времени «куртинцами», перешла в российское подданство. В фондах музея начала формироваться коллекция старинных курдских рукописей и манускриптов. В 1826 г. хранитель Азиатского музея М. Г. Волков опубликовал подробное описание знаменитой рукописи курдского историка Шараф-хана Ибн Шамсаддина Бидлиси (1543–1603) «Шарафнаме» («Книга Чести»), представляющей

* Кирилл Валентинович ВЕРТЯЕВ, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitezh@mail.ru

Cyrill V. VERTYAEV, PhD (Politology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kitezh@mail.ru

собой хроники курдских правителей Битлисского княжества с конца XIII по начало XVI в. Это единственный дошедший до нас обстоятельный труд об истории курдских знатных фамилий в указанный период.

В 1856–1858 гг. была опубликована фундаментальная монография П. И. Лерха «Исследования об иранских курдах и их предках халдеях», обозначившая подъем русского курдоведения и постепенное превращение его в самостоятельную дисциплину. В 1860-е гг. в пополнение хранилища Азиатского музея внес неоценимый вклад курдовед и российский дипломат польского происхождения Александр (Август) Деменьтевич Жаба. По поручению директора музея академика Б. А. Дорна он приступил к изучению курдского языка и к сбору письменных памятников на языке курманджи. Совместно с курдским ученым и энтузиастом из Эрзурума муллой Махмудом Баязади, ставшим его «учителем, осведомителем и сотрудником в изучении истории и культуры курдского народа» [Руденко, 1961, с. 3], Жаба перевел на курдский язык персидский текст «Шарафнаме», а Баязади снабдил комментариями учебник курдской грамматики Али Теремахи, написанный в начале XVII в.. В результате был составлен французско-курдский словарь [Jaba, 1879]. За время пребывания А. Д. Жабы на посту российского консула в Эрзуруме он собрал и передал в Азиатский музей 54 курдские рукописи.

Б. А. Дорн отметил ценность «Шарафнаме» и поручил молодому востоковеду В. В. Вельямину-Зернову, позднее – доктору татарско-турецкой словесности, издать персидский текст этого исторического произведения. Нужно отметить, что его перевод на русский язык был осуществлен только в советское время в 1967–1976 гг. Е. И. Васильевой [Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси, 1967, Т. 1; 1976, Т. 2].

Весомый вклад в развитие дореволюционного курдоведения внесли сотрудничавшие в разное время с Азиатским музеем В. Ф. Минорский (1877–1966), Н. Я. Марр (1864–1934), И. А. Орбели (1887–1961). Особенность курдоведения заключалась в том, что это научное направление принимало в качестве предмета изучения не только богатейший культурный багаж курдского народа, но и его социально-политические особенности, поскольку необходимость создания фундаментальных основ этого направления диктовалась еще и государственными интересами Российской империи. Так, после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия открыла несколько консульских миссий в регионе компактного расселения курдов. Политическая заинтересованность явилась стимулом развития науки о курдах и Курдистане.

Поступательное развитие курдоведения было приостановлено сначала Первой мировой войной, а затем Октябрьской революцией: многие видные востоковеды покинули территорию нашей страны. Тем не менее в 1929 г. в СССР была принята «Декларация о задачах востоковедной науки», в которой заявлялась необходимость всестороннего изучения стран Востока в новой политической обстановке. Развитие курдоведения обусловливалось еще и тем, что в советском Азербайджане в 1923–1929 гг. существовал автономный регион Курдистан. Курдский язык стали преподавать в школах Армении, издавалась газета «Риатаза». В рамках учрежденного на основе Азиатского музея НИИ Востоковедения в Ленинграде был создан «курдский цикл» – отделение курдоведения, представленное профессором И. А. Орбели. Первые советские курдоведы занимались в основном изучением курдской письменности и литературы, а само направление было ориентировано на советских курдов, проживавших на территории Армении и Грузии.

Работавшие в 1930-е гг. в Ленинграде курдоведы испытывали определенное влияние т.н. «яфетической теории» лингвистики, предложенной академиком Н. Я. Марром, которая впоследствии была раскритикована лингвистами как лженаучная. Однако под влиянием его идей было написано несколько значительных работ по курдоведению, не потерявших актуальности [Вильчевский, 1932]. Именно в рамках этого направления началась целенаправленная подготовка первых курдоведческих кадров. Благодаря усилиям НИИ Востоковедения в 1934 г. в Ереване состоялась первая конференция по курдоведению. Целью

усилий НИИ в тот период было создание советской курдской интеллигенции за счет развития национального языка, создания курдских СМИ и развития курдской литературы, расширения исторических и лингвистических знаний о курдах. Систематическое развитие этого направления было связано с приходом в НИИ Востоковедения К. К. Курдоева (1909–1985).

Поддержка политики СССР в межгосударственных отношениях со странами Востока становилась одной из главенствующих задач НИИ Востоковедения, поэтому правительство и президиум Академии наук приняли решение о переводе главного учреждения востоковедной науки в Москву. Так получилось, что все представители направления, занимавшегося в НИИ вопросами изучения курдской литературы, истории и языка, остались в Ленинграде, сформировав на базе Ленинградского отделения ИВ АН СССР Группу курдоведения.

Изучение истории и современных социально-политических особенностей курдского общества особо актуализировалось в СССР в 1960-е гг., когда в Ираке и в Иране поднялось возглавляемое генералом Мустафой Барзани национально-освободительное движение, к которому советское руководство относилось несколько настороженно, несмотря на то что Мустафа Барзани некоторое время пребывал в Москве. Руководствуясь принципами интернационализма и права наций и народов на самоопределение, советское руководство пыталось заручиться поддержкой проживающих на Ближнем Востоке курдов в надежде организовать еще одну силу, ориентированную на СССР. Для интересов СССР был не менее важен и доступ к углеводородным ресурсам, которыми был и остается богат этнический Курдистан. Изучению вопросов национального самоопределения курдского народа, истории, социально-политических причин национально-освободительной борьбы курдов, а также перспектив создания независимого курдского государства на ближневосточной арене были посвящены первые значительные труды выдающихся историков-курдоведов М. С. Лазарева и М. А. Гасратяна, Н. А. Халфина, а позднее – О. И. Жигалиной. При этом некоторые из этих исследований по понятным причинам были выпущены из ИВ АН СССР под грифом ДСП – «для служебного пользования». Так, М. С. Лазарев приступил к разработке темы международного аспекта курдской проблемы, ее возникновения на рубеже XIX–XX вв. и причин, повлиявших на то, что в результате Первой мировой войны и последующих исторических событий курды так и не смогли создать собственное национальное государство. Позднее в качестве основных причин этой проблемы М. С. Лазарев отмечал «извечный партикуляризм внутри курдского общества», а также геополитические интересы крупных держав, в том числе и СССР, не ставивших целью поддержку курдского национально-освободительного движения на международной арене [Лазарев, 2001, с. 54].

Работая в ИВ АН СССР М. С. Лазарев опубликовал монографию «Курдистан и курдская проблема» (1964 г.), получившую продолжение в серии последовавших за ней работ, охватывавших различные периоды становления и актуализации «курдской проблемы». Основу этого исследования составляло изучение международного аспекта курдского вопроса в период распада колониальной системы, когда кризисные явления охватили Ближний и Средний Восток. Так, в своих работах Лазарев утверждал, что в геополитических условиях того времени была трансформирована традиционная колониальная система, в результате чего на Ближнем Востоке возникли подмандатные государства и территории, а короткий период между подписанием Севрского мирного договора в 1920 г. и Лозаннского соглашения в 1923 г. был для курдского народа периодом больших, но нередко завышенных ожиданий, связанных с зафиксированным в Севрском договоре правом на создание независимого курдского государства [Лазарев, 1964]. Однако условия того времени не позволяли подвести под курдскую независимость какой-либо прочный экономический, политический и военный фундамент.

Еще в 1970-е гг. М. С. Лазарев предпринимал попытки сформулировать методологические основы национализма, которые могли быть применены для изучения социально-политических процессов в странах Азии и Африки. Раздел государственными

границами этнически однородных обществ, таких как курды, виделся Лазареву, с одной стороны, одной из важнейших причин роста курдского сепаратизма в этих странах, а с другой – причиной экономической и политической неоднородности их развития ввиду невозможности создания универсальных государственных принципов национальной самоидентификации курдов, таких, как единый язык, общая национальная история и т. д.

В конце октября 1979 г. директор ИВ РАН Е. М. Примаков, принимавший непосредственное участие в переговорах о создании курдской автономии в Ираке, принял решение о создании в институте Группы по изучению курдского вопроса, организацию которой поручили М. А. Гасратяну (1924–2007). Изначально в ее состав входили два сотрудника: М. А. Гасратян и О. И. Жигалина, однако к работе привлекались и сотрудники других подразделений: М. С. Лазарев, Р. Л. Цаболов, К. Л. Джалилов, Н. А. Халфин, а также представители Ленинградского отделения Института востоковедения: К. К. Курдоев, О. Д. Джалилов, Ж. С. Мусаэлян. Целью Группы являлось изучение современного состояния курдского вопроса в странах Западной Азии, истории курдского национального движения, а также международных аспектов курдского вопроса. В этот период сотрудниками Группы была подготовлена коллективная монография «История национально-освободительного движения курдов в Новое и Новейшее время» (1987 г.). Несмотря на то что эта и другие работы Группы курдоведения носили определенный идеологический оттенок, они не потеряли своей актуальности и сегодня. Постепенно Группа становилась важным координационным центром научно-исследовательских работ по курдоведению, ее усилиями был выпущен также ряд индивидуальных монографий. В 1980-е гг. в рамках Группы по изучению курдского вопроса были защищены кандидатские диссертации курдских аспирантов О. Хассо, Р. Б. Сабри, М. Аль Атара. Аспиранты и стажеры, руководимые М. А. Гасратяном, принимали участие в подготовке различных материалов в качестве переводчиков арабского, персидского, турецкого языков.

В период работы Группы был опубликован ряд значительных и актуальных работ: «Империализм и курдский вопрос» М. С. Лазарева, «Национальное движение курдов в Иране 1918–1947 гг.» О. И. Жигалиной. Группа курдоведения внесла важный вклад в дело координации работы курдоведческих центров по всему СССР: в Ленинграде, Тбилиси, Ереване. М. А. Гасратян как руководитель Группы поставил задачу по публикации обобщающих трудов по истории курдского народа, национального движения и культуры курдов с привлечением источников на различных восточных языках. Важным аспектом деятельности группы стало участие в ситуационных анализах, которые впервые ввел в институте Е. М. Примаков. Весьма актуально звучат сегодня слова М. А. Гасратяна о том, что «решение курдской проблемы в Турции в значительной степени зависит от того, насколько последовательно будут осуществляться демократические преобразования в стране» [Лазаревские чтения, 2013].

В 1984 г. Группа была переименована в Сектор курдоведения при институте, который сначала возглавлял М. А. Гасратян, а затем М. С. Лазарев. В 1990 г. научное подразделение получило название Сектор курдоведения и региональных проблем. С 1994 по 2007 гг. в секторе трудился известный курдолог, академик Армянской Академии наук Ш. Х. Мгои. С 2004 по 2013 гг. Сектор курдоведения возглавляла О. И. Жигалина. Для представителей московской школы курдоведения была присуща тщательная работа с источниками, в частности, с архивными документами, глубокий и всесторонний анализ исследуемой темы. Не случайно значительное количество научных трудов М. С. Лазарева и О. И. Жигалиной основано на анализе документов российских архивов и посвящено темам, ранее не изучавшимся или малоизученным в курдоведческой науке.

Современное курдоведение сталкивается с целым комплексом обстоятельств, которые не были характерны для предыдущих поколений ученых. Актуализация курдского фактора на Ближнем Востоке, связанная, в том числе, и с попыткой курдов Ирака провозгласить независимый Иракский Курдистан, вновь потребовала тщательного научного осмысления

перспектив, возможностей и последствий такого шага. Несмотря на скептическое отношение как научного сообщества, так и политических элит разных стран к перспективам создания независимого Иракского Курдистана, никто в научном сообществе (и в секторе, в частности) не мог отрицать очевидное стремление подавляющего большинства иракских курдов к обретению собственного государства. Внутри-иракский кризис, вызванный референдумом 25 сентября 2017 г., когда 92% из принявших в нем участие жителей Иракского Курдистана высказались за независимость от Ирака, потребовал тщательного научного обоснования конфликтов интересов всех сил в этом политическом поле. Позиция курдоведов ИВ РАН еще со времен создания курдского направления в востоковедном учреждении сходилась в том, что курды – это народ, которому невозможно отказать в праве на национальное самоопределение, как это было доказано еще М. С. Лазаревым. Однако правота ведущих советских экспертов по курдской проблематике заключалась еще и в том, что создание национального курдского государства изначально было осложнено целым рядом непреодолимых факторов, в числе которых ведущую роль играли и играют позиции более крупных и нередко соперничающих между собой держав, а также внутрикурдские противоречия. Поэтому задача современных курдоведов – учитывать все факторы против курдского самоопределения на современной международной арене.

Сотрудники сектора К. В. Вертяев, Н. З. Мосаки, М. С. Озманян принимают активное участие в общероссийских и международных конференциях по проблемам Ближнего Востока. Сектор выпустил ряд научных работ, имеющих прикладную научную ценность: «Курдистан: ресурсы и политика», «Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России» [Мосаки, 2005; 2011], «Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI вв.)», «Курдский национализм: история и современность» [Вертяев, 2007; Вертяев, Иванов, 2015]; коллективную монографию «Курдский вопрос с Западной Азии в начале XXI века» под редакцией О. И. Жигалиной [Жигалина, 2006]. Совместно с Институтом Восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) в 2015 г. было издано научно-популярное иллюстрированное издание «Земля легенд» на русском, английском и курдском языках, в котором собраны редкие фотографии русских путешественников, имеющие отношение к истории этнографического Курдистана [Земля легенд, 2014]. Также была подготовлена к изданию иллюстрированная энциклопедия «Курды: рыцари Востока». В рамках этого и других исследований вновь был поднят вопрос о национальной истории курдов, об осмыслении политической культуры и самобытности курдского народа в преддверии возможных важных политических изменений.

Литература / References

Вертяев К. В. *Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века).* М., 2007 [Vertyaev K. V. *Kurdskiy vopros v politike Turtsii (konets XX – nachalo XXI veka).* Moscow, 2007].

Вертяев К. В., Иванов С. М. *Курдский национализм: история и современность.* М., 2015 [Vertyaev K. V., Ivanov S. M., *Kurdskiy natsionalizm: istoriya i sovremennost'.* Moscow, 2015].

Вильчевский О. Л. *Материалы по истории общественных форм в Курдистане.* Л., 1932 [Vil'chevskyi O. L. *Materialy po istorii obschestvennyh form v Kurdistane.* Leningrad, 1932].

Жигалина О. И. (ред.). *Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века.* М., 2006 [Zhigalina O. I. (red.). *Kurdskiy vopros v Zapadnoy Azii v nachale XXI veka.* Moscow, 2006].

Жигалина О. И. *Национальное движение курдов в Иране (1918–1947 гг.).* М., 1988 [Zhigalina O. I. *Natsional'noe dvizhenie kurdov v Irane (1918–1947 gody).* Moscow, 1998].

Земля легенд. Курдская культура глазами российских исследователей. М., 2014 [*Zemlya legend. Kurdskaya kul'tura glazami rossiyskih issledovatelei.* Moscow, 2014].

История национально-освободительного движения курдов в Новое и Новейшее время. М., 1987 [*Istoriya natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya kurdov v Novoe i Noveishee vremya.* Moscow, 1987].

Лазарев М. С. *Империализм и курдский вопрос. 1917–1923.* М., 1989 [Lazarev M. S. *Imperializm i kurdskiy vopros. 1917–1923.* Moscow, 1989].

Лазарев М. С. *Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века – 1917 г.).* М., 1964 [Lazarev M. S. *Kurdistan i kurdskaya problema (90-e gody XIX veka – 1917 god).* Moscow, 1964].

Лазарев М. С. Россия и Курдистан. // *Курдский альманах*. I. М., 2001 [Lazarev M. S. Rossiya i Kurdistan // *Kurdskiy al'manah*. I. Moscow, 2001].

Лазаревские чтения. II. М., 2013 [*Lazarevskie chteniya*. II. Moscow, 2013].

Лерх П. И. *Исследования об иранских курдах и их предках, северных халдеях. 1856–1858*. СПб., 1856–1858 [Lerh P. I. *Issledovaniya ob iranskih kurdah i ih predkah, severnyh haldeyah. 1856–1858*. Saint-Petersburg, 1856–1858].

Мосаки Н. З. *Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России*. М., 2011 [Mosaki N. Z. *Kurdistan i kurdsky vopros v politike Zapada i Rossii*. Moscow, 2011].

Мосаки Н. З. *Курдистан: ресурсы и политика*. М., 2005 [Mosaki N. Z. *Kurdistan: resursy i politika*. Moscow, 2005].

Руденко М. Б. *Описание курдских рукописей ленинградских собраний*. М., 1961 [Rudenko M. B. *Opisanie kurdskih rukopisei leningradskih sobraniy*. Moscow, 1961].

Шараф-хан Ибн Шамсаддин Бидлиси. *Шарафнаме («Книга Чести»)*. Волков М. Г. 1826 [Sharaf-han Ibn Shamsaddin Bidlisi. *Sharafname ("Kniga Chesti")*. Volkov M. G. 1826].

Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. *Шараф-наме*. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е. И. Васильевой. Т. I. М., 1967. Т. 2. М., 1976 [Sharaf-han Ibn Shamsaddin Bidlisi. *Sharaf-name*. Perevod, predislovie, primechaniya I prilozheniya E. I. Vasilievoi. V. I. Moscow, 1967, V. 2. Moscow, 1976].

Jaba A. *Dictionnaire Kurde-Français*. Saint Petersburg, 1879.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИРАНА
В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Н. М. Мамедова*

Статья представляет собой исторический обзор ирановедческих исследований в Институте востоковедения РАН с 1950 г., после передислокации института из Ленинграда в Москву. Дана характеристика основных публикаций сектора Ирана, перечислены его руководители, сотрудники, направления работы.

Ключевые слова: Иран, иранистика, Институт востоковедения РАН, сектор Ирана, история науки.

HISTORY OF IRANIAN STUDIES
IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS

Nina M. Mamedova

The article gives historical outline of Iranian Studies in the Institute of Oriental Studies RAS in Moscow since the 1950th, when the Institute relocated from Leningrad. Main publications of Iran Department are reviewed, its chairs, researchers, and main research topics are listed and analysed.

Keywords: Iran, Iranian studies, Institute of Oriental Studies RAS, Iran Department, science history.

Иранистика – одно из старейших направлений отечественного востоковедения. Она всегда была комплексной дисциплиной, но в дореволюционный период большинство работ по иранистике касалось филологических проблем, а в советский – историко-идеологических и политических. Обращение к исследованию проблем новейшей истории Ирана, к взаимоотношениям его с различными странами стало ведущим направлением московской школы иранистики и в постсоветский период. Оно приобрело наиболее отчетливые черты после перевода в 1950 г. Института востоковедения Академии наук из Ленинграда в Москву.

В том же году в Институте востоковедения был создан сектор Ирана, который возглавил Борис Николаевич Заходер. Когда сектор вошел в состав Отдела Ближнего и Среднего Востока, отдел был структурирован не по странам, а по проблематике изучения, и Б. Н. Заходер возглавил сектор истории и экономики стран БСВ (1953–1956 гг.); с 1956 по 1960 гг. он возглавлял Отдел БСВ и одновременно сектор Ирана. Вокруг него стало формироваться ядро иранистов, положивших начало систематическому изучению наиболее актуальных проблем развития современного Ирана. Исследование этих проблем представляло не только строго научный академический интерес, но и могло быть использовано для корректировки внешних связей с Ираном, с соседними с ним странами, со странами, оказывавшими наибольшее влияние на проведение Ираном внутренней и внешней политики. И уже в 1957 г. был издан первый справочник по Ирану «Современный Иран» [Современный Иран, 1957], публикация которого положила начало изданию справочников по другим странам Востока. Ответственным редактором этого справочника был Б. Н. Заходер. Среди авторов этого первого справочника мы видим фамилии А. З. Арабаджяна, Ш. М. Бади, А. В. Башкирова, П. П. Бушева, В. С. Глуходеда,

* Нина Михайловна МАМЕДОВА, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mamedovan@mail.ru
Nina M. MAMEDOVA, PhD (Economy), Leader Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mamedovan@mail.ru

Е. А. Дорошенко, М. Н. Ивановой, Д. С. Комиссарова, В. В. Трубецкова, Н. А. Кузнецовой, т. е. ученых, составивших костяк сектора Ирана в последующие годы.

Иранисты в 1950–1960-е гг. работали не только над изучением современных общественно-политических проблем, но занимались анализом исторических и культурных аспектов развития Ирана. Тот же Б. Н. Заходер, издавший ранее перевод «Сиясет-наме» Низам ал-Мулька с обстоятельными примечаниями, работал в институте над «Каспийским сводом сведений о Восточной Европе». Первый том «Горган и Поволжье в IX–X вв.» был им закончен при жизни, но опубликован в 1962 г. уже после его ухода из жизни (в 1960 г.). Второй том заканчивали его ученицы А. И. Фалина и Л. А. Семенова[1]. Конечно, состав иранистов и сектора Ирана менялся – из-за изменений в структуре института и отдела БСВ, из-за отъезда работников в долгосрочные зарубежные командировки. Но основной коллектив иранистов сложился именно как структурное подразделение института востоковедения. Коллектив постепенно обрастал аспирантами, новыми сотрудниками.

В 1950–1960-е гг. вышли работы Е. А. Дорошенко, В. В. Трубецкого, Л. И. Мирошникова, Н. А. Кузнецовой, Л. М. Кулагиной, П. П. Бушева, В. С. Глуходеда, А. И. Демина. В 1959 г. была опубликована монография П. П. Бушева «Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг.», в 1956 г. монография Е. А. Дорошенко «Просвещение в Иране», в 1957 г. монография Е. А. Дорошенко и Л. М. Кулагиной «Государственный строй Ирана», в 1961 г. монография Л. И. Мирошникова «Английская экспансия в Иране (1914–1920)»[2], в 1966 г. монография В. В. Трубецкого «Бахтияры», и по сей день остающаяся наиболее полным исследованием различных сторон жизни этого племени. В 1968 г. была опубликована монография В. С. Глуходеда «Проблемы экономического развития Ирана (20-е–30-е годы)», в которой была дана развернутая характеристика экономической политики Реза-шаха, механизмов формирования этой политики. Работа до сих пор не потеряла своей актуальности, особенно в отношении налоговой политики Ирана. По экономической политике Реза-шаха защитил кандидатскую диссертацию А. З. Арабаджян.

После перевода Института востоковедения в Москву в него пришли работать иранские эмигранты, покинувшие свою страну после разгрома национальных автономий в Азербайджане и Курдистане в 1946 г. и после военного переворота 1953 г., свергнувшего правительство М. Мосаддека. Так в секторе Ирана оказался Ш. М. Бади, который в 1965 г. опубликовал монографию «Рабочий класс Ирана». Его жена, известная иранская поэтесса Жале, стала частым гостем сектора Ирана, многое сделала для пропаганды персидской поэзии в России. В советское время выехать в Иран могло только очень ограниченное количество исследователей, и общение с иранцами позволяло ученым полнее представить происходившие в Иране события, познакомиться с обычаями и менталитетом иранцев. В 1955 г. аспирантом сектора Ирана стал С. М. Алиев, после защиты кандидатской диссертации, посвященной известному иранскому историку и общественному деятелю Ахмеду Кесрави Тебризи и публикации ряда статей о Кесрави, ставший в 1959 г. сотрудником отдела Ближнего и Среднего Востока. Одним из первых иранистов, обратившемся к проблемам осуществления в Иране реформ «Белой революции», был А. И. Демин. В 1967 г. вышла в свет его монография «Сельское хозяйство современного Ирана», в которой рассматривались вопросы аграрной реформы, а также различные производственные аспекты сельского хозяйства страны.

В 1970 г. Отдел Ближнего и Среднего Востока, которым в то время руководил В. В. Цыбульский, был вновь реорганизован по страновому принципу. Был создан сектор Ирана, в который влились Н. М. Мамедова, У. З. Шарипов и А. З. Арабаджян. Артем Завенович возглавил сектор и долгие годы руководил им. В 1970-е гг. работы иранистов были представлены монографиями и сборниками статей. В 1970-е гг. основное внимание было уделено изучению социально-экономических проблем Ирана, связанных с преодолением

[1] См.: [Фалина, Семенова, 1967].

[2] На англ. языке: [Miroshnikov, 1963].

экономической отсталости Ирана, ломкой колониальной структуры, перестройкой социально-экономической модели. И это не случайно. С 1963 г. в стране началось осуществление реформ «Белой революции», в том числе радикальной аграрной реформы. Значительно возросла активность компаний США и европейских стран, которые, по существу, стали создавать новые отрасли промышленности, внедрять самые передовые технологии. Иран превратился в страну, удивлявшую мир высокими темпами развития, оказывающую все большее влияние на события в регионе. Восстановились связи с СССР, который стал принимать самое активное участие в реализации широкомасштабных проектов Ирана, в строительстве первого металлургического комбината, в строительстве первого в Иране международного газопровода, превратившего Иран в экспортера газа. Практически каждый год Отдел Ближнего и Среднего Востока проводил научные конференции, в которых анализировались различные аспекты происходящих в Иране перемен. Самое активное участие в них принимали аспиранты сектора, главным образом, из республик СССР, ученые из республиканских институтов востоковедения. Под редакцией Л. М. Кулагиной издавались сборники статей аспирантов и молодых сотрудников института. Сотрудники сектора участвовали в дискуссиях об иранском феномене развития, проводившихся и в других институтах.

Работы, издававшиеся в республиках, обсуждались, как правило, на заседаниях Отдела БСВ и сектора Ирана. Некоторые экономические темы в период нового этапа социально-политического развития Ирана приобретали и научную и практическую актуальность. Поэтому часть изданных в 1970-е гг. монографий была посвящена конкретным экономическим темам, которые ранее не разрабатывались. Например, в 1971 г. сектор Ирана издал под редакцией Н. А. Кузнецовой сборник статей «Иран», в котором впервые разбирались такие проблемы, как кооперативное движение, деятельность Корпуса просвещения, отношения шахского режима и духовенства [Иран, 1971]. Эти темы нашли свое отражение и в защищенных в 1970-е гг. диссертациях и в изданных монографиях. Так, Н. М. Мамедова после защиты кандидатской диссертации «Кооперативное движение в Иране» в 1973 г. издала монография «Кооперация в Иране». У. З. Шарипов в 1976 г. опубликовал монографию «Бюджет и бюджетная система Ирана». В 1977 г. вышла работа Ш. М. Бади «Городские средние слои Ирана», в которой большое внимание уделялось профессиональным организациям самодеятельных работников. Проблемами экономического развития Ирана, которые инициировал А. З. Арабаджян, занимались также С. М. Пазельский, Д. С. Рождественская, В. П. Цуканов. В 1973 г. из печати вышла книга «Развивающаяся Азия (изменения в отраслевой структуре народного хозяйства), в которой раздел по Ирану подготовил А. З. Арабаджян, являвшийся и ответственным редактором всей работы.

В 1976 г. под редакцией Н. А. Кузнецовой был издан сборник статей «Иран. Экономика. История. Историография. Литература». Статьи касались самых разных аспектов истории Ирана, включая проблемы экономики. Это был период пика экономического развития Ирана в шахский период, и, несмотря на внимание к современным проблемам, сколько-нибудь тревожных сигналов о возможном крушении шахской модели развития не прозвучало [Кузнецова, 1976]. Эти сигналы были более заметны при обсуждении социальных проблем на заседаниях сектора, на конференциях, особенно к концу 1970-х гг. Споры велись с точки зрения формационного изменения иранской модели, акцент делался на изучении противоречий между стратами иранского общества в рамках теории многоукладности, на исследованиях положения рабочего класса. Впервые в советской иранистике Е. А. Дорошенко стала разрабатывать тему противоречий режима с шиитским духовенством. С большим трудом удалось ей включить эту тему в свой план научной работы, и в 1975 г. была выпущена монография «Шиитское духовенство в современном Иране», ставшая в последующие годы важным источником для разработки этого научного направления. Но до исламской революции исследования на эту тему не приветствовались. В конце 1970-х гг. удалось сохранить только тему, касающуюся зороастризма, и то во многом из-за того, что

последний иранский шах активно использовал зороастрийское прошлое Ирана для усиления культурной значимости страны в мире. Написанная еще в период шахского правления монография «Зороастрийцы в Иране» вышла уже после исламской революции в 1982 г. Но Е. А. Дорошенко не прекращала работу над темой о духовенстве: в 1985 г. вышло новое издание монографии «Шиитское духовенство в современном Иране», исправленное и дополненное, а в 1997 г. автор защитила докторскую диссертацию о роли шиитского духовенства в двух иранских революциях. После ее ухода из жизни в 1998 г. Н. М. Мамедова и Л. М. Кулагина подготовили к изданию и в 1998 г. опубликовали монографию «Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг.»

В 1976 г. сектор под редакцией А. З. Арабаджяна издал книгу «Иран. Очерки новейшей истории», фактически представлявшую собой коллективную монографию, в которой прослеживалась логика общественных движений в Иране в XX в. Несмотря на то что в целом шахские реформы оценивались в работе как прогрессивные, в предисловии А. З. Арабаджян все-таки заявил о «сохраняющейся политической заряженности иранского общества» и о том, что реформы не воспринимаются многими слоями иранского общества равноценными буржуазным свободам [Иран, 1976, с. 13].

Продолжалось и исследование исторических проблем. В 1978 г. вышла книга «Очерки новой истории Ирана», составленная из трех разных разделов, написанных Н. А. Кузнецовой, Л. М. Кулагиной и В. В. Трубецким. Хотя разделы не были объединены единой тематикой, в целом они дали достаточно полную картину наиболее важных событий конца XVIII – начала XX вв., оказавших наибольшее влияние на дальнейшую историю Ирана. Разделы, написанные Н. А. Кузнецовой и Л. М. Кулагиной, стали основой изданных позже монографий «Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в.» Л. М. Кулагиной (1981 г.) и «Иран в первой половине XIX века» Н. А. Кузнецовой (1983 г.).

Фундаментальными трудами, написанными на русских архивах, стали выпущенные в 1978 г. после дискуссионных обсуждений работы П. П. Бушева «История дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг.» и «Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг.». Отдавая дань заложенной ранее традиции, сектор подготовил и издал в 1975 г. новый справочник «Современный Иран», для написания которого ответственный редактор С. М. Алиев привлек практически всех иранистов из разных научных и практических центров.

Со второй половины 1970-х гг. интерес к изменениям, происходившим в Иране под воздействием реформ, возрастал. Особое внимание в исследовательских работах было уделено формированию иранской буржуазии, деятельности иностранного капитала, региональным особенностям развития, социальным и политическим сдвигам. Результатом стала подготовка сборника статей «Иран. Проблемы экономического и социального развития в 60–70-е годы» (1980 г.) и монографии Н. М. Мамедовой «Концентрация производства и капитала в Иране» (1982 г.). Эти работы давали возможность увидеть противоречивость происходящих в Иране процессов, давали представление о назревавшем кризисе шахской модели развития, позволяли определить предпосылки иранской революции и причины падения шахского режима в феврале 1979 г. В свет они вышли уже после падения шахского режима, сыграв определенную роль в объяснении причин исламской революции.

Иранская революция 1979 г. и создание Исламской республики Иран обострили интерес, прежде всего, к политическим проблемам и к исламу. Эти два направления стали ведущими в иранистике, особенно в 1980-е гг. Все проблемы развития Ирана рассматривались под углом зрения характера политической власти. Участилось проведение научных конференций и круглых столов с участием представителей государственных органов. Большинство конференций и совещаний стало носить закрытый характер, а материалы конференций, как и некоторые написанные в это время работы и защищенные диссертации, не имели открытого доступа. Так, в закрытом доступе оказалась интересная

работа А. К. Лукоянова «Исламские концепции общественного развития в современном Иране», опубликованная в специальном бюллетене № 7 в 1984 г.

Разброс мнений по определению характера иранской революции, ее целей и перспектив развития был очень широк, научные дискуссии перерастали порой в ожесточенные баталии, и только благодаря иногда мягкому, иногда жесткому, а чаще всего ироничному вмешательству А. З. Арабаджяна как руководителя конференций обсуждению удавалось сохранять достойный и деловой характер. Повысился интерес и к более тщательному изучению предыдущего периода – с точки зрения выявления «болевых точек» шахского режима. В 1982 г. А. З. Арабаджян защитил диссертацию на степень доктора экономических наук по теме «Изменения в отраслевой структуре народного хозяйства Ирана в 60–70 гг.», в которой пытался ответить на вопросы о результативности реформ, проводимых сверху. На основе этой диссертации в 1983 г. была опубликована книга «Иран: изменения в отраслевой структуре экономики в 60–70 годах (К проблеме ломки колониальной структуры экономики)».

В середине 1980-х гг. началась работа сектора над коллективной монографией, посвященной анализу причин и итогов иранской революции. Работа была сложной, каждый из авторов отстаивал свой вариант видения, и только благодаря настойчивости А. З. Арабаджяна как ответственного редактора в итоге получилась работа, отдельные части которой логично дополняли друг друга. Вышедшая в 1989 г. коллективная монография «Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки» продолжает до сих пор оставаться наиболее фундаментальным трудом, посвященным исламской революции, хотя оценки этого явления определялись во многом идеологическими установками советского периода.

В 1985 г. была издана книга С. М. Алиева «Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в.», на основе которой в 1986 г. была защищена докторская диссертация. В этой сугубо академической работе даны живо написанные портреты исторических личностей. В 1993 г. С. М. Алиев стал инициатором выпуска очередного справочника по Ирану. К сожалению, после ухода С. М. Алиева из жизни в 2006 г. традиция выпуска справочников была утеряна. В опубликованной в 1984 г. монографии В. П. Цуканова «Неравномерность регионального развития Ирана: экономика и политика (60–70-е годы)» с применением эконометрических методов были проанализированы экономические факторы районной локализации обрабатывающих отраслей промышленности. В 1988 г. Н. М. Мамедова издала монографию «Городское предпринимательство в Иране», которая касалась, главным образом, положения мелкого производства в шахский период и его роли в условиях исламского правления. Приход в сектор В. Б. Кляшториной дал возможность усилить научное направление, связанное с развитием общественной мысли в Иране. В 1990 г. вышла ее монография «Иран 60–80-х годов: от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей (Идеология. Политика. Литература)».

В постсоветский период, когда идеологические установки уже не ограничивали научные оценки ученых, появились работы, где содержались самые противоречивые оценки происходящих в Иране процессов, вплоть до права квалифицировать иранскую революцию как исламскую. В опубликованной в 1993 г. монографии Л. Е. Склярова «Иран 60–70-х гг.: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция», автор назвал иранскую революцию реакционным переворотом.

С 1989 г. до 1997 г. руководство сектором осуществляли Л. Е. Скляров, В. П. Цуканов, а после 1997 г. – Н. М. Мамедова. Время второй половины 1990-х гг. было сложным с точки зрения возможностей публикации. Тем не менее, они издавались. В 1997 г. вышла монография Н. М. Мамедовой «Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии», в 1998 г. монография Л. М. Кулагиной и Е. В. Дунаевой «Граница России с Ираном (история формирования)».

Начиная с 1997 г. сектор каждый год проводит научные конференции и ежегодно издает сборники статей на их основе. В конференциях принимают участие ученые разных

стран, в первую очередь, из Ирана. Благодаря проведению этих конференций сектору удалось объединить иранистов разных научных центров Москвы, других городов России и зарубежных стран. Были установлены тесные связи с иранскими учеными, представителями посольства Исламской Республики Иран. За двадцать лет издано более 20 сборников. Иранисты сектора активно участвуют в проведении олимпиад по персидскому языку, конкурсах работ по иранистике.

В 2000-е гг. издан ряд индивидуальных монографий. В 2002 г. была опубликована монография А. З. Арабаджяна «Исламская Республика Иран. Экономический потенциал». В 2007 г. с участием З. А. Арабаджяна, Н. М. Мамедовой и Л. М. Раванди-Фадаи была подготовлена к изданию и опубликована последняя работа А. З. Арабаджяна «Омар Хайям versus Эдуард Фицджеральд и Томас Стернс Элиот. Диссонанс культуры и его гримаса», свидетельствующая о широте интересов автора. В 2004 г. была издана монография И. Е. Федоровой «Иран – США: диалог и противостояние», в 2006 г. монография Н. М. Мамедовой (в соавторстве с Н. Ю. Ульченко) «Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана)», в 2008 г. – второе, дополненное издание монографии Л. М. Кулагиной и Е. В. Дунаевой «Россия и Иран: история формирования границ», в 2010 г. – монография Л. М. Раванди-Фадаи «Политические партии и группировки в Иране», написанная преимущественно на персидских источниках, в 2010 г. – монография Л. М. Кулагиной «Россия и Иран (XIX – начало XX в.)», в 2014 г. – монография В. И. Сажина и Ю. М. Бондаря «Военная мощь Исламской республики Иран».

Защищены кандидатские диссертации на наиболее актуальные темы иранистики, в т. ч. двух граждан Ирана. Сектор ставил своей целью издавать работы не только сотрудников сектора, но и тесно связанных с ними ученых других стран. Были изданы монография иранского дипломата М. Махдияна «История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XXI века)» и израильского ученого Н. К. Тер-Оганова «Персидская казачья бригада».

В настоящее время в секторе активно работают сотрудники Е. В Дунаева, М. С. Каменева, Н. М. Мамедова, В. И. Сажин, И. Е. Федорова. В меру сил в стороне от работы сектора не остается Л. М. Кулагина, живой свидетель работы сектора со времени его создания. В 2018 г. сектор пополнился З. А. Арабаджяном, подготовившим монографию о наиболее заметных политических лидерах Ирана в XX в. – она будет опубликована в 2018 г. Также в 2018 г. в свет выходит книга Н. М. Мамедовой «Экономика Ирана», подготовленная в форме учебного пособия для студентов вузов. Но наиболее заметное отражение результаты работы иранистов сектора находят в публикации научных статей – в сборниках сектора Ирана, в сборниках статей Центра исследований стран Ближнего и Среднего Востока, в изданиях ведущих научных центров страны, в ведущих научных журналах, в том числе зарубежных, в участии в коллективных монографиях, издаваемых как Институтом востоковедения РАН, так и другими научными центрами.

В настоящее время сектор Ирана остается основным иранистическим центром в стране, все сотрудники сектора участвуют в работе международных конференций – как на территории России, так и за рубежом. Иранисты сектора сохраняют светлую память об ушедших из жизни в последние годы своих коллег, и некоторые из издаваемых сектором сборников посвящают их памяти.

Литература / References

Алиев С. М. *Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в.* М., 1985 [Aliev S. M. *Neft' i obschestvenno-politicheskoe razvitie Irana v XX v.* Moscow, 1985].

Арабаджян А. З. *Иран: изменения в отраслевой структуре экономики в 60–70 годах (К проблеме ломки колониальной структуры экономики).* М., 1983 [Arabadzhyan A. Z. *Iran: izmeneniya v otraslevoi structure 'economiki v 60–70-h godah (K problem lomki kolonial'noi structury 'economiki).* Moscow, 1983].

Арабаджян А. З. *Исламская Республика Иран. Экономический потенциал.* М., 2002 [Arabadzhyan A. Z. *Islamskaya Respublika Iran. 'Economicheskiy potentsial.* Moscow, 2002].

Арабаджян А. З., Мамедова Н. М., Раванди-Фадаи Л. М. *Омар Хайям versus Эдуард Фицджеральд и Томас Стернс Элиот. Диссонанс культуры и его гримаса.* М., 2007 [Arabadzhyan A. Z., Mamedova N. M., Ravandi-Fadai L. M. *Omar Haiyam versus 'Eduard Fitsdzheral'd I Tomas Stern 'Eliot. Dissonans kul'tury i ego grimasa.* Moscow, 2007].

Бади Ш. М. *Городские средние слои Ирана.* М., 1977 [Badi Sh. M. *Gorodskie srednie sloi Irana.* Moscow, 1977].

Бади Ш. М. *Рабочий класс Ирана.* М., 1965 [Badi Sh. M. *Rabochiy klass Irana.* Moscow, 1965].

Бушев П. П. *Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг.* М., 1959 [Bushev P. P. *Gerat i anglo-iranskaya voina 1856–1857 gg.* Moscow, 1959].

Бушев П. П. *История дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг.* М., 1978 [Bushev P. P. *Istoriya diplomaticheskih otnosheniy russkogo i iranskogo gosudarstv v 1586–1612 gg.* Moscow, 1978].

Бушев П. П. *Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг.* М., 1978 [Bushev P. P. *Posol'stvo Artemiya Volynskogo v Iran v 1715–1718 gg.* Moscow, 1978].

Глуходед В. С. *Проблемы экономического развития Ирана (20-е–30-е годы).* М., 1968 [Gluhoded V. S. *Problemy 'economicheskogo razvitiya Irana (20-e–30-e gody).* Moscow, 1968].

Демин А. И. *Сельское хозяйство современного Ирана.* М., 1967 [Demin A. I. *Sel'skoe hozyaistvo sovremennogo Irana.* Moscow, 1967].

Дорошенко Е. А. *Зороастрийцы в Иране.* М., 1982 [Doroshenko E. A. *Zoroastriytsy v Irane.* Moscow, 1982].

Дорошенко Е. А. *Просвещение в Иране.* М., 1956 [Doroshenko E. A. *Prosvescheniye v Irane.* Moscow, 1956].

Дорошенко Е. А. *Шиитское духовенство в современном Иране.* 2-ое изд., испр. и доп. М., 1985 [Doroshenko E. A. *Shiitskoe duhovenstvo v sovremennom Irane.* 2-oe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moscow, 1985].

Дорошенко Е. А. *Шиитское духовенство в современном Иране.* М., 1975 [Doroshenko E. A. *Shiitskoe duhovenstvo v sovremennom Irane.* Moscow, 1975].

Дорошенко Е. А., Кулагина Л. М. *Государственный строй Ирана.* М., 1957 [Doroshenko E. A., Kulagina L. M. *Gosudarstvennyi stroy Irana.* Moscow, 1957].

Заходер Б. Н. *«Сиясет-наме» Низам ал-Мулька.* М., 1949 [Zahoder B. N. *"Siyaset-name" Nizam al-Mul'ka.* Moscow, 1949]

Заходер Б. Н. *Горган и Поволжье в IX–X вв.* Т. I. М., 1962. [Zahoder B. N. *Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv.* T. I. Moscow, 1962].

Заходер Б. Н. *Каспийский свод сведений о Восточной Европе.* М., 1962 [Zahoder B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope.* Moscow, 1962]

Иран. Очерки новейшей истории. Сб. статей под ред. А. З. Арабаджяна. М., 1976 [*Iran. Ocherki noveishei istorii* (pod red. A. Z. Arabadzhyana). Moscow, 1976].

Иран. Проблемы экономического и социального развития в 60–70-е годы. Сборник статей. М., 1980 [*Iran. Problemy 'economicheskogo i sotsial'nogo razvitiya v 60-70-e gody.* Sbornik statei. Moscow, 1980].

Иран. Сб. статей под ред. Н. А. Кузнецовой. М., 1971 [*Iran.* Sbornik statei (pod red. N. A. Kuznetsovoi). Moscow, 1971].

Иран. Экономика. История. Историография. Литература. Сб. статей под ред. Н. А. Кузнецова. М., 1976 [*Iran. 'Ekonomika. Istoriya. Istoriografiya. Literatura.* Sbornik statei pod red. N. A. Kuznetsova. Moscow, 1976].

Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. М., 1989 [*Iranskaya revolyutsiya 1978–1979. Prichiny i uroki.* Moscow, 1989].

Кляшторина В. Б. *Иран 60–80-х годов: от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей (Идеология. Политика. Литература).* М., 1990 [Klyashtorina V. B. *Iran 60–80-x godov: ot kul'turnogo plyuralizma k islamizatsii duhovnyh tsennostei (Ideologiya. Politika. Literatura).* Moscow, 1990].

Кузнецова Н. А. *Иран в первой половине XIX века.* М., 1983 [Kuznetsova N. A. *Iran v pervoi polovine XIX veka.* Moscow, 1983].

Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М., Трубецкой В. В. *Очерки новой истории Ирана.* М., 1978 [Kuznetsova N. A., Kulagina L. M., Trubetskoi V. V. *Ocherki novoi istorii Irana.* Moscow, 1978].

Кулагина Л. М. *Россия и Иран (XIX – начало XX в.).* М., 2010 [Kulagina L. M. *Rossiya i Iran (XIX – nachalo XX v.).* Moscow, 2010].

Кулагина Л. М. *Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в.* М., 1981 [Kulagina L. M. *'Ekspansiya angliyskogo imperialisma v Irane v kontse XIX – nachale XX v.* Moscow, 1981].

Кулагина Л. М., Дунаева Е. В. *Россия и Иран: история формирования границ.* М., 2008 [Kulagina L. M., Dunaeva E. V. *Rossiya i Iran: istoriya formirovaniya granits.* Moscow, 2008].

Лукоянов А. К. Исламские концепции общественного развития в современном Иране // *Специальный бюллетень* № 7. М., 1984 [Lukoyanov A. K. Islamskie kontseptsii obschestvennogo razvitiya v sovremennom Irane // *Spetsial'nyi byulleten'*, 7. Moscow, 1984].

Мамедова Н. М. *Городское предпринимательство в Иране*. М., 1988 [Mamedova N. M. *Gorodskoe predprinimatel'stvo v Irane*. Moscow, 1988].

Мамедова Н. М. *Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии*. М., 1997 [Mamedova N. M. *Iran v XX veke. Rol' gosudarstva v 'ekonomicheskom razvitii*. Moscow, 1997].

Мамедова Н. М. *Концентрация производства и капитала в Иране*. М., 1982 [Mamedova N. M. *Kontsentratsiya proizvodstva i kapitala v Irane*. Moscow, 1982].

Мамедова Н. М. *Кооперация в Иране*. М., 1973 [Mamedova N. M. *Kooperatsiya v Irane*. Moscow, 1973].

Мамедова Н. М. *Экономика Ирана*. М., 2018 (в печати) [Mamedova N. M. *'Ekonomika Irana*. Moscow, 2018 (in print)].

Мамедова Н. М., Кулагина Л. М. *Шиитское духовенство в двух революциях:1905–1911 и 1978–1979 гг.* М., 1998 [Mamedova N. M., Kulagina L. M. *Shiitskoe duhovenstvo v dvuh revolyutsiyah: 1905-1911 i 1978–1979 gg*. Moscow, 1998].

Мамедова Н. М., Ульченко Н. Ю. *Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана)*. М., 2006 [Mamedova N. M., Ul'chenko N. Yu. *Osobennosti 'ekonomicheskogo razvitiya sovremennyh musul'manskih gosudarstv (na primere Turtsii i Irana)*. Moscow, 2006].

Махдиян М. *История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XXI века)*. М., 2014 [Mahdiyan M. *Istoriya mezhgosudarstvennyh otnosheniy Irana i Rossii (XIX – nachalo XXI veka)*. Moscow, 2014].

Мирошников Л. И. *Английская экспансия в Иране* (1914–1920). М., 1961 [Miroshnikov L. I. *Angliyskaya 'ekspansiya v Irane (1914–1920)*. Moscow, 1961].

Раванди-Фадаи Л. М. *Политические партии и группировки в Иране*. М., 2010 [Ravandi-Fadai L. M. *Politicheskie partii i gruppirovki v Irane*. Moscow, 2010].

Развивающаяся Азия (изменения в отраслевой структуре народного хозяйства). М., 1973 [*Razvivayuschayasya Aziya (izmeneniya v otraslevoi structure narodnogo hozyaistva)*. Moscow, 1973].

Сажин В. И., Бондарь Ю. М. *Военная мощь Исламской республики Иран*. М., 2014 [Sazhin V. I., Bondar' Yu. M. *Voennaya mosch' Islamskoi respubliki Iran*. Moscow, 2014].

Скляров Л. Е. *Иран 60–70-х гг.: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция*. М., 1993 [Sklyarov L. E. *Iran 60–70-h gg.: traditsionalism protiv sovremennosti. Revolyutsiya i contrrevolyutsiya*. Moscow, 1993].

Современный Иран. Справочник. Отв. ред. Б. Н. Заходер. М., 1957 [*Sovremennyi Iran*. Spravochnik. Otvetstvennyi redaktor B. N. Zahoder. Moscow, 1957].

Современный Иран. Справочник. Отв. ред. С. М. Алиев. М., 1975 [*Sovremennyi Iran*. Spravochnik. Otvetstvennyi redaktor S. M. Aliev. Moscow, 1975].

Тер-Оганов Н. К. *Персидская казачья бригада*. М., 2012 [Ter-Oganov N. K. *Persidskaya kazach'ya brigada*. Moscow, 2012].

Трубецкая В. В. *Бахтияры*. М., 1966 [Trubetskaya V. V. *Bahtiyary*. Moscow, 1966].

Фалина А. И., Семенова Л. А. *Каспийский свод сведений о Восточной Европе*. Т. 2: *Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне*. М., 1967 [Falina A. I., Semyonova L. A. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope*. T. 2: *Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane*. Moscow, 1967].

Федорова И. Е. *Иран – США: диалог и противостояние*. М., 2004 [Fyodorova I. E. *Iran – SShA: dialog i protivostoyanie*. Moscow, 2004].

Цуканов В. П. *Неравномерность регионального развития Ирана: экономика и политика (60–70-е годы)*. М., 1984 [Tsukanov V. P. *Neravnomernost' regional'nogo razvitiya Irana: 'ekonomika i politika (60–70-e gody)*. Moscow, 1984].

Шарипов У. З. *Бюджет и бюджетная система Ирана*. М., 1976 [Sharipov U. Z. *Byudzhet i byudzhetnaya sistema Irana*. Moscow, 1976].

Miroshnikov L. *Iran in World War 1*. M., 1963.

СЕКТОР ТУРЦИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

С. Ф. Орешкова, А. В. Болдырев*

Статья представляет собой обзор турколологических исследований, ведущихся в Секторе Турции ИВ АН с 1950-х гг. и до настоящего времени. Прослежена история создания Сектора, перечисляются ученые-тюркологи и их важнейшие труды; проанализированы направления исследовательских интересов туркологов Сектора.

Ключевые слова: Турция, тюркология, туркология, Институт востоковедения РАН, ИВ РАН, история науки.

DEPARTMENT OF TURKISH STUDIES, INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS

Svetlana F. Oreshkova, Andrey V. Boldyrev

The article gives a historical outline of Turkish Studies particularly in the Department of Turkey in the Institute of Oriental Studies (SAS) since the 1950s till present. The history of its foundation is outlined, its researchers are listed and their main research topics are analysed.

Keywords: Turkey, Turkish studies, Turkology, Institute of Oriental Studies RAS, IOS RAS, science history.

Тюркология – научная дисциплина, с которой, фактически, начиналось российское востоковедение. Многочисленные тюркские народы жили по соседству, а позднее в составе Российского государства. Эта близость порождала у русских интерес и необходимость знать языки, обычаи, менталитет, историческое прошлое и политические амбиции тюркских народов. Соседство с Османской империей и связанные с ней проблемы геополитики, византийского наследства, судеб православных народов и противостояние с европейскими странами вывели тюркологию на внешнеполитические рубежи. Из тюркологии выделилась туркология.

Межгосударственные контакты между Османской империей и Россией начинаются с конца XV в. С 1497 г. осуществляется более или менее постоянный русско-османский обмен посольствами. В Посольском приказе, а затем и в Министерстве иностранных дел, собирается большой объем сведений об этой империи, вырабатывается государственная политика, развивается геополитическое соперничество, порождавшее многочисленные войны. Туркологии было трудно выйти за рамки политики и стать объективной научной дисциплиной, но тем не менее это произошло. В XIX в. в Казани, а затем и в Петербурге складываются туркологические школы. В Москве развитие турецкого направления востоковедения было связано с «Армянским Лазаревых институтом восточных языков», где в 1871 г. были созданы «Специальные классы» или, как тогда говорили, «Университетский факультет». В конце XIX в., благодаря деятельности профессоров Ф. Е. Корша и В. Ф. Миллера, Лазаревский институт становится не только поставщиком знатоков восточных языков, но и крупным востоковедным научным центром.

* Светлана Филипповна ОРЕШКОВА, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; sve-oreshkova@rambler.ru

Svetlana F. ORESHKOVA, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of the Oriental Studies RAS, Moscow; sve-oreshkova@rambler.ru

Андрей Викторович БОЛДЫРЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow: boldirew.andrei2011@yandex.ru

В советское время после ряда реорганизаций на базе петербургского Азиатского музея (основанного в 1818 г.) был создан Институт востоковедения АН. В Москве вначале была оформлена Московская группа Института востоковедения АН СССР (декабрь 1943 г.), а в 1950 г. Президиум АН СССР принял решение о переводе Института востоковедения в Москву. Структура Института сложилась не сразу. Произошло несколько не всегда удачных реорганизаций. Признанным главой всех туркологов и арабистов Москвы был академик В. А. Гордлевский (избран действительным членом АН СССР 30 ноября 1946 г.). Объединение двух специальностей (туркологии и арабистики) шло еще от традиций старого востоковедения и отвечало научным интересам самого академика, который сумел воспитать ряд хорошо подготовленных специалистов, внесших свою лепту в развитие востоковедной науки. Первоначально же главное внимание уделялось лишь языку, историческому источниковедению, меньше – литературе и истории. Исследования же, касающиеся современного Востока, особенно его социально-экономического развития, в Институте почти не велись. Этого, однако, ждали от востоковедения и общество, и государство.

В 1956 г. произошла очередная реорганизация. В институт пришел новый директор – Furthermore Бободжан Гафурович Гафуров (до этого – первый секретарь ЦК КП Таджикистана), проработавший на этой должности более двадцати лет (вплоть до своей смерти в 1979 г.) Будучи человеком по-восточному мудрым, он не шел на кардинальные ломки, берег востоковедные кадры, умел ладить с гостями с Востока, поощрял развитие требуемых временем и властями направления исследований, но не мешал и сохранению востоковедных традиций. Институту были предоставлены новые возможности, увеличено финансирование, дано право расширить кадровый состав.

Была принята новая структура Института, предусматривавшая отдельный Сектор Турции, получивший возможность уделять больше внимания турецкой истории, экономике, современным проблемам страны. Сектор стал центром изучения Турции в СССР, подготовил много аспирантов для работы по туркологической проблематике не только для себя, но и для тюркских и закавказских республик СССР и ряда восточноевропейских стран. Первым заведующим Сектором Турции стал ученик академика Гордлевского – Абдулла Марданович Шамсутдинов (1907–1998) – крупный ученый, один из организаторов востоковедной науки, внесший большой вклад в развитие отечественной туркологии. Его перу принадлежат десятки фундаментальных исследований по истории Турции, кемализму, национально-освободительному движению, а также касающихся более широких проблем, связанных с приобщением исламского общества к современной цивилизации. В 1953–1956 гг. Шамсутдинов был заместителем директора Института, с 1956 г. (после смерти В. А. Гордлевского) возглавлял Сектор Турции. Двадцать два года Шамсутдинов был не просто заведующим, но душой Сектора и всех его начинаний. Он выступал организатором и редактором таких работ Сектора, как «Новейшая история Турции» [Новейшая история Турции, 1968], «Политика и экономика современной Турции» [Политика и экономика, 1977], изданий справочников «Современная Турция» [Современная Турция, 1958; 1965], многочисленных сборников статей и монографий. Много сил и энергии отдал он организации науки, координации работы туркологов, подготовке научных кадров. В 1940 г. Шамсутдинов защитил диссертацию по теме «Образование Османского государства в XIV веке», впервые проштудировав османские хроники, отметив разнообразие социальных истоков, породивших османское общество и назвав его музеем различных форм «феодализма». Докторская диссертация, защищенная в 1965 г., была издана в виде монографии под названием «Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923 гг.» [Шамсутдинов, 1966]. Это серьезнейшее исследование кемалистской революции не только у нас в стране, но и за рубежом, до сих пор остается настольной книгой туркологов, переведено на турецкий язык и издано в Турции.

При Шамсутдинове сформировался дух Сектора Турции. В Секторе не было конкуренции; он не был союзом единомышленников в полном смысле этого слова, однако

все были увлечены своим делом – Турцией, познанием и осмыслением тех явлений, которые в ней происходили. Сектор Турции ИВ РАН бережно хранит традиции, заложенные его первым руководителем [Ли, Орешкова, 2009].

На протяжении сорока лет ведущим экономистом-туркологом был Петр Павлович Моисеев. Основным направлением его научных исследований являлись аграрные отношения и аграрная политика Турции, их эволюция, законодательство в этой сфере, крестьянские движения. Он выпустил монографии «Аграрные отношения в современной Турции» [Моисеев, 1960], «Аграрный строй современной Турции» [Моисеев, 1970], «Турецкая республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне» [Моисеев, 1994], а также десятки статей и разделов в коллективных монографиях, в том числе таких значительных, как «Политика и экономика современной Турции» [Политика и экономика, 1977], «СССР и Турция: 1917–1979 гг.» [СССР и Турция, 1981], «Турция между Европой и Азией» [Турция между Европой и Азией, 2001]. В справочниках «Турецкая республика» Моисеев написал разделы «Географическое положение Турции», «Народонаселение», «Аграрный строй» [Турецкая республика, 2000]. Он подготовил ряд учеников, работавших позднее в университетах и академиях тюркоязычных республик СССР. Его ученицей была Наталия Юрьевна Ульченко, в настоящее время возглавляющая Сектор Турции.

Елена Измаиловна Уразова начала научную деятельность в Секторе конъюнктуры, а затем в Отделе финансово-экономических проблем Института, вернувшись в Сектор Турции, где проходила аспирантуру, лишь в 1975 г. Основное направление ее интересов лежало в сфере экономики Турции: финансы, налоговая политика, проблемы финансирования экономического роста, мобилизация внутренних и внешних источников накопления. Ее перу принадлежат монографии: «Турция: проблемы финансирования экономического развития» [Уразова, 1974], «Налоги и экономический рост развивающихся стран» [Уразова, 1981], «Экономика Турции от этатизма к рынку (внутренние и внешние источники экономического роста)» [Уразова, 1993]. Е. И. Уразова занималась и проблемами Кипра, его экономики и особенностей политической ситуации на острове, результатом чего стала книга «Кипр» [Уразова, 1966], а позднее главы в справочнике «Кипр». [Кипр, 1986]. После распада СССР в научных исследованиях Уразовой появилась новая тематика – становление и развитие торгово-экономических связей Турции с республиками Центральной Азии и Закавказья, воплотившаяся в монографиях «Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств» [Уразова, 2003] и «Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии» [Уразова, 2012], где были проанализированы направления и методы экономического проникновения, используемые Турцией в политике в отношении тюркоязычных государств постсоветского пространства.

Предметом исследований Николая Гаврилович Киреева была экономическая история современной Турции. В монографии «Развитие капитализма в Турции: к критике теории “смешанной экономики”» [Киреев, 1982] он рассмотрел взаимодействие государственного и частного секторов в экономике Турции, что в те годы прозвучало как новое слово в изучении особенностей развития экономики восточных стран. Свое видение особенностей экономического развития Турции Киреев изложил и в монографии «История этатизма в Турции» [Киреев, 1991]. В 1962–1969 гг. Киреев работал в Торгпредстве СССР в Анкаре и мог наблюдать жизнь Турции изнутри. Впечатления от пребывания этой стране были отражены в научно-популярных изданиях «Анкара» [Киреев, 1972] и «Турция: вчера и сегодня» [Киреев, 1977]. В 2007 г. в серии «История стран Востока в XX веке» вышло обширное исследование Киреева «История Турции. XX век» [Киреев, 2007]. Особенно интересен материал об идеологических поисках в турецком обществе, прослеженных автором со времен Танзимата. Тема была продолжена в монографии «Очерки политического ислама в Турции» [Киреев, 2017]. Киреев одним из первых обратил внимание на такое относительно новое явление в политическое жизни мусульманских стран, как исламизм, активное вовлечение в политику исламской идеологии, использование ее в качестве эффективного средства в борьбе за

власть. С 1985 по 1999 гг. Киреев возглавлял Сектор Турции, руководил аспирантами, в том числе иностранными. Многие из них остались друзьями Сектора, как, например, Мехмед Тогочар, первый турок, получивший в Секторе степень кандидата экономических наук.

Более шестидесяти лет внешнюю политику Турецкой Республики изучал Борис Михайлович Поцхверия, бывший в 1970–1978 гг. заведующим Сектором внешнеполитических проблем стран Азии и Северной Африки, а затем вернувшийся в Сектор, где начинал научную деятельность. Круг его научных исследований охватывал многие аспекты внешней политики Турции, включая проблему Кипра, взаимоотношений Турции с СССР, РФ, странами Востока и Запада, статуса Черноморских проливов. Он опубликовал более ста научных статей, разделов коллективных монографий. Книги Поцхверии «Внешняя политика Турции после Второй мировой войны» [Поцхверия, 1976], «Внешняя политика Турции в 60-х – начале 80-х годов XX века» [Поцхверия, 1986], «Турция между двумя мировыми войнами: очерки внешней политики» [Поцхверия, 1992] прослеживают эволюцию внешней политики Турции за весь период ее республиканского существования. Ряд работ Поцхверии опубликован за рубежом; в Турции он был избран членом-корреспондентом (1985 г.), а с 2006 г. – действительным членом «Турецкого исторического общества».

Внутренняя политика Турецкой Республики, ее партия и армия были предметом научных интересов Владимира Ивановича Данилова. Данилов неоднократно выезжал на работу за рубеж – в Турцию, Сирию, США, вначале как переводчик или чиновник, позднее как ученый. С 1976 по 1985 гг. В. И. Данилов возглавлял Сектор Турции. Первой опубликованной монографией Данилова стала книга «Средние слои в политической жизни Турции» [Данилов, 1968], где автор показал изменения в положении средних слоев населения после переворота 27 мая 1960 г., когда особенно четко выявились противоречия внутри турецкого общества. Перу исследователя принадлежат также книги «Политическая борьба в Турции. 50-е – начало 60-х годов XX в.» [Данилов, 1985], «Турция 80-х: от военного режима до “ограниченной демократии”» [Данилов, 1991] и несколько десятков статей и разделов в коллективных монографиях [Турецкая республика, 2000], где он был автором разделов о новейшей истории Турции и политических партиях, об армии, не раз выводившей страну из очередного кризиса. В последней по времени опубликованной коллективной монографии «Эволюция политических систем на Востоке» [Данилов, 1999] Данилов выступил не только как ответственный редактор, но и как автор большого раздела «Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества».

Современной историей Турции занимался Манвел Арсенович Гасратян. В 1963 г. он с П. П. Моисеевым по следам военного переворота 1960 г. опубликовал книгу «Турция ждет перемен» [Гасратян, Моисеев, 1963], а потом и собственную монографию «Турция в 1960–1963 гг.: очерк внутренней политики» [Гасратян, 1965]. В 1983 г. вышла из печати коллективная работа «Очерки истории Турции» [Гасратян, Орешкова, Петросян, 1983]. Позднее Гасратян сосредоточил главное внимание на курдской проблеме, но став руководителем нового подразделения, изучающего курдоведение, не порывал связей с туркологией и Сектором Турции, продолжая изучать положение курдов в Турции.

Уникальным знатоком левого и коммунистического движения в Турции был Радмир Платонович Корниенко. Опираясь на архивные материалы и общение с политическими деятелями этого направления, Корниенко изучал деятельность Коммунистической партии Турции, судьбу ее руководителей, рабочее и профсоюзное движение в стране. Это нашло выход в опубликованной им книге «Рабочее движение в Турции. 1918–1963 гг.» [Корниенко, 1965], подготовленной на базе диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, и в множестве статей.

Скрупулезным библиографом, не боявшимся черновой научной работы, была Антонина Карловна Сверчевская, продолжившая составление библиографии, начатой сотрудником ленинградской Библиотеки АН Т. П. Черманом. Книга вышла в двух томах –

«Библиография Турции 1713–1917 гг.» [Сверчевская, Черман, 1961] и «Библиография Турции 1917–1958 гг.» [Сверчевская, 1959]. Позднее Сверчевская подготовила второе, дополненное и исправленное издание «Библиографии» [Сверчевская, 1974]. Во второй половине 1990-х гг. эту работу продолжила библиограф Института З. Г. Ожерельева, но книга не дошла до печати, оставшись депонированной в ИНИОНе. Собственные научные интересы Сверчевской были связаны с изучением культурной жизни Турции. В 1983 г. вышла ее книга «Советско-турецкие культурные связи. 1925–1981 гг.» [Сверчевская, 1983], написанная с широким привлечением архивных материалов, советских и зарубежных документальных источников, мировой прессы. Перу Сверчевской принадлежит ряд статей и разделов в коллективных монографиях и справочниках по различным вопросам культурной жизни Турции. В новом тысячелетии Сверчевская издала книги «Известный и неизвестный Назым Хикмет» [Сверчевская, 2001] и, вместе с С. Н. Утургаури, – «Брат Назым» [Утургаури, Сверчевская, 2002], посвященные знаменитому турецкому поэту, с которым авторы были дружны многие годы.

Юлия Александровна Ли в течение десятилетий была бессменным ученым секретарем Сектора Турции и хранителем Мемориального кабинета-библиотеки академика. В. А. Гордлевского. Ее научные интересы касались проблем просвещения в Турции. Ли изучала различные аспекты становления и развития единой государственной системы образования, законодательство и реформы в этой сфере, проводившиеся в республиканский период развития страны. Итогом наблюдений стала книга «Реформы в системе образования Турецкой Республики. 1970–2002 гг.» [Ли, 2006]. Ею готовились такие издания, как «Государственные и политические деятели Турции» [Ли, 1979], «Турция: востоковедные центры зарубежных стран» [Ли, 1983], разделы об образовании, университетах, научных учреждениях для справочников «Современная Турция».

Несколько лет в Секторе проработал А. П. Базиянц, сосредоточивший позднее свои научные интересы на изучении истории востоковедения. Перу Базиянца принадлежит книга о выдающемся русском ученом-тюркологе В. А. Гордлевском [Базиянц, 1979]. Экономико-демографическими проблемами Турции занимался Г. И. Старченков, выпустивший работы «Проблемы занятости и миграции населения Турции» [Старченков, 1975], «Трудовые ресурсы Турции» [Старченков, 1981], «Трудовая миграция между Востоком и Западом. Вторая половина XX столетия» [Старченков, 1997]. Он написал ряд статей и разделов в коллективных монографиях и справочниках. Работая в Секторе, защитил две диссертации и опубликовал по ним книги Ю. Н. Розалиев [Розалиев, 1956; 1962], перешедший затем на работу в другой академический институт. Дружеские отношения с Сектором Турции поддерживал авторитетнейший историк-турколог послевоенного времени Анатолий Филиппович Миллер (1901–1973). Постоянно сотрудничали с Сектором Борис Моисеевич Данциг (автор работ «Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.)» [Данциг, 1968], «Русские путешественники на Ближнем Востоке» [Данциг, 1965], «Ближний Восток в русской науке и литературе» [Данциг, 1973]) и Владимир Васильевич Цыбульский, в течение ряда лет возглавлявший Отдел Ближнего и Среднего Востока.

Из первоначального состава Сектора Турции в настоящий момент продолжает работать Светлана Филипповна Орешкова – ведущий специалист по османской истории. В 1965 г. она защитила диссертацию по теме «Русско-турецкие отношения в начале XVIII в.». В 1971 г. дополненная работа вышла как книга [Орешкова, 1971]. В Институте в то время медиевистика воспринималась главным образом как область социально-экономических исследований, поэтому были популярны дискуссии по проблемам типологии феодализма, на которых С. Ф. Орешкова выступала с османским материалом. Однако сферой ее излюбленных научных интересов оставались внешняя политика османского государства и история русско-турецких отношений. В этой области С. Ф. Орешкова сотрудничала с Институтом славяноведения и балканистики (ныне Институт славяноведения РАН), где вышла трехтомная коллективная работа «Османская империя и страны Центральной,

Восточной и Юго-Восточной Европы», охватывающая период с XV по XVII вв. [Османская империя и страны... 1984; 1998; 2001], и с византинистами Института всеобщей истории, готовившими книгу «Византия между Западом и Востоком» [Византия, 1999]. В Секторе она выступала составителем, редактором и автором османистических сборников статей, в которых сотрудничали не только туркологи, но и другие специалисты по истории османского региона. Вышли в свет семь сборников [Османская империя, 1986; 1990; 1996; 2000; 2003; 2006; 2010].

Из других публикаций С. Ф. Орешковой следует отметить написанную совместно с Н. Ю. Ульченко работу «Россия и Турция: проблемы формирования границ» [Орешкова, Ульченко, 1992; 2006], подготовку к переизданию фундаментальных трудов классика российской османистики В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века» [Смирнов, 2005а] и «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке» [Смирнов, 2005б], опубликованные в 2005 г. с ее предисловием, комментариями и послесловием, и вышедшую в свет в 2015 г. собственную монографию «Немировский конгресс» [Орешкова, 2015]. События и общественные настроения периода русско-турецкой войны 1735–1739 гг. исследуются в этой книге под углом зрения как российской, так и османской сторон, что позволяет по-новому взглянуть на проблему Восточного вопроса.

С 2001 г. Сектор Турции возглавляет Наталия Юрьевна Ульченко. В трудное для нашей науки время ей удалось сплотить Сектор, организовать его работу, используя потенциал всех членов Сектора, поддержать свойственную этому научному подразделению доброжелательную и творческую атмосферу. Ульченко – автор монографии «Экономика Турции в условиях либерализации» [Ульченко, 2002], учебника для ВУЗов «Экономическая география Турция» [Ульченко, 2008], многих статей и разделов в коллективных монографиях. В 2006 г. вышла книга «Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана)» [Ульченко, Мамедова, 2006], где проанализированы модели экономического развития этих государств, их специфика и поставлен вопрос о том, в какой мере лидеры этих государств под давлением экономических реалий могут отступить от догматических канонов. Книга «Тургут Озал – премьер и президент Турции» [Утургаури, Ульченко, 2009] открыла серию изданий «Восток: исторические портреты» и познакомила читателя с жизнью и деятельностью выдающегося государственного деятеля Турции, сумевшего в 1980-е гг. вывести страну из глубокого экономического кризиса и заложившего основы новых тенденций в общественно-политической жизни страны. В 2017 г. Ульченко защитила докторскую диссертацию на тему «Формирование закономерностей экономического развития Турции: институциональные аспекты», предложив новую периодизацию экономического развития Турции, связывая ее с особенностями институциональной среды турецкой экономики. Сферы научных интересов Ульченко не ограничиваются экономическими проблемами Турции: она опубликовала монографии «Россия и Турция: проблемы формирования границ» [Ульченко, Орешкова, 1992; 2006]; «Россия и Турция. Прыжок через пропасть. (1960–1979)» [Ульченко, Орешкова, Репенкова, 2011]; «Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности» [Ульченко, Шлыков, 2014]. В этих работах рассматриваются проблемы геополитического размежевания территорий Российской и Османской империй, развитие отношений Турции и России в XX в. и трудности современного периода. Ульченко – непременный редактор коллективных трудов, в частности, переведенной и изданной в Турции книги «Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы развития» [Ульченко, 2003].

Появились в Секторе и новые сотрудники. Инесса Ильинична Иванова – один из ведущих современных специалистов по внешней политике Турции. Она выпустила монографию «Турецко-арабские отношения и их место в системе международных связей на Ближнем Востоке (1945–1983)» [Иванова, 1985], где на обширном фактическом материале

показала цели и методы политики Турции в отношении арабского и вообще исламского мира после Второй мировой войны. В 2017 г. Иванова выпустила новое фундаментальное исследование, излагающее внешнеполитическую историю региона в более широком хронологическом плане, с использованием новых материалов, с интересными выводами и оценками – «Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016)» [Иванова, 2017].

Андрей Викторович Болдырев выпустил монографию «Русско-турецкие отношения середины XIX в. и российское общество» [Болдырев, 2013], в которой познакомил читателя с общественными дискуссиями в российском обществе после Крымской войны, которые во многом предопределили развитие российско-османских отношений в последующие годы. В настоящее время он активно занимается изучением внешней политики Османской империи в последние годы существования и в начале республиканского периода, особое внимание уделяя проблеме Черноморских проливов и статуса Черного моря, в том числе на современном этапе, опубликовал несколько статей.

Светлана Леонидовна Волкова занимается изучением современных внешнеэкономических связей Турции. В 2005 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Экономические отношения Турции с субъектами Российской Федерации (Северный Кавказ, Поволжье и Урал)» [Волкова, 2005], в которой проанализировала достижения, трудности, ошибки и перспективы нового для этих стран направления экономических связей. В настоящее время Волкова продолжает разработку данной проблематики, расширяя ее исследованием внешнеэкономических связей Анкары с другими странами постсоветского пространства и ближневосточного региона.

Амур Гаджибабаевич Гаджиев защитил в 2013 г. кандидатскую диссертацию «Евроинтеграция Турции: проблемы и перспективы (1963–2009 гг.)» [Гаджиев, в печати], в которой осветил многие политические, идеологические, военные и экономические проблемы, определившие развитие отношений Турции и ЕС в разные исторические периоды. Продолжая разрабатывать тему взаимоотношений Турции и ЕС, Гаджиев сочетает ее с исследованием иных аспектов внешней политики современной Турции.

Ильшат Габитович Саетов – политолог, занимающийся историей современной Турции, большое внимание уделяет изучению политтехнологий, используемым турецкими элитами в борьбе за власть. Он выпустил книгу «Технологии политического маркетинга в России и Турции» [Саетов, 2017], где на примерах избирательных кампаний последних лет в сравнительном плане анализируется использование различных видов политического маркетинга и достигаемые результаты. Саетов принимает активное участие во всех конференциях Сектора и как организатор и как участник, внимательно следит за происходящими политическими процессами в Турецкой республике.

Новые сотрудники стараются поддерживать сложившиеся в Секторе традиции и высокий научный уровень. В настоящее время Сектор продолжает быть объединяющим центром для туркологов, организатором научных дискуссий. Традиционно каждые два года проходят конференции, где анализируются последние события политической, экономической и культурной жизни Турции. Сектор поддерживает научные контакты с коллегами из других научных центров, университетов, практических организаций, интересующихся происходящим в Турции, откликается на запросы СМИ. Не так тесно, как прежде, но сохраняются контакты с туркологами из Ближнего и Дальнего Зарубежья, активизировались связи с научными организациями и посольством Турецкой Республики, проявляющим интерес к деятельности российских туркологов. Издано несколько совместных российско-турецких сборников статей, регулярно проводятся совместные научные конференции.

Литература / References

Базиянц А. П. *Владимир Александрович Гордлевский*. М., 1979 [Baziyants A. P. *Vladimir Aleksandrovich Gordlevsky*. Moscow, 1979].

Болдырев А. В. *Русско-турецкие отношения середины XIX в. и российское общество*. М., 2013 [Boldyrev A. V. *Russko-turetskie otnosheniya serediny XIX v. i rossiyskoe obschestvo*. Moscow, 2013].

Волкова С. Л. *Экономические отношения Турции с субъектами Российской Федерации (Северный Кавказ, Поволжье и Урал)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата экономических наук. М., 2005 [Volkova S. L. *'Ekonomicheskie otnosheniya Turtsii s sub"ektami Rossiyskoi Federatsii (Severnyi Kavkaz, Povolzh'e i Ural)*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata istoricheskih nauk. Moscow, 2005].

Гаджиев А. Г. *Евроинтеграция Турции: проблемы и перспективы (1963–2009 гг.)* (в печати) [Gadzhiev A. G. *Evrointegratsiya Turtsii: problem i perspectivy (1963–2009 gg.)* (in print)].

Гасратян М. А. *Турция в 1960–1963 гг.: очерк внутренней политики*. М., 1965 [Gasratyan M. A. *Turtsiya v 1960–1963 gg.: ocherk vnutrennei politiki*. Moscow, 1965].

Гасратян М. А., Моисеев П. П. *Турция ждет перемен*. М., 1963 [Gasratyan M. A., Moiseev P. P. *Turtsiya zhdyot peremen*. Moscow, 1963].

Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. *Очерки истории Турции*. М., 1983 [Gasratyan M. A., Oreshkova S. F., Petrosyan Yu. A. *Ocherki istorii Turtsii*. A. Moscow, 1983].

Данилов В. И. (ред.). *Эволюция политических систем на Востоке. Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация*. М., 1999 [Danilov V. I. (red.). *'Evolyutsiya politicheskih system na Vostoke. Iran, Pakistan, Turtsiya: traditsii i demokratizatsiya*. Moscow, 1999].

Данилов В. И. *Политическая борьба в Турции. 50-е – начало 60-х годов XX в. (политические партии и армия)*. М., 1985 [Danilov V. I. *Politicheskaya bor'ba v Turtsii. 50-e – nachalo 60-h godov XX v. (politicheskie partii i armiya)*. Moscow, 1985].

Данилов В. И. *Средние слои в политической жизни Турции*. М., 1968 [Danilov V. I. *Srednie sloi v politicheskoi zhizni Turtsii*. Moscow, 1968].

Данилов В. И. *Турция 80-х: от военного режима до «ограниченной демократии»*. М., 1991 [Danilov V. I. *Turtsiya 80-h: ot voennogo rezhima do "ogranichennoi demokratii"*. Moscow, 1991].

Данциг Б. М. *Ближний Восток в русской науке и литературе*. М., 1973 [Dantsig B. *Blizhniy Vostok v russkoi nauke i literature*. Moscow, 1973].

Данциг Б. М. *Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.)*. М., 1968 [Dantsig B. M. *Izuchenie Blizhnego Vostoka v Rossii (XIX – nachalo XX v.)* Moscow, 1968].

Данциг Б. М. *Русские путешественники на Ближнем Востоке*. М., 1965 [Dantsig B. *Russkie puteshestvenniki na Blizhnem Vostoke*. Moscow, 1965].

Иванова И. И. *Турецко-арабские отношения и их место в системе международных связей на Ближнем Востоке (1945–1983)*. М., 1985 [Ivanova I. I. *Turetsko-arabskie otnosheniya i ih mesto v sisteme mezhdunarodnyh svyazey na Blizhnem Vostoke (1945–1983)*. Moscow, 1985].

Иванова И. И. *Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016)*. М., 2017 [Ivanova I. I. *'Evolyutsiya blizhnevostochnoi politiki Turetskoi Respubliki (1923–2016)*. Moscow, 2017].

Кипр. Справочник. М., 1986 [*Kipr. Spravochnik*. Moscow, 1986].

Киреев Н. Г. *Анкара*. М., 1972 [Kireev N. G. *Ankara*. Moscow, 1972].

Киреев Н. Г. *История Турции. XX век*. М., 2007 [Kireev N. G. *Istoriya Turtsii. XX vek*. Moscow, 2007].

Киреев Н. Г. *История этатизма в Турции*. М., 1991 [Kireev N. G. *Istoriya 'etatizma v Turtsii*. Moscow, 1991].

Киреев Н. Г. *Очерки политического ислама в Турции*. М., 2017 [Kireev N. G. *Ocherki politicheskogo islama v Turtsii*. Moscow, 2017].

Киреев Н. Г. *Развитие капитализма в Турции: к критике теории «смешанной экономики»*. М., 1982 [Kireev N. G. *Razvitie kapitalizma v Turtsii: k kritike teorii "smeshannoi 'economiki"*. Moscow, 1982].

Киреев Н. Г. *Турция: вчера и сегодня*. М., 1977 [Kireev N. G. *Turtsiya vchera i segodnya*. Moscow, 1977].

Корниенко Р. И. *Рабочее движение в Турции. 1918–1963 гг*. М., 1965 [Kornienko R. I. *Rabochee dvizhenie v Turtsii. 1918–1963 gg*. Moscow, 1965].

Ли Ю. А. *Государственные и политические деятели Турции*. М., 1979 [Li Yu. A. *Gosudarstvennye i politicheskie deyateli Turtsii*. Moscow, 1979].

Ли Ю. А. *Реформы в системе образования Турецкой Республики 1970–2002 гг*. М., 2006 [Li Yu. A. *Reformy v sisteme obrazovaniya Turetskoi Respubliki, 1970–2002 gg*. Moscow, 2006].

Ли Ю. А. Турция: востоковедные центры зарубежных стран М., 1983 [Li Yu. A. *Turtsiya: vostokovednye tsentry zarubezhnyh stran*. Moscow, 1983].

Ли Ю. А., Орешкова С. Ф. *Сектор Турции Института востоковедения РАН (к полувековой истории существования).* М., 2009 [Li Yu. A., Oreshkova S. F. *Sector Turcii Instituta vostokovedeniya RAN (k poluvekovoi istorii suschestvovaniya).* Moscow, 2009].

Моисеев П. П. *Аграрные отношения в современной Турции.* М., 1960 [Moiseev P. P. *Agrarnye otnosheniya v sovremennoy Turtsii.* Moscow, 1960].

Моисеев П. П. *Аграрный строй современной Турции.* М., 1970 [Moiseev P. P. *Agrarnyi stroi sovremennoy Turtsii.* Moscow, 1970].

Моисеев П. П. *Турецкая республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне.* М., 1994 [Moiseev P. P. *Turetskaya respublika: krest'yanstvo i sotsial'no-politicheskie protsessy v derevne.* Moscow, 1994].

Новейшая история Турции. М., 1968 [*Noveishaya istoriya Turtsii.* Moscow, 1968].

Орешкова С. Ф. Византия и Османская империя: проблемы приемственности // *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики.* СПб., 1999 [Oreshkova S. F. Vizantiya i Osmanskaya imperiya: problemy preemstvennosti // *Vizantiya mezhdu Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoi harakteristiki.* Saint-Petersburg, 1999].

Орешкова С. Ф. *Немировский конгресс. От двусторонних османо-российских отношений к Восточному вопросу.* М., 2015 [Oreshkova S. F. *Nemirovskiy congress. Ot dvustoronnih osmano-rossiyskih otnosheniy k Vostochnomu voprosu.* Moscow, 2015].

Орешкова С. Ф. *Русско-турецкие отношения в начале XVIII в.* М., 1971 [Oreshkova S. F. *Russko-turetskie otnosheniya v nachale XVIII v.* Moscow, 1971].

Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. *Россия и Турция: проблемы формирования границ.* М., 1992; 2-е издание – 2006. [Oreshkova S. F., Ul'chenko N. Yu. *Rossiya i Turtsiya: Problemy formirovaniya granits.* Moscow, 1992; 2006].

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В 3-х т. М., 1984, 1998, 2001 [*Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy.* V 3-h t. Moscow, 1984, 1998, 2001].

Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. Сборник статей. М., 1990 [*Osmanskaya imperiya: gosudarstvennaya vlast' i social'no-politicheskaya struktura. Sbornik statei.* Moscow, 1990].

Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. Сборник статей. М., 1996 [*Osmanskaya imperiya: problemy vneshnei politiki i otnosheniy s Rossiei.* Sbornik statei. Moscow, 1996].

Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. Сборник статей. М., 1986 [*Osmanskaya imperiya: sistema gosudarstvennogo upravleniya, sotsial'nye i 'etnoreligioznye problem.* Sbornik statei. Moscow, 1986].

Османская империя: события и люди. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Ю. А. Петросяна. М., 2000 [*Osmanskaya imperiya: sobytiya i lyudi. Sbornik statei k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. A. Petrosyana.* Moscow, 2000].

Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010 [*Osmanskiy mir i osmanistika. Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniia A. S. Tveritinovoi (1910–1973).* Moscow, 2010].

От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора Д. Ф. Миллера. М., 2003 [*Ot Stambula do Moskvy. Sbornik statei v chest' 100-letiya professora D. F. Millera.* Moscow, 2003].

Политика и экономика современной Турции. М., 1977 [*Politika i 'economica sovremennoi Turtsii.* Moscow, 1977].

Поцхверия Б. М. *Внешняя политика Турции в 60-х – начале 80-х годов XX века.* М., 1986 [Potsheveriya B. M. *Vneshnyaya politika Turtsii v 60-h – nachale 80-h godov XX veka.* Moscow, 1986].

Поцхверия Б. М. *Внешняя политика Турции после Второй мировой войны.* М., 1976 [Potsheveriya B. M. *Vneshnyaya politika Turtsii posle Vtoroi mirovoi voiny.* Moscow, 1976].

Поцхверия Б. М. *Турция между двумя мировыми войнами: очерки внешней политики.* М., 1992 [Potsheveriya B. M. *Turtsiya mezhdu dvumya mirovymi voinami: ocherki vneshnei politiki.* Moscow, 1992].

Розалиев Ю. Н. *Особенности развития капитализма в Турции (1923–1960).* М., 1962 [Rozaliev Iu. N. *Osobennosti razvitiya kapitalizma v Turtsii (1923–1960).* Moscow, 1962].

Розалиев Ю. Н. *Очерки положения промышленного пролетариата в Турции после Второй мировой войны.* М., 1956 [Rozaliev Iu. N. *Ocherki polozheniia promyshlennogo proletariata v Turtsii posle Vtoroi mirovoi voiny.* Moscow, 1956].

Саетов И. Г. *Технологии политического маркетинга в России и Турции.* М., 2017 [Saetov I. G. *Tehnologii politicheskogo marketinga v Rossii i Turtsii.* Moscow, 2017].

Сверчевская А. К. *Библиография Турции 1917–1958 гг.* М., 1959 [Sverchevskaya A. K. *Bibliografiya Turtsii 1917–1858 gg.* Moscow, 1959].

Сверчевская А. К. *Библиография Турции.* 2-е изд. М., 1974 [Sverchevskaya A. K. *Bibliografiya Turtsii. 2nd ed.* Moscow, 1974].

Сверчевская А. К. *Известный и неизвестный Назым Хикмет.* М., 2001 [Sverchevskaya A. K. *Izvestnyi i neizvestnyi Nazym Hikmet.* Moscow, 2001].

Сверчевская А. К. *Советско-турецкие культурные связи. 1925–1981 гг.* М., 1983 [Sverchevskaya A. K. *Sovetsko-turetskie kul'turnye svyazi. 1925–1981 gg.* Moscow, 1983].

Сверчевская А. К., Черман Т. П. *Библиография Турции 1713–1917 гг.* М., 1961 [Sverchevskaya A. K. *Bibliografiya Turtsii 1713–1917 gg.* Moscow, 1961].

Смирнов В. Д. *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке.* М., 2005 [Smirnov V. D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII veke.* Moscow, 2005].

Смирнов В. Д. *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.* М., 2005 [Smirnov V. D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.* Moscow, 2005].

Современная Турция. Справочник. М., 1958 [*Sovremennaya Turtsiya. Spravochnik.* Moscow, 1958].

Современная Турция. Справочник. М., 1965 [*Sovremennaya Turtsiya. Spravochnik.* Moscow, 1965].

СССР и Турция: 1917–1979 гг. М., 1981 [*SSSR i Turtsiya: 1917–1979.* Moscow, 1981].

Старченков Г. И. *Проблемы занятости и миграции населения Турции.* М., 1975 [Starchenkov G. I. *Problemy zanyatosti i migratsii naseleniya Turtsii.* Moscow, 1975].

Старченков Г. И. *Трудовая миграция между Востоком и Западом. Вторая половина XX столетия.* М., 1997 [Starchenkov G. I. *Trudovaya migratsiya mezhdu Vostokom i Zapadom. Vtoraya polovina XX stoletiya.* Moscow, 1997].

Старченков Г. И. *Трудовые ресурсы Турции (демографический, экономический и социальный аспекты.* М., 1981 [Starchenkov G. I. *Trudovye resursy Turtsii (demograficheskiy, 'economicheskiy i sotsial'nyi aspekty.* Moscow, 1981].

Турецкая республика. Справочник. М., 2000 [*Turetskaya respublika. Spravochnik.* Moscow, 2000].

Турция между Европой и Азией. М., 2001 [*Turtsiya mezhdu Evropoi i Aziei.* Moscow, 2001].

Ульченко Н. Ю. (ред.) *Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы развития.* М., 2003 [Ul'chenko N. Yu. (red.). *Rossiysko-turetskie otnosheniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya.* Moscow, 2003].

Ульченко Н. Ю. *Экономика Турции в условиях либерализации.* М., 2002 [Ul'chenko N. Yu. *'Economika Turtsii v usloviyah liberalizatsii.* Moscow, 2002].

Ульченко Н. Ю. *Экономическая география Турции.* М., 2008 [Ul'chenko N. Yu. *'Economicheskaya geografiya Turtsii.* Moscow, 2008].

Ульченко Н. Ю., Мамедова Н. М. *Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана).* М., 2006 [Ul'chenko N. Yu., Mamedova N. M. *Osobennosti 'economicheskogo razvitiya sovremennyh musul'manskih gosudarstv (na primere Turtsii i Irana).* Moscow, 2006].

Ульченко Н. Ю., Орешкова С. Ф., Репенкова М. М. *Россия и Турция. Прыжок через пропасть. (1960–1979).* М., 2011 [Ul'chenko N. Yu., Oreshkova S. F., Repenkova M. M. *Rossiya i Turtsiya. Pryzhok cherez propast'. (1960–1979).* Moscow, 2011].

Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. *Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности.* М., 2014 [Ul'chenko N. Yu., Shlykov P. V. *Dinamika rossiysko-turetskih otnosheniy v usloviyah narastaniya global'noi nestabil'nosti.* Moscow, 2014].

Уразова Е. И. *Кипр.* М., 1966 [Urazova E. I. *Kipr.* Moscow, 1966].

Уразова Е. И. *Налоги и экономический рост развивающихся стран. На примере стран Ближнего и Среднего Востока.* М., 1981 [Urazova E. I. *Nalogi i 'ekonomicheskiy rost razvivayuschihsya stran. Na primere stran Blizhnego i Srednego Vostoka.* Moscow, 1981].

Уразова Е. И. *Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии.* М., 2012 [Urazova E. I. *Turtsiya segodnya: 'ekonomicheskoe sotrudnichestvo so stranami Yuzhnogo Kavkaza i Tsentral'noi Azii.* Moscow, 2012].

Уразова Е. И. *Турция: проблемы финансирования экономического развития.* М., 1974 [Urazova E. I. *Turtsiya: problemy finansirovaniya 'economicheskogo razvitiya.* Moscow, 1974].

Уразова Е. И. *Экономика Турции от этатизма к рынку (внутренние и внешние источники экономического роста)* М., 1993 [Urazova E. I. *'Economika Turtsii ot 'etatizma k rynku (vnutrennie i vneshnie istochniki 'economicheskogo rosta).* Moscow, 1993].

Уразова Е. И. *Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств*. М., 2003 [Urazova E. I. *Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Turtsii i tyurkskih gosudarstv*. Moscow, 2003].

Утургаури С. Н., Сверчевская А. К. (ред.-сост.). *Брат Назым*. М., 2002 [Uturgauri S. N., Sverchevskaya A. K. (red.-sost.) *Brat Nazym*. Moscow, 2002].

Утургаури С. Н., Ульченко Н. Ю. *Тургут Озал – премьер и президент Турции*. М., 2009 [Uturgauri S. N., Ul'chenko N. Yu. *Turgut Ozal – premier i prezident Turtsii*. Moscow, 2009].

Шамсутдинов А. М. *Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923 гг*. М., 1966 [Shamsutdinov A. M. *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Turtsii 1918–1923 gg*. Moscow, 1966].

Turcica et Ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера. М., 2006 [*Turcica et Ottomanica. Sbornik statei v chest' 70-letiya M. S. Meyera*. Moscow, 2006].

САМХАРАМ – ДРЕВНИЙ ПОРТ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ДОФАРА (ОМАН)

А. В. Седов*

Статья посвящена раскопкам на городище Самхарам, расположенном в лагуне Хор Рори на побережья Дофара, Султанат Оман. Городище идентифицируется с гаванью Мосха, упоминаемой в «Перипле Эритрейского моря» как транзитный пункт на морском торговом пути из римского Египта в Индию, один их главных портов древней Аравии, через который вывозился ладан – благовонная смола деревьев *Boswellia sacra*. На протяжении более 20 полевых сезонов памятник исследуется Итальянской миссией в Омане Университета Пизы, в работах которой с 2000 г. принимает участие автор статьи.

Ключевые слова: Южная Аравия, Оман, Самхарам, Хор Рори, Дофар, Хадрамаут, Итальянская миссия в Омане, Институт востоковедения РАН.

SUMHURAM – AN ANCIENT PORT ON THE DHOFARI COAST (OMAN)

Alexander V. Sedov

The article is devoted to the excavations at Sumhuram located in the Khor Rori lagoon on the Dhofari coast, Sultanat of Oman. The settlement identifying with *Moscha limen* of the *"Periplus Maris Eruthraeum"* was founded as transit station on the maritime trade route connecting Roman Egypt and India. It was one of the main ports intended for shipment of the frankincense (resin of *Boswellia sacra* trees), the main export item of the ancient South Arabians. The Italian Mission to Oman (IMTO) from the University of Pisa with participation of the author is conducting excavations at the monument during more than twenty field seasons.

Keywords: South Arabia, Oman, Sumhuram, Khor Rori, Dhofar, Hadramawt, Italian Mission to Oman, Institute of Oriental Studies RAS.

Древний порт Самхарам, расположенный примерно в 35 км к востоку от современной Салали, столицы провинции Дофар Султаната Оман, безусловно, является наиболее значительным памятником региона. Он расположен в удивительно красивом месте на побережье Индийского океана, в регионе, славившемся в древности, да и сейчас, благовонной смолой деревьев *Boswellia sacra* (ладаном), заросли которых расположены в горном кряже Джебель Кара. Древнее городище занимает вершину холма (*илл. 1*), словно нависающего над лагуной Хор Рори, являющейся устьем вади Дарбат, примерно в двух километрах от современной (и древней) береговой линии. Два останца, ал-Хамр ал-Шаркия и ал-Хамр ал-Вуста, фланкируют небольшую естественную бухту и вход в лагуну Хор Рори. Сейчас лагуна отделена от бухты песчаной перемычкой, однако во время сезона дождей селевые потоки, текущие с гор по вади Дарбат, прорывают эту перемычку, соединяя лагуну и бухту. Можно предположить, что в древности эта перемычка либо не существовала, либо в ней был прорыт канал, позволявший кораблям заходить в лагуну и подплывать практически к стенам расположенного здесь города, носившего название Самхарам (*s^1m[h]rm*)[1].

Считается бесспорным, что лагуна Хор Рори должна быть идентифицирована с *Мосха лимен*, упоминаемой в античных источниках («Перипл Эритрейского моря», середина I в. н. э.) как «бухта, предназначенная для погрузки ладана» (*Periplus* 32:10.30). Отметим, что

* Александр Всеволодович СЕДОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, генеральный директор Государственного музея Востока, Москва; asedov@orientmuseum.ru
Alexander V. SEDOV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, director-general of the State Museum of Oriental Art, Moscow; asedov@orientmuseum.ru

[1] Именно так он назван в древнехадрамаутских текстах, см.: [Pirenne, 1975; Beeston, 1976].

существование какого-либо населенного пункта в гавани в источнике не упоминается, однако описывается ситуация, когда некие корабли, плывшие из Лимирики или Баригаз (порты на полуострове Индостан) и вынужденные зимовать в *Мосха лимен*, в обмен на хлопковую ткань, зерно и масло с помощью «царских слуг» получили груз ладана [Casson, 1989, p. 69–71, 170–173; Бухарин, 2007, с. 55]. Контекст этого сообщения не оставляет сомнения в том, что здесь должно было располагаться некое поселение или крепость, служившие транзитным пунктом в морском торговом пути между римским Египтом и Индией.

Илл. 1. Городище Самхарам, вид с юга (*фото автора*)

Впервые в научной литературе древнее городище в лагуне Хор Рори было описано Теодором Бентом, английским путешественником по Южной Аравии, посетившим памятник в самом конце XIX в. [Bent, Bent, 1900, p. 270–271]. В начале 1950-х и в начале 1960-х гг. на памятнике работала американская экспедиция Фонда по изучению человека [Albright, 1982; Cleveland, 1960], а с 1997 г. его раскопки и реставрацию проводит Итальянская миссия в Омане (IMTO) из Университета Пизы под руководством проф. Алессандры Аванцини[2]. Выпущено уже два фундаментальных тома отчетов о раскопках, исследование по керамике Самхарама, опубликованы несколько десятков статей и брошюр, результаты исследований представлялись в форме многочисленных докладов на научных конференциях [Avanzini, 2002; 2008; Pavan, 2017; Pavan, Degli Espositi, 2016; Along the aroma, 2011]. За более чем 20 лет исследований удалось достаточно детально восстановить историю древнего города, в общих чертах понять его планировку (*илл. 2, 3*), выявить характерные черты материальной культуры его обитателей. Проводящиеся реставрационные работы, музеефикация памятника позволили создать первоклассный туристский объект, один из лучших в Омане в настоящий момент – во многом благодаря нашим усилиям Самхарам и лагуна Хор Рори включены теперь в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Подведем некоторые итоги исследований. В первую очередь удалось установить, что Самхарам – это не просто изолированный населенный пункт, крепость в «стране Сакалан», но центр крупного земледельческого оазиса, включавшего, помимо хорошо укрепленной крепости, храм за пределами городских стен, т. н. храм *extra muros*, пещерный некрополь, сельскохозяйственную округу с остатками небольших хозяйственных построек и простейших

---

[2] С 2000 г. общее руководство раскопками на городище осуществляет А. В. Седов, работающий в составе Итальянской миссии в Омане.

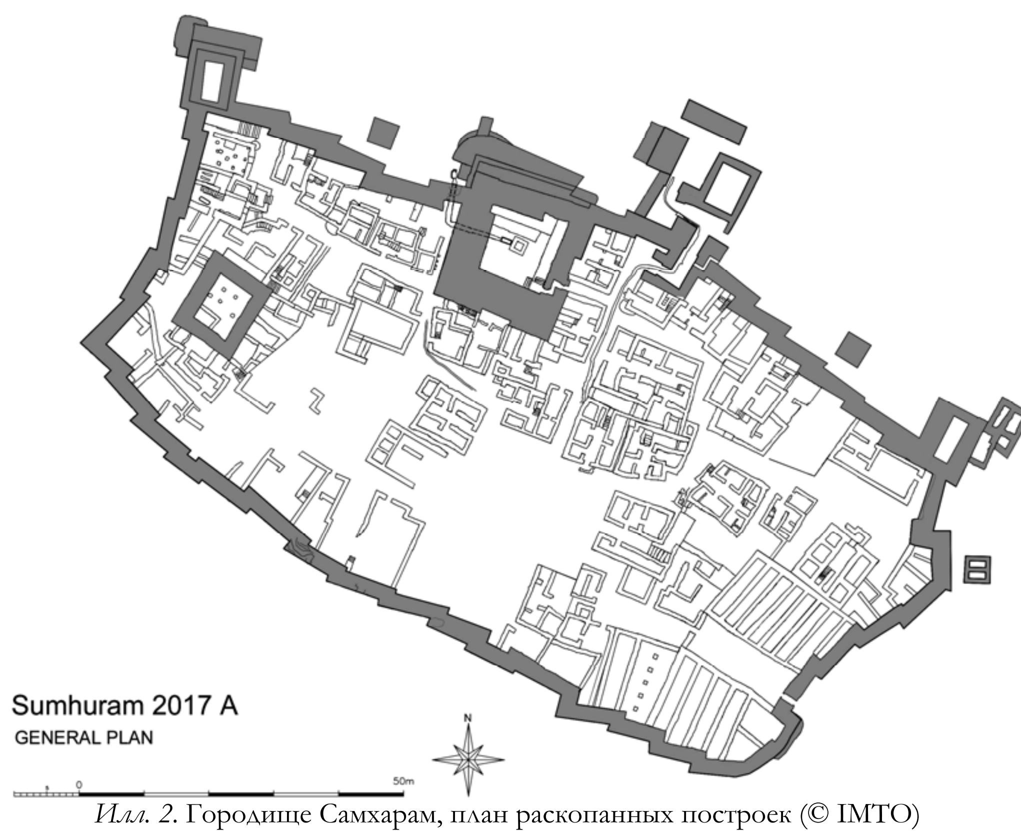
ирригационных сооружений. Палинологические исследования позволили установить, что здесь культивировались зерновые культуры (“*Triticum* group” и “*Hordeum* group”), произрастали финиковые пальмы (*Phoenix* cf. *dactylifera*). Археозоологические исследования предоставили сведения о составе древнего стада – это преимущественно мелкий рогатый скот, козы и овцы, но разводили здесь и коров. Охота на диких животных, таких как газели, практиковалась в очень ограниченных масштабах и их мясо не имело серьезного значения в диете древних жителей, так же как и домашняя птица. Сюрпризом оказалось присутствие среди археозоологического материала костей свиньи, причем их количество может свидетельствовать о том, что эти животные разводились на месте, а не были привезены, например, моряками в качестве солонины, запасаемой в качестве провизии. Присутствуют и вьючные животные, верблюды и ослы, обнаружены кости собаки. Исключительно большое место в рационе занимала, естественно, рыба (причем как ее прибрежные, так и глубоководные виды, что свидетельствует о хорошо развитой технике рыболовства), моллюски – устрицы и мидии, а также кальмары, каракатицы, морские черепахи, дельфины и, что достаточно удивительно, киты.

Обнаруженные при раскопках остатки ремесленных мастерских свидетельствуют о том, что в древнем Самхараме были развиты литье и обработка бронзы (включая изготовление бронзовых посвятительных табличек в храмы), кузнечное дело, косторезное ремесло, изготовление различных украшений и поделок из раковин морских моллюсков (*илл. 4*). Удалось нам обнаружить и остатки гончарного производства – топочную часть печи для обжига керамических сосудов. Правда, собственное керамическое производство, судя по всему, вряд ли покрывало потребности древних обитателей Самхарама. Исходя из анализа керамического материала, не менее 80% сосудов, причем включая все их категории – столовую, кухонную и тарную керамику, относятся к импортным, т. е. привозным изделиям. Они поставлялись как из глубинных районов Южной Аравии, в первую очередь, видимо, из материкового Хадрамаута, так и из Индии, региона Персидского залива, Ирана, южной части Месопотамии и, конечно, из Средиземноморья, причем не только из его восточной части, но и из более отдаленных регионов, таких, как Италия и Сицилия.

Анализ фортификационной системы древнего города, жилых и общественных зданий позволяет прийти к выводу, что его жители были искусными строителями. Для города был выбран естественный холм, доминирующий над местностью, и городская стена была сооружена по краю этого холма, следуя его конфигурации. Вероятно, поверхность холма в определенных местах была снивелирована и выровнена подсыпкой из глины и щебня, получавшегося при обработке каменных блоков, из которых строились стены. Зигзагообразные городские стены опирались на скальное основание и достигали высоты, вероятно, 3–4 м на юге и не менее 6–7 м на севере (*илл. 5*). Северо-восточная стена была, кроме того, укреплена двумя угловыми и двумя выносными монолитными башнями. Еще одна выносная башня была устроена у юго-восточной стены. Ширина городской стены составляет 2,5–3,0 м. Она сооружена в т. н. “sandwich technique”, когда ее внутренняя и внешняя стороны сложены из обработанных каменных блоков без связующего раствора, а пространство между ними заполнено мелкими камнями, щебнем и глиной.

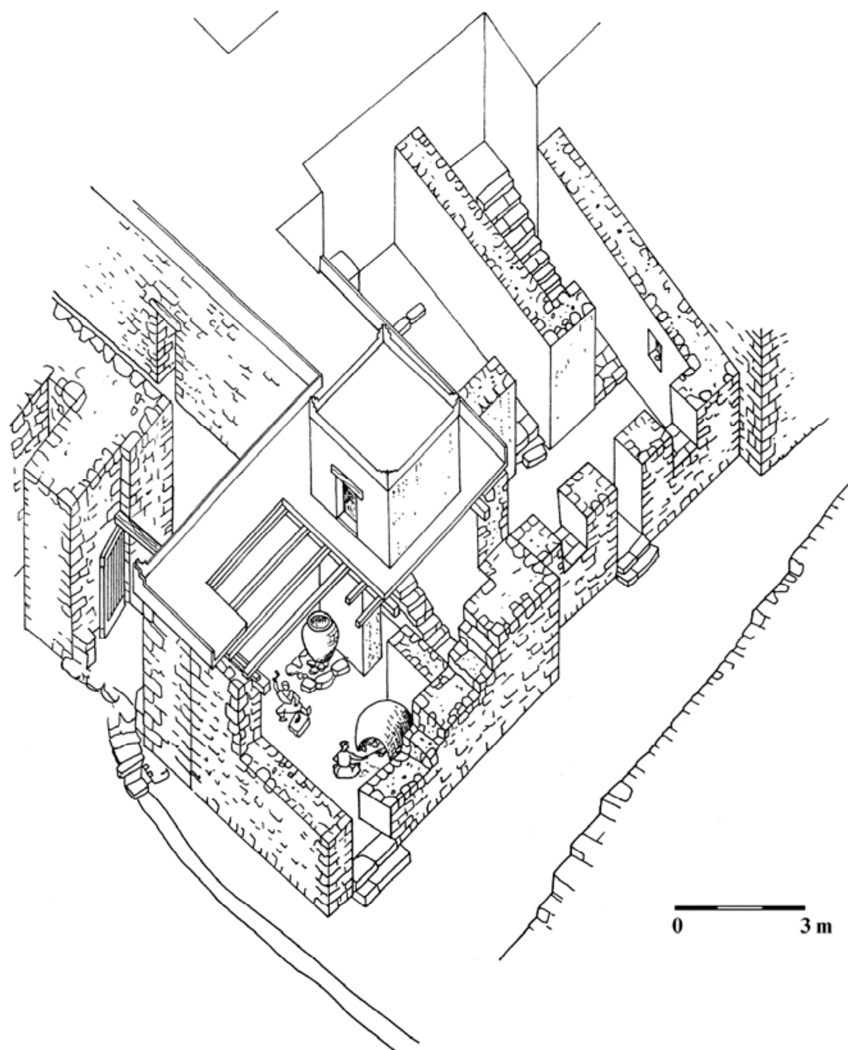
Сильно укрепленными являлись городские ворота, устроенные в северо-восточной стене и фланкированные двумя боковыми и выносной башнями, причем было выявлено, что с течением времени привратный комплекс подвергся существенной перестройке и значительно усложнился за счет дополнительных башен и защитных стен. В целом, сложная фортификационная система Самхарама не находит прямых аналогий в архитектуре Южной Аравии[3] и свидетельствует о том, что жители города находились во враждебном окружении и нуждались в постоянной защите.

[3] Ср. отдельные элементы этой системы: зигзагообразные стены городища ал-Асахил в вади Рагван и городища Джитфир ибн Мунайхир, выносную башню (?) перед городскими воротами Хину аз-Зурейр [Breton, 1994, p. 15, 55, 83].



Илл. 2. Городище Самхарам, план раскопанных построек (© IMTO)

Илл. 3. Городище Самхарам, вид с высоты птичьего полета (© IMTO)



Илл. 4. Городище Самхарам, центральная часть.
Реконструкция кузнечной мастерской у городских ворот (© IMTO)

Илл. 5. Городище Самхарам, участок северной городской стены с монолитной выносной башней (*фото автора*)

Общая длина городской стены составляет около 515 м, а внутренняя площадь города – около 7000 кв. м. По южноаравийским меркам это не очень большой город, население которого в период расцвета вряд ли составляло более 300–500 человек.

Внутренняя планировка города производит впечатление сделанной одномоментно и по единому плану. Выделяются кварталы или жилищные блоки с разными функциями: лавки, мастерские ремесленников, жилые дома. Городские постройки разделены достаточно широкими улицами и обширными площадями (*илл. 6*). Наиболее монументальное здание располагалось в центре его северо-восточной стены. Стены этого сооружения имели ширину от 4,0 до 6,0 м, а в его центре располагался колодец. Вероятно, наличие внутри городских стен надежно защищенного источника пресной воды было жизненно необходимым для жителей города[4]. Один из комплексов, состоявший из трех связанных друг с другом зданий, можно определить как резиденцию правителя города: в 2013 г. в руинах одного из зданий была найдена бронзовая табличка с надписью, упоминающей «вице-короля» области Сакалан. Жилые дома были многоэтажные – практически в каждом из них сохранились остатки лестниц, ведших на второй этаж. Существовали также лестницы, позволявшие подниматься с улиц на городскую стену. Вдоль многих улиц были устроены дренажные каналы, выводившие дождевую воду за пределы городских стен.

Илл. 6. Городище Самхарам, северо-восточная часть.
Руины жилых зданий, разделенных улицами и площадями (© IMTO)

В юго-восточном углу города располагался т. н. «складской комплекс»: комплекс построек, объединенных вокруг небольшой прямоугольной площади. Здесь были сооружены вторые, так называемые «малые» ворота (*илл. 7*), использовавшиеся, видимо, исключительно

[4] Первоначально раскопанное сооружение было интерпретировано как руины храма [Albright, 1953], позднее – как дворец [Costa, 1997, p. 436]. Отметим, что обе интерпретации вряд ли соответствуют действительности.

для обслуживания этого складского комплекса, т. е. для вноса и выноса из города его основного экспортного продукта – ладана. Сами складские помещения представляли собой длинные узкие глухие коридоры с хорошо оштукатуренными стенами и полами. Не совсем понятно, как люди попадали внутрь этих помещений. Один из возможных вариантов – через крышу, где могли быть устроены лазы с деревянными лестницами. Складской комплекс был изолирован от остальных частей города: на площадь перед «малыми» воротами из городских кварталов можно было попасть только через узкий проход с высоким порогом, а доступ на крышу складского комплекса, где, по нашему предположению, располагались лазы в складские помещения, осуществлялся через постройки, примыкавшие к его углам.

Илл. 7. Городище Самхарам, восточная часть.
Площадь перед «малыми» воротами в «складском комплексе» (*фото автора*)

В западной части города был раскопан храм, посвященный верховному хадрамаутскому богу Сайину, его столичной ипостаси, почитавшейся также в столице Хадрамаута Шабве. Перед храмом находилась обширная площадь, на которой, вероятно, собирались местные жители во время религиозных церемоний. Еще одно святилище, относительно небольшое по размерам, было найдено неподалеку от монументального здания с колодцем (расположенные здесь постройки можно предположительно определить как ремесленно-торговый квартал).

Раскопки выявили три основных периода, характеризующиеся определенными изменениями в общей планировке города. Получена представительная серия радиоуглеродных дат, которые, наряду с аналогиями имеющемуся нумизматическому и археологическому материалу, в первую очередь импортной керамике, позволяют прийти к заключению, что город как единое целое, с мощной фортификационной системой и округой сформировался, вероятно, в конце II – начале I в. до н. э. Можно предположить также, что до сооружения оборонительных стен на этом месте первоначально существовало, вероятно, еще неукрепленное, поселение, возникшее, возможно, на столетие раньше. К этому первоначальному поселению следует отнести монументальную постройку с толстыми стенами (т. н. «Монументальное здание 2») и остатки зданий, руины которых были открыты

на материке к югу от него (предварительно обозначенные как «ранний храм») (*илл. 8*). Остатки стен каких-то «ранних» построек, также сооруженных, вероятно, еще до строительства оборонительных стен, обнаружены на материке и в центральной части городища. За пределами городских стен зафиксированы остатки ограды из необработанного камня, которая также возможно относится к первоначальному поселению.

Илл. 8. Городище Самхарам, северо-западная часть.
Руины «Монументального здания 2» и «ранних» построек (© IMTO)

Строительство укреплений города и первых зданий внутри него, включая «складской комплекс», возможно, следует связывать с именем Йашхурила Йухариша, *мукарриба* Хадрамаута, известного по нескольким надписям из Йемена и по серии монет, вероятно, с его именем[5]. В Самхараме также была найдена строительная надпись с именем этого правителя, а в храме *intra muros* – бронзовая чаша с посвящением Сайину зу-Илиму от его имени. Вероятно, к этому же времени относится и возведение храма за пределами городских стен, т. е. храма *extra muros*, начало функционирования пещерного некрополя, освоение сельскохозяйственной округи. Итак, по крайней мере в I в. до н.э. Самхарам уже функционирует как сильно укрепленное поселение со складским комплексом, жилыми домами и святилищем внутри городских стен, храмом, пещерным некрополем, полями с простейшими ирригационными сооружениями и небольшими постройками за пределами этих стен.

Следующий период знаменуется существенной перепланировкой городских кварталов, когда на месте разрушенных и заброшенных домов возникают обширные городские площади, а другие здания либо существенно перестраиваются, либо на их руинах возводятся постройки совсем иного характера (как, например, храм *intra muros*). Укрепляются

[5] О нем см.: [Robin, 1994; Avanzini, 2016, p. 203–206].

городские ворота, главный вход в город приобретает характер лабиринта, возводятся выносные башни и укрепляются участки городских стен. Прекращает свое существование храм за пределами городских стен (возможно, он был заброшен из-за существенного подъема воды в вади Дарбат, когда попытки оградить его от разрушительных селевых потоков оказались безуспешными), забрасываются постройки в сельскохозяйственной округе, но пещерный некрополь продолжает функционировать. Археологически следов разрушения построек первого периода выявить не удалось, но весьма соблазнительно видеть в этом переустройстве последствия, например, катабано-хадрамаутских войн конца I в. до н. э. – начала I в. н. э., когда была опустошена значительная часть Внутреннего Хадрамаута[6].

Из строительных надписей, обнаруженных в Самхараме, известно, что Илиаз Йалут, царь Хадрамаута, послал группу колонистов из Шабвы для строительства (или восстановления?) города Самхарам. Практически общепризнано, что этого хадрамаутского царя следует отождествлять с Элеазом, правителем ладаноносной страны, упоминаемым в «Перипле Эритрейского моря» [Avanzini, 2002]. Если это так, то время его правления должно приходиться на середину – 70-е гг. I в. н. э., что хорошо совпадает с нашей датировкой начала второго периода Самхарама, ознаменованного обширной строительной деятельностью.

Следующий, третий период в истории Самхарама, фиксирующийся по значительно менее активной строительной деятельности в городе, связанной в основном с ремонтами, обновлениями, частичными перестройками жилых и общественных зданий и минимальным новым строительством, относится уже к середине III в. н. э., и его следует связывать с химйаритским завоеванием Хадрамаута и его владений в Дофаре. Этот период достаточно четко выделяется по наличию в соотносимых с ним слоях появившихся серий химйаритских монет, отсутствующих в слоях предыдущих.

Постепенное угасание Самхарама происходит в конце IV – начале V вв. н. э. и достаточно хорошо археологически фиксируется следами «позднего» обживания некогда величественных построек города. Это угасание происходит, вероятно, в результате эфиопского завоевания Южной Аравии и особенно прибрежной части Хадрамаута, когда полностью меняются международные торговые пути, в первую очередь, морские, и торговля стран Средиземноморья с Индией практически прекращается.

Интересен вопрос о взаимодействии жителей Самхарама, который являлся, по-существу, хадрамаутской колонией или торговой факторий на территории Дофара, с местным, автохтонным населением. Памятники, характеризующиеся совершенно иной материальной культурой, на территории Дофара изучены в основном американской археологической экспедицией под руководством Юриса Заринса. Так, неподалеку от Самхарама, на окраинах современного города Така, американскими коллегами было обнаружено и предварительно исследовано обширное поселение TA92:60, так называемое "Taqa village". Здесь были раскопаны основания жилищ округлой формы, объединенные в своеобразные жилые кластеры. Помимо изделий из кремня, при исследованиях получен керамический материал, к сожалению очень немногочисленный, но все же дающий определенное представление о местной, дофарской керамической традиции. Датировка поселения, по Заринсу, восходит к бронзовому веку, но существовало оно, судя по имеющимся радиоуглеродным датам, и в «железном веке» по терминологии американских археологов, или в I тысячелетии до н. э., а возможно и позже, что частично пересекается с периодом существования Самхарама [Zarins, 2001, p. 72–75]. Интересно отметить, что при многолетних раскопках Самхарама и при довольно обильном керамическом материале удалось идентифицировать как местные – дофарские керамические изделия – лишь единичные фрагменты керамических сосудов, происходящие в основном из нижних слоев

---

[6] Именно это было, вероятно, причиной гибели крупного земледельческого оазиса Райбун в вади Дауан, где многолетние раскопки проводила Советско-Йеменская комплексная экспедиция Института востоковедения [Седов, 2005, с. 175–188].

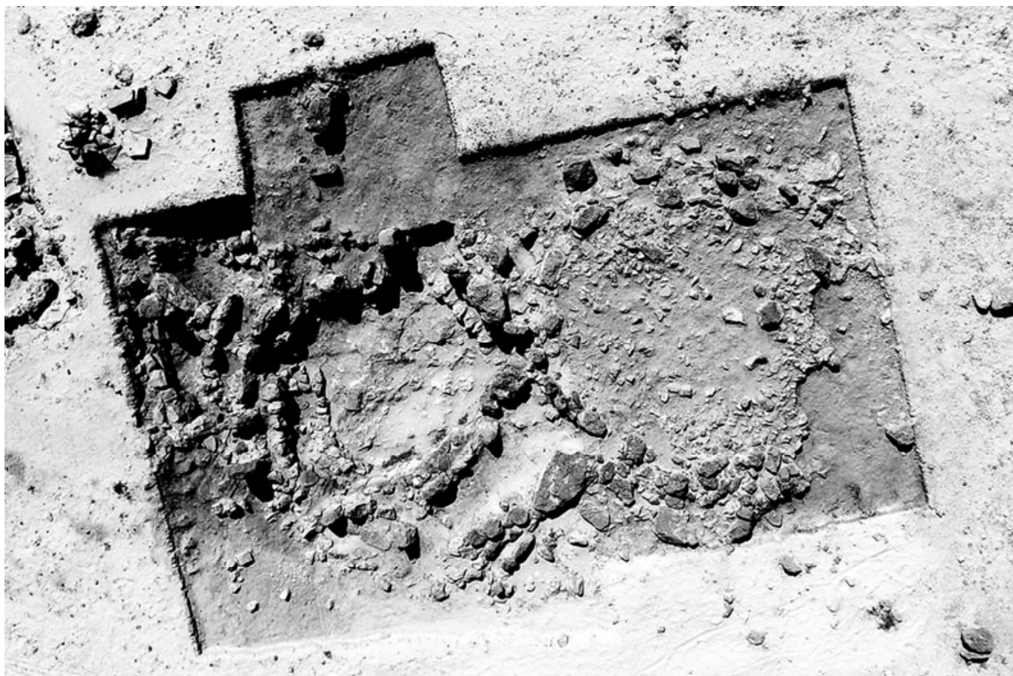
городища, что как будто бы свидетельствует о практическом отсутствии связей между хадрамаутскими поселенцами и местными жителями. Однако само наличие развитых фортификационных сооружений древнего города говорит о том, что его жители находились, видимо, в довольно враждебном окружении.

Илл. 9. Хамр ал-Шаркийа, вид с высоты птичьего полета (© IMTO)

В последние сезоны Итальянская миссия в Омане уделила большое внимание исследованию памятников, одновременных Самхараму, но оставленных местными жителями. Объектом наших исследований стал останец ал-Хамр ал-Шаркийа, ограничивающий бухту Хор Рори с запада (*илл. 9*). У его подножия были обнаружены и исследованы т. н. раковинные кучи – остатки стоянок рыболовов и собирателей моллюсков, которые датируются временем около рубежа эр, что синхронно Самхараму [Gremaschi, Negrino, 2002, p. 338–339; Gremaschi, Perego, 2008]. Но более интересные результаты удалось получить при обследовании верхней площадки упомянутого останца. Его северо-западный угол занимает средневековое, надежно укрепленное поселение [Rougeulle, 2008]. Мощная оборонительная стена с хорошо сохранившимися воротами защищала останец с севера, т. е. со стороны суши. Рядом же со средневековым поселением находилось и предварительно обследовано обширное поселение, типологически, судя по остаткам жилищ, практически совпадающее с поселение TA92:60 или "Taqa village". Здесь также обнаружены овальные в плане основания жилища, объединенные в кластеры (*илл. 10*). В руинах этих жилищ найдены материалы, абсолютно синхронные Самхараму, в первую очередь – фрагменты средиземноморских

амфор. Можно предположить, что в этих постройках обитало то самое местное население, в гуще которого и находилась хадрамаутская колония Самхарам. О взаимоотношениях колонистов и местного населения можно строить догадки, однако вероятно допущение, что они не всегда были только враждебными.

И наконец, напоследок – материальное свидетельство морской торговли между странами Средиземноморья и Южной Аравии – обломок каменного якоря, вмонтированный в стену храма в Самхараме (*илл. 11*). Именно такими якорями пользовались средиземноморские моряки в первые века н. э.



Илл. 10. Хамр ал-Шаркийа, поселение. Основания жилищ (© IMTO)

Илл. 11. Городище Самхарам, каменный якорь в кладке стены (*фото автора*)

Литература / References

Бухарин М. Д. *Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря». Текст, перевод, комментарий, исследования.* СПб., 2007 [Bukharin M. D. *Neizvestnogo avtora "Peripl Eritrejskogo morya". Tekst, perevod, kommentarij, issledovaniya.* Saint-Petersburg, 2007].

Седов А. В. *Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики.* М., 2005 [Sedov A. V. *Drevnij Hadramaut. Ocherki arheologii i numizmatiki.* Moscow, 2005].

Albright F. P. The Himyaritic temple at Khor Rori (Dhofar, Oman) // *Orientalia.* 1953. New ser. 22. Pp. 284–287.

Albright F. P. *The American archaeological expedition in Dhofar, Oman, 1952–1953. Publication of AFSM.* Vol. VI. Washington, 1982.

Along the aroma and spice routes. The harbor of Sumhuram, its territory and the trade between the Mediterranean, Arabia and India. Pisa, 2011.

Avanzini A. The construction inscriptions on the Gate Complex // Avanzini A. (ed.). *Khor Rori Report 1.* Pisa, 2002. Pp. 125–140.

Avanzini A. (ed.). *Khor Rori Report 2. A port in Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd c. BC – 5th c. AD).* Roma, 2008.

Avanzini A. *By land and by sea. A history of South Arabia before Islam recounted from inscriptions.* Roma, 2016

Beeston A. F. L. The Settlement at Khor Rori // *Journal of Oman Studies.* 1976. 2. Pp. 39–42.

Bent J. T., Bent M. *Southern Arabia.* London, 1900.

Breton J.-F. *Les fortifications d'Arabie méridionale du 7e au 1er siècle avant notre ère.* Mainz am Rhein, 1994.

Casson L. (ed.). *The Periplus Maris Erythraei. Text with introduction, translation and commentary.* Princeton, 1989.

Cleveland R. L. The 1960 American Archaeological Expedition to Dhofar // *Bulletin of the American Society of Oriental Studies.* 1960. 159. Pp. 4–26.

Costa P. Il ruolo dell'Arabia nel commercio delle spezie e dell'incenso: da Elio Gallo a Vasco da Gama // *Profumi d'Arabia. Atti del convegno. A cura di A. Avanzini.* Roma, 1997. Pp. 431–448.

Gremaschi M., Negrino F. The frankincense road of Sumhuram: paleoenvironmental and prehistorical background // Avanzini A. (ed.). *Khor Rori Report 1.* Pisa, 2002. Pp. 325–364.

Gremaschi M., Perego A. Patterns of land use and settlements in the surroundings of Sumhuram. An intensive geo-archaeological survey at Khor Rori: report of field season February 2006 // Avanzini A. (ed.). *Khor Rori Report 2. A port in Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd c. BC – 5th c. AD).* Roma, 2008. Pp. 563–607.

Pavan A. *Khor Rori Report 3. A cosmopolitan city on the Arabian coast. The imported and local pottery from Khor Rori.* Roma, 2017.

Pavan A., Degli Esposìti M. *The urban shrine in Quater A at Sumhuram. Stratigraphy, Architecture, Material Culture. Quaderni di Arabia Antica 4.* Roma, 2016.

Pirenne J. The incense port at Moscha (Khor Rori) in Dhofar // *Journal of Oman Studies.* 1975. 1. Pp. 81–96.

Robin Chr. Yashhur'il Yuhar'ish, fils de Abiyasa, mukarrib du Hadramawt // *Raydan.* 1994. 6. Pp. 101–111.

Rougeulle A. A medieval trade entrepôt at Khor Rori? The study of the Islamic ceramics from Hamr al-Sharqiya // Avanzini A. (ed.). *Khor Rori Report 2. A port in Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd c. BC – 5th c. AD).* Roma, 2008. Pp. 645–667.

Zarins Ju. *The Land of Incense. Archaeological Work in the Governorate of Dhofar, Sultanate of Oman. 1990–1995. The Project of the National Committee for the supervision of Archaeological survey in the Sultanate Ministry of Information.* Sultanat of Oman, 2001.

ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН В КРЫМУ

В. В. Лебединский, Ю. А. Пронина*

Подводно-археологическая экспедиция Института востоковедения РАН проводит исследования в акватории города Севастополя почти двадцать лет. За это время были получены важные научные результаты: обнаружены места кораблекрушений античного и средневекового периодов, проведено изучение абразии береговой линии древнего Херсонеса и его хоры, реконструирована древняя береговая линия. Ныне работы экспедиции проводятся по нескольким направлениям, наиболее перспективное из которых заключается в обследовании акватории Севастополя с применением гидролокатора бокового обзора (ГБО) и телеуправляемых необитаемых подводных аппаратов (ТНПА).

Ключевые слова: подводная археология, Крым, Гераклейский полуостров, Севастополь, абразия береговой линии, кораблекрушение.

THE UNDERWATER ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS IN CRIMEA

Victor V. Lebedinski, Julia A. Pronina

The underwater archaeological expedition of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences has been conducting investigation in the water area of Sevastopol for almost twenty years. During this time, important scientific results were obtained: the places of shipwrecks of the ancient and medieval periods were found, the abrasion of the coastal line of the ancient Chersonese and its *chora* was studied, and the ancient coast line was reconstructed. Today, the work of the expedition is carried out in several directions, the most promising of which is the survey of the water area of Sevastopol with the use of side-scan sonar and remote-controlled unmanned underwater vehicles.

Keywords: underwater archeology, Crimea, Heraclean peninsula, Sevastopol, shoreline abrasion, shipwreck.

Целью создания подводно-археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Крыму стало проведение подводно-археологических исследований в акватории Гераклейского полуострова. В 1999–2000 гг. сотрудники ИВ РАН предприняли работы в архивах и музейных фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» с целью обработки и систематизации хранящихся там материалов. Были изучены и проанализированы материалы, относящиеся к подводно-археологическим объектам, хранящиеся в архиве и фондах Заповедника, обработана и проанализирована информация об имевших место в прошлом исследованиях и их результатах. В 2001–2005 гг. были проведены результативные подводно-археологические исследования в акватории административной территории города Севастополя. В 2006–2013 гг. в связи со сложной политической ситуацией во взаимоотношениях России и Украины проводились исследования, не требующие получения специальных разрешений, как например: изучение

* Виктор Викторович ЛЕБЕДИНСКИЙ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; v_lebedinski@mail.ru

Victor V. LEBEDINSKI, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; v_lebedinski@mail.ru

Юлия Александровна ПРОНИНА, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; julia_pronina@mail.ru

Julia A. PRONINA, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; julia_pronina@mail.ru

абразии береговой линии Херсонесского городища и хоры, реконструкция древней береговой линии Херсонеса и хоры, разведка с использованием гидролокатора бокового обзора (ГБО) морского дна в акватории административной территории города Севастополя и др. В 2014 г., после воссоединения Крыма и России, подводно-археологическая экспедиция Института востоковедения РАН продолжила исследования в акватории Крымского федерального округа и города федерального значения Севастополь. С 2014 г. по настоящее время работы ведутся совместно с Севастопольским государственным университетом, Государственным историко-археологическим музеем-заповедником «Херсонес Таврический», Военно-историческим музеем фортификационных сооружений МО РФ, Севастопольским городским отделением РГО. Руководитель экспедиции – В. В. Лебединский.

Работы подводно-археологической экспедиции Института востоковедения РАН проводятся по четырем основным направлениям.

Подводно-археологическая разведка акватории Гераклейского полуострова в районе Херсонеса и его хоры

Одним из крупнейших древних поселений в Северном Причерноморье является Херсонес Таврический – средневековый Херсон, располагавшийся на территории современного Севастополя. Его история тесно переплетена с историей Древней Греции, Рима, Византии и множества племен, населявших Крым в различные исторические периоды. Подводно-археологические исследования в прибрежной зоне Херсонесского городища и его хоры позволили проследить события, происходившие на протяжении почти двухтысячелетней истории существования города: торговые контакты херсонеситов, традиционные занятия населения города и военно-политические изменения.

В ходе подводно-археологической разведки акватории Гераклейского полуострова (2001–2005 гг.) в районе древнего Херсонеса и его хоры был обнаружен ряд подводно-археологических объектов, относящихся к различным периодам истории и датирующихся по собранному материалу II–XVIII вв. н.э. Наиболее важными среди них представляются места кораблекрушений античности и средневековья. В ходе проведенных разведок были обнаружены скопления керамического материала, которые могут указывать на наличие мест кораблекрушения Византийского периода (X в. н.э.) у Западного мыса бухты Круглая (Омега), на траверзе Херсонесского городища, на траверзе поселка Учкуевка; а также близ мыса Тюбек VI–VII вв. н.э.; и наиболее раннее среди них – кораблекрушение в Качинском заливе, близ устья реки Кача, датирующееся II–III вв. н.э. [Лебединский, 2001, с. 8–12; 2002, с. 6–7; 2003, с. 5–6]. На обнаруженные объекты осуществлялись спуски подводников и для датировки были подняты фрагменты амфор и бытовой керамики, части корабельных конструкций с гвоздями (римского судна, датирующегося II–III вв. н.э.), кости домашних животных, два железных якоря.

О высоком уровне развития мореплавания на протяжении всей истории Херсонеса мы можем судить по находкам на месте якорной стоянки его внутреннего и внешнего рейда. Здесь корабли, пришедшие в Херсонес, ожидали своей очереди зайти в сравнительно небольшую гавань города. В ходе исследований были обнаружены якоря и фрагменты керамики, относящиеся к различным эпохам существования города. Свидетельством наличия в Херсонесе достаточно значительного флота малых судов и лодок, использовавшихся жителями для хозяйственных, бытовых перевозок и рыболовства, служат находки разнообразных небольших якорей и якорных камней. Эти находки представлены различными по виду и материалу объектами: от небольших примитивных якорных камней и свинцовых брусков – элементов якорей античности – до железных, также небольших, якорей средневекового периода и Нового времени, повторяющих форму своих крупных собратьев. В ходе работ у мыса Херсонес, в бухтах Казачья, Стрелецкая и Карантинная были обнаружены и подняты на поверхность для изучения и дальнейшей музеефикации несколько

якорных штоков (свинцово-деревянных и каменных якорей), датированных IV в. до н.э. – I в. н.э., а также три железных якоря VII–X вв. н.э.

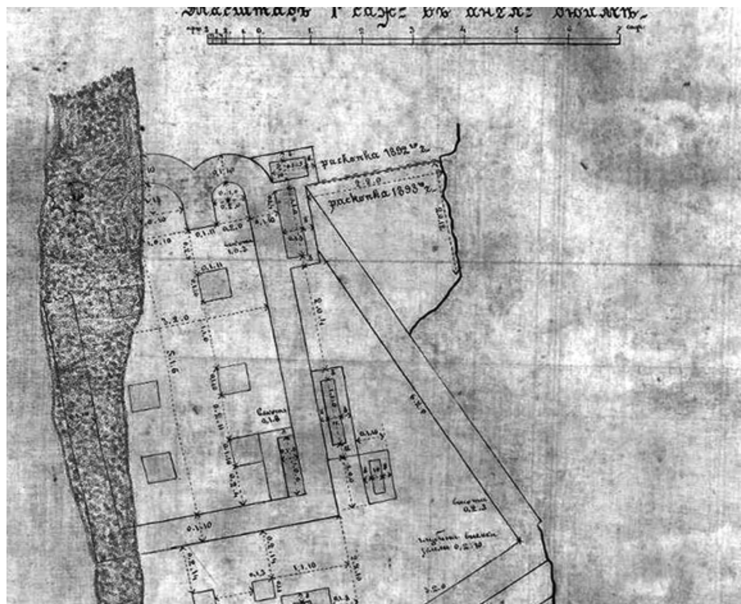
С целью выяснения конструктивных и функциональных особенностей, а также популяризации научных знаний, привлечения внимания к памятникам истории и культуры участниками экспедиции была сделана реконструкция двух якорей античного периода. Их прототипом послужили фрагменты свинцово-деревянного якоря, обнаруженного экспедицией [Лебединский, 2002, с. 6], а также хорошо сохранившийся якорь подобного типа, найденный на озере Неми и датированный I в. н.э. [Technau, 1930, S. 351]. Такие якоря могли использоваться на кораблях-гигантах древности, таких как, например, корабль «Сиракузия», построенном в III в. до н.э. тираном Сиракуз Гиероном II (Мемнон «О Гераклее», XIII, 2–3) [Мемнон, 1954, с. 283–316], или на октере, названной «Леонтофора» (Афиней «Пир софистов», V, 40–44) [Отрывки, 1961, с. 449–472]. Октера «Леонтофора» состояла на вооружении в Гераклее Понтийской в III в. до н.э. и считалась в то время одной из самых больших на Черном море. На подобном судне могло находиться до восьми якорей, которые, несомненно, должны были быть довольно внушительных размеров. В ходе реконструкции было изготовлено две модели якорей – большая, приближенная к возможным реальным размерам (4 м высотой и около полутоны весом), и поменьше, с длиной веретена – 2 м (*илл. 1*). Затем были предприняты их натурные испытания, которые позволили прояснить некоторые их конструктивные особенности. Так, испытания показали, что свинцовая рамка, расположенная в месте крепления рогов к веретену, несомненно, являлась главным образом дополнительным грузом, прижимающим рога якоря к грунту (при ее отсутствии деревянные рога якоря имеют положительную плавучесть и не заглубляются в грунт). Реконструированные якоря, так же, как и все собранные в ходе исследований артефакты, были переданы в фонды государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Илл. 1. Реконструкция свинцово-деревянного якоря Римского периода (длина веретена 2 м) (*фото Ю. А. Прониной*)

Илл. 2. Абразия береговой линии. Обрушение первой башни первой куртины Херсонеса (*фото В. В. Лебединского*)

Изучение абразии береговой линии Херсонесского городища и его хоры

Херсонес расположен на выдающемся в море мысе. Почти 70% периметра древнего города приходится именно на морской берег. С момента основания города и до настоящего времени берег Херсонеса подвергается абразии, в результате которой часть древнего города за его более чем двухтысячелетнюю историю была разрушена (*илл. 2, 4–5*). С целью определения размера утраченной части берега было проведено изучение его абразии на основе данных картографии и современных измерений. До настоящего времени в архиве Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» сохранились карты, схемы и планы исследованных участков городища, относящиеся к концу XIX – первой половине XX вв. н.э., несколько десятков единиц хранения. Это планы, составленные военным инженером Мартином Ивановичем Скубетовым, архитектором Херсонесского музея Николаем Янышевым, археологом Александром Щегловым и др. Из числа имеющихся в архиве Заповедника планов и схем были выбраны те, на которых зафиксирована береговая линия, соответствующая времени составления плана данного участка, а также те планы, на которых зафиксированы архитектурные фрагменты, ныне утраченные в результате абразии береговой линии. Всего было отобрано 25 планов и схем. Далее были определены реперные точки, максимально охватывающие береговую полосу херсонесского городища. Реперами служили имеющиеся на отобранных планах архитектурные сооружения и их детали, расположенные вдоль северного и восточного берега херсонесского городища.



Илл. 3. Шестистолпный храм XI в. План конца XIX в. [Архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», чертеж № 341]

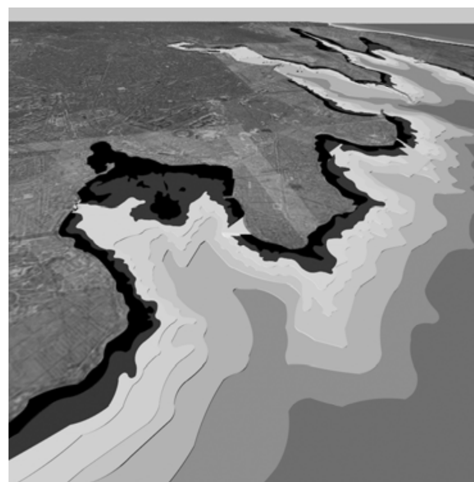
Такими реперами послужили:

- 1 башня, 1 куртина оборонительных сооружений Херсонеса (*илл. 2*). Башня была сооружена в IX–X вв. н.э. [Архив НЗХТ, чертежи № 4534/3 и № 4535];
- Базилика 32 года, названная по году открытия (1932 г.), датируемая VI в. н.э. [Архив НЗХТ, чертеж № 375];
- Базилика 35 года, также названная по году открытия (1935 г., найдена Г. Д. Беловым) и датированная VI в. н.э. [Архив НЗХТ, чертеж № 426];
- Северная базилика, находящаяся на северном берегу городища, открытая в 1878 г. и доследованная в 1893 г.; она представляет собой раннесредневековый храм, существовавший с VI до XI вв. н.э. [Архив НЗХТ, чертежи № 335 и № 3114/1];
- Шестистолпный храм, названный по количеству столбов, которые несли на себе купол, храм датируется XI в. н.э. [Архив НЗХТ, чертежи № 335 и № 341] (*илл. 3*);
- Уваровская базилика, открытая в 1851–1853 гг. в ходе раскопок под руководством графа А. С. Уварова; храм был построен в VI–VII вв. н.э. и являлся самым крупным не только в Херсонесе, но и во всем средневековом Крыму [Архив НЗХТ, чертежи № 330 и № 3287];

- архитектурные сооружения между Уваровской и Восточной базиликами, датируемые V–VI вв. н. э. [Архив НЗХТ, чертеж № 354];
- Восточная базилика и крестообразный храм, возведенные в конце V–VII вв. н. э., расположенные на северо-восточной оконечности города; они были открыты в 1876 г. Д. В. Айналовым и доследованы в 1908 г. [Архив НЗХТ, чертежи № 313 и № 309].

После цифровой обработки отобранных планов и чертежей были произведены полевые исследования на местности. Они заключались в привязке планов к сохранившимся архитектурным деталям построек и, самое главное, к замерам с помощью лазерного дальномера, теодолита и рулетки границ современного берега относительно планов, составленных в конце XIX – первой половине XX вв. В результате проведенных расчетов была получена средняя величина абразии северного и восточного берегов херсонесского городища, которая составила примерно 2,3–2,5 м за столетие. Таким образом стало возможно определить местонахождение береговой линии в различные периоды времени. Например, на рубеже нашей эры береговая линия предположительно находилась на 45–50 м мористее современной; в V в. до н. э., т. е. в период, к которому относится основание Херсонеса, береговая линия была в 57–62 м от современной.

Следующим важным этапом исследований стала реконструкция древней береговой линии хоры Херсонеса – северного берега Гераклейского полуострова, где находятся затопленные ныне клеры – древние земледельческие наделы. Для реконструкции использовались современные спутниковые снимки (карты) данного района, на которые были нанесены батиметрические данные акватории северного берега Гераклейского полуострова и Севастопольских бухт. После изучения размежевки Гераклейского полуострова (взята размежевка, составленная Г. М. Николаенко) [Николаенко, 1999, с. 33–77; Николаенко, 2001] были отобраны планы клеров, непосредственно примыкающих к бухтам северной части Гераклейского полуострова. С помощью спутниковых снимков и соответствующего программного обеспечения была осуществлена привязка планов древних прибрежных наделов к спутниковой карте. В результате получена карта, где можно одновременно увидеть древние наделы, современный берег и изобаты глубин примыкающей к нему акватории.



Илл. 4. Реконструкция древней береговой линии Херсонеса и хоры (черным и темно-серым на плане справа отмечена абразия береговой линии) (*рис. А. Башенковой*)

Принимая за отправную точку данные изменения береговой линии, полученные при исследованиях древней Фанагории, – минус 4 м [Блаватский, 1961, с. 277–279], участники экспедиции обследовали глубины по изобатам от 3 до 7 м. На глубине 4,7–5,5 м была выявлена граница окатанных камней, достаточно четко отмечающие древнюю береговую линию. Эта изобата на составленных картах была отмечена как древний берег, относящийся к IV–III вв. до н.э. Затем были реконструированы затопленные ныне части гераклейских клеров и межевых стен. После осмотра морского дна в предполагаемых местах нахождения межевых

стен были отмечены характерные развалы камней, которые, по всей видимости, и являются этими стенами. Их наличие, в свою очередь, подтверждает правильность нашей реконструкции древней береговой линии.

Следующим этапом работы стало создание трехмерной модели рельефа береговой линии Херсонеса и его хоры (архитектор А. Башенкова). На модели реконструированной береговой линии была выделена отдельно затопленная часть города и хоры и отдельно – часть береговой линии Херсонеса, подвергшаяся абразии (*илл. 4*).

Созданная реконструкция в значительной степени уточнила наши данные о затопленных частях Херсонеса и его хоры в античный период. Площади затопленных частей оказались весьма значительными. Например, только в Портовом районе Херсонеса площадь подтопленной части по примерным подсчетам составляет 1,3 га. Что касается хоры Херсонеса, линия древнего берега, характерная размежевка и форма наделов позволили с большой вероятностью реконструировать затопленную ныне прибрежную часть северного берега Гераклейского полуострова.

Полученные в результате проведенной реконструкции данные позволяют сделать выводы о древней береговой линии хоры Херсонеса и об использовании в древности бухт северного берега Гераклейского полуострова. Так, предварительно можно сказать, что, например, Карантинная бухта была очень небольшой, современный ее фарватер – это результат дноуглубительных работ. Как показывают наблюдения, широкая часть бухты, непосредственно примыкающая к городищу, очень опасна. Причина заключается в так называемых «отраженных волнах»: приходя в бухту с западным ветром и отражаясь от ее восточного берега, они накатывают прямо на херсонесский берег, исключая возможность держать в бухте суда, особенно в осенне-зимний период. Следовательно, эта бухта вряд ли могла использоваться как основной порт Херсонеса.

Наиболее близкие к Херсонесу и безопасные для судов бухты по протяженности (глубине, форме и изобатам) – Стрелецкая и, чуть дальше, Камышовая и Казачья бухты. На наших реконструкциях видно, как они выглядели в древности. Вероятно, они и являлись (прежде всего, Стрелецкая) основными гаванями древнего города. В пользу этого говорит также существовавшая с античного периода крупная дорога, проходящая с запада на восток через истоки всех этих бухт [Николаенко, 1999, с. 36–40, рис. 26]. Также для целей долгосрочной стоянки судов могла использоваться и Южная бухта, которая и сегодня является местом укрытия маломерных судов при сильных штормах.

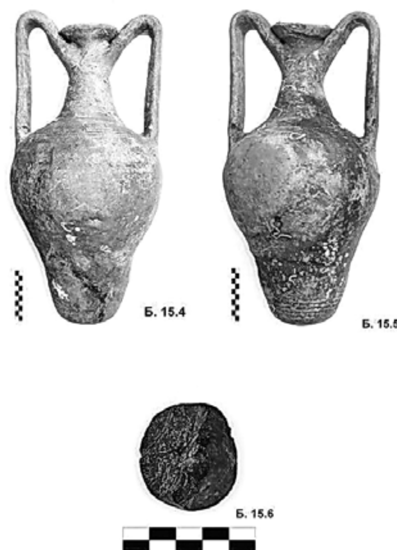
Изучение древней береговой линии вместе с подводно-археологическими исследованиями подтопленной пологой части городища в Карантинной бухте помогают восстановить топографию древнего города, его реальные размеры в определенные периоды истории. Это же касается и хоры Херсонеса. Данные исследования также помогут в реконструкции архитектурной планировки прибрежных кварталов городища, прибрежных клеров и усадеб в целом и отдельных зданий и сооружений в частности. Кроме того, подобные исследования необходимы для сохранения памятников, а именно планирования и создания берегоукрепляющих сооружений.

Исследования византийского кораблекрушения X–XI вв. у Балаклавы

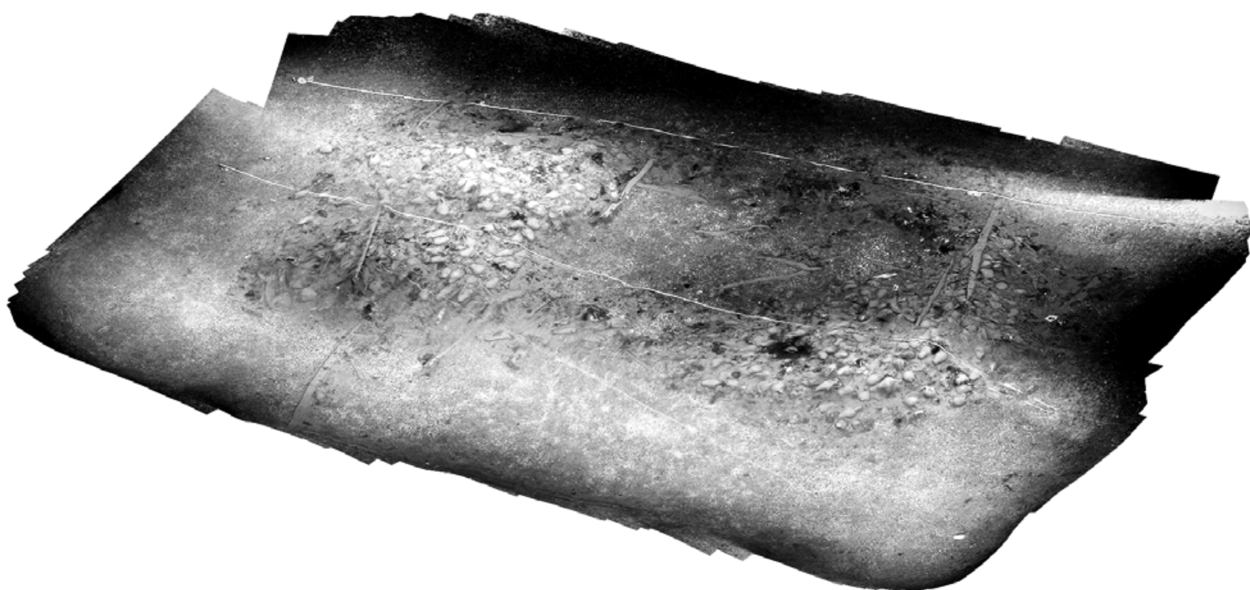
При проведении предварительной подводно-археологической разведки с использованием ГБО в 2015 г. напротив входа в Балаклавскую бухту, в 4,8 км от берега был обнаружен объект, позволивший предположить его искусственное происхождение [Лебединский, 2016, с. 34–35]. Визуальный осмотр подтвердил это предположение: на илистом дне было выявлено скопление амфор и фрагменты деревянных конструкций, что позволило охарактеризовать объект как место кораблекрушения (*илл. 5–7*). Груз судна состоял из амфор, по которым удалось датировать находку. Обнаруженные амфоры имеют грушевидное тулово со сглаженной поверхностью, массивные, уплощенные в сечении ручки, которые крепятся непосредственно под венчиком, что характерно для византийский амфор

типа 2 (по классификации Н. Гюнсенин [Gunsenin, 1990, pl. XXXIII–XXXVI, тип IIa, IIb]) второй половины X–XI вв. Венчик амфор двух вариантов: один в виде отложного воротника, другой воронкообразный. Черепок светло-коричневый с порами от выгоревших органических частиц. На стенках и ручках таких амфор могут быть граффити в виде букв греческого алфавита и знаков. Этот тип амфор был распространен в Средиземноморье и бассейне Черного моря [Hayes, 1992, p. 75, fig.26.4 (тип 60); Антонова и др., 1971, рис. 22 (тип XXI); Якобсон, 1979, с. 109–111; Паршина, 1991, с. 76; Романчук и др., 1995, с. 68–70, табл. 34 (класс 43); Нессель, 2006, с. 97–98].

Илл. 5. Обследование судна X–XI вв. у Балаклавы (*фото А. Световидова*)



Илл. 6. Амфоры и пробка с кораблекрушения судна X–XI вв. у Балаклавы (по: [Лебединский, 2016, с. 34–35])



Илл. 7. 3D-план судна X–XI вв. у Балаклавы (*илл. А. Башенковой*)

Скорее всего, кораблекрушение потерпело торговое судно, шедшее от берегов Малой Азии, вероятно, из района Константинополя, к мысу Сарыч, и далее – к Херсону или средневековым поселениям, расположенным в Западном Крыму. В амфорах, вероятнее всего, перевозилось вино, так как на обнаруженной в одной из них пробке, изготовленной из сосновой коры, имеется отверстие для удаления продуктов брожения.

Останки судна находятся на глубине 83 м, в илисто-песчаном грунте, что обеспечило хорошую сохранность объекта. Размер верхнего, видимого горизонта памятника (амфорного пятна) – 27 х 14 м. В мае и августе 2015 г. были проведены серии спусков технодайверов на объект. В ходе исследований произведена установка реперных точек на месте кораблекрушения, сделана разметка места кораблекрушения, фото- и видеосъемка, проведены замеры останков корабля, составлен общий фотоплан места кораблекрушения, в разных частях судна заложены два квадрата размером 1 х 1 м каждый, проведена маркировка амфор, которые затем были сфотографированы в квадратах; амфоры первого слоя в квадратах были подняты на поверхность. На месте кораблекрушения видны выступающие из грунта части корабельных конструкций хорошей сохранности, что позволяет надеяться, что в илистом грунте уцелели значительные фрагменты корпуса судна. Они представляют огромный интерес, так как помогут в реконструкции формы и отдельных узлов средневековых судов.

В 2015–2016 гг. был составлен фотоплан места кораблекрушения с использованием методики выполнения фотограмметрической фиксации: после проведения разбивки зоны исследования на квадраты была произведена съемка всей площади объекта при помощи камеры Sony Nex-7 (для масштаба использовались лазерные целеуказатели). Затем была создана и 3D-модель данного объекта с помощью программы PhotoScan (*илл. 7*). После многочисленных публикаций в СМИ обнаружение данного редкого и хорошо сохранившегося объекта вызвало значительный интерес у широкой публики. В результате 18 августа 2015 г. место проведения исследований посетил Президент России В. В. Путин, что в свою очередь еще более привлекло внимание к глубоководным археологическим изысканиям в целом и к этому памятнику в частности.

В сезон 2016 г. был предпринят осмотр состояния памятника, обнаруженного и обследованного экспедицией в 2015 г. [Лебединский и др., 2017, с. 8–9, 16–17]. Произведен подсчет количества амфор и их крупных фрагментов, составлявших груз корабля; в верхнем слое их количество составило 250 единиц. На памятнике видны следы вмешательства и хищения целых сосудов, которых в 2015 г. насчитывалось, вместе с крупными фрагментами, 255 единиц. Место византийского кораблекрушения X–XI вв. у Балаклавы нуждается в государственной охране и постановке этой уникальной находки на государственный учет. В 2015 г. был подготовлен и передан в Департамент охраны памятников города Севастополя комплект документов для включения данного объекта в список охраняемых историко-культурных памятников. Однако в силу несовершенства законодательства место обнаружения древнего кораблекрушения пока не включено в список охраняемых памятников истории и культуры.

Гидроакустическая съемка в акватории административной территории города Севастополя

Работы по обследованию акватории административной территории Севастополя с использованием ГБО (гидролокатор бокового обзора) с целью поиска памятников подводного культурного наследия были начаты еще в 2009 г. и показали перспективность данного направления исследований. Для проведения подводно-археологической разведки в полевые сезоны 2015–2017 гг. использовался ГБО серии «Гидра-4» (НПО «Экран»). Этот гидролокатор позволяет осуществлять эффективное сканирование морского дна на глубинах до 100 м с полосой захвата четыре-пять глубин с каждого борта (до 500 м с двух бортов), фиксировать объекты, находящиеся на дне, с разрешающей способностью от 3 см. Частота работы ГБО составляла 300 кГц. Данный комплекс позволял измерять глубину и наблюдать на мониторе подводные объекты и характер дна в двухмерной проекции с привязкой к географическим координатам, производить запись полученного изображения. Также для привязки к карте применялись приемники GPS. С использованием гидролокатора бокового обзора были обследованы значительные участки морского дна (все севастопольские бухты, а также внешний рейд Севастополя до изобаты 80 м, Балаклавская бухта и акватория между

мысами Фиолент и Айя), где удалось обнаружить целый ряд перспективных целей и интересных объектов, которые нуждаются в дальнейшем изучении [Лебединский, 2016, с. 35–36]. Некоторые из них требовали визуального осмотра. Обследование обнаруженных целей и потенциальных объектов проводилось с помощью ТНПА (телеуправляемый необитаемый подводный аппарат) «Марлин-350» с рабочей глубиной 350 м, аппаратом «Моби Дик» с рабочей глубиной до 600 м, визуальным способом подводниками-глубоководниками на аппаратах замкнутого цикла, а также аквалангистами на аппаратах с открытым циклом дыхания. Полученная информация с ГБО будет использована для составления археологической карты района административной территории города Севастополя.

В полевые сезоны 2016 и 2017 гг. с помощью ГБО был обследован участок шельфа в районе внешнего рейда Севастополя и центральная часть Севастопольской бухты. Среди перспективных целей в Севастопольской бухте было обнаружено крупное металлическое судно с клепаным корпусом на глубине 18 м. Возможно, данный объект – остатки лихтера «Бессарабия», шедшего в составе немецкого конвоя «Парсиваль» и погибшего 9 мая 1944 г. [Лебединский, 2015, с. 14]. Также в ходе данных работ свободным поиском предположительных точек места гибели минного заградителя «Прут» на глубине 104 м был обнаружен крупный объект. Корабль лежит на илистом грунте по оси ССЗ–ЮЮВ. Данный объект, вероятнее всего, является именно минным заградителем «Прут», затонувшим в бою с германо-турецким крейсером «Гебен» 29 октября 1914 г. [Лебединский, 2015, с. 15]. При помощи ГБО и ТНПА были получены сонаграммы объекта и его изображение.

Одним из многообещающих районов исследований является акватория северной стороны Севастополя – мыс Константиновский – мыс Лукулл. В результате обследования данного района с ГБО было выявлено более 60 объектов[1]. В месте впадения реки Бельбек, по указаниям местных жителей, сообщивших о наличии в этом районе археологического материала, была проведена визуальная разведка морского дна. В результате были обнаружены и подняты интересные археологические находки: два железных якоря, предположительно относящиеся ко II–III вв. н.э., а также два свинцовых слитка. Местными жителями в распоряжение экспедиции также были переданы обнаруженные в этом месте свинцовый котел и железный якорь Римского периода (II–III вв. н.э.) [Лебединский и др., 2018, с. 50]. Анализ находок позволил предположить, что в этом месте находится кораблекрушение Римского периода.

Помимо разведок с использованием ГБО в акватории Карантинной бухты в 2016 г. была проведена *геофизическая разведка* дна с использованием аппаратуры АЭМП-14 [Лебединский и др., 2017, с. 17–20], показавшая свою работоспособность на морском мелководье (в соленой воде). В результате определены перспективные районы исследований и разработана методика применения данного прибора. Аппаратура разработана Институтом нефтегазовой геологии и геофизики Сибирского отделения РАН.

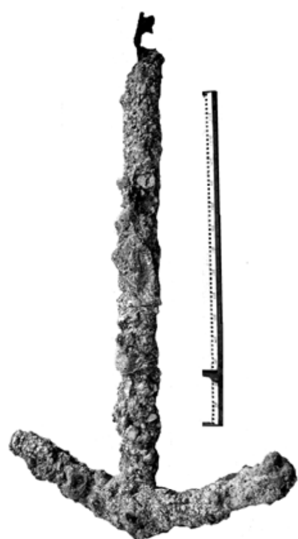
Подводно-археологические исследования в 2018 г.

В августе 2018 г. на глубине 85 м у Балаклавы было обнаружено судно, предположительно относящееся к Римскому периоду истории Крыма, датированное II–III вв. (*илл. 8–10*). На морском дне из илистого грунта торчат ряды шпангоутов, разбросаны деревянные элементы корпуса и такелажа, среди них найден железный якорь, по которому удалось провести предварительную датировку. Также на кораблекрушении видна мощная мачта диметром более полуметра. Размер обнаруженного объекта 22 х 6 м, что примерно соответствует размерам и пропорциям так называемых «круглых кораблей», использовавшихся в римскую эпоху как торговые суда. К сожалению, датирующего материала, кроме якоря, например, фрагментов керамики, пока не обнаружено. Для датировки радиоуглеродным методом на поверхность были подняты образцы древесины,

[1] Работы выполнялись при финансовой поддержке гранта РГО, договор №15/2017-И от 11 сентября 2017 г.

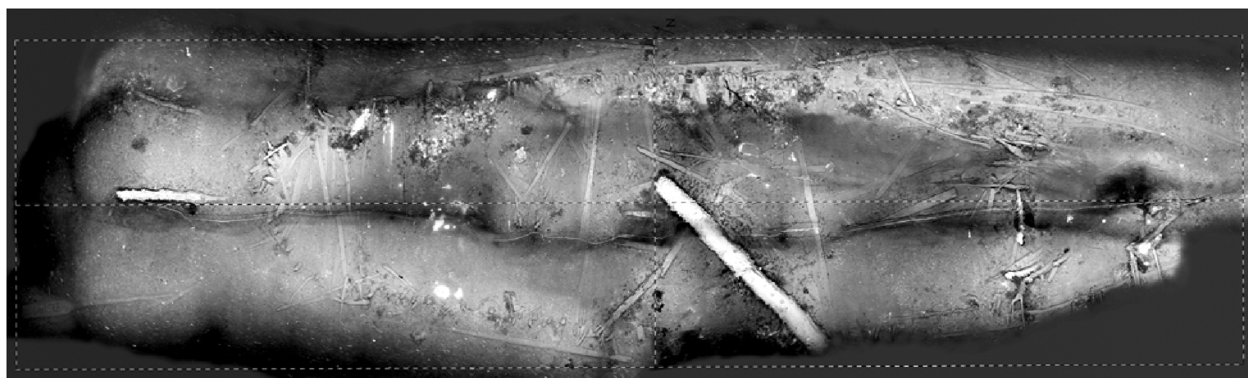
проведены обмеры, фото- и видеофиксация объекта, составлен общий план затонувшего судна. После уточнения датировки объекта работы будут продолжены.

За годы работы подводно-археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Крыму были получены важные данные, которые позволяют исследовать историю развития навигации и мореплавания в Северном Причерноморье, а также проследить торговые связи этого региона с Малой Азией. Важной задачей экспедиции является не только обнаружение подводно-археологических памятников и их исследование, но прежде всего их сохранение для будущих поколений. В рамках проведения исследований подводно-археологической экспедиции Института востоковедения РАН была разработана концепция залов истории мореплавания и навигации для Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», музея Южной штаб-квартиры Русского географического общества «Константиновская батарея», концепция Регионального депозитария (хранилища) подводно-археологических находок в Военно-историческом музее фортификационных сооружений Министерства обороны РФ.

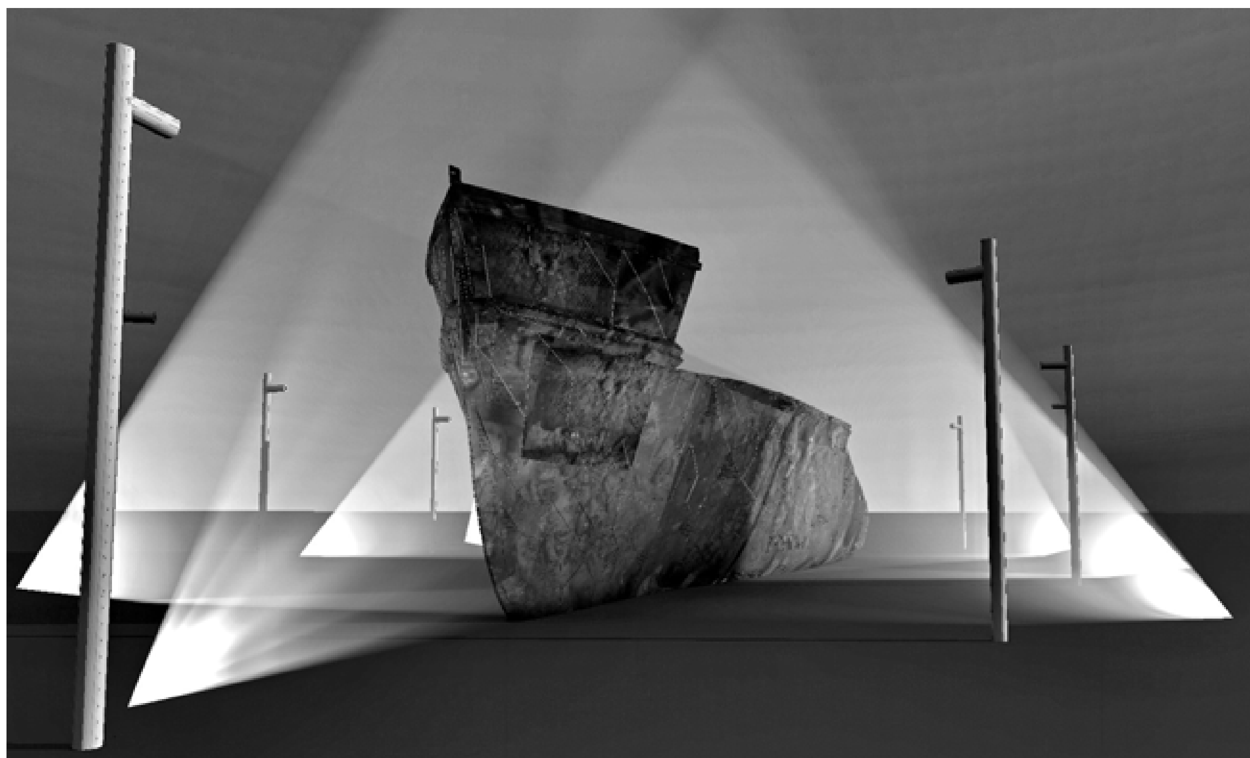


Илл. 8. Железный якорь II–III вв. н.э. (по: [Лебединский и др., 2018, рис. 1])

Илл. 9. Обследование судна Римского периода (II–III вв.) на морском дне (*фото О. Истратова*)



Илл. 10. Общий план места крушения судна II–III вв. у Балаклавы (*илл. А. Башенковой*)



Илл. 11. Проект визуализации подводного объекта на морском дне (*рис. А. Башенковой*)

Литература / References

Антонова И. А., Даниленко А. И., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // *Античная древность и средние века.* Вып. 7. Свердловск, 1971. С. 81–101 [Antonova I. A., Danilenko A. I., Ivashuta L. P., Kadeev V. I., Romanchuk A. I. Srednevekovye amfory Hersonesa // *Antichnaya drevnost' i srednie veka.* 7. Sverdlovsk, 1971. Pp. 81–101].

Блаватский В. Д. Подводные раскопки Фаногории в 1959 г. // *Советская археология.* 1961. № 1. С. 277–279 [Blavatskyi V. D. Podvodnye raskopki Fanagorii v 1959 g. // *Sovetskaya arheologiya.* 1961. 1. Pp. 277–279].

Лебединский В. В., Татарков Д. Б., Золотарев О. А., Шакуро С. В., Двухшорстнов В. И., Пронина Ю. А. *Подводные археологические исследования в акватории Черного моря от с. Оленевка до пгт Черноморское (мыс Тарханкут – мыс Черный), г. Севастополь в 2016 году.* Москва, Севастополь, 2017 [Lebedinskyi V. V., Tatarkov D. B., Zolotarev O. A., Shakuro S. V., Dvuhsherstnov V. I., Pronina J. A. *Podvodnye arheologicheskie issledovaniya v akvatorii Chernogo morya ot s. Olenevka do pgt Chernomorskoe (mys Tarhankut – mys Chernyi), g. Sevastopol' v 2016 godu.* Moscow, Sebastopol, 2017].

Лебединский В.В., Татарков Д.Б., Двухшерстнов В.И., Пронина Ю.А. Подводно-археологические исследования Института востоковедения РАН и Севастопольского государственного университета в прибрежной акватории Северной стороны г. Севастополя // *Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма со средиземноморским регионом.* Тезисы докладов. Севастополь, 5–7 июня 2018 г. М., 2018. С. 49–52 [Lebedinskyi V. V., Tatarkov D. B., Dvuhsherstnov V. I., Pronina J. A. Podvodno-arheologicheskie issledovaniya Instituta vostokovedeniya RAN i Sevastopolskogo gosudarstvennogo universiteta v pribrezhnoi akvatorii Severnoi storony Sevastopolya // *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye i religioznye svyazy Kryma so sredizemnomorskim regionom.* Tezisy dokladov. Sebastopol 5–7 junya 2018 g. Moscow, 2018. Pp. 49–52].

Мемнон. О Гераклее. Введ., пер. и комм. В. П. Дзагуровой // *Вестник древней истории.* 1954. № 1. С. 283–316 [Memnon. O Heraklee. Vvedenie, perevod i kommentarii V. P. Dzagurovoi // *Vestnik drevnei historii.* 1954. 1. Pp. 283–316].

Нессель В. А. Керамический комплекс // *Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.).* Севастополь, 2006. С. 97–98 [Nessel V. A. Keramicheskiy compleks // *Hersonesskiy sbornik. Supplement I. Topografiya Hersonesa Tavricheskogo. Vodosbornaya tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.).* Sebastopol, 2006. Pp. 97–98].

Николаенко Г. М. *Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э.* Ч. 1–2. Севастополь, 1999–2001 [Nikolaenko G. M. *Hora Hersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyi kadastr IV–III vv. do n.'e.* T. 1. Sebastopol, 1999–2001].

Отрывки. Пер. С. Ошерова // *Поздняя греческая проза.* Сост. С. Поляковой. М., 1961. С. 449–472 [Otryvki. Perevod S. Osherova // *Pozdnyaya grecheskaya proza.* Sost. S. Polyakovoi. Moscow, 1961. Pp. 449–472].

Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // *Византийская Таврика. Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов).* Киев, 1991. С. 64–100 [Parshina E. A. Torzhysche v Partenitah // *Vizantiyskaya Tavrika. Sbornik nauchnyh trudov (k XVIII kogressu vizantinistov).* Kiev, 1991. Pp. 64–100].

Романчук А. И, Сазанов А. В, Седикова Л. В. *Амфоры из комплексов византийского Херсона.* Екатеринбург, 1995 [Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. *Amphory iz kompleksov vizantiyskogo Hersona.* Ekaterinburg, 1995].

Якобсон А. Л. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.* Л., 1979 [Jakobson A. L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki.* Leningrad, 1979].

Günsenin N. *Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles) typologie, production, circulation, d'après les collections Turques.* Vol. II. Paris, 1990.

Hayes J. W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul.* Vol. 2. *The Pottery.* Oxford, 1992.

Technau W. Archaologische Funde von Mitte 1929 bis Oktober 1930 // *Archaeologische Anzeiger.* 1930. S. 299–432.

Архивные документы

Лебединский В. В. *Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории, прилегающей к административной территории г. Севастополя в 2001 г.* Научный архив НЗХТ. Дело № 3536 [Lebedinskyi V. V. *Otchet o podvodnyh arheologicheskih issledovaniyah v akvatorii, prilegayuschei k administrativnoi territorii Sevastopolya v 2001 g.* Nauchnyi archiv NZHT. Delo № 3536].

Лебединский В. В. *Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории, прилегающей к административной территории г. Севастополя в 2002 г.* Научный архив НЗХТ. Дело № 3589 [Lebedinskyi V. V. *Otchet o podvodnyh arheologicheskih issledovaniyah v akvatorii, prilegayuschei k administrativnoi territorii Sevastopolya v 2002 g.* Nauchnyi archiv NZHT. Delo № 3589].

Лебединский В. В. *Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории, прилегающей к административной территории г. Севастополя в 2003 г.* Научный архив НЗХТ. Дело № 3809 [Lebedinskyi V. V. *Otchet o podvodnyh arheologuicheskih issledovanijah v akvatorii, prilegayuschei k administrativnoi territorii Sevastopolya v 2003 g.* Nauchnyi arhiv NZHT. Delo № 3809].

Лебединский В. В. *Отчет о работе подводной археологической экспедиции в акватории Черного моря от с. Оленевка до пгт. Черноморское (мыс Тарханкут – мыс Черный), г. Севастополь – г. Судак – г. Керчь в Республике Крым в 2015 г.* Архив Института археологии РАН. М., 2015 [Lebedinskyi V. V. *Otchet o rabote podvodnoi arheologicheskoi expeditsii v akvatorii Chernogo morya ot s. Olenevka do pgt Chernomorskoe (mys Tarhankut – mys Chernyi), Sevastopol – Sudak – Kerch v Respublike Krym v 2015 g.* Arhiv Instituta arheologii RAN. Moscow, 2015].

Лебединский В. В. *Отчет о работе подводной археологической экспедиции в акватории Черного моря от с. Оленевка до поселка городского типа Черноморское (мыс Тарханкут – мыс Черный), г. Севастополь в 2016 г.* Архив Института археологии РАН. М., 2016 [Lebedinskyi V. V. *Otchet o rabote podvodnoi arheologicheskoi expeditsii v akvatorii Chernogo morya ot s. Olenevka do poselka gorodskogo typa Chernomorskoe (mys Tarhankut – mys Chernyi), Sevastopol v 2016 g.* Arhiv Instituta arheologii RAN. Moscow, 2016].

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ ПИВНЫЕ КУВШИНЫ И ВОТИВНЫЕ МОДЕЛИ ИЗ МАЛОГО НЕКРОПОЛЯ У ГРОБНИЦЫ ЧЕНТИ I В ВОСТОЧНОЙ ГИЗЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

С. Е. Малых*

Статья посвящена интерпретации древнеегипетского керамического материала второй половины III тыс. до н.э., обнаруженного Российской археологической экспедицией ИВ РАН в Малом некрополе перед гробницей Ченти I в восточной части некрополя Гизы. Найденная в заполнении шахтных погребений керамика позволяет рассмотреть различные аспекты устройства древнеегипетских погребений и предположить ее первоначальную принадлежность к культовому инвентарю одной из крупных гробниц-мастаб царских родственников на Восточном плато Гизы, впоследствии вторично использованному для засыпки более скромных шахтных погребений на восточной оконечности восточной Гизы.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, Гиза, древнеегипетская керамика, древнеегипетский погребальный обряд, древнеегипетский поминальный культ.

ANCIENT EGYPTIAN BEER JARS AND VOTIVE MODELS FROM THE MINOR CEMETERY NEAR THE TOMB OF TJENTY I IN THE EASTERN GIZA: PROBLEM OF INTERPRETATION

Svetlana E. Malykh

The article is devoted to the interpretation of ancient Egyptian ceramic material of the second half of the 3rd millennium B.C., discovered by the Russian Archaeological Mission (IOS RAS) in the Minor Cemetery in front of the tomb of Tjenty I in the eastern part of Giza Necropolis. The pottery found in the filling of the burial shafts allows to consider various aspects of ancient Egyptian burial constructions. We can suppose that originally these ceramics belonged to the cult equipment of one of the great mastaba-tombs of the royal relatives on the Eastern Plateau of Giza, which was subsequently reused to fill more modest burial shafts on the eastern edge of Eastern Giza.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Giza, ancient Egyptian pottery, ancient Egyptian burial rites, ancient Egyptian mortuary cult.

В 2011 г. Российская археологическая экспедиция ИВ РАН начала исследование шахтных погребений на восточной оконечности Восточного плато Гиза (*илл. 1*), перед скальной гробницей Ченти I (GE 11) – представителя древнеегипетской царской администрации второй половины правления V династии (ок. XXIV в. до н. э.). Первоначально были раскопаны четыре шахты, высеченные в восточной и южной стенах гробницы (*илл. 2*: шахты GE 25–28). Затем в течение сезонов 2012–2014 гг. изучение территории перед гробницей Ченти I было продолжено в восточном направлении, наряду с исследованиями расположенных по соседству других скальных гробниц. В результате к настоящему моменту у гробницы Ченти I выявлен древнеегипетский некрополь второй половины III тыс. до н. э., состоящий из достаточно простых по конструкции шахтных погребений без культовых гробничных надстроек-часовен. Характерно, что ранее перед скальной гробницей Хафраанха (G 7948), близкой по времени создания к гробнице

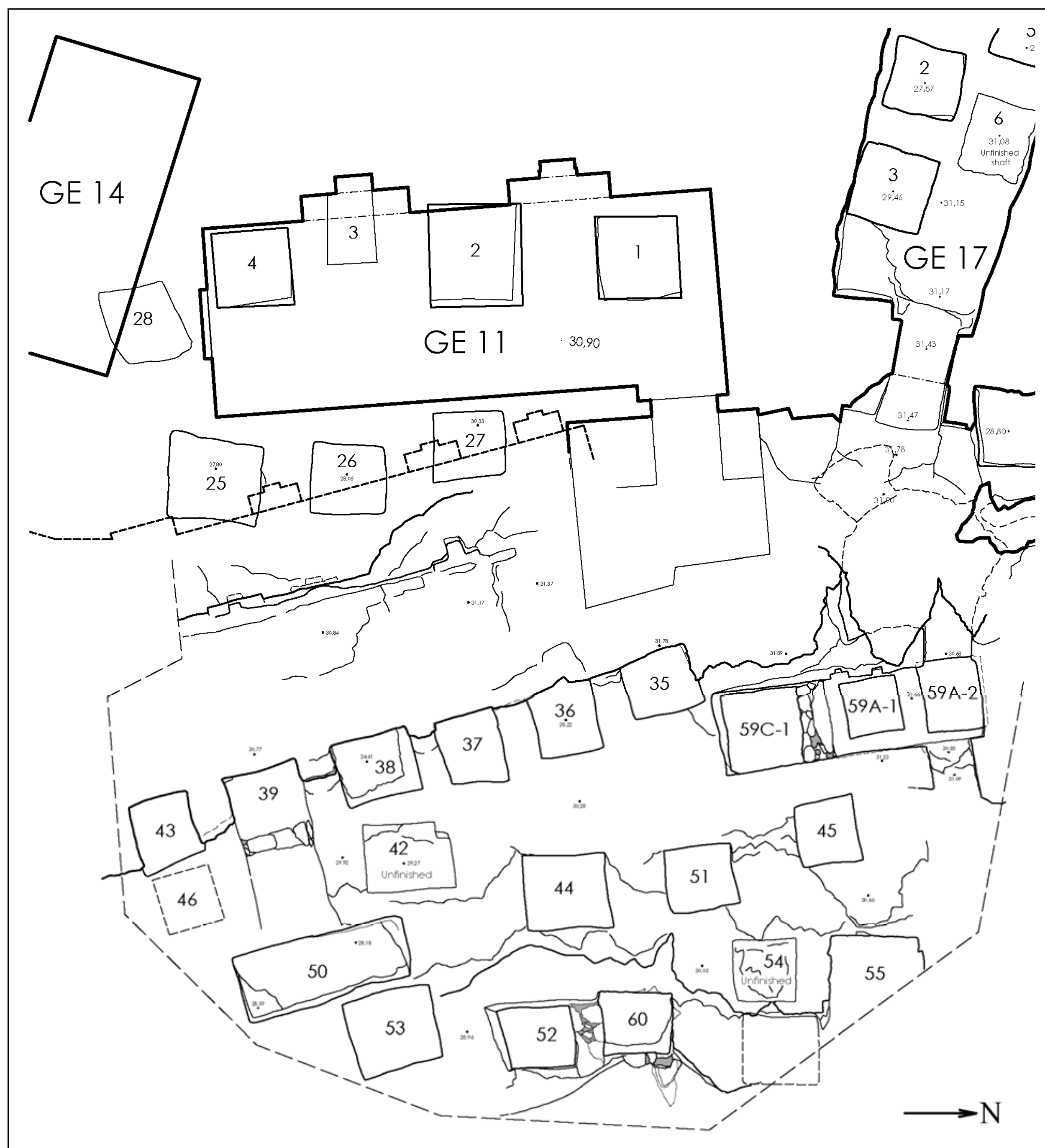
* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

Ченти I и расположенной к северу от нее, был обнаружен еще один т. н. Малый некрополь (I) [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012], западная часть которого состоит из аналогичных шахтных погребений, в своей конструкции имеющих два основных элемента – шахту и отходящую от нее погребальную камеру, где, собственно, и устраивалось место захоронения.

Итак, на данный момент в Малом некрополе (II) у скальной гробницы Ченти I (GE 11) исследовано 25 шахтных погребений (*илл. 2*), три из которых оказались незавершенными (GE 28, GE 42 и GE 54), многие – полностью ограбленными, но три шахты (GE 45, GE 59A-1 и GE 60) содержали погребения, не тронутые грабителями и сохранившиеся в первозданном виде. Погребения еще в трех шахтах (GE 52, GE 53, GE 59A-2) были мало потревожены древними ворами, проникшими в погребальные камеры вскоре после похорон, т. е. на исходе III тыс. до н. э. Керамический материал из заполнения шахт и их погребальных камер, прежде всего, неограбленных, представляет собой значительный интерес, однако ставит перед нами определенные трудности в его интерпретации.

Илл. 1. Малый некрополь (II) перед скальной гробницей Ченти I в восточной Гизе (*фото С. В. Ветохова*)



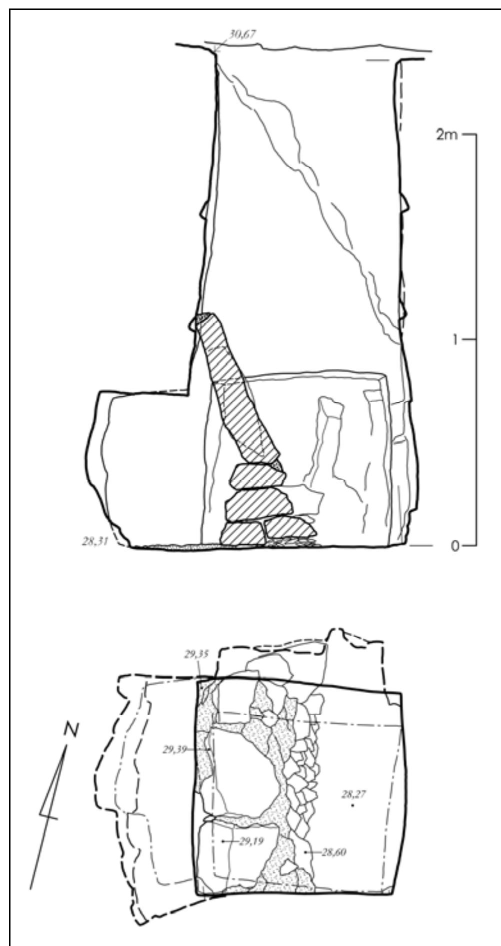
Илл. 2. План Малого некрополя (II) перед скальной гробницей Ченти I (GE 11) в восточной Гизе (*рис. С. В. Ветохова*)

Керамика из погребальной шахты GE 45

Примечателен характер засыпки погребальной шахты GE 45 (*илл. 3*), сохранившейся нетронутой и содержавшей внушительное скопление керамики (около 2800 экземпляров на 2,36 м глубины). Скопление представлено как фрагментами, так и почти целыми сосудами, главным образом, многочисленными пивными кувшинами [2] (*илл. 4*), по своей форме

[2] Грубые лепные керамические сосуды с округло-коническим донцем в египтологической литературе принято называть пивными кувшинами исходя из того, что на древнеегипетских гробничных рельефах эпохи Древнего царства они часто изображаются в сценах пивоварения. Однако содержать пиво – не единственная их функция. В целом эти сосуды использовались для хранения и транспортировки сухих и сыпучих продуктов, а также как бытовая посуда для рядовой части древнего населения долины Нила.

характерными для поздней V – ранней VI династии [3], а также группой керамических вотивных моделей сосудов (*илл. 5*), не имевших бытовых функций, отличающихся совсем небольшими размерами и с выступами на внутренней части донец, что также типично для поздней V и VI династии. Большинство пивных кувшинов имело следы запечатывающей пробки из необожженной глины, а от трети до половины их объема было заполнено нильским илом (*илл. 6*) – т. е. т. н. «ложным содержимым», вероятно, имитировавшим пиво [4]. Причем ил содержал примесь углей и измельченной красной керамики.



Илл. 3. План и разрез погребальной шахты GE 45 (*рис. С. В. Ветохова*)

Откуда в заполнении шахты взялось столь большое количество целой и битой керамики? Одних только фрагментов пивных кувшинов было найдено 2662 экземпляра (приблизительно от 60 сосудов), а также шесть целых или почти целых пивных кувшинов. Если бы погребение в шахте GE 45 было вскрыто грабителями, можно было бы предположить, что это погребальный инвентарь, некогда находившийся в камере вместе с телом покойного, но затем смещенный со своего первоначального места. Однако это противоречит имеющимся фактам: скелет мужчины, умершего в возрасте 50 лет, в позе эмбриона уложенный в погребальной камере этой шахты, не несет на себе следов грабительского вмешательства. Более того, стена, запечатывавшая вход из шахты в камеру, также не имеет следов разрушения и попыток проникновения в погребальную камеру. Если учесть, что размеры собственно погребальной камеры невелики (1,20 х 0,48 м при высоте 0,75 м, *илл. 3*), и практически все пространство занимает скелет, получается, что здесь нет места, чтобы поместить значительное количество керамических сосудов (хотя бы десяток пивных кувшинов высотой 25–30 см каждый). Следовательно, керамика в заполнении шахты GE 45 не имеет ничего общего с погребальным инвентарем захоронения.

Разбитая керамика концентрируется в средней (21% от общего числа керамических изделий) и нижней части заполнения шахты (72%), а скопление практически целых пивных кувшинов с нильским илом внутри и следами запечатывающих пробок снаружи приурочено к небольшой нише в северной части шахты, у самого дна (*илл. 7, справа*), и к каменной кладке, блокировавшей вход в погребальную камеру (*илл. 7, слева*). Вероятно, эти сосуды следует связать с проведением заключительных действий в процессе похорон – в ритуале запечатывания погребальной камеры. В аналогичном археологическом контексте был обнаружен пивной кувшин 14/58-2/1, заполненный нильским илом вперемешку с древесными углями и положенный напротив входа в погребальную камеру шахты 2 безымянной скальной гробницы GE 58 (к югу от Малого некрополя). Существование подобной культовой практики археологически зафиксировано также в гробницах Саккары и

[3] Морфологические параллели и датировку пивных кувшинов этой формы см.: [Bárta, 1994, p. 131, fig. 2; Bárta et al., 2010, p. 29–30, 87–88, fig. 2.5.2, 3.3.2 (no.39.AS33.05); Hawass, Senussi, 2008, p. 21, 39, fig. 271, 276; p. 92, 96, fig. 2, 5; Myśliwiec, Kuraszkiewicz, 2010, p. 236, 258, fig. 68 (no.31), 79 (no.82, 83); Wodzińska, 2013, p. 168, fig. 4.2].

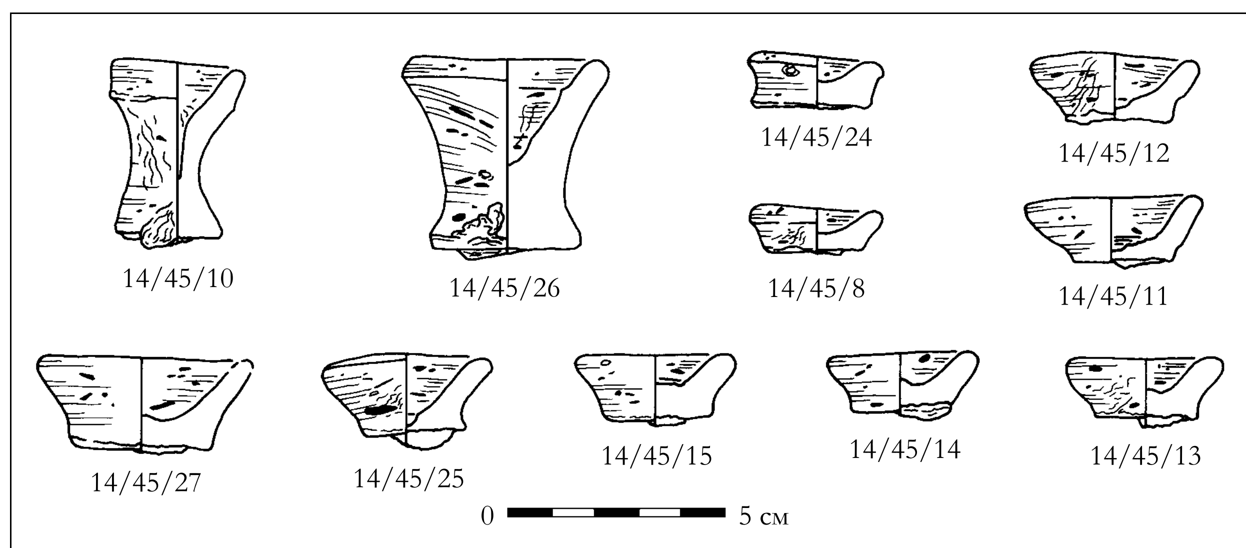
[4] Подробнее о феномене использования сосудов с «ложным содержимым» в кладбищенских ритуалах см.: [Rzeuska, 2006, p. 440–442].

Абусира [Rzeuska, 2006, p. 444; Arias Kytnarová, 2011, p. 206–207, fig. 4]. Однако это не объясняет присутствие значительного количества керамики в средней части заполнения шахты GE 45. К этому вопросу мы еще вернемся.

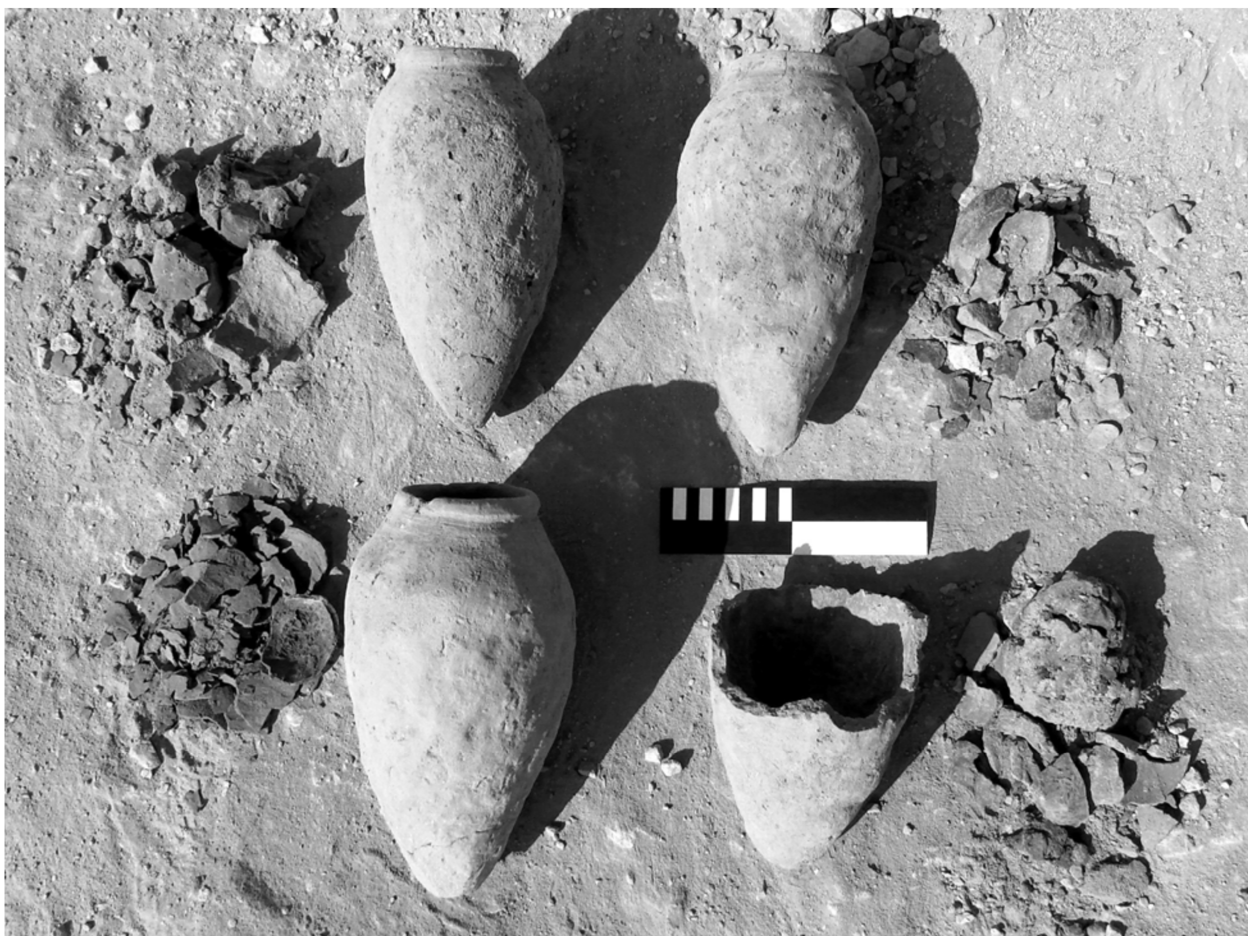
14/45/5 14/45/1 14/45/3 14/45/2 14/45/28

0 5 см

Илл. 4. Пивные кувшины поздней V – ранней VI династии из заполнения шахты GE 45 в Малом некрополе перед гробницей Ченти I (*фото С. В. Ветохова, рис. автора*)



Илл. 5. Керамические вотивные модели поздней V – VI династии из заполнения шахты GE 45 (*рис. автора*)



Илл. 6. Пивные кувшины из шахты GE 45 (уровень 28,82–28,92 м) и нильский ил, их заполнявший (*фото автора*)

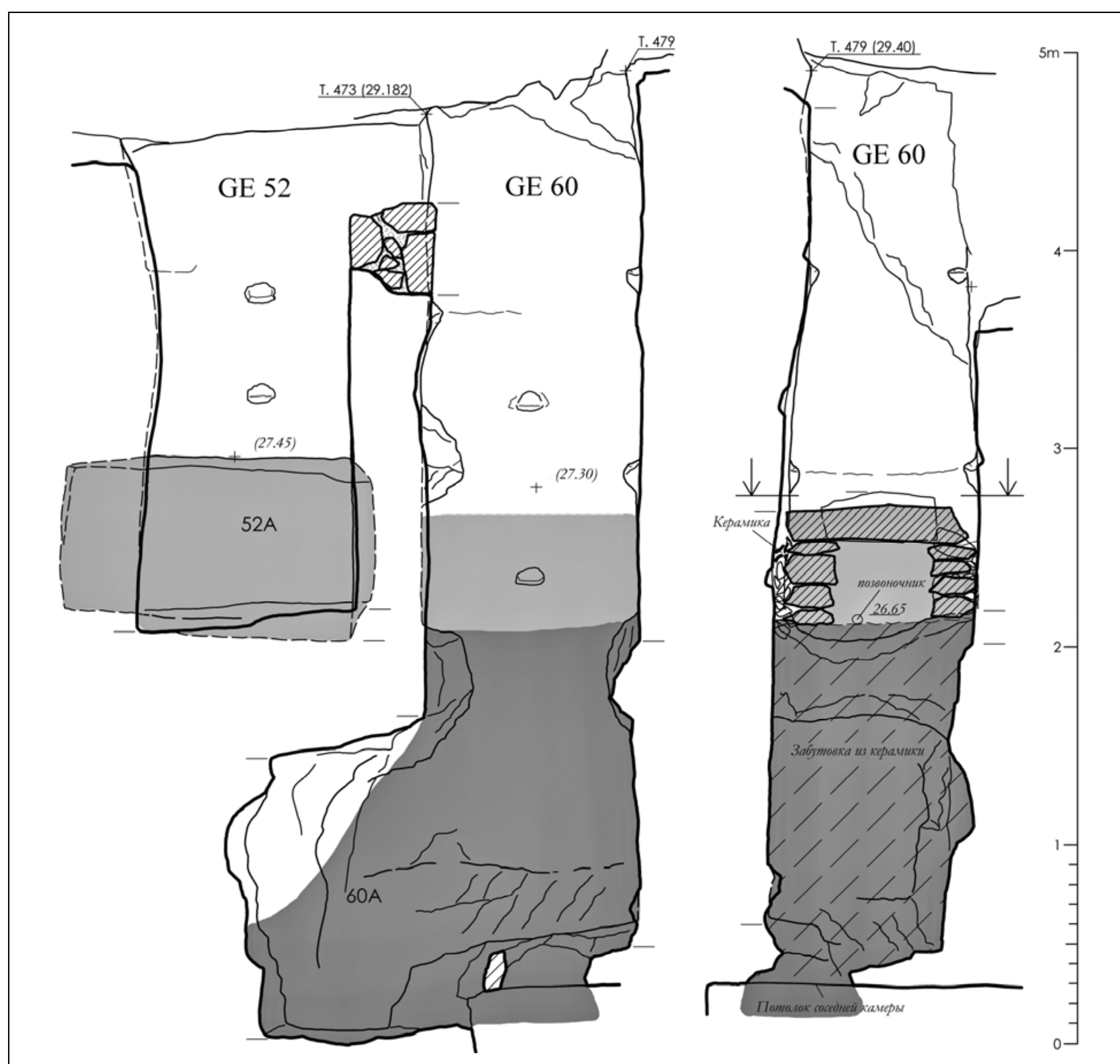
Илл. 7. Пивные кувшины в заполнении шахты GE 45:
слева – у стены, блокирующей вход в погребальную камеру (уровень 28,80–29,20 м);
справа – в северной нише на дне шахты (*фото М. А. Лебедева*)

Керамика из погребальной шахты GE 60

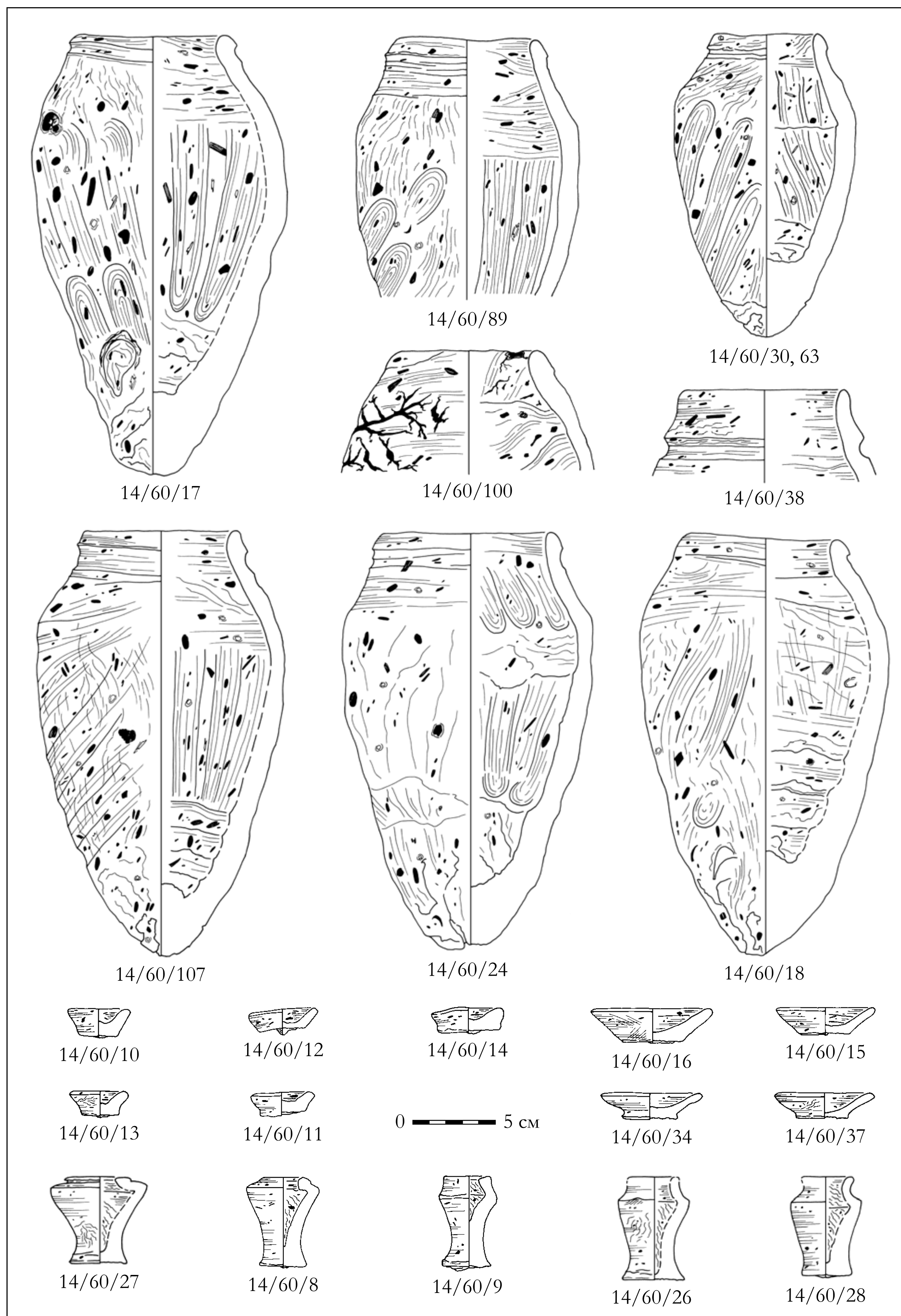
К юго-востоку от шахты GE 45 располагается шахта GE 60 (*илл. 2, 8*). Ее заполнение также выделяется гигантским количеством фрагментов и целых керамических сосудов (около 8 тыс. экземпляров на 4,41 м глубины), представленных, как и в случае с заполнением шахты GE 45, преимущественно фрагментами пивных кувшинов (90%), а также небольшим числом

вотивных моделей сосудов (*илл. 9*), конических хлебопечных форм, чаш, подставок и винных кувшинов. Многие из пивных кувшинов имели следы запечатывающей пробки, а некоторые содержали нильский ил с примесью углей и небольших фрагментов керамики (т. н. «ложное содержимое»). В одном случае внутри кувшина 14/60/18 вместе с илом находился небольшой кусок лазурита со следами обработки, вероятно, использовавшийся для приготовления синего красочного пигмента. Похоже, что ил для наполнения кувшинов брался на берегу реки рядом с поселением, поэтому туда попали и отходы человеческой деятельности.

Конструкция погребения в шахте GE 60 нетипична: тело покойного было положено в позе эмбриона непосредственно в стволе шахты (*илл. 8*), где оно заняло все имеющееся пространство (0,90 х 0,40/0,45 м), тогда как находящаяся ниже погребальная камера осталась неиспользованной. Если на засыпку шахты выше погребения приходится 23,8% керамических образцов, то в забутовке под погребением выявлено 76,2% от общего числа целых и фрагментированных сосудов, найденных при исследовании данного погребального комплекса.



Илл. 8. Разрезы погребальных шахт GE 52 и GE 60; серым указано место расположения погребений, темно-серым – забутовка из керамики под погребением GE 60 (*рис. С. В. Ветохова с дополнениями автора*)



Илл. 9. Керамический материал из заполнения погребальной шахты GE 60 (*рис. автора*)

Присутствие значительного количества керамики (около 6 тыс. экземпляров) под погребением в шахте GE 60 объяснимо с технической точки зрения. Как мы уже говорили, захоронение здесь было устроено не в погребальной камере (GE 60A), а в самой шахте, что можно связать с тем фактом, что погребальная камера не могла быть использована по прямому назначению, т. к. ее дно и дно шахты местами проломились в расположенную по-соседству камеру соседней шахты еще в процессе вырубки (*илл. 8*). По этой причине камера осталась незавершенной, а чтобы устроить погребение, необходимо было засыпать и проломы, и пространство шахты неким малосыпучим материалом, для которого и подошла крупнобитая и даже целая керамика – преимущественно фрагменты пивных кувшинов. На этой подушке из смеси керамических черепков и известнякового щебня в толще шахты и было устроено погребение, принадлежавшее мужчине, имевшему признаки карликовости и умершему в возрасте 40–49 лет.

Датировка керамического материала из забутовки шахты GE 60 под погребением преимущественно относится к интервалу от второй половины V до первой половины VI династии, с редкими более ранними экземплярами (например, венчик пивного кувшина 14/60/38 (*илл. 9*), по своему типу характерный для времени правления III–IV династий[5]). Примечательно, что в засыпке шахты над погребением ранний материал отсутствует, в то время как встречаются фрагменты пивных кувшинов поздней VI династии, что маркирует время создания погребения в шахте GE 60.

Керамика из погребальной шахты GE 52

Рядом с шахтой GE 60 была обнаружена шахта GE 52 (*илл. 2, 8*) глубиной 1,62 м, в камере которой было устроено захоронение. Погребение имело следы проникновения древних грабителей, однако в заполнении средней и нижней части шахты, а также погребальной камеры присутствовал только оригинальный материал второй половины Древнего царства (около 1000 керамических фрагментов), по морфологическому составу и датировке сравнимый с ассортиментом керамических форм из шахт GE 45 и GE 60: доминируют пивные кувшины второй половины V – VI династии, также встречаются миниатюрные модели сосудов, конические формы для выпечки хлеба, чаши различных типов, подставки (*илл. 10*). В целом, и само погребение, обнаруженное в погребальной камере шахты GE 52 (размеры 1,50 x 0,70/1,12 x 0,77 м) и принадлежащее еще одному мужчине-карлику 40–49 лет, должно быть синхронно погребению GE 60 и относиться ко второй половине VI династии.

Расположение рядом двух могильных комплексов, в которых были погребены карлики, является уникальным, как и сам феномен карликовости в древних обществах: на данный момент, кроме двух, найденных российской экспедицией в Гизе, известно об обнаружении трех захоронений карликов от эпохи Древнего царства – в Гизе (Западное плато)[6], Абидосе и Бени-Хасане [Hawass, 1991, p. 157; Dasen, 1993, p. 322]. Поэтому крайне примечательно не только компактное устройство погребений карликов рядом в шахтах GE 52 и GE 60, но и тот факт, что, несмотря на различное устройство места погребения, тела покойных находились на одном уровне: в погребальной камере GE 52A и в стволе шахты GE 60 (*илл. 8*). При этом антропологическая экспертиза установила различные варианты дварфизма у погребенных в этих двух комплексах мужчин одного возраста (40–49 лет), что исключает их родственные связи[7].

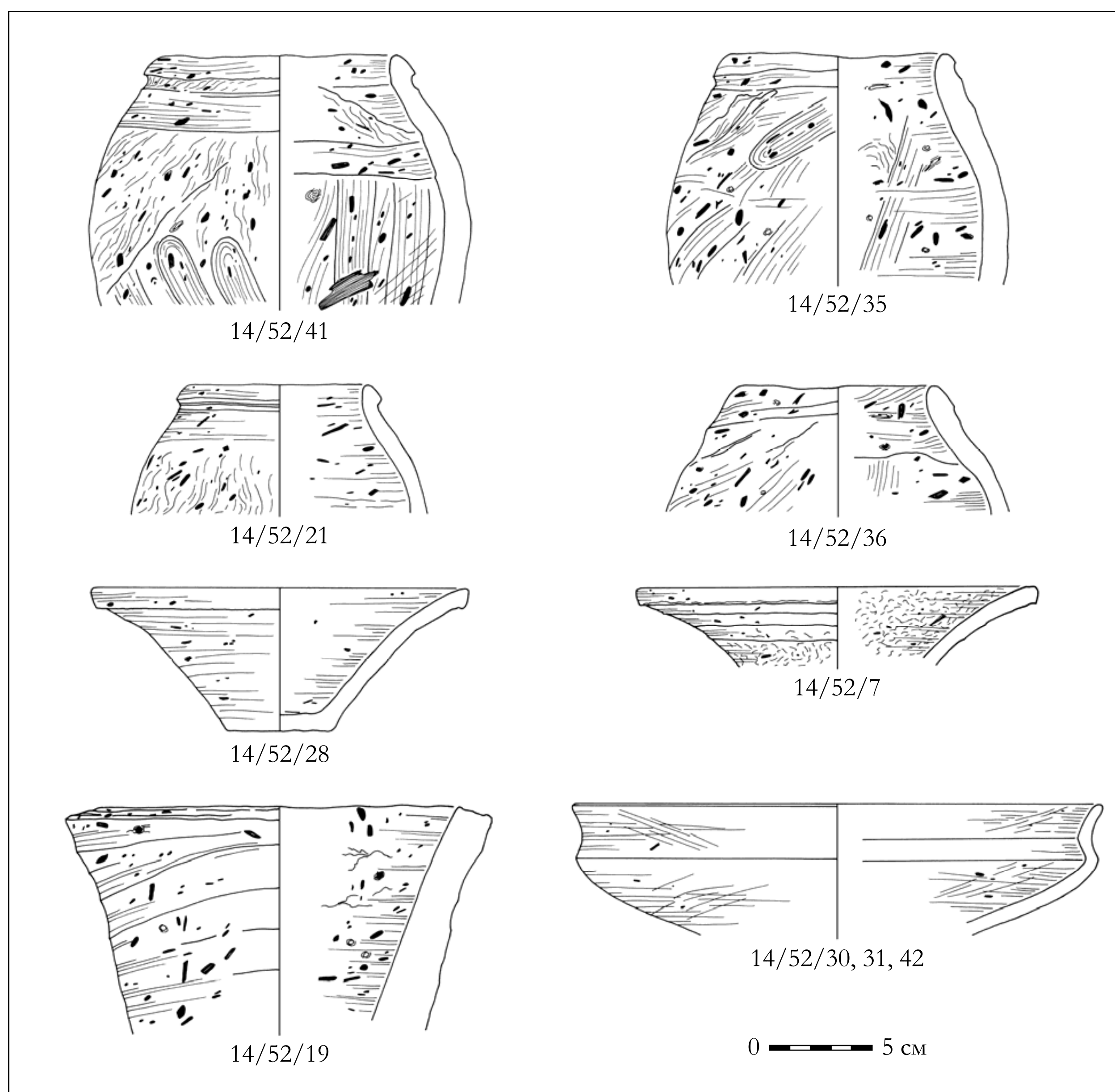
---

[5] Морфологические параллели см.: [Kaiser, Avila, Dreyer, 1999, S. 182–184, Abb. 38.3, 39.12; Rzeuska, 2000, p. 37, fig. 1.3].

[6] Теоретически в этот список следует добавить гробницу карлика Сенеба в западной Гизе, однако захоронения в ней были ограблены, и тела не сохранились [Junker, 1941, S. 122–24]. Из Саккарского некрополя происходит статуя карлика Хнумхотепа, однако его гробница пока не локализована [el-Aguizy, 1987, p. 56].

[7] Личное сообщение антропологов Российской археологический экспедиции ИВ РАН в Гизе М. В. Добровольской и М. Б. Медниковой (Институт археологии РАН).

Необходимо отметить, что из-за грабительских действий сохранность керамики и костного материала в погребении GE 52 гораздо хуже, чем в нетронутых комплексах. Тем не менее у нас нет достаточных оснований рассматривать какие-то из найденных керамических сосудов в качестве оригинального инвентаря, первоначально находившегося рядом с телом покойного. Как и в случае с шахтой GE 45, весь керамический материал из шахт GE 52 и GE 60 (или даже хотя бы его часть) не мог являться сопроводительным инвентарем, тем более что погребение GE 60 не имеет следов грабительского вмешательства, а размеры места захоронения не позволяют уместить рядом со скелетом какие-либо предметы, кроме совсем небольших, но и они отсутствуют.



Илл. 10. Керамический материал из заполнения погребальной шахты GE 52 (*рис. автора*)

Происхождение керамики: гипотеза

Итак, если вся та значительная масса глиняных сосудов, как целых, так и разбитых, что найдена в заполнении шахт GE 45, GE 52 и GE 60, не являлась оригинальным погребальным инвентарем, а, как мы уже сказали, имеющиеся факты исключают этот момент, и также не могли быть сосудами, связанными с ритуалами запечатывания входа в погребальную камеру (кроме нескольких пивных кувшинов из нижней части заполнения шахты GE 45);

следовательно, можно заключить, что это сосуды, попавшие в заполнение шахт в качестве засыпки погребения или забутовки пространства под погребением, как в случае с шахтой GE 60.

Похожий случай задокументирован в центральном Абусире: целые и битые керамические сосуды образовывали компактный слой, засыпавший погребальную камеру царской матери Хенткаус III в ее гробнице AC 30. По мнению исследователей, эта керамика, датируемая второй половиной V династии, первоначально использовалась в культовых целях в прилегающих гробницах знати, а затем была вторично употреблена как дешевый строительный материал для забутовки места погребения [Krejči, Arias Kytnarova, Odler, 2015, p. 37–38, fig. 9–10]. Примечательно, что 80% в данном скоплении пришлось на пивные кувшины, что сопоставимо с данными из шахты GE 60 в Гизе. Другой случай вторичного использования керамики в строительных целях зафиксирован в южном Абусире: для предотвращения осыпания склона у гробниц Каэмчененет и Неферинпу была возведена невысокая ограда из хлебопечных конических форм времени VI династии [Arias Kytnarová, 2011, p. 209, 214–215, fig. 5–6].

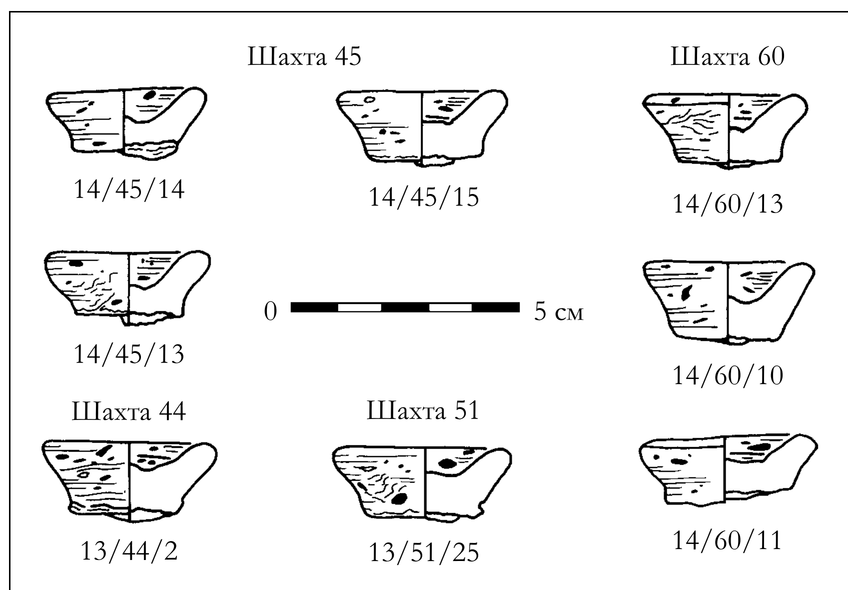
По логике, грунт для засыпки шахт должен был браться рядом с самими шахтами, поэтому он должен содержать значительную примесь известнякового щебня, образовавшегося от вырубки этих шахт – и именно так и обстоит дело: заполнение не потревоженных грабителями шахт (например, GE 45, GE 59A-1, GE 60) состоит, прежде всего, из такого каменного боя, но именно в случае с шахтами GE 45, GE 60 и GE 52 кроме щебня присутствует значительное количество керамических черепков. Соответственно, где-то рядом с этими шахтами находилось керамическое скопление, часть которого попала в забутовку шахт Малого некрополя перед скальной гробницей Ченти I.

На одно место происхождения керамики, впоследствии использованной для засыпки шахт, указывают условно названные нами «сосуды-маркеры», близкие по форме и глине, а, следовательно, и по времени создания, и, видимо, сделанные в одной гончарной мастерской. Для рассматриваемых нами комплексов «сосудами-маркерами» является группа миниатюрных вотивных моделей открытых форм (*илл. 11*) с одинаковыми пропорциями и характерным признаком – выступом на внутренней части донца, что, в свою очередь, является технологическим признаком, позволяющим датировать данные сосуды серединой V – VI династиями [Малых, 2018, с. 67–68]. Выделенные нами вотивные модели-маркеры были обнаружены в заполнении четырех шахт – GE 44, GE 45, GE 51 и GE 60, расположенных рядом в северо-восточной части Малого некрополя (*илл. 2*).

Пивные кувшины из Малого некрополя перед гробницей Ченти I, несмотря на залегание в разных шахтах и на разных глубинах, в большинстве демонстрируют схожесть формы, объема и материала (преимущественно по примесям в глину – рубленая солома и зерновой жмых, измельченные кости животных и речные раковины, шамот), что должно указывать на одно место производства подобных сосудов. По имеющимся археологическим данным, такая широко распространенная утварь, как грубые лепные пивные кувшины второй половины III тыс. до н. э., могла производиться как в мелких частных гончарнях [Arnold, Bourriau, 1993, p. 16], так и в более крупных храмовых мастерских [Verner, 1992, p. 58], т. к. она служила основной тарой для хранения, транспортировки и употребления пива – наряду с хлебом – основного продукта в рационе древнего египтянина, являвшегося одним из эквивалентов заработной платы [Warden, 2014, p. 221–222, 245, 253–254]. Что касается стандартизации вместимости пивных кувшинов, то предпринятые исследования в этой области показывают, что она была локальной, а не общеегипетской [Bárta, 1994, p. 128–131; Warden, 2014, p. 245, 253–257], соответственно, близкая емкость сосудов также должна указывать на одно место их изготовления.

Итак, совокупность данных по схожести вотивной и тарной керамики из заполнения погребальных шахт Малого некрополя перед гробницей Ченти I позволяет допустить их происхождение из одного места. Т. е. где-то недалеко от этих шахт залегало скопление

керамики, первоначально поступившее из одного источника, использованное в некрополе, а затем складированное в некой точке. Выше мы уже говорили, что часть пивных кувшинов из этого скопления содержало нильский ил – т. е. т. н. «ложное содержимое», указывающее на небытовую функцию данных сосудов, свидетельствуя, наиболее вероятно, о ее предназначении для поминального культа, отправлявшегося в царских припирамидных храмах и гробничных часовнях частных лиц.



Илл. 11. Однотипные керамические вотивные модели поздней V – VI династий из заполнения шахт GE 44, GE 45, GE 51, GE 60 (*рис. автора*)

На небытовую функцию найденных сосудов указывает и другой весьма примечательный факт – в керамическом скоплении из Малого некрополя перед гробницей Ченти I присутствует гончарный брак, хотя признаков присутствия здесь керамических мастерских не выявлено. Так, в заполнении шахт GE 45, GE 52, GE 60 и GE 59A-2 среди пивных кувшинов были экземпляры с заметно деформированными венчиком и туловом (14/45/1 (*илл. 4*), 14/52/27, 14/60/17, 14/60/91, 92, 14/59A-2/27), что произошло либо до, либо во время обжига; некоторые были пережжены в процессе обжига (14/60/100 (*илл. 9*), 14/60/91, 92); у других образовались сквозные отверстия в тулове до 1,5 см в диаметре от выжигания примесей (например, речных раковин, как у пивных кувшинов 14/45/1 и 14/60/17, *илл. 9*). Следовательно, вся эта керамика не могла быть использована в быту или содержать, например, пиво, тем не менее, оказалась в некрополе, и была принесена в качестве жертвенных даров, о чем говорят следы глиняных запечатывающих пробок снаружи и остатки «ложного содержимого» внутри. На наш взгляд, это одно из подтверждений рационального подхода древних египтян к обеспечению погребального обряда и поминального культа[8].

Масштабы скопления, из которого впоследствии была взята керамика для засыпки шахт Малого некрополя, говорят, что это могла быть утварь, использованная в обеспечении культа царя или представителя верхушки египетской знати. Ближайший царский поминальный храм все же достаточно далек и находится примерно в 350 м к северо-западу – это верхний припирамидный храм царя Хуфу (Хеопса). Мастабы царских детей на Восточном плато – Анххафа (G 7510), Мерититес и ее супруга Ахетхетепа (G 7650), Каемсехема (G 7660) – значительно ближе и расположены от 80 до 140 м к западу, северо-западу или юго-западу от Малого некрополя. Если учесть, что скопления использованной в поминальном ритуале керамики находят с севера и с юга от восходящих дорог из долинного к верхнему царским поминальным храмам (как это известно по археологическим данным из храмовых комплексов царей Менкаура в Гизе, Джедефра в Абу-Роаше, Снофру в Мейдуме и Дахшуре[9]), то наш керамический комплекс все же достаточно удален от восходящей дороги

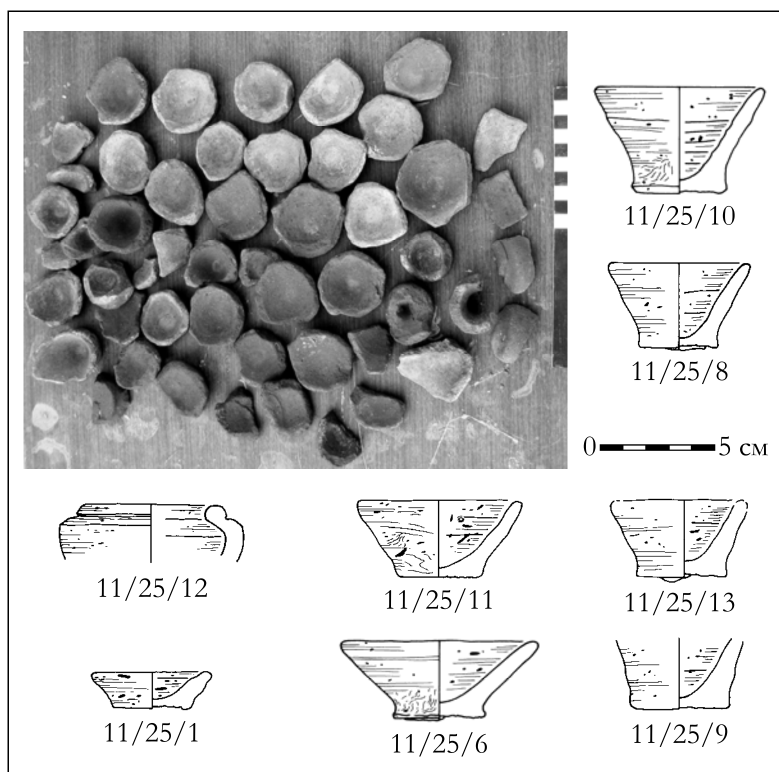
[8] Подробнее об этом феномене см.: [Malykh, 2018, p. 58–76].

[9] [Reisner, 1931, p. 13–18, 202–204, 228–229; Marchand, Baud, 1996, p. 267, fig. 2, 6; Fakhry, 1961, p. 106, 135–139, fig. 23, 24; Faltings, 1989, S. 135, 137, 142, Abb. 1].

Хуфу, поэтому более вероятно, что он мог принадлежать поминальной часовне расположенной неподалеку мастабы одного из царских родственников. Несмотря на то что эти погребальные сооружения были возведены в правление IV династии, а керамика из скопления, как мы говорили выше, относится к V–VI династии, здесь нет противоречия: поминальный культ высокопоставленных лиц мог сохраняться в течение жизни нескольких поколений, как это видно на примере культа верховного сановника Птахшепсеса в Абусире [Charvat, 1981, p. 195].

Почему мы не рассматриваем расположенные рядом с Малым некрополем скальные гробницы представителей царской администрации Ченти I, Ченти II, Хуфухотепа и Перинеджу как места, откуда и мог приноситься и складироваться керамический инвентарь, первоначально использованный для проведения поминальных действий в часовнях этих гробниц? Дело в том, что даже по приблизительным прикидкам масштаб этого скопления слишком велик, чтобы принадлежать достаточно скромной гробнице, он сравним или даже превосходит многотысячное керамическое скопление у мастабы уже упомянутого визиря Птахшепсеса в Абусире [10], стоявшего несоизмеримо выше по иерархической лестнице владельцев скальных гробниц восточной Гизы.

К слову сказать, на дне шахты GE 25, расположенной за восточной стеной скальной гробницы Ченти I (*илл. 2*), погребение в которой было полностью уничтожено грабителями, было обнаружено скопление вотивной керамики из 82 фрагментированных предметов (*илл. 12*), близких по форме и глине, представленных, главным образом, донцами вотивных чаш. Оно и могло быть сбросом поминального инвентаря из гробницы Ченти I.



Илл. 12. Керамические вотивные модели из нижней части заполнения шахты GE 25 (*фото и рис. автора*)

Таким образом, керамический материал из Малого некрополя перед скальной гробницей Ченти I в восточной Гизе предоставляет обширные возможности для оценки различных аспектов функционирования этой части столичного мемфисского некрополя во второй половине Древнего царства.

[10] [Charvat, 1981, p. 195 (OKPL)]. См. также: [Малых, 2010, с. 200–201, табл. 21].

Литература / References

Малых С. Е. *Вотивная керамика Египта эпохи Древнего царства.* М., 2010 [Malykh S. E. *Egyptian Votive Pottery of the Old Kingdom.* Moscow, 2010].

Малых С. Е. Древнеегипетская вотивная керамика из Гизы: особенности изготовления как датирующий признак // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. №1. С. 62–69 [Malykh S. E. Egyptian Old Kingdom Votive Pottery from Giza: Manufacturing Properties as Dating Features // *Vestnik Instityta vostokovedeniya RAN.* 2018. 1. Pp. 62–69].

Arias Kytnarová K. Chronological relevance of bread baking forms – A case study of the Abusir South cemetery // Bárta M., Coppens F., Krejči J. (eds.). *Abusir and Saqqara in the year 2010.* Prague, 2011. P. 200–222.

Arnold Do., Bourriau J. *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery.* Mainz am Rhein, 1993.

Bárta M. Several remarks on «beer jar» found at Abusir // *Cahiers de la Céramique Égyptienne.* 1994. 4. Pp. 127–131.

Bárta M., Coppens F., Arias Kytnarová K., Vymazalová H. *Abusir XIX. Tombs of Hetepi (AS 20), Tombs AS 33–35, and AS 50–53.* Prague, 2010.

Charvat P. *The Mastaba of Ptahshepses. The Pottery.* Prague, 1981.

Dasen V. *Dwarfs in ancient Egypt and Greece.* Oxford, 1993.

el-Aguizy O. Dwarfs and pygmies in Ancient Egypt // *Annales du Service des Antiquités de L'Égypte.* 1987. LXXI. Pp. 53–60.

Fakhry A. *The Monuments of Snefru at Dahshur.* Vol. II. *The Valley Temple.* Cairo, 1961.

Faltings D. Die Keramik aus den Grabungen an der nördlichen Pyramide des Snofru in Dahchur. Arbeitsbericht über die Kampagnen 1983–1986 // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institut, Abteilung Kairo.* 1989. 45. S. 133–154.

Hawass Z. The Statue of the Dwarf Pr-n(j)-anx(w) Recently Discovered at Giza // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institut, Abteilung Kairo.* 1991. 47. Pp. 157–162.

Hawass Z., Senussi A. *Old Kingdom Pottery from Giza.* Cairo, 2008.

Junker H. *Giza V. Die Mastabas des Cnb (Seneb) und darumliegende Gräber.* Wien, Leipzig, 1941.

Kaiser W., Avila R., Dreyer G. Stadt und Tempel von Elephantine. 25, 26, 27 Grabungsbericht // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institut, Abteilung Kairo.* 1999. 55. S. 63–236.

Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948.* Moscow, 2012.

Krejči J., Arias Kytnarova K., Odler M. Archaeological excavation of the mastaba of Queen Khentkaus III (tomb AC 30) in Abusir // *Prague Egyptological Studies.* 2015. XV. Pp. 28–42.

Malykh S. Ancient Egyptian Burial Rites of the Vth and VIth Dynasties: The Problem of Rationality and Symbolism // *Chronique d'Égypte.* 2018. XCIII, fasc. 185. Pp. 58–76.

Marchand S., Baud M. La céramique miniature d'Abou Rawash. Un dépôt à l'entrée des enclos orientaux // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale.* 1996. 96. Pp. 255–288.

Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K.O. *Saqqara IV. The Funerary Complex of Nyankhnefertem.* Varsovie, 2010.

Reisner G. A. *Mycerinus. The Temples of the Third Pyramid at Giza.* Cambridge, 1931.

Rzeuska T. I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs.* Varsovie, 2006.

Rzeuska T. I. Saqqara. Polish Center of Mediterranean Archaeology in Cairo // *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne.* 2000. XXI. Pp. 37–39.

Verner M. The Discovery of a Potter's Workshop in the Pyramid Complex of Khentkaus at Abusir // *Cahiers de la Céramique Égyptienne.* 1992. 3. Pp. 55–59.

Warden L. A. *Pottery and Economy in Old Kingdom Egypt.* Leiden, Boston, 2014.

Wodzińska A. Domestic and Votive Pottery from Giza. A View from Heit el-Ghurab Settlement and Khentkawes Town // Bader B., Ownby M. F. (eds.). *Functional Aspects of Egyptian Ceramics in their Archaeological Context. Proceedings of a Conference held at the McDonald Institute for Archaeological Research, Cambridge, July 24th – 25th, 2009.* Leuven, Paris, Walpole, 2013. Pp. 165–184.

ОТНОШЕНИЕ К ЧИСЛАМ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИНДИИ

Л. Б. Алаев*

Количественные данные, сообщаемые в индийских средневековых дарственных грамотах и других документах, отличаются приблизительностью или нереальностью. Они дают не количественную, а качественную характеристику упоминаемых реалий, передавая понятия «много» или «мало», «все» или «не все», или же просто «мы не хуже других».

Ключевые слова: древняя Индия, средневековая Индия, надписи, числа, количества, измерения.

HINDU ATTITUDE TO NUMBERS IN ANCIENT AND MEDIEVAL PERIODS

Leonid B. Alayev

Numerical data in Indian Medieval land grants and other documents are notable for approximations and unreality. They provide us with qualitative, rather than quantitative information, the numerals mean simply "*much", "many"* or "*little"; "the whole of"*, or "*not all of*", or "*we are not worse, than others"*.

Keywords: Ancient India, Medieval India, epigraphy, numerals, measures.

Одна из трудностей в работе над индийскими историческими источниками состоит в том, что очень многие из них сообщают не то, что реально существует, а то, что представляется хорошим, правильным или должным. *Дхармашастры* и *Артхашастра* рисуют картину идеального общества, которое по определению не может существовать в наш жестокий век (*Кали-югу*). В дарственных надписях, где речь идет о реальных *транзакциях* (если употребить современное слово), реальность густо переслаивается мифологией и намеренным искажением данных. Панегирическая формула, с которой, как правило, начинается надпись, провозглашает происхождение династии от богов или мифических мудрецов. Правящему царю приписываются никогда не происходившие великие победы и завоевания. Рассказывается о разветвленном административном аппарате, который на практике не мог существовать[1].

В числе прочего надписи сообщают массу цифрового материала – размеры полей, ставки налогов, цены, по которым продавалась земля, численный состав разного рода коллективов и проч. У исследователей возникало побуждение проанализировать эти числа и узнать «из первых рук», сколько платили общинники, сколько стоила земля и т. д. Я тоже занимался этим – собирал сведения о разного рода платах и сделках, сводил их в хронологические и топографические таблицы. Но ничего путного из этого не вышло, как не вышло и у других исследователей, гораздо лучше меня снабженных материалами (изданиями надписей). И дело здесь не только в том, что в надписях сообщаются противоречивые данные о размерах земельных, весовых мер и мер объема, о стоимости монет и т. п. Само **отношение к числу** было в Индии своеобразным, самобытным. Представляется, что небрежное отношение к числу являлось характерной чертой индийской (индусской) цивилизации.

Начнем с вопроса об **измерении земли и установлении суммы налога** с этой земли. Надписи периода Чолов (IX–XII вв.) делятся на две категории. В одних (и их подавляющее большинство) размеры подаренной или купленной земли и количество мер *падди*

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAYEV, DSc, Principal Research Fellow, Professor, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaev_leonid@mail.ru

[1] Подробнее о специфике индийских надписей как исторических источниках см.: [Alayev, 1985; Алаев, 2006].

(необрушенного риса) или монет, которые надо платить, даются очень приблизительно, с круглыми суммами этих мер или монет. Например, дарится деревня без указания ее площади, указываются лишь названия прилегающих к ней деревень с четырех (или с восьми) сторон. Или же подаренный участок составляет круглое число земельных мер, например, 500 *кужи* [ARE[2], 251 of 1952/53 (1013 г.); ARE, 136, 137 of 1923 (1235 г.)] [3], 1000 *кужи* [ARE, 173 of 1940/41 (1069 г.)], 2000 *кужи* [SII, VIII, no.324 (1113 г.)]. Скажем, горшечник покупает у собрания общины участок в 400 *кужи* [ARE, 4 of 1940/41][4].

Круглые числа употребляются и тогда, когда речь идет о выплачиваемых суммах: столько-то сотен монет с деревни или с участка [SII, VII, no.842 (1046 г.); EI, XXIII, p. 24, no.4 (1046 г.)]. ARE, 290 of 1968/69 (ок. 1318 г.)]. Это не значит, что надписи не могут сообщать вполне достоверные данные. Я хочу подчеркнуть лишь то, что **точность** в измерении земли, как и в исчислении налога, не считалась обязательной. Как уже сказано, так выглядит подавляющее большинство надписей. Однако среди тысяч дарений встречаются несколько, в которых точность измерения земли выходит за разумные рамки, устанавливается с неимоверной и бессмысленной тщательностью. Такие надписи относятся в основном к периоду правления двух великих государей династии Чола Раджараджи I и Раджендры I (985–1044 гг.). Например, надпись 29 года правления Раджараджи I, где говорится о дарении царем 40 населенных пунктов храму Раджараджешвары в Танджавуре [SII, II, p. 42–68, no.4,5], а также надпись Вирараджены Чола (1063–1070 гг.) о дарении примерно такого же количества селений (приблизительно 39, надпись сильно повреждена) храму в Гангайкондачолапураме [SII, IV, no.529]. Все деревни в этих надписях имеют «точно» высчитанную площадь орошаемых, неорошаемых и прочих земель и «точный» размер консолидированного налога (*кани-к-кадан*), выраженного в падди или в монетах (*кажанджу* и его доли).

Эти надписи демонстрируют нам фантастическую точность измерения земли. Только в качестве примера: площадь одной из деревень составляет 42 единицы некой крупной меры площади (скорее всего – *вели)* и еще плюс 3/4 + 4/20 + 1/80 + 1/320 + 1/320 × 1/2 + 3/20 + 3/80 + 1/160 + 1/320 × 1/320 × 8/20. Из этой общей площади следует вычесть территорию, свободную от обложения. Это место, занятое строениями, дорогами, прудами, поселки деревенских слуг, места кремации и т. п. Эта территория насчитывает в данной деревне 2 *вели* + 1/20 + 1/40 + 1/160 + 1/320 + 1/320 × 4/20 + 1/320 + 1/320 × 1/320 × 1/2 + 2/20. Оставшаяся земля должна платить налоги. Она равна 40 *вели* + 3/4 + 2/20 + 1/40 + 1/160 + 1/320 × 9/20 × 3/80 + 1/320 × 1/320 × 3/4 × 1/20. Наибольшая «точность», с которой выражена площадь земли в этих надписях, составляет 1: 52 428 800 000 *вели*. Если принять, что имеется в виду *вели*, равное 6,6 акра (наибольшее из имеющихся значений этой земельной меры), получится, что земля измерена с точностью до 1/500.000 кв. фута, т. е. 0,00186 кв. см[5]. Я склонен считать, что эти данные являются не чем иным, как **налоговым мифом,** выражением **желания**, чтобы земли были измерены как можно тщательнее.

Иногда в надписях упоминается земельный кадастр, будто бы проведенный при Раджарадже I. Во-первых, от него сохранилось мало следов, а во-вторых, неимоверная точность размера участка (с точностью до 1/12800 *вели*) встречается также в надписи Уттамы Чолы от 978 г., когда никаких земельных кадастров еще явно не проводилось [SII, III, no.151, p. 312]. При Пандьях, в XIII в., скрупулезные измерения земли с бессмысленной точностью уже не упоминаются.

Числа, в которых в тех же надписях выражен налог, не так фантастичны. Они даются (в случае деревень) в известных мерах сыпучих тел – *каламах, туни, куруни, нажи.* Но при

[2] Аббревиатуры названий этой и других публикаций надписей см. в списке литературы. В издании ARE ссылки даются на номер надписи, скопированной и опубликованной в соответствующем году.

[3] Не будем приводить разноречивые данные о размерах упоминаемых мер и стоимости монет.

[4] Ссылки на конкретные надписи даются выборочно, потому что перечислить все надписи, которые могли бы иллюстрировать наши выводы, было бы просто невозможно.

[5] Эти подсчеты с полной серьезностью производит Т. В. Махалингам [Mahalingam, 1967, p. 162] – один из столпов изучения истории Южной Индии.

обложении городов, с которых собирали налог деньгами, тоже немало странностей. С одного из них надо было платить 297 *кажанджу*, 4 *манджади*, 3/10 и 3/40.

Довольно много надписей издавалось самими общинами, которые устраивали самообложение или собирали средства для поддержания храма. В таких случаях мы бы ожидали точности, поскольку речь идет о конкретных взносах каждой семьи. Но вот однажды, когда храм был разграблен, и враги увезли статуи богов и *найянаров* (шиваитских проповедников-бхактов), община *палли* (впоследствии – одна из низких каст в Тамилнаду) отбила статуи и снова водрузила в храм, решив отныне ежегодно снабжать храм 100 *каламами* риса и 5000 *кашу* (деньгами). С этой целью они устроили сбор средств среди семей *палли* в различных деревнях по ставке 1 *куруни* риса и 50 *кашу* с семьи [ARE, 232 of 1916)]. Загадка заключается в том, что для сбора 100 *каламов* риса при такой ставке требуются 1200 или 1500 семейств (в *каламе* может быть разное количество *куруни*), а для сбора 5000 *кашу* – только 100 семейств. Возникает сомнение в серьезности приводимых цифр.

Численность деревенских и других местных собраний

Известно, что в Тамилнаду имелись общинные организации как на уровне деревни (они так и назывались «деревней» – *ур,* а также множественным числом от *ур – урар, уравар,* или же *сабхой*, если деревня принадлежала брахманам), так и на уровне округа (*наду, наттар).* Обычно число членов совета не упоминается. Но иногда это число имеется, и в этом случае оно вызывает удивление. Например, в районе Тиручирапалли в 800 г. собрание одного из селений названо «*три тысячи семьсот*» [SII, XII, no.40; EI, XI, no.1; IP, no.98]. Это крупное число говорит только о том, что собрание *ура* понималось как *многолюдное*, и это впечатление составитель надписи стремился передать читателям.

Ко времени правления Викрамы Чолы (1118–1135 гг.) относится надпись из Южного Арката, говорящая о том, что муж ударил свою жену так, что она упала и позже умерла. Собрались «*1500 человек из всех четырех четвертей (или кварталов*)» и приговорили преступника к штрафу в виде снабжения храма маслом для лампад [ARE, 91 of 1906].

В **Карнатаке** во главе шудрянских деревень стояли либо *гаунды (гауды, гавунды, гамунды;* принятый перевод – «старосты»), либо *оккалу* («семьи»), либо и те, и другие. Брахманские деревни возглавлялись коллективами *махаджанов. Гавунд* в селении могло быть несколько – от четырех до двенадцати [BK, 11 of 1939/40; 70 of 1940/41; 51 of 1941/42; ARE, 226 of 1945/46; SII, IX, I, no.54; XI, II, no.138; XV, no.25; EI, XV, no.6-G; KI, II, no.5; IA, XVIII, p. 37] Все это числа довольно разумные. Многие другие источники подтверждают, что старост в индийской общине могло быть несколько, и в этом случае они делили обязанности и доходы по долям.

Но можно ли, тем не менее, доверять числам при упоминании *гавунд*? В одном из селений среди управляющих коллективов в 1109 г. упомянуты 8 *гавунд* и 60 *оккалу.* По именам из *гавунд* перечислены только четверо [SII, XI, II, no.158]. Через 9 лет, в 1118 г., появляется следующий дар, совершенный 8 *гавундами* и 60 *оккалу.* Здесь опять перечислены по именам 4 *гавунды* из «объявленных» восьми. Один из прежних *гавунд* заменен здесь его сыном [SII, IX, I, no.30]. Возникает подозрение, что число «8», примененное к *гавундам,* в обоих случаях условно. Четверо *старост*, которых мы знаем по именам, а также сын одного из них, – это, по всей вероятности, реальные люди. А число «8» почему-то считалось «хорошим», «приличествующим» данному собранию.

А в селении Камбадуру в 965 г. имелось 106 *гавунд* [SII, IX, I, no.30]. Подозреваю, что составитель надписи вовсе не собирался сообщать нам, сколько реально было старост в деревне: у него были совершенно иные намерения – дать представление о многолюдности сборища. Бывает в селении и 200 *гавунд.* В таких случаях почти наверняка число несет не количественную, а качественную нагрузку.

Оккалу означает просто «*семьи*». И в таком значении оно употреблялось применительно к самым разным коллективам. Например, маслобойщики иногда называли себя «*телики-1000*», а иногда «*1000 оккалу*». Но все же в средние века в Карнатаке это слово

получило и более узкое, специфическое значение: «*семьи землевладельцев*» определенной деревни – общинный орган самоуправления[6]. Чаще всего их 60 [SII, XI, I, no.50; XV, no.43, 229; BK, 2 of 1937/38; 54 of 1941/42; EI, XIX, no.38-B], но их могло быть 70, 120 и другое количество. Понятно, что даже если эти числа не полностью мифические, они все крайне условны, потому что членов деревенского совета не могло быть всегда круглое число, и они не могли сохранять одно и то же количество на протяжении веков.

То же можно сказать о числе *махаджанов* в брахманских деревнях. Их тоже почти всегда круглое число, хотя обычно это число большее, чем числа, приписываемые *оккалу,* (а именно от 30 до 2000), и оно тоже не изменяется на протяжении веков [SII, V, no. 849; IX, I, no. 89, 145; XV, no. 6, 450; BK, 187 of 1932/33; EI, XIII, no. 4-A; XV, no. 22; IA, XII, p. 225; ARE, 228 of 1946/47; 193 of 1947/48; 84 of 1951/52]. Приблизительность этих чисел также вряд ли можно оспорить.

Числа, характеризующие торговые и ремесленные общины

Гильдия *айяволе* возникла в Карнатаке, и основные ее надписи находятся на территории этого историко-культурного региона, ныне штата, но ее деятельность распространилась также и на Тамилнаду. Ее основали в *аграхаре* (брахманском поселении) Айхол «*500 свами*», т. е. брахманов, которые, видимо, серьезно занялись торговлей. Конечно, к числу *500* следует отнестись так же, как к другим числам в надписях. Распространяясь по Южной Индии и основывая свои опорные пункты, которые иногда восхвалялись как «Южные Айхолы», корпорация, несомненно, получала новые места жительства и росла в числе, но неизменно сохраняла название «*500 свами из Айхола*». В Тамилнаду она называлась просто «*Пятьсот*» (*айиннутрувар*). Это не сообщение о количестве, а лейбл, марка организации. В надписи может вдруг встретиться некруглое число, и тогда трудно решить, имеет ли оно привычное нам количественное или же качественное, значение. Так, Мараварман Сундара Пандья I (1216–1235 гг.) обращается к *айиннутрупаннирувар*, т. е. к «*Пятистам двенадцати*» [ARE, 429 of 1917]. Что это? Отдельная корпорация (о которой больше ничего неизвестно), или вариант «*500*»?

Различные торговые корпорации указывают в надписях состав своей организации, стремясь подчеркнуть свою мощь. При этом оказывается, что все они состоят из одинакового количества одинаковых подразделений или «филиалов». Например, *нанадеши* («люди разных стран»), собравшиеся в одном из городов, «*происходят из 1000 областей со всех четырех стран света, 18-ти городов, 32-х валапурам и 64-х гхатика-стхана*» [ARE, 256 of 1912]. Не будем останавливаться на трактовке терминов – обратимся сразу к другим надписям, повествующим о совершенно иных собраниях. Они тоже состоят из «*500* [человек] *с 1000 направлений*», в них участвуют люди из 18-ти *паттинам* «*с улицами с многоэтажными домами, достигающими луны*»; *32 валапурам*; *64 кадигай-тавалам* [SII, VIII, no.442][7].

Смысл этой формулы ясен: она должна утверждать, что корпорация разветвленная и охватывает большую территорию. Каждому типу поселений или опорных пунктов присвоено «точное» (и, вместе с тем, условное) число. Но при этом реальное *содержание* этой формулы никого не интересует. Проиллюстрируем это на примере выражения «*32 валапура*». Точное значение этого слова не установлено. Но, например, городское собрание в одной надписи говорит, что оно имеет «*32 валапура»,* а в другой надписи на этом же месте в формуле стоит выражение «*дерево с 32 стволами*» [IA, V, p. 342–343; X, p. 186]. А уже известная нам гильдия *айяволе* заявляет, что она получает поклонение «*от 32 000 общин* (*самайя*)». [KI, IV, no.34]. Очень может быть, что «*32 валапурам*» в одной надписи выражает то же, что и «*32 ствола*» в другой и «*32 000 общин*» в третьей. В конце концов, какая разница, чего там «32»!

---

[6] От этого слова образовалось название современной землевладельческой касты в Карнатаке – *оккалиге*.

[7] Почти точно совпадающие формулы для купеческих корпораций см. также: [IA, V, p. 342–343; X, p. 186; SII, IX, I, no.295; XI, II, no.148; XV, no.65; XVII, no.442; BK, 127 of 1940/41; EI, XXVIII, no.43-a].

Выражение **восемнадцать стран** использовалось как шаблон для передачи понятия «*многие*». «*Из 18-ти стран*» (*падинен-вишаяттар, падинен-бхуми)* происходят самые разные организации [ARE, 227 of 1916; 263, 264, 268 of 1943/44; SII, VI, no.553; EI, XXXI, no.37; IND, I, p. 312, no.39]. Даже гильдия *айяволе,* которая «*происходит с тысячи направлений*», все же собралась в том городе, где они оставили надпись, «*из 18 стран*» [SII, VIII, no.198; ARE, 193 of 1939/40]. «*Из 18 стран*» происходит и одно из ремесленных объединений (*ратхакары*) [ARE, 124, 125, 522 of 1937/38].

Число «18» популярно также, когда речь идет о внутридеревенских делах. Надписи из Карнатаки неоднократно упоминают, что в том или ином селении имеется «18 *пракрити*», которые отличны от брахманов и горожан [EI, II, no.15; IX, no.38; XIV, no.14; IA, II, p. 158–159; VI, p. 102–103]. Они же могут называться «18 *джати*», т.е. кастами [IA, V, p. 53, 136], или «18 *праджа*» («*восемнадцатью видами народа*») [ARE, 313 of 1932; EC, XI, p. 138, no.137]. Понятно, что средневековый индиец не мог полагать, что в обществе существует только 18 каст. В данном случае *18* несет нагрузку, противоположную той, которую мы отмечали выше. А именно, *ограничивающую* данную общность: «*только 18 каст*». Возможно, так обозначался (тоже, понятно, символически) штат общинных ремесленников и слуг, столь характерный для индийской сельской общины. Для специалистов, работавших в деревне по системе *джаджмани,* употреблялись и другие числительные: в Махараштре – *барабалюта* («*двенадцать плат*»); в Карнатаке – *энту-хитту* («*восемь порций* [*пищи*]») и *падинен-хитту* («*двенадцать порций»)*; в Тамилнаду и Андхре – *паннирандy-айягар* («*двенадцапь, получающих плату»).*

Таким образом, функция числительных в индийском словоупотреблении была двоякой. Их следует понимать либо в значении *много*, либо в значении *не все, а лишь некоторые».* Понятие *все* вводилось совсем иным способом – упоминанием «*98 каст правой руки и 98 каст левой руки»* [ARE, 355 of 1950/51]. Не будем сейчас разъяснять, что такое «правые» и «левые» касты. Это особая тема, тем более, служащая предметом споров, и по этому поводу нет даже мало-мальски обоснованного устоявшегося мнения. Для нашей цели достаточно указать, что был еще один способ ввести понятие «*все жители*», употребляя условные числа.

Карнатакские области с числовыми индексами

В Карнатаке в VII–XIV вв. существовали территориальные образования, имевшие рядом с географическими названиями числовые индексы. Значение этих чисел тоже предмет дискуссий. Дело в том, что эти числа иногда несомненно означают количество населенных пунктов в той или иной области. Иногда сама территориальная единица называется *десять деревень* (*дашаграма*) [EC, VIII, no.33], или *12 деревень (двадаша-грамьях)* [EI, IV, no.40; XIV, no.8; SIE, A-11 of 1949/50;], или «*36 деревень*» (*муваттарумбада бали*) [KI, II, no.13; BK, 46 of 1937/38].

Но когда встречаются области с индексами в несколько тысяч (Банаваси-12 000, Гангавади-96 000 и т.п.), то возникают сомнения, могло ли быть такое количество деревень в данной местности. В качестве определенного количества деревень воспринимались и целые государства. Так, Пулакешин II (609–642 гг.) правил, как тогда понимали, «тремя Махараштрами», состоявшими из 99 000 деревень [IA, VIII, p. 244]. А Западные Чалукьи в XI в. «управляли страной 7,5 лакхов», т. е. 750 000 [BK, 65 of 1932/33; EI, XVI, no.8-A, 8-F]. Их государство называли «*Раттапади-750 000 деревень*» даже их противники [ARE, 333 of 1927; EI, XXI, no.38]. Но этого не может быть, потому что даже в современной Индии насчитывается всего 600 000 деревень. Выдвигавшиеся разнообразные трактовки этих чисел пытались уложить материал в разумные рамки, полагая, что числа имеют реальное наполнение. Приходилось утверждать, что числа при географических названиях имеют разное содержание: сравнительно мелкие числа обозначают деревни, а крупные – то ли дворы, то ли монеты (размер налога с территории). Такая трактовка не имела серьезных подтверждений в источниках, к тому же не подчинялась никакой логике.

Решение загадки не лежит в границах реального. Составитель надписи не стремится быть точным. Даже те числа, которые кажутся разумными – 12, 30, 300 и т. п., – совершенно

очевидно, не всегда соответствовали действительности, особенно если вспомнить, что эти числа не менялись в течение столетий. Крупные же числа, не меняя своего виртуального значения («деревни»), выполняли чисто символическую роль, выражая могущество владельца соответствующей территории, или – даже более вероятно – значение данной крупной общины среди других общин.

«Сотни» и «тысячи» в Керале

Социальный строй Keралы отличался своеобразием. По легенде, вся земля на Западном побережье была в незапамятные времена отдана Парашурамой, *аватарой* бога Вишну, брахманам-намбудири. Он поселил общины брахманов в 32 деревни (*грама*), образованные вокруг храмов, и подчинил им правителя, имевшего столицей Маходайяпурам.

Нас сейчас интересуют некоторые числа, которые упоминаются в связи с брахманскими поселениями, а также и независимо от них. При описании некоторых брахманских *грам* в позднем квазиисторическом сочинении *Кералолпатти* указывается, какой контингент милиции выставляет каждое селение. Так, Парувур выставляет 5000 воинов, Челлур – 3000, Панайур – 4000 [Veluthat,1978, p. 16, 24, 27].

Эти, а может быть, и другие *сотни* и *тысячи*, выступают и как ополчения воинской касты *наяров* в пределах того или иного округа (*наду*). Известны «*500 из Пурайкиланаду*», «*700 из Курумпорайнаду*», «*300 из Нандрулайнаду*». По «*600*» (*арунутрувар)* имели Рамаваланаду, Валлуванаду, Кижмалайнаду и Венаду [TAS, II, p. 22, 24–25, 60–65, 192; III, p. 36, 188–189; V, p. 31–32, 40–46, 172–176, 178–180, 181–183; Narayanan, 1983, p. 114]. Иногда встречается выражение «*Тысяча»* [TAS, V, p. 45; Narayanan, 1973, p. 78, 82; ARE, 362 of 1927], а однажды даже «*Сорок тысяч»* как юридическое лицо [ARE, 238 of 1959/60; 241 of 1960/61]. И в то же время одна из надписей позволяет предполагать, что выражение «*300 из Нандрулайнаду*» реально обозначает только трех человек [TAS, V, p. 34, no.10]

Первоначально, когда начали изучать надписи из Кералы, эти *сотни* восприняли как народные собрания, большие сельские общины [Logan, 1887, I, p. 131–132; II, p. CXXII; TAS, II, p. 75; IA, XXIV, p. 284–285]. М. Г. С. Нараянан и К. Велутхат считают, что они доказали, будто это были феодальные ополчения отдельных вассалов [Narayanan, 1973, p. 74–83; Veluthat, 1978, p. 9]. Однако материала слишком мало, чтобы делать окончательные выводы относительно характера этих *сотен.* Ясно только, что средневековые индийцы любили круглые числа и пытались «на бумаге» уложить в них свой сложный социальный строй.

***

«Специфическое» отношение индийцев к числам отметил еще ал-Бируни в начале XI в.: «*Я могу сравнить то, что содержится в их книгах по арифметике и другим математическим наукам, только с перламутром, перемешанным с битыми черепками, или с жемчужинами вперемешку с навозом, или с кристаллами, перемешанными с камешками. Обе части для них имеют равную ценность, поскольку у них нет примера восхождения к вершинам логического познания*» [Бируни, 1995, с. 69]. Видимо, это обобщение нужно взять за основу при работе с индийскими «документами» по проблемам экономической системы или социального строя в Средние века. Сообщаемые ими количественные данные не следует принимать за чистую монету. Дело не просто в гигантомании. Многие числа, фигурирующие как обозначения территорий, или численности советов, или как совокупности общин, вовсе не крупные. Разгадка чисел в том, что они играют не документальную роль, часто обозначают не *количество,* а *качество.* Определенной удачей исследователя будет, если он поймет, в каком значении употреблена та или иная цифра: в значении «много», или «мало», или «не все», или же просто в значении «мы не хуже других».

Литература / References

Алаев Л. Б. О методике содержательного анализа индийской эпиграфики // *Теория и методы исследования восточной эпиграфики.* М., 2006. С. 6–29 [Alaev L. B. O metodike soderzhatel'nogo analiza indiyskoy epigrafiki // *Teoriya i metody issledovaniya vostochnoy 'epigrafiki.* Moscow, 2006. Pp. 6–29].

Бируни Абу Рейхан. *Индия.* М., 1995 [Biruni Abu Reihan. *India.* Moscow, 1995].

Abraham Meera. *Two Medieval Merchant Guilds of South India.* New Delhi, 1988.

Alayev L. B. Methods of Studying Epigraphy as a Historical Source // *Indus Valley to Mekong Delta. Explorations in Epigraphy.* Madras, 1985. Pp. 33–40.

Logan W. *Malabar.* Madras, 1887.

Mahalingam T. V. *South Indian Polity.* 2nd ed. Madras, 1967.

Narayanan M. G. S. The Hundred Groups and the Rise of Nayar Militia in Kerala // *Proceedings of the Indian Historical Congress.* Burdwan, 1983.

Narayanan M. G. S. The Institution of "Companions of Honor" with Special Reference to South India // *Proceedings of the Indian Historical Congress, 33th Session. Muzaffarpur (1972).* New Delhi, 1973. Pp. 74–83.

Veluthat K. *Brahman Settlements in Kerala. Historical Studies.* Calicut, 1978.

Сокращения

ARE – *Annual Report on Epigraphy.* For the years 1906/07–1935/36 Madras, 1907–1939; for the years 1936/37–1942/43 Calcutta, 1940–1953; for the years 1947/48–1956/57 Delhi, 1955–1964.

BK – *Bombay-Karnatak Supplement, Annual Report on Epigraphy.*

EC – *Epigraphia Carnatica.* Vols I–XII. Bangalore, 1898–1905. Vols XIV–XVI. Mysore, 1943–1968.

EI – *Epigraphia Indica.* Vols I–XXXVIII. Calcutta, Delhi, 1892–1970.

IA – *Indian Antiquary.* Bombay, 1872–1933.

IND – *A Collection of the Inscriptions on Copper-Plates and Stones in the Nellore District,* Made by Alan Butterworth and V. Venugopal Chetty. In three parts. Madras, 1905.

IP – *Inscriptions of the Pallavas.* Ed. by T. V. Mahalingam. Delhi, 1988.

KI – *Karnatak Inscriptions.* Vols I–IV. Dharwar, 1941–1961.

SII – *South Indian Inscriptions.* Vols I–XXIII. Madras, 1890–1953. Delhi, 1962–1979.

TAS – *Travancore Archaeological Series.* Vols I–VII. Madras, 1910–1921.

ЕЩЕ РАЗ О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ НА ВОСТОКЕ

© 2018 **А. Л. Рябинин, И. А. Рябинина***

Во второй рецензии на книгу известного российского индолога Л. Б. Алаева авторы подробно рассматривают взгляды востоковеда на древнейшие истоки сельской общины, марксистские мифы об индийской общине, дискуссии об общине в Японии и Таиланде и новаторские взгляды автора рецензируемой монографии на индийскую общину.

Ключевые слова: рецензия, община, сельская община, Л. Б. Алаев, индийская община, марксизм.

ONCE AGAIN ABOUT THE VILLAGE COMMUNITY IN THE ORIENT

Alexey L. Ryabinin, Irena A. Ryabinina

This second review of the recent book of the famous Russian Indologist Leonid B. Alaev analyzes in detail Alaev's views on the ancient sources of village communities, Marxist myths concerning Indian community, discussions on Japanese and Thai communities, as well as the monograph author's breakthrough conclusions on the essence of the Indian community.

Keywords: book review, review, commune, rural community, Leonid B. Alaev, Indian community, Marxism.

Сравнительно недавно увидела свет книга Л. Б. Алаева «Сельская община "Роман, вставленный в историю" Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе» [Алаев, 2016], которая заслуживает пристального внимания, так как ставит важнейшие вопросы, относящиеся к устройству сельского общества в разных регионах мира в разные временные периоды [Рябинин, 2018, с. 218–225].

Л. Б. Алаев выдвигает совершенно новый взгляд на сельскую общину, являющуюся для него не идеальной конструкцией (как ее рассматривали немецкая историография XIX в., марксистско-энгельсовская концепция и официальная советская историческая наука в XX в.), представлявшей собой в древности коллектив равноправных тружеников, а впоследствии «разлагавшейся» – выделяя индивидуальные владения при сохранении общих угодий и противопоставляя себя либо крупному землевладельцу, либо государству с его административным аппаратом. Алаев представляет общину как объединение самых различных по имущественному и социальному положению людей, которые объединяются как сами по себе, так и по приказу сверху. По Алаеву, община – живой институт, поставленный в определенные условия, к которым он должен приспосабливаться, причем, чем тяжелее эти условия, тем сплоченные становится общинный коллектив.

В статье будут рассмотрены два важнейших вопроса в работах Л. Б. Алаева: 1) в каком виде автор представляет общины в разных регионах мира в разные временные периоды?[1] и 2) что же Л. Б. Алаев считает общиной?

* Алексей Леонидович РЯБИНИН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; rjabinin50@rambler.ru

Alexey L. RYABININ, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; rjabinin50@rambler.ru

Ирена Алексеевна РЯБИНИНА, старший преподаватель Аграрно-технологического института Российского Университета Дружбы Народов, Москва; ryabinina.irena@gmail.com

Irena A. RYABININA, Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia, Agro-Technological Institute, Moscow; ryabinina.irena@gmail.com

[1] Вопрос об общине в Китае будет рассмотрен в отдельной статье. – *Прим. ред.*

Спорные вопросы изучения первобытной общины

Если в раннем палеолите Л. Б. Алаев представляет первобытную общину как бродячий коллектив собирателей, охотников и рыболовов из 20–50 человек, то о том, как она эволюционировала в среднем и позднем палеолите, мезолите и неолите, а также энеолите и медном веке, мы ничего не знаем. Первые сообщения о сельской общине появляются только в период бронзы, когда становятся известны данные о подобных организациях в Месопотамии и Египте. В существовании месопотамских общин автор не сомневается: он использует для их идентификации многочисленные работы И. М. Дьяконова, который писал о «позднейшем возникновении соседской общины (не непосредственно из родовой)» [Алаев, 2016, с. 363]. А вот в «классический» период древнеегипетской цивилизации (Раннее, Древнее, Среднее и Новое царства) наличие общины «не прослеживается» [Алаев, 2016, с. 366]. В этом случае позволю себе не согласиться. Во-первых, о наличии общины в период Древнего царства сообщает И. В. Виноградов [2]: «один вельможа, живший в конце III династии[3], покупает землю у **коллектива** (здесь и далее, если не обозначено иначе, выделено *А. Р.)* неких *нисутиу* («царских»), которые, следовательно, имели какие-то индивидуальные или коллективные права на землю и могли распоряжаться ею по своему усмотрению» [Виноградов, 1989, с. 155; История Востока, Т. I, 1997, с. 160.] Что бы ни значил титул *нисутиу* («царские»)[4], наличие крестьянского коллектива, совместно продающего землю египетскому вельможе, налицо. Естественно, если эти *нисутиу* («царские») объединились в коллектив уже на царских землях, то данная община не имеет отношения к так называемой «первобытной», не является продуктом ее разложения, а представляет собой новообразование.

Не вполне справедлив упрек египтологу И. А. Стучевскому, «счевшему себя обязанным общину в Древнем Египте найти» [Алаев, 2016, с. 367]. Автор приводит пример некорректной интерпретации Стучевского: «Он считает, что докажет существование общины в Древнем Египте, если обнаружит круговую поруку, связывающую деревню. Находит он намеки на круговую поруку не сразу, а только в источнике, относящемся к XIX династии, т. е. к Новому царству. Казус таков: «сборщики налогов терзают крестьянина, накопившего недоимки. Они его бьют, бросают в колодец, его жену и детей связывают. **Остальные крестьяне убегают, так как боятся, что их заставят заплатить за недоимщика»** [Алаев, 2016, с. 367]. Алаев интерпретирует этот случай так: «Если этот пример о чем-то говорит, то именно о том, что круговой поруки в данном случае нет, ни по обычаю, ни по указу сверху. Крестьяне не торопятся защищать своего соседа, не проявляют никакой солидарности, “бросают его на произвол судьбы”, а сборщики никак не догадываются взыскать недоимку с соседей неплательщика» [Алаев, 2016, с. 367]. Однако данный казус можно интерпретировать и иным образом: сборщики налогов подвергают пыткам крестьянина и его семью в качестве только первого акта этой «сельской трагедии», только пока «не догадаются взыскать недоимку с соседей», репрессии по отношению к которым будут уже следующим актом: ведь те почему-то убегают. Собственно, сам Алаев и говорит почему: «так как боятся, что их заставят заплатить». Что это как не круговая порука? Автор считает, что отсутствие круговой поруки в Древнем Египте проявляется в том, что «крестьяне не торопятся защищать своего соседа».

[2] В своей работе И. В. Виноградов говорит об общине вообще, размышляя об истоках древнеегипетской цивилизации, неолите и эпохе додинастики. Уже в сноске 1 он сообщает: «В исторический период фараонского Египта явственных следов существования сельской общины не обнаружено». – [Виноградов, 1989, с. 143]. – *Прим. ред.*

[3] Речь идет о надписи вельможи Мечены (ок. XXVII в. до н.э., ранняя часть Древнего царства, эпоха энеолита), которая считается ***последним*** возможным упоминанием существования мелких собственников земли (крестьян-общинников?) в Древнем Египте. См., например: Перепёлкин Ю. Я. *История древнего Египта.* СПб., 2000. С. 123, 137. – *Прим. ред.*

[4] Особая категория т. н. «царских людей» (*нисутиу*) или «слуг царевых» (*хемуу нисут*), организованных по принципу корабельных команд и владевших различными профессиями, рассмотрена в работах отечественного египтолога О. Д. Берлева: *Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства* (М., 1972. С. 7–10) и *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный слой «царских* Hmww» (М., 1978. С. 5–13). – *Прим. ред.*

Если бы крестьяне стали действительно защищать недоимщика, проявляя солидарность, это было бы расценено как бунт и привело к самым жестоким репрессиям. Кому, как не автору, знать о последствиях бунтов в восточных деспотиях?

Другое дело, что круговая порука – институт, устанавливаемый государством, и наличие его еще не говорит о существовании настоящей сельской общины. Она может свидетельствовать как об общинной организации, так и о созданных государством фискальных объединениях типа пятидворок и десятидворок в Китае. В этом случае вопрос сводится к выяснению того, какие структуры создавались внутри этих фискальных объединений: допускало ли государство создание в них общинных организаций или все сводилось к чисто фискальным функциям, когда крестьянские хозяйства произвольно «тасовались» государственными органами, меняющими их конфигурацию в соответствии с налоговыми нуждами. Несмотря на мнение значительной части египтологов об отсутствии в Древнем Египте сельской общины, изложенное дает возможность разделить точку зрения И. А. Стучевского о ее наличии в стране Кемет.

Проблематика изучения русской общины

Весьма важен вопрос об общине в России. До недавнего времени к феномену русской общины обращались при характеристике Октябрьской революции, якобы возродившей дух общинности, выразившейся в создании Советов [5]. Соглашаясь с дореволюционными учеными Н. П. Павловым-Сильванским, А. А. Кауфманом и А. Я. Ефименко, Л. Б. Алаев убедительно показал, что «история общины в России в период Средневековья и раннего Нового времени явно не укладывается в схему постепенного ее разложения и вызревания частной собственности» [Алаев, 2016, с. 115]. С течением времени «общинные» черты в русской деревне не ослабевали, а усиливались, достигнув максимума в виде передельной общины только в XVIII–XIX вв.[6]. Цитируя Павлова-Сильванского, Алаев пишет: «Первые переделы появились на частновладельческих землях, и их причиной было не “земельное утеснение”; “земли нередко есть большой запас. Здесь (на частновладельческих землях) люди изнурены не малоземельем, а тяжестью налогов, и главная цель – достичь наиболее точного соответствия между налогами и трудовым силами каждого. Там (в свободных общинах) бедные ищут землю. Здесь бедные стремятся избавиться от земли”» [Алаев, 2016, с. 83]. Анализируя налоговую реформу Петра I и введение подушных податей, автор утверждает:

[5] Приведем в пример телевизионную программу Виталия Третьякова «Что делать? Великая Октябрьская: революция или переворот», показанную 4 ноября 2002 г. Участник программы к.и.н. Михаил Горинов заявил, что в Великой Октябрьской революции были элементы контрреволюции, например, «на поверхность выплеснулась такая архаическая струя, вот возьмите Советы, возьмите эти формы организации, которые возникли в России в 1917 г., это же они уходят в общинную традицию, и вот эта общинная традиция, которая размывалась усиленно, особенно после 1861 г., она отторгла эти структуры западного типа, которые устаканивались, которые внедрялись в России после 1861 г. Они были смыты». URL: https://youtu.be/r0IULV9TZGg (дата обращения 06.09.2018).

[6] «…лишь со второй половины XVIII в. можно говорить о господстве передельной общины в центральных областях», «передельная община возникла и **на Северо-Востоке**. В 1795 г., во время пятой ревизии, некоторые крестьяне обратились к вологодскому директору казенных земель с просьбой наделить их землей по душам. Передел распространялся медленно, так как против него выступали те, кто имел крупные доли… Чтобы земли хватало на всех, некоторые площади передавали из одной волости в другую, из одной деревни в другую, а также переселяли отдельные семьи из деревни в деревню, иногда на расстояние в 40 верст. В 1812 г., при шестой ревизии, было издано постановление о переделе всех земель, однако, о массовом переходе к переделу в северных губерниях можно говорить лишь после 1815 г.», «возникли переделы и **в черноземных областях России**… В XIX в. царское правительство начинает стремиться к уравнительному распределению земель по всей стране. В 1814 г. харьковский генерал-губернатор предложил разделить земли таких поселенцев (потомков московских служилых людей: боярских детей, стрельцов, пушкарей, рейтаров, затинщиков, воротников, ездаков, а также потомков казаков из Литовского государства – *А. Р.*) уравнительно по числу душ, запретив при этом, само собой разумеется, куплю-продажу надельных земель», «на Украине, Дону, Кубани и Кавказе переход к переделам произошел тоже в течение XIX в.» [Алаев, 2016, с. 86–89, 90–91].

«переделы податей **предшествуют** переделам земли и **приводят** к этим переделам» [Алаев, 2016, с. 85].

Таким образом, максимальное развитие русской общины, достигшей стадии передельной, проявилось именно тогда, когда она в максимальной степени была закабалена либо помещиком, либо государством, т. е. к середине XIX в. Как пишет Алаев, «Удивительно, как из внимания практически всех… размышлявших о характере русской общины, выпадало то обстоятельство, что речь идет об общине **на господской земле**, общине **крепостных**, по сути, рабов!» [Алаев, 2016, с. 119]. Что же изменилось после Великой реформы 1861 г.? Автор отвечает: «После освобождения крестьян положение изменилось мало… Земля была дана… «сельскому обществу», из которого крестьянин не мог выйти. Община приобрела часть той власти, которая раньше принадлежала помещику. Она была **сохранена** там, где имелась раньше, и **сформирована** в тех местах, где ее не знали» [Алаев, 2016, с. 120]. Кроме того, за общиной зорко надзирали государственные власти: «В Положении о земских начальниках от 12 июля 1889 г. говорилось: "На земского начальника возлагается попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспеянии крестьян вверенного им участка, по предметам ведомства сельских и волостных сходов"» [Алаев, 2016, с. 125]. В результате: «была община частью крестьянской системы, стала частью систем слежки. Сорок лет всевластия міра – между крестьянской реформой и реформой Столыпина, – мрачный период в истории российского крестьянства» [Алаев, 2016, с. 126].

«Только после 1906 г. указом царя крестьянство было уравнено в гражданских правах с лицами других сословий. Крестьянин получил право свободно менять место жительства, выбирать род занятий, поступать на государственную службу и в учебные заведения. В ходе тех же Столыпинских реформ крестьянам был разрешен выход из общины с выделением своего надела в обособленный участок (отруб), или с выделением его усадьбы с соответствующими полями из деревни (хутор). Но даже такого равноправия они не получили: продавать свою землю они могли только членам крестьянского сословия; закладывать надел могли только в Крестьянском банке, купить крестьянин мог не более 6 наделов» [Алаев, 2016, с. 121–122]. Причина ограничения равноправия крестьянства с другими сословиями заключалась «в боязни дать крестьянам свободу! Свобода означала не только возможность бунта, но и неизбежность массового разорения крестьянства и пролетаризации страны» [Алаев, 2016, с. 122]. Алаев указывает причину сохранения общины с пореформенного периода до 1917 г.: «нежелание правительства иметь дело с миллионами крестьянских хозяйств» и необходимость в этом случае увеличивать расходы на полицию [Алаев, 2016, с. 122].

Однако и после 1906 г., когда было отменено право телесного наказания крестьян, над общиной сохранился контроль земских начальников, а, следовательно, и она находилась под слежкой до 1917 г. Более того, после большевистского переворота постепенно разлагавшаяся в результате Столыпинских реформ русская община снова стала возрождаться: «После 1917 г. община снова возродилась на недолгий срок» [Алаев, 2016, с. 130]. Алаев убедительно показывает: русская община слагалась именно как зависимая – либо от помещиков, либо от государства, налагавших на крестьян подати, заставляя их объединяться в долевые, складческие и передельные общины.

Когда же русская община была свободной, не подчинявшейся ни частной, ни государственной зависимости? Может быть, когда в Киевской Руси существовала *вервь*? Однако Л. Б. Алаев пишет о полной неясности ситуации с *вервью*: «Что она собой представляла – это не ясно и служит предметом дискуссий. Либо это была поземельная община, члены которой делили между собой общинную землю, измеряя ее при помощи *верви*, т. е. веревки. Либо это объединение родственников, и *вервью* называлась линия родства, порядок наследования» [Алаев, 2016, с. 81] Алаев считает, что «вервь "киевского" периода позже не прослеживается», «вервь перестала существовать еще в домонгольский период»

[Алаев, 2016, с. 82]. Может быть, когда «некогда свободной общиной» была *волость*?[7] Однако Алаев доказательно утверждает, что «свободная волость» как предок русской общины – еще один миф, вмонтированный в историю [Алаев, 2016, с. 98]: слово «волость» происходит от существительного «власть» и предполагает распространение на волостную территорию государственных (или протогосударственных) полномочий. Так что на самостоятельность русской общинности может претендовать только *вервь* киевского периода, да и то с большой степенью сомнения.

Л. Б. Алаев формулирует очень важное положение: «…можно всегда утверждать, что община гораздо шире ее поземельных функций, и что она, скорее всего, существовала несмотря на то, что не отражалась в источниках» [Алаев, 2016, с. 118]. При этом он полагает, что «поземельные отношения – одни из наиболее важных в жизни аграрных обществ, и потому "степень общинности" сельской жизни вполне логично измерять степенью вмешательства коллектива в эти отношения…» [Алаев, 2016, с. 118]. С одной стороны, степень общинности измеряется степенью вмешательства общины в поземельные отношения, а с другой, даже в случае если таковое вмешательство отсутствует (хотя, как сообщил автор монографии автору статьи, минимальное земельное регулирование пользования угодьями и пустошами все-таки остается), то община все равно не перестает быть общиной.

Л. Б. Алаев считает, что «вполне может представить себе **общину частных собственников**, имеющих очень слабое касательство к земле. Именно ее имел в виду Маркс, когда утверждал в "Формах, предшествующих капиталистическому производству", что германская община существовала только в виде регулярных собраний». На подобных регулярных собраниях обсуждались и вопросы регулирования пользованием угодьями, выпаса скота: «Так, владение земельным участком влечет за собой обязательность соблюдения характерных для общинного строя правил пользования общинными угодьями (при наличии градуированности индивидуальной собственности на каждое из них), а также обработки полей и принятых общиной севооборотов в пределах данного района. Оно (владение земельным участком – *А. Р.*) обязывает… каждого общинника считаться с интересами других членов общины и в том, что касается порядка использования неподеленных земельных территорий и допущения новых поселенцев к их эксплуатации» [История крестьянства, 1985, с. 148–149].

Община для Алаева конституируется при совместном проживании, удовлетворении одного из важнейших необходимых потребностей человека – потребности в **общении** с себе подобными. Автор справедливо настаивает на огромном значении такого важнейшего атрибута как взаимопомощь, а также нематериальных факторов: праздников, ритуалов, церкви или «деревенского» (местного) божества. При этом Алаев полагает, что сила общины в отношении ее членов не означает ее силу в отношении землевладельца или государственного аппарата, представленного чиновником: чаще всего подчинение общины властям сопровождается усилением контроля над собственными членами.

Особенности общины в Японии и Таиланде

В Японии «специфическая местная» община возникла на землях крупных земельных владений *сёэн* как зависимая община, затем в XV–XVI вв. в период Сражающихся княжеств (*сэнгоку дзидай*) община (*со*) добилась не только «широкой автономии», но и стала практически самостоятельной, превратившись в субъект политики (обладание собственными армиями, судом и репрессивными органами), а затем, с конца XVI в., с момента переписи (*кэнти*) при Тоётоми Хидэёси (1582–1598) вновь была закабалена [История Китая, Т. 2, 2016, с. 407]. Не вызывает сомнения наличие общин в Северном Вьетнаме, на Яве и Бали. Причем, все это были общины поздние, образованные уже в четко стратифицированном обществе, не

[7] См: [Носов, 1972, с. 67]. Цит. по: [Алаев, 2016, с. 82, 97].

связанные с так называемой «первобытной общиной» [Алаев, 2016, с. 407–416; 422–433]. На территории современной Камбоджи после распада государства Фунань в середине VI в. Л. Б. Алаев отмечает наличие «общинной структуры» *пура* у монов (семейно-родовой общины – по Н. В. Ребриковой), состоящей из «домовых общин и отдельных семей». У кхмеров в это время в качестве структурной единицы существовала большая матрилинейная семья [Алаев, 2016, с. 416–417], которую Алаев, по-видимому, общиной не считает. Только в период Ангкорской империи (IX–XV вв.) «можно говорить о появлении сельской общины, имевшей четкое членство и определенную территорию» [Алаев, 2016, с. 418]. По-видимому, разницу между «большой матрилинейной семьей» у доангкорских кхмеров и общинных структур *пура* у монов, с одной стороны, и настоящей сельской общиной у ангкорцев, состоит именно в наличии у последних в общинах четкого членства и определенной территории.

У таев в государствах Сукхотаи (1238–1448) и Аютия (1351–1767) основой общинной системы было «обиталище большой патриархальной семьи» (*рыан* – «дом»), которое входило в «деревенскую общину» (*бан*), в сою очередь, бывшую частью мыанга (широкое значение – от племени до территориального подразделения или княжества). *Бан* являлся одновременно и военным отрядом и новой общиной, где происходили обмены земельными участками. Впрочем, обмены участками производились и между *банами* в пределах *мыанга*. Одновременно в *мыанге* существовала сотенная структура (*панна*), в функции которой входила организация вооруженных сил, управление и ирригация. В *мыанге* могло быть до нескольких десятков *панна*, которые могли объединяться в военно-политические союзы [Алаев, 2016, с. 418]. По-видимому, сотенная структура таев, в отличие от протообщинной структуры, представляла собой зачатки политийной (государственной) организации. Та же система *панна* существовала в ранней Аютии (1350–1569). Там, по-видимому, на сельскую общину *бан* наложилась система *сакти-на*, происходившая от раннеаютийской «сотенной системы» *панна*. Собственно, система сакти-на – это развитие тайской государственной структуры, фактически поглотившей общину *бан*, заставив «играть по своим правилам»: выделять земли носителям определенного количества рангов. Не удивительно, что Е. В. Иванова в XX в. не обнаружила у таев общину [Алаев, 2016, с. 418]. Правда, в 1970-х гг. Дж. Поттер нашел в районе Чиенгмая в Северном Таиланде «общину», которая «“владеет” (распоряжается) храмом, библиотекой, школой, кладбищем, каналами, дорогами», которые «курируют специально созданные для этой цели комитеты» [Алаев, 2016, с. 419]. Такие образования похожи на китайские общины, не регулирующие земельные отношения, но играющие большую роль в организации деревенского общежития.

Пять марксистских мифов об индийской общине

Главный вклад в мировую науку Л. Б. Алаев внес именно исследованием индийской общины. Можно представить, как трудно пришлось автору в течение почти 40 лет научной деятельности, пришедшихся на период советской власти, подгонять под марксистскую схему материал индийской кастовой общины, не умещающийся в прокрустово ложе «самого великого из учений». Именно сопротивление давлению марксистского официоза и привело к появлению этой монографии. Следуя стратегии «разоблачения мифов», Алаев убедительно обнаруживает настоящую подоплеку пяти мифов, сложившихся в марксистском учении об индийской общине.

1. Миф о примитивности индийской общины XIX–XX вв. как института «первобытного коммунизма» десакрализуется соображением о том, что это была не крестьянская община, а община каст [Алаев, 2016, с. 138], сложившаяся после образования в Индии каст приблизительно с VIII в.

2. Миф о патриархальности и демократичности индийской общины опровергается существованием тех же каст, предполагающих принципиальное социальное неравенство. Как пишет Алаев, «все так называемые деревенские советы суть советы **доминирующей касты»** [Алаев, 2016, с. 140].

3. Миф о коллективном хозяйстве и общинном землевладении опровергается тем, что в индийской общине даже «если наблюдаются коллективные права на землю, то это всегда права **части** общинников, противопоставляемые бесправию в отношении земли другой части» [Алаев, 2016, с. 145].

4. Миф об экономической замкнутости индийской общины наиболее устойчив и находится сегодня в большом ходу у востоковедов (в основном, неиндологов). В монографии автор впервые подробно рассматривает именно систему *джаджмани*, давшую повод считать индийскую общину замкнутой системой, пересматривая эту ее раннюю концепцию. Во втором томе «Истории Востока» («Восток в средние века») Л. Б. Алаев писал: «Ниже слоя землевладельцев-налогоплательщиков, осуществлявших общинное самоуправление, стояли неполноправные члены общины – арендаторы, безземельные работники, ремесленники. Система *джаджмани*, т. е. система несимметричного взаимного обслуживания землевладельческих, земледельческих и служебно-ремесленных каст, возникшая в Северной Индии еще в древности, в VIII–XIII вв. распространилась на Декан и Юг» [История Востока, 1995, с. 289]. Из текста складывалось впечатление, что система *джаджмани* является системой внутриобщинного разделения труда и неэквивалентного обмена услугами и предметами производства между представителями различных каст. Такую же мысль можно почерпнуть и из текста А. А. Вигасина, писавшего: «Деревенское население отличалось сложностью социального состава, поэтому невозможно говорить о единой массе крестьянства. Наиболее существенные различия были между полноправными общинниками и наследственными арендаторами чужой земли. Кроме того, довольно значительным было неземледельческое население сельской местности… Отношения земледельцев с ремесленниками некоторых профессий – таких, как кузнец, гончар, плотник, кожевенник – складывались в особую систему взаимообеспечения, регулируемого не рыночной конъюнктурой, а традиционной сетью прав и обязанностей. Функционирование этой системы, получившей в современной социологической литературе название джаджмани, тесно связано с оформлением кастового строя» [История Востока, Т. 2. 1995, с. 4]. Такую точку зрения всегда транслировал в лекциях по истории Индии и автор этой статьи.

Ссылаясь на данные, приводимые индийским ученым Л. К. Махапатрой, описывающим владения храма Джаганнатха, Алаев утверждает в рецензируемой монографии, что «*джаджмани* была частью всеобъемлющей системы **ритуального обслуживания**, **существовавшей в масштабах средневекового государства**» [Алаев, 2016, с. 153]. Автор делает упор на то, что *джаджмани* была системой обмена не любыми, а именно **ритуальными** услугами, в подтверждение чего приводит следующее наблюдение: «Замечено, что ремесленники в собственном смысле слова раньше других переходят на работу за деньги, а брахмана, прачку и цирюльника общинники продолжают вознаграждать участками земли и горстями риса в жатву» [Алаев, 2016, с. 154]. То, что «ткачи и маслобойщики… а также кондитеры (представители всех этих каст нередко проживали в тех же деревнях) в систему *джаджмани* почти никогда не входили», Алаев связывает с тем, что «их продукция не считалась ритуально загрязняющей и могла продаваться на рынке» [Алаев, 2016, с. 155]. Таким образом, исключительно внутри индийской общины производился обмен только теми услугами и продуктами труда, которые могли ритуально «загрязнить» внеобщинных акторов рынка. Кардинальный вывод автора следующий: «система *джаджмани* – это **не внутриобщинное разделение труда**, а скорее **общинное соединение видов труда**» [Алаев, 2016, с. 154]. Также автор приводит схему экономических отношений индийской общины, из которой следует, что эта община «экспортирует» зерно, хлопок и семена масличных культур, притом что «импортирует» листья бетеля, металлы, ткани, пряности, дерево, масло, соль и орехи бетельного арека [Алаев, 2016, с. 156]. Какая уж тут общинная замкнутость.

5. Миф об индийской общине как о социально и политически замкнутом мире. Алаев напоминает, что индийская община «состоит из каст, а касты, по определению, должны жить дисперсно, чтобы контактировать с другими кастами… Одна только необходимость поисков

брачных партнеров в пределах своей касты постоянно реанимировала связи однокастников, не говоря уже о поддержании бытовых и культурных отношений» [Алаев, 2016, с. 160]. Не предпринимая подробный разбор огромного материала об индийских общинах в древности, в Северной и Южной Индии в Средние века и Новое время, заслуживающий высочайших похвал, приведем две характеристики индийской общины китайскими буддийскими паломниками. Так, посетивший Индию в V в. монах Фасянь писал: «Индия благоденствует и нет такого, чтобы дворы были отданы в подчинение чиновникам» [Алаев, 2016, с. 169]. Другой знаменитый монах, Сюань-цзан, побывавший в этой стране в VII в., охарактеризовал ситуацию еще более четко: «Семьи не занесены в списки, жители не несут повинностей» [Алаев, 2016, с. 169]. Что может более ярко охарактеризовать разницу между положением беззащитного китайского крестьянина и индийского землевладельца, располагавшего буфером между собой и государством – сельской общиной?

Заключение. Сложности определения понятия «сельская община»

Отталкиваясь от последнего сравнения, хочется задаться вопросом: «Что же представляет собой “сельская община”»? Каковы ее критерии? Что мы можем считать общиной, а что нет? Можем ли мы считать общиной китайскую пятидворку или десятидворку, если они в первую очередь проводят государственную политику? Мы же знаем, что в реальности так не бывает, и даже полностью подчиненные казне «общинные» органы проводят свою политику, хотя и под большим давлением государства. Может быть, в таком случае можно говорить о «теневой» деятельности общины, которая все-таки берет на себя функции общественного и экономического устройства в деревне, внешне подчиняясь строгим указаниям властей? На это, надеюсь, ответят будущие исследования «общиноведов», и в том числе Л. Б. Алаева.

В качестве дружеской критики можно предъявить автору тот же упрек, который он адресует оппонентам. Так, приводя сообщение Ю. М. Кобищанова о том, что «в сахельской зоне Мали, в округе Гундам вокруг озера Фагибин… в селениях *сонгаев* распределяются между полноправными общинниками только плодородные низкие поля, затопляемые время от времени Нилом», автор замечает: «метод раздела “низких” земель Кобищанов не уточняет», тут же добавляя: «скорее всего, они распределялись по наследственным долям, т. е. общинные права на землю сочетались с частными правами на точно определенную долю в этой земле и в общинных “активах” в целом» [Алаев, 2016, с. 356]. Почему же «скорее всего» именно «по наследственным долям», а, например, не по потребностям между всеми полноправными общинниками? Может быть, потому что именно по долям происходил раздел в любимой автором индийской общине? Подвергая критике традиционную теорию эволюции общины (праобщина – родовая община – сельская община), Алаев имеет мужество сказать, что сам знает об общине далеко не все. Для него, да и для мировой науки до сих пор нерешенным остается вопрос, почему «в сходных социально-экономических условиях у одних народов развивается общинное землевладение, а у других – частное крестьянское» [Алаев, 2016, с. 76–77].

Отказ от общих схем, уход от генерализации в тех случаях, когда она не обоснована, обоснование права ученого сказать «мы этого не знаем» – вот что (помимо фундаментального исследования сельской общины в мировом масштабе) является основной заслугой Л. Б. Алаева, вместившего весь свой опыт 60-летнего исследовательского труда в книгу «Сельская община. “Роман, вставленный в историю”».

Литература / References

Алаев Л. Б. *Сельская община «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе.* М., 2016 [Alaev L. B. *Sel'skaya obschina "Roman, vstavlennyi v istoriyu". Kriticheskiy analiz teoriy obschiny, istoricheskih svidetel'stv ee razvitiya i roli v stratifitsirovannom obschestve.* Moscow, 2016].

Виноградов И. В. Лекция 6. Раннее и Древнее царства Египта // *История древнего мира. Ранняя древность.* Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1989 [Vinogradov I. V. Lektsiya 6. Rannee i Drevnee tsarstva Egipta // *Istoriya drevnego mira. Rannyaya drevnost'.* Pod red. I. M. D'yakonova. Moscow, 1989].

История Востока. Т. 1. *Восток в древности.* М., 1997 [*Istoriya Vostoka.* Vol. I. *Vostok v drevnosti.* Moscow, 1997].

История Востока. Т. II. *Восток в средние века.* М., 1995 [*Istoriya Vostoka.* Vol. II. *Vostok v srednie veka.* Moscow, 1995].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. II. *Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н. э. – III в. н. э.).* М., 2016 [*Istoriya Kitaya s drevneyshih vremyon do nachala XXI veka.* Vol. II. *'Epoha Zhan'go, Tsin' i Han' (V v. do n.'e. – III v. n.'e.* Moscow, 2016].

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. *Формирование феодально-зависимого крестьянства.* М., 1985 [*Istoriya krest'yanstva v Evrope. 'Epoha feodalizma.* Vol. I. *Formirovanie feodal'no-zavisimogo krest'yanstva.* Moscow, 1985].

Носов Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. (к постановке вопроса) // *Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики в России. Дооктябрьский период.* Л., 1972 [Nosov N. E. O dvuh tendentsiyah razvitiya feodal'nogo zemlevladeniya v Severo-Vostochnoy Rusi v XV–XVI vv. (k postanovke voprosa) // *Problemy krest'yanskogo zemlevladeniya i vnutrenney politiki Rossii. Dooktyabr'skiy period.* Leningrad, 1972].

Рябинин А. Л. Рецензия на книгу Л. Б. Алаева «Сельская община. "Роман, вставленный в историю". Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе» // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. № 3. С. 218–226 [Ryabinin A. L. Retsenziya na knigu L. B. Alaeva "Sel'skaya obschina. 'Roman, vstavlennyi v istoriyu'. Kriticheskiy analiz teorii obschiny, istoricheskih svidetel'stv eyo razvitiya i roli v stratifitsirovannom obschestve" // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* Moscow, 2018. 3. Pp. 218–225].

«НАМ НАДЛЕЖАЛО СТАТЬ НЕ ВРАГАМИ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ, А ЗАЩИТНИКАМИ ОТ ЕЕ МНИМЫХ ЗАПАДНЫХ ДРУЗЕЙ»: РУССКИЙ ДИПЛОМАТ О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ В 1864 г.

А. В. Болдырев*

Предлагаемое исследование является продолжением статьи «“Восточный вопрос” в российском общественно-политическом дискурсе 50-х – 60-х гг. XIX в.» [Болдырев, 2018, с. 111–116]. Вводимая в научный оборот статья бывшего дипломата В. С. Неклюдова была знаковым событием. Она показала, что в отношении Османской империи спустя десятилетие после Крымской войны произошел поворот, заключавшийся в осознании того факта, что стабилизация обстановки на Ближнем Востоке могла быть более эффективной не столько в рамках европейского равновесия, сколько на основе российско-османского диалога.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Османская империя, Россия, Балканы, Неклюдов.

“WE WERE MEANT TO BE NOT THE ENEMIES OF THE OTTOMAN EMPIRE, BUT THE DEFENDERS FROM ITS ALLEGED WESTERN FRIENDS”: RUSSIAN DIPLOMAT ON THE EASTERN QUESTION IN 1864

Andrey V. Boldyrev

This research is a continuation of the article «“Eastern Question” in the Russian Socio-political Discourse of the Second Half of the 1850s–1860-s.» The article of the former diplomat V. S. Neklyudov is introduced here for the first time, being a landmark of sorts, because it showed that a decade after the Crimean war there came a change in Russia's view of the Ottoman Empire: Stabilization in The Middle East could be achieved more effectively on the basis of the Russian-Ottoman dialogue than within the framework of European equilibrium.

Keywords: Eastern question, the Ottoman Empire, Russia, the Balkans, Neklyudov.

После Крымской войны Балканский полуостров был важен с точки зрения восстановления позиций России на Ближнем Востоке. Большинство консервативных и либеральных публицистов полагали, что постепенный развал Османской империи соответствует интересам России. Менее многочисленная часть либерального спектра исходила из необходимости долговременного сотрудничества с Османской империей, считая, что это подготовит постепенное и мирное решение Восточного вопроса. Так, признавая пассивную роль оттоманского государства при решении ее судьбы великими державами, публицисты демократического направления считали, что Османская империя обладает достаточными возможностями для проведения необходимых для своего существования реформ, убеждая не выносить ей окончательный приговор [Радюкин, 1867, с. 227–228]. Соглашаясь с аргументами коллег и рассматривая Османскую империю как европейский противовес политике России на Ближнем Востоке, эти журналисты полагали, что наличие у России и сопредельной империи общих недоброжелателей в лице Великобритании, Франции и Австрии делает российско-османские противоречия менее острыми, чем это принято считать [Без автора, 1864, с. 458, 460].

* Андрей Викторович БОЛДЫРЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow: boldirew.andrei2011@yandex.ru

Ввиду вышеизложенного особого внимания заслуживает статья бывшего дипломата В. С. Неклюдова[1] «Об отношениях России к Оттоманской империи», вышедшая в 1864 г. в либеральном журнале «Русский вестник» [Неклюдов, 1864]. В статье автор предпринял попытку всестороннего анализа российско-османских отношений, для того чтобы определить цели России в Восточном вопросе. Статьz Неклюдова не получила освещения в современной отечественной историографии, что дает основания считать ее вводимой в научный оборот *впервые*[2].

По мнению Неклюдова, главный недостаток политики России заключался в том, что за восемь лет после окончания Крымской войны ей не удалось найти «искомую точку опоры для прочного установления наших сношений с Оттоманской империей». Тем самым автор делал вывод об отсутствии понятной и выгодной для России политики на Ближнем Востоке, поскольку в условиях закрепления великих держав в Османской империи Россия не выработала для себя четких приоритетов в Восточном вопросе. По мнению Неклюдова, они должны были заключаться в «единственной цели, какую надлежит России иметь на Востоке, которая состоит в защите, покровительстве и охранении религиозных и материальных интересов единоверных и единоплеменных нам населений этого края» [Неклюдов, 1864, с. 618, 626]. Последнее, как отмечал автор, напрямую зависело от степени добрососедства России и Османской империи. Таким образом, Неклюдов делал вывод об отсутствии между двумя странами реальных противоречий на Ближнем Востоке, приходя к выводу, что, закрепившись в начале XIX в. на линии северное Причерноморье – Прут – нижний Дунай, Россия полностью исчерпала национальные интересы в Восточном вопросе и должна была ограничиться поддержанием своего влияния в сопредельном со своей территорией православно-христианском ареале. Утвердившись в Черноморско-Дунайском регионе, Россия не должна была продолжать движение «в юго-западном направлении» (т. е. в сторону Балкан), что, в свою очередь предполагало установление дружественных отношений с Османской империей, поскольку только в сотрудничестве с последней Россия могла рассчитывать на стабилизацию своих юго-восточных границ [Неклюдов, с. 617–618, 621].

Такой подход к российско-османским отношениям исключал какую-либо политику завоеваний, переводя вопрос о балканских владениях султана из сферы противостояния в сферу сотрудничества двух держав, что позволяло России вновь стать посредницей во взаимоотношениях султана с его православными подданными. Тем самым предполагалась и возможность восстановления двусторонних отношений с османским государством на основе практики 1830-х гг., что затруднило бы вмешательство европейских держав во взаимоотношения России и Османской империи. Наконец, при такой постановке вопроса проблемы Черноморского региона могли обсуждаться не на международных конференциях (т. е. под контролем Европы), а в рамках российско-османских отношений. Последнее гарантировалось тем фактом, что сотрудничество двух стран не предполагало внесения каких-либо изменений в постановления, касающиеся Черноморских проливов, что лишало великие державы формального повода для вмешательства. Нетрудно заметить, что такой взгляд на Восточный вопрос предлагал переосмыслить всю систему взаимоотношений России с Османской империей и вернуться к временам Кючук-Кайнарджийского и Ункяр-Искелесийского договоров[3].

---

1 Неклюдов Василий Сергеевич (1818–1880) – выпускник Царскосельского лицея, камергер, действительный статский советник, автор книги «Славянский вопрос» (М., 1876). Был Первым секретарем посольства России в Греции.

2 В монографии [Болдырев, 2013] автор рассматривал статью В. С. Неклюдова, но не как отдельную тему, а наряду с другими публикациями по Восточному вопросу.

3 Кючук-Кайнарджийский мир (1774 г.), завершивший Русско-турецкую войну 1768–1774 гг., заложил основы двусторонних отношений России и Османской империи. Ункяр-Искелесийский договор (1833 г.) фактически перевел международно-правовой режим Черноморских проливов под совместный контроль Петербурга и Стамбула.

В. С. Неклюдов предлагал использовать в качестве основы для будущего росийско-османского сотрудничества методы «мирного проникновения», переняв этот опыт у западных держав [Неклюдов, 1864, с. 622–623, 627–628]. Кое в чем такой подход к проблеме повторял те принципы, на которых после Крымской войны внешнеполитическое руководство России пыталось перестроить свои взаимоотношения с Османской империей, однако имел от них и ряд существенных отличий. Главное заключалось в том, что, в отличие от официального курса, заключавшегося в совместном с великими державами давлении на Порту[4], Неклюдов исходил из необходимости отказаться от политики коллективного давления на Стамбул с целью реализации положений февральского *хатт-и-хумаюна*[5] в пользу российско-османской кооперации по делам Востока. Такой подход ограничивал возможности для России использовать поддержку Европы для облегчения положения христианских подданных султана, однако, позволил бы России и Османской империи решать эту проблему, исходя из своих интересов, т. е. исключил бы из их отношений наиболее взрывоопасные моменты.

Неклюдов утверждал, что время для российско-османского диалога настало. «Среди окружающих ее западных держав, – подчеркивал он, – Турция не видит ни одного бескорыстного союзника, но видит стаю соперников, подозрительно следящих друг за другим. В удовлетворение одному Турция жертвует своею торговлей, другому – совестью своих подданных, сговаривается с третьим для безнаказанного неисполнения своих обязательств, а на Россию смотрит с подозрительностью и недоверием. А между тем, стремления России наиболее совпадают с настоящими интересами Османской империи, имея своим единственным предметом благосостояние и процветание ее христианских подданных, от которых зависит вся ее внутренняя сила. Вот убеждение, которое необходимо внушить турецкому правительству. Этого требуют все выгоды России, все выгоды наших единоверцев на Востоке» [Неклюдов, 1864, с. 627, 629]. В определенной степени подобная точка зрения повторяла принципы т. н. «бескорыстной политики» в отношении османских христиан – одним из ее идеологов являлся кн. В. А. Черкасский [Черкасский, 1858, с. 92]. Однако в отличие от В. А. Черкасского, В. С. Неклюдов предлагал проводить эту политику не на основе сотрудничества с балканскими христианами, а при помощи самой Османской империи, полагая, что такая политика лучше всего будет соответствовать интересам России.

Среди публикаций по Восточному вопросу XIX в. статья В. С. Неклюдова занимает особое место в силу своего программного характера. Ориентируя общественное мнение России на возможность партнерства с Османской империей (по образцу Ункяр-Искелеси, но на более широкой основе), Неклюдов не соглашался с общепринятой точкой зрения о ее скором развале, считая последнюю достаточно прочной государственной структурой, устойчивость которой зависела не столько от внутренних противоречий, сколько от дестабилизации извне. В связи с этим сотрудничество России и Османской империи по делам Ближнего Востока представлялось Неклюдову вполне естественным ввиду завершения геополитического расширения России и заинтересованности Османской империи в стабилизации положения в ее европейских владениях. Не случайно, что именно Балканы Неклюдов считал основой будущего российско-османского соглашения, полагая, что Оттоманская Порта будет только способствовать мероприятиям России по стабилизации положения на полуострове, дабы не дать западным державам повод для вмешательства во внутренние дела империи. Такая политика отвечала интересам обеих держав, поскольку откладывала на неопределенный срок разрешение Восточного вопроса и освобождала руки России на ближневосточном направлении, способствуя при этом российско-османскому сотрудничеству в Черноморском регионе.

---

[4] Оттоманская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта – принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства Османской империи.

[5] «Священный указ» (*хатт-и хумаюн*) от 18 февраля 1856 г. уравнял в правах христианское и мусульманское население Османской империи.

Однако при всей кажущейся продуманности, предложенная В. С. Неклюдовым концепция русско-османских отношений имела серьезные изъяны. Главный из них состоял в том, что он не учитывал отношение самой Османской империи к перспективе кооперации с Россией. Начиная с 1840-х гг. внешняя политика османского государства основывалась на внешнеполитической стратегии, предложенной великим везиром Мустафой Решид-пашой [Дулина, 1980, с. 90], который исходил из необходимости сотрудничества с европейскими государствами (и прежде всего с Великобританией). Непрочное положение Османской империи в системе международных отношений предполагало балансирование между великими державами, однако именно это исключало преимущественную ориентацию на Россию из-за традиционного опасения Порты попасть в чрезмерную зависимость от могущественного северного соседа. Методы, предлагаемые Неклюдовым для утверждения российского влияния в Османской империи, вполне соответствовали духу времени. Однако он явно переоценивал материальные возможности России, поскольку такие планы в условиях безусловного экономического преобладания Великобритании на Ближнем Востоке были нереальны. Не учитывал Неклюдов и реакцию самих великих держав на возможность тесного российско-османского сближения. Как показала история первой половины XIX в., такое сотрудничество могло составить конкуренцию существующей системе европейского равновесия на Ближнем Востоке, и следовательно, напрямую противоречила интересам ведущих европейских государств. Установив в 1840–1841 гг. коллективный контроль над Босфором и Дарданеллами, державы Европы имели все возможности не допустить слишком тесного российско-османского партнерства.

Наконец, концепция Неклюдова ставила под вопрос прочность российского влияния на Балканском полуострове, поскольку предусматривала необходимость сохранения балканских провинций под властью султана. С одной стороны, это создавало более прочную основу для взаимоотношений России и Османской империи и обеспечивало балканским народам эволюционный путь развития их государственности под непосредственным контролем России. Однако на ближайшую перспективу отказ России от совместного с другими державами давления на Порту с целью максимальной реализации положений хатт-и-хумаюна мог привести к подрыву ее возрождающегося влияния на Балканском полуострове, что в условиях усиления австрийского и французского влияния на Дунае было неприемлемо для России.

Статья В. С. Неклюдова отобразила общий недостаток либеральной публицистики того времени – правильно понимая стоящие перед страной задачи и предлагая в целом верные средства для решения насущных внешнеполитических задач, представители этого направления зачастую не соотносили возможности России с существующей международной обстановкой. Поэтому предложенная Неклюдовым новая концепция российско-османских отношений не могла быть воплощена в жизнь, хотя и наметилось новое направление российской ближневосточной политики. Не случайно российский посол в Османской империи Н. П. Игнатьев впоследствии отдавал в своей практике предпочтение российско-османским контактам, полагая, что две сопредельные империи смогут договариваться без посредничества Европы. Появление статьи В. С. Неклюдова было знаковым событием, свидетельствовавшим, что в отношении Османской империи произошел определенный поворот. Он заключался в осознании того факта, что стабилизация обстановки на Ближнем Востоке могла быть наиболее эффективной не столько в рамках европейского равновесия, сколько на основе российско-османского диалога. В связи в этим проблемы во взаимоотношениях России и Османской империи должны были решаться не на европейских конференциях, а на основе предварительных российско-турецких договоренностей. Тем самым статья В. С. Неклюдова подытожила развитие общественной мысли России по Восточному вопросу в послевоенное десятилетие.

Литература / References

Без автора. Восточный вопрос в его настоящем фазисе // *Отечественные записки*. 1864. № 7. С. 453–460 [Bez avtora. Vostochnyj vopros v ego nastoyashchem fazise // *Otechestvennye zapiski*. 1864. 7. Pp. 453–460].

Болдырев А. В. «Восточный вопрос» в российском общественно-политическом дискурсе 50-х – 60-х гг. XIX в. // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 111–116 [Boldyrev A. V. "Vostochnyi vopros" v rossiyskom obschestvenno-politicheskom diskurse 50-h – 60-h gg. XIX v. // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. 3. Pp. 111–117].

Болдырев А. В. *Русско-турецкие отношения середины XIX века и российское общество*. М., 2013 [Boldyrev A. V. *Russko-turetskie otnosheniya serediny XIX veka i rossiyskoe obschestvo*. Moscow, 2013].

Дулина Н. А. *Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.)*. М., 1980 [Dulina N. A. *Osmanskaya imperiya v mezhdunarodnyh otnosheniyah (30–40-e gody XIX v.)*. Moscow, 1980].

Неклюдов В. Об отношениях России к Оттоманской империи // *Русский вестник*. 1864. № 10. С. 614–629 [Neklyudov V. Ob otnosheniyah Rossii k Ottomanskoj imperii // *Russkij vestnik*. 1864. 10. Pp. 614–629].

Радюкин Н. Турция // *Дело*. 1867. № 4. С. 208–228 [Radyukin N. Turtsiya // *Delo*. 1867. 4. Pp. 208–228].

Черкасский В. В. Два слова по поводу Восточного вопроса // *Русская беседа*. 1858. Кн. 12. Т. IV. С. 66–92 [Cherkasskij V. V. Dva slova po povodu Vostochnogo voprosa // *Russkaya beseda*. 1 858. Kn. 12. T. IV. Pp. 66–92].

РАЗГОН МЕДЖЛИСА МОХАММЕДОМ АЛИ-ШАХОМ В 1908 Г. И АНГЛО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ИРАНЕ (ПО РУССКИМ ИСТОЧНИКАМ)

З. А. Арабаджян*

В статье на материалах Архива внешней политики Российской Империи рассматриваются события, приведшие к разгону парламента в июне 1908 г. в ходе иранской революции 1905–1911 гг. и влияние англо-русского соперничества на ситуацию в Иране.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг. в Иране, разгон Меджлиса, Мохаммед Али-Шах, Извольский, Гартвиг.

DISPERSAL OF THE MEJLIS BY MOHAMMED ALI-SHAH IN 1908 AND ANGLO-RUSSIAN RIVALRY IN IRAN (ACCORDING TO RUSSIAN SOURCES)

Zaven A. Arabadzhyan

The article, based mainly on the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, analyzes events that led to the dissolution of the Parliament in June 1908 during the Iranian revolution of 1905–1911, and the influence of Anglo-Russian rivalry on the situation in Iran.

Keywords: The Revolution of 1905–1911 in Iran, Dispersal of the Mejlis, Mohammad Ali Shah, Izvolky, Hartwig.

Разгон Меджлиса рассматривался во многих исследованиях как иностранных, так и отечественных авторов, к числу которых следует, в первую очередь, отнести работы английского востоковеда Э. Брауна и советского ираниста М. С. Иванова [Browne, 1910; Иванов, 1957]. Из этих и многих других работ мы знаем, что Мохаммед Али-Шах был ярым реакционером, ненавидел конституцию и мечтал распустить Меджлис. В качестве главного подтверждения этому приводится факт расстрела персидскими казаками[1] по приказу шаха иранского парламента 10–23 июня 1908 г. Формально это так, но данный факт нельзя рассматривать в отрыве от всей цепи событий, действий других участников иранской революции 1905–1911 гг. и позиций Англии и России.

В ходе революции в Иране сложилось нескольких центров власти: монархия, парламент и энджумены; последние являлись своего рода политическими клубами, появившимися после начала работы Меджлиса в каждой провинции и в каждом крупном городе, причем некоторые провинциальные энджумены имели свои представительства и вооруженных бойцов (федаев) в Тегеране.

Ситуация также осложнялась факторами как внутреннего, так и внешнего характера. В частности, дядя Мохаммеда Али-Шаха Зелль ос-Солтан, претендовавший на шахский трон, выдавал себя за сторонника демократии и всячески поддерживал революционеров деньгами, ресурсами и людьми, предоставлял в их распоряжение свои дома и иное имущество. Все это подрывало положение и авторитет монарха и будоражило обстановку в столице и

* Завен Артемович АРАБАДЖЯН, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; arabzava@yandex.ru

Zaven A. ARABADZHYAN, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; arabzava@yandex.ru

[1] В 70-х гг. XIX в. во время путешествия Насера эд-Дин-шаха в Европу через территорию России его сопровождал почетный казачий эскорт. Внешний вид, выучка и молодцеватость казаков так понравились шаху, что он попросил российские власти создать в Иране казачьи части. В итоге была создана бригада персидских казаков, старшими начальниками и командиром в которой были русские офицеры.

провинции, особенно в Исфагане, где Зелль ос-Солтан занимал сильные позиции. При этом он пользовался поддержкой Англии, планировавшей заменить им шаха.

Дестабилизировал ситуацию и внешний фактор: постоянное навязывание Англией и Россией шаху всевозможных компромиссов с Меджлисом и энджуменами, включая вопросы, которые даже в соответствии с конституцией и законами входили в сферу компетенции Мохаммеда Али-Шаха. В частности, Меджлис и энджумены хотели влиять на подбор людей на различные должности в исполнительной власти, в том числе в армии и при шахском дворе, и это учитывая то, что монарх являлся главой всех вооруженных сил страны. Как правило, когда шах выполнял свою часть компромиссных договоренностей, противоположная сторона сразу же выдвигала новые требования, всегда поддерживаемые англичанами. Именно такого рода требования стали одной из причин обострения ситуации в Тегеране в декабре 1907 г. и едва не привели к вооруженным столкновениям между сторонами.

Повальное увлечение энджуменами дошло до того, что в конце мая 1908 г. из высших должностных чинов государства и каджарской знати был создан особый энджумен, собиравшийся в доме главы каджарского племени Азод уль-Молька. Этот энджумен претендовал на то, что имеет полномочия от всего иранского народа и начал диктовать шаху условия, угрожая в случае их невыполнения отрешить его от власти. В начале июня 1909 г. этот энджумен выдвинул требование об отставке шести преданных шаху сановников, обеспечивавших контроль за ситуацией, требуя заменить их на людей Зелль ос-Солтана, включая его сына Джамала од-Доуле [Речь 13/26 июля 1908 г., № 166]. Более того, Меджлис и энджумены запретили шаху и членам правительства покидать Тегеран. Требования были восприняты монархом как демонстративный вызов и нарушение всех законов и договоренностей. В ответ он приказал полковнику В. П. Ляхову привести казачью бригаду в полную боевую готовность и выделить ему казачий конвой в 300 человек при четырех орудиях, занять арсенал и площадь Тупхане.

Между тем разгоряченные собственными зажигательными речами члены многочисленных энджуменов на заседаниях и в мечети Сепахсалар призывали к низложению шаха. В такой ситуации Меджлис, поняв, что ситуация резко ухудшилась, решил уступить во второстепенных вопросах, оставив принципиальные (возможность назначения ряда ключевых фигур, в том числе губернатора столицы) без ответа.

Мохаммеда Али-Шаха такая ситуация не устраивала, и он потребовал от Меджлиса выдачи главных агитаторов, создававших напряжение в обществе: упомянутых выше Джалала од-Доуле, Ала од-Доуле, а также Амир-хана Сардара, который обучал военному делу милицию, подчинявшуюся Меджлису, и Сардара Мансура – начальника почты и телеграфа. Значение телеграфа в возбуждении беспорядков было очень велико, поскольку с его помощью энджумены координировали деятельность по всей стране. Этих людей арестовали и выслали в Мазендеран.

11 июня мая шах направил Меджлису следующий список, которому предстояло составить основу нового соглашения:

- неприкосновенность монархии и династии
- точное определение прав энджуменов и прекращение их вмешательства в дела правительства
- определение круга компетенции исполнительной и законодательной власти
- подчинение армии монарху (что соответствовало уже выработанным Меджлисом законам) и назначение губернатора Тегерана исключительно шахом
- контроль за телеграфом [АВПРИ, фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3818, л. 411; Сообщения из Персии, 13 (26) июля 1908 г.].

Первоначально Меджлис был недоволен указанными требованиями. Переговоры шли тяжело – их тормозила группа радикальных депутатов. Против выступал Сеид Абдула Бехбахани, получивший внушительный подарок деньгами (фактически – взятку) от Зелль ос-

Солтана, рвавшегося к престолу. Но 12 мая взаимопонимание было достигнуто, и Меджлис согласился, что вооруженные федаи должны оставить мечеть Сепахсалар.

В связи со сложившейся ситуацией депутаты просили русскую миссию о посредничестве в переговорах с шахом, чтобы найти мирный выход из сложившегося положения. В это время, по мнению российского посланника в Тегеране Н. Г. Гартвига, можно было «надеяться на успокоение» [АВПРИ, фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3818, л. 133]. Однако это было только согласие на словах. В частности, в значительной степени под воздействием энджуменов, указаниям которых парламент всегда был послушен, Меджлис упрекал шаха в нарушении законов. Энджумены же явно недооценивали решимость шаха прекратить их своеволие и переоценивали свои силы и возможности. Одной из причин этого была поддержка со стороны Зелль ос-Солтана, другой – поощрение антишахских сил со стороны англичан.

21 июня Мохаммед Али-Шах направил в Меджлис послание, в котором отрицал нарушение законов со своей стороны и упрекал в этом же энджумены. После такого ответа 22 мая заседание Меджлиса закрылось речью его председателя Момтаза од-Доуле, объявившего, что Меджлис готов к решительным действиям, если шах в течение 24 часов не изменит своей позиции. Прежде чем продолжить анализ дальнейшего хода событий, целесообразно разобраться в том, на каком основании действовали энджумены, были ли упреки шаха в их адрес справедливыми или нет. Правовой статус этих структур был определен «Законом о провинциальных и областных энджуменах», утвержденным Меджлисом в мае – июне 1907 г. Функции энджуменов определяются во второй главе данного закона:

«Статья 87. Обязанности провинциальных энджуменов состоят ***исключительно*** в наблюдении за проведением в жизнь соответствующих законов, в регулировании и издании постановлений ***по делам, касающимся только провинции***, в изложении предложений по вопросам экономики, безопасности и благосостояния провинции.

Статья 88. Издание законов не входит в функции провинциальных энджуменов.

Статья 103. Провинциальный энджумен может высказывать свою точку зрения по всем вопросам жизни и управления, но ***обсуждать политические дела он не имеет права***. (К политическим делам относятся вопросы, касающиеся принципов управления, основных законов страны и политики правительства)» [Новая история, 1988, с. 192, 195].

Таким образом, энджумены создавались как неполитические наблюдательные и совещательные органы на местах. Однако они быстро и полностью вышли за пределы своих законодательно определенных полномочий и присвоили право влиять на все политические процессы в стране, в том числе оказывать давление на исполнительную и законодательную власть на федеральном уровне, выдвигать политические требования общенационального масштаба, создавать вооруженные формирования и пр.

С учетом этого, каким бы реакционером ни считался Мохаммед Али-Шах, в противостоянии с энджуменами, подмявшими под себя даже Меджлис, именно он (возможно, вынужденно) в большей степени придерживался закона, чем его оппоненты. После заявления Меджлиса 22 июня шах вызвал полковника В. П. Ляхова и приказал на следующий день занять мечеть Сепахсалар, не применяя оружия. 23 июня в 5 часов утра небольшая группа казаков без боя заняла мечеть. Однако неожиданно с женской половины мечети (по одной версии) или, по другой версии, из пролома в одной из стен, специально сделанного для лучшей связи с Меджлисом, появился Сеид Абдула Бехбахани. Он начал вести с казаками своего рода душеспасительные беседы, уговаривая их покинуть помещение. Под влиянием его слов казаки уходят из мечети, и она заполняется вооруженными федаями.

Однако Бехбахани не остановился на достигнутом и стал требовать от казаков отступить и с площади Бахарестан. Казаки отказались, и на них пошла огромная толпа во главе с другим авторитетным религиозным деятелем Сеидом Джемалем, произносившим гневные речи, говоря, что преступно служить иноземцам и выступать против своих братьев. В

это время неподалеку прогремел случайный выстрел (случайный ли?), и федаи немедленно открыли по казакам беглый огонь из зданий мечети, Меджлиса, табризского и азербайджанского энджуменов и дома Зелль ос-Солтана. Казаки отступили, но вскоре вернулись с подкреплениями и несколькими артиллерийскими орудиями. Начался обстрел зданий, в которых засели революционеры.

Для прояснения сложившейся ситуации приведем текст телеграммы руководителя Учетно-ссудного банка в Тегеране А. И. Остроградского, направленной на имя директора канцелярии Министра финансов 23 июня 1908 г. Этот документ ценен тем, что подготовлен и отправлен во время боев, когда исход схватки еще не был ясен (по крайней мере, его автору): «Сейчас идет бомбардировка площади и здания Меджлиса. Первая перестрелка началась приблизительно в 7:15 утра. …В течение недели шли переговоры между шахом и партией в надежде найти миролюбивый выход. Шах ежедневно требовал, чтобы толпа разошлась, угрожал пустить в ход войска, но увещевания не действовали, и сегодня утром разъезд казаков, проехавших мимо Меджлиса, был обстрелян энджуменами с потерей, по слухам, 9 человек. Казаки не отвечали, вернулись в бригаду, и тогда через час была двинута бригада, которая была встречена насмешками в убеждении, что солдаты-мусульмане не будут стрелять против своих. Затем были даны холостые залпы и 2 холостых выстрела из пушек, на которые революционеры отвечали залпами. По слухам, у казаков много потерь. После этого началась настоящая бомбардировка; пока сделано до 100 пушечных выстрелов. Бомбардировка длится уже три часа. Командует полковник Ляхов. Началось мародерство. Сопротивление упорное» [АВПРИ, фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3818, л. 131].

Следует отметить, что даже сторонники революции косвенно признают, что инициаторами вооруженных действий были именно федаи. Об этом свидетельствуют воспоминания активного участника событий радикального депутата Меджлиса первого созыва Сеида Хасана Тагизаде: «С моего двора была видна крыша мечети Сепахсалар. Там был Мирза Джахангир-хан (редактор революционной газеты «Суре Эсрафил» – *З. А.*). Он крикнул: «Не беспокойся, было всего лишь несколько казаков. Мы их выбили»» [Зендегие Туфани, 1368, с. 75].

Из приведенного очевидно, что первоначальная группа казаков, направленная в район мечети Сепахсалар и Меджлиса, была малочисленной и не могла силой оружия справиться с несколькими сотнями вооруженных федаев. После подхода основных сил бригады и использования артиллерии соотношение сил изменилось, и к середине дня сопротивление революционеров было сломлено. Сами указанные строения были сильно повреждены артиллерийским огнем. При этом потери казаков составили 20 человек убитыми и 50 ранеными, а противная сторона потеряла около 300 человек убитыми. Ряд революционеров, включая нескольких депутатов Меджлиса и редакторов газет, были казнены, другие арестованы и заключены в тюрьмы. Моджтахиды Сеид Мохаммад Табатабаи и Сеид Абдулла Бехбахани были высланы в Кербелу. По всему Ирану, кроме Тавриза, энджумены были распущены. В Тавризе началось вооруженное восстание под руководством Саттар-хана.

В тот же день российский и английский посланники Н. Г. Гартвиг и Г. Марлинг направили во дворец драгоманов, которые во время аудиенции передали шаху рекомендации не уничтожать дарованной конституции и принять решительные меры по охране иностранных подданных и жителей Тегерана. Шах заверил посланцев, что его действия направлены только против революционеров и разного рода заговорщиков, но что он твердо намерен сохранить Меджлис. Уже на следующий день появился манифест, в котором сообщалось, что Меджлис распускается, но через три месяца будут проведены новые выборы в Меджлис и Сенат. Однако сложившееся положение совершенно не устраивало англичан, старавшихся обострить ситуацию: так, они стали нарушать договоренность с российской стороной о том, что ради скорейшего успокоения в столице они не будут предоставлять на территории своих миссий права убежища (беста) антишахским элементам.

Уже 24 июня 1909 г. российский посланник сообщал в Санкт-Петербург: «Английская миссия, к сожалению, отступила от принятого решения. Несмотря на категорические заявления Марлинга, что он не допустит беста и запрет ворота миссии, сегодня утром под предводительством английского военного агента Стокса допущен бест целой толпы членов энджуменов, сеидов, купцов и т. д.

Марлинг, которому я тотчас же сообщил об этом, указав на весьма опасные последствия такого образа действий по отношению к нашему соглашению, сей час явился ко мне в большом смущении; он обвиняет Стокса, которого он, будто бы специально, послал в город, чтобы расследовать дело, и думает просить вмешательства Министра иностранных дел. Общее мнение, что подстрекал к бесту английский драгоман Черчилль, который все это время имел сношения с энджуменами» [АВПРИ, фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3818, л. 132б с оборотом].

В те дни английская миссия превратилась в прибежище для многих революционеров, заговорщиков, радикально настроенных депутатов Меджлиса. Более того, английские дипломаты и работавшие в миссии иранцы, многие из которых были членами энджуменов, активно зазывали в бест и людей, которым опасность не угрожала. Это было вызвано тем, что англичане активно поддерживали и вдохновляли антишахские силы и покровительствовали им. Английская миссия переправила за границу целый ряд иранских деятелей, которых собиралась использовать в будущем [Арабаджян, 2018, с. 13–14]. Также на шаха оказывалось давление с целью массовой амнистии его противников.

Чтобы не допустить массового сиденья в бесте на территории английской миссии, в непосредственной близости от нее были поставлены полицейские и казачьи посты. Англичане попытались представить дело так, что их миссия якобы окружена войсками. Это не соответствовало действительности, поскольку на четырех перекрестках вокруг миссии стояли пикеты по два-три человека в каждом. Лондон поручил посланнику Г. Марлингу предъявить иранскому правительству ряд требований, носивших ультимативный характер:

«1. Немедленно отозвать казаков и полицию из окрестностей английской миссии и обеспечить британских подданных и служащих от насильственных действий с их стороны.
2. Принести миссии формальное и полное извинение Министром иностранных дел Ирана от имени правительства и Обер Камергером от имени шаха. При этом оба чиновника должны быть одеты в парадные мундиры.
3. Немедленно освободить всех арестованных людей, которые в последнее время входили или выходили из миссии.
4. Дать письменные гарантии, подписанные лично шахом, о неприкосновенности жизни, личности и имущества лиц, севших в бест.
5. Правильный суд с участием члена английской миссии над лицами, находящимися в бесте, которых обвиняют не в политических преступлениях» [АВПРИ, фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3818, л. 273].

В случае отказа от ультиматума англичане грозили оккупировать один из портов на юге Ирана. Приведенные требования свидетельствуют о вовлеченности англичан во внутриполитическую борьбу в Иране на стороне противников монархии и о весьма своеобразном понимании ими договоренностей с Россией о невмешательстве держав во внутренние дела этой страны. Российский МИД подобострастно поддержал эти требования, о чем свидетельствует поручение, данное А. П. Извольским телеграммой от 2 июля посланнику в Тегеране Н. Г. Гартвигу: «Считая скорейшее исполнение предъявленных Англией требований единственным способом покончить с настоящим прискорбным инцидентом, прошу Вас безотлагательно и самым энергичным способом поддержать их и о результатах спешно телеграфировать» [АВПРИ, фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3818, л. 273-оборот].

Гартвиг выполнил поручение министра и на следующий день после получения инструкций встретился с Марлингом, а затем имел аудиенцию у Мохаммеда Али-Шаха и настойчиво советовал ему исполнить требования англичан как можно скорее, чтобы не вызвать дальнейших обострений. Шах обещал последовать его советам и направил к Марлингу своего человека, чтобы обговорить порядок и способ их выполнения.

Тем временем представители российской прессы давали оценку событий и действий англичан, существенно отличавшуюся от позиции МИД. Газета «Новое Время» поместила заметку своего корреспондента в Тегеране: «…Англичане сознательно поддерживают беспорядки, и гулямы (слуги – *З. А.*) миссии открыто созывают персов в бест, иногда вырывая задержанных из рук караулов. Так как казачьи караулы своим присутствием стесняли свободу действий английских гулямов, то великобританский поверенный в делах настоял у шаха, чтобы караулы у миссии были сняты, заявив, что в бест не будет принято более ни одного перса. Желание его было исполнено. С 17 июня караулы были удалены. Тем не менее, персы продолжали поодиночке прибывать в миссию, а гулямы зазывали их в бест, и против такого порядка вещей не было принято никаких мер» [Последние события в Персии, 24 июня (7 июля) 1908].

Между тем, англичане, недовольные исходом противостояния шаха с Меджлисом и энджуменами, нарушив имеющиеся с Россией договоренности, стали критиковать саму Россию, обвиняя российских военных в помощи иранской монархии. Газета «Таймс» напечатала письмо известного востоковеда, хорошо осведомленного в иранских делах профессора Э. Брауна, в котором он заявлял, что русские агенты в Персии поддерживали и поощряли реакционную политику шаха, а активное содействие русских офицеров было якобы главной причиной поражения революционеров и уничтожения конституции [Times, 17.09.1908, АВПРИ, фонд 144, оп. 488, ед. хр. 3821, л. 24]. Учитывая тесное сотрудничество Брауна с Форин Офис и британскими спецслужбами, такое заявление представляется вполне естественным.

В действительности Мохаммед Али-Шах собирался в том или ином виде восстановить действие конституции и работу Меджлиса, о чем имеется множество его заявлений, но он не хотел делать этого под нажимом вооруженного выступления Саттар-Хана в Тавризе. На этот счет имеется целый ряд свидетельств. Так, 31 августа/13 сентября 1908 г. российский посланник направил в Санкт-Петербург депешу следующего содержания: «Его Величество находит необходимым выждать лишь несколько дней до окончательного успокоения в Тавризе, откуда имел благоприятные известия. В противном случае, по мнению шаха, может возникнуть убеждение, что декрет о конституции им издан под давлением тавризских революционеров, а это тотчас же возбудит волнение в других провинциях» [АВПРИ, фонд 144, 1908, оп. 488, ед. хр. 3821, л. 9].

К восстановлению конституции шаха постоянно подталкивали и действия английской и русской миссий в Тегеране, постоянно направлявшие ему по данному вопросу ноты идентичного содержания, уже на следующий день становившиеся известными всему тегеранскому базару. При этом в воссозданном для базара[2] тексте специально опускалось упоминание России. Это создавало впечатление, что заявление шаху о необходимости возврата к конституции и созыву Меджлиса делается только от имени Англии. Поскольку со стороны русской миссии утечек не было, российские дипломаты стали подозревать в распространении таких писем драгомана английской миссии Черчилля.

Пытался дестабилизировать положение и Зелль ос-Солтан. Он рассылал телеграммы, в которых утверждалось, что из всех крупных центров Ирана на Тегеран идут многочисленные отряды вооруженных добровольцев, желающие свергнуть шаха и возвести на престол его самого как защитника и покровителя Меджлиса. Однако это не смогло

[2] Тегеранский базар являлся барометром и регулятором политической жизни столицы. Если торговцы на базаре были недовольны действиями властей, то тысячи лавок скоординировано закрывались, что вызывало рост политического напряжения в обществе и порою заставляло правительство менять принятые решения.

привести к новым вооруженным действиям против монарха, и он оказался вынужден покинуть Иран в августе 1909 г.

Противостояние шахских войск и федаев Саттар-хана и Багир-хана в Тавризе продолжалось и приняло затяжной характер. Это затрудняло проведение выборов в новый Меджлис и начало его работы, хотя Мохаммед Али-Шах и желал восстановления работы законодательной власти в стране, о чем неоднократно говорил российскому посланнику Н. Г. Гартвигу. Под давлением России и Англии 21 сентября 1908 г. шах подписал декрет, которым объявлялось, что монарх восстанавливает конституцию и 27 октября проводятся выборы в новый Меджлис, а 14 ноября будет созван новый парламент. Подчеркивалось, что действие данного декрета не распространяется на Азербайджан до тех пор, пока в Тавризе не восстановятся порядок и спокойствие. 24 сентября посланник Н. Г. Гартвиг поручил российскому консулу в Тавризе Похитонову довести позицию Мохаммеда Али-Шаха до сведения Саттар-хана: «Сообщите, если возможно, Саттар-хану, что завтра, в четверг, в Тегеране будет, по настоянию России и Англии, опубликован шахский дастхат о восстановлении конституции с назначением выборов на первое шаваля и созыва Меджлиса на 19-ое. Декрет распространится на Азербайджан только по прекращении беспорядков; посему, если Саттар-хан действительно добивается восстановления конституции, то он должен положить оружие» [АВПРИ, фонд 144, 1908, оп. 488, ед. хр. 3821, л. 86]. Поручение посланника было выполнено, но Саттар-хан отказался прекратить сопротивление шахским войскам. Такой декрет действительно был опубликован. Единственное его отличие от первоначального проекта состояло в том, что не была указана дата выборов, но говорилось, что Меджлис соберется 14 ноября.

Несмотря на обнародование декрета, шах не спешил вводить в действие конституцию и проводить выборы в новый Меджлис, поскольку опасался, что все это создаст угрозу его жизни и жизни членов его семьи. Он лично обратился к российскому поверенному в делах Е. В. Саблину, (в то время Гартвига отозвали в Россию) «с просьбой исходатайствовать перед Его Величеством Государем Императором дарование ему и его семье покровительства России. Шах полагает, что обеспеченному сим покровительством ему легко будет следовать советам императорского правительства по пути реформ» [АВПРИ, фонд 144, 1908, оп. 488, ед. хр. 3821, л. 134]. Просьба Мохаммеда Али-Шаха встретила самое недоброжелательное отношение в Санкт-Петербурге. А. П. Извольский, покорно следовавший в фарватере британской политики, усмотрел в обращении шаха попытку войти в отдельные отношения с Россией «с целью нарушить наш солидарный (с Англией – *З. А.*) образ действий в персидских делах. – И резюмировал: – Такие попытки не могут, конечно, встретить с нашей стороны никакого сочувствия» [АВПРИ, фонд 144, 1908, оп. 488, ед. хр. 3821, л. 135].

Указанная позиция министра весьма примечательна. Прежде всего, он, вероятно, настроил Николая II отрицательно к просьбе иранского суверена, в результате чего шах в конечном итоге получил очень вежливый ответ на свое обращение, из которого «ясно было, что Государь политично обошел просьбу Шаха и выражал лишь уважение, что, как и всегда, Шах может быть уверен в его чувствах к Персии, самому Шаху и его семье» [Смирнов, 2002, с. 76] В ответе же самого Извольского, адресованном русской миссии в Тегеране, сквозит неприкрытое раздражение просьбой шаха и даже виден страх сделать что-нибудь, что может не понравиться англичанам.

Кроме того, есть основания полагать, что в дипломатической переписке российские чиновники умышленно завуалированно толковали смысл просьбы Мохаммеда Али-Шаха. Свидетельством тому являются воспоминания штабс-капитана Н. К. Смирнова, который в это время служил воспитателем наследника престола Ахмада Мирзы. Он передавал некоторые письма шаха Е. В. Саблину. В дневниковых записях Смирнов представляет это как нечто пустячное, однако в примечании, сделанном много лет спустя, проясняет данный вопрос: «Ввиду секретности в то время я не написал в записках, в чем именно заключалось дело, теперь же, когда уже сошел со сцены Император Николай II, развалилась Россия, можно

упомянуть об этом интересном обстоятельстве. Мохаммед Али-Шах не более не менее, как обратился к Государю с просьбой принять Персию под покровительство, имея в виду быть в таких же отношениях к России, как Эмир Бухары» [Смирнов, 2002, с. 75].

Пытаясь найти выход из сложившегося положения, Россия подготовила и направила английской стороне предложение по проведению комплексных реформ, которые могли бы стабилизировать ситуацию в Иране. О сути этих реформ английская пресса писала следующее: «Русская схема реформ для Персии предлагает шаху принять помощь английских и русских гражданских агентов. С полномочиями, аналогичными тем, которые имели европейские агенты в Македонии. Шаху будет оказана помощь при сведении бюджета путем содействия в заключение общего англо-русского займа. Далее шаху будет оказана помощь в прекращении административной анархии» [Daily Mail, 15.01.1909, АВПРИ, фонд 144, 1908, оп. 488, ед. хр. 3824, л. 29].

Однако проведение любого рода реформ в Иране не соответствовало интересам Великобритании, взявшей курс на свержение Мохаммеда Али-Шаха, в связи с чем британская пресса изображала российские предложения в крайне негативном свете[3].

В ходе реформ должны были пройти и выборы в новый Меджлис. Новый парламент предполагалось создать на цензовых началах, и основным принципом его создания должно было стать соблюдение интересов различных групп общества при сужении сферы его компетенции. Меджлису предполагалось придать статус законосовещательного органа. Вероятно, русское предложение было попыткой применить опыт создания Государственной Думы и определения ее полномочий в самой России, разумеется, с поправками на иранскую специфику. Иначе говоря, русский путь – путь реформ, английский – революции, при которой шахской власти было суждено превратиться в придаток Меджлиса или быть ликвидированной полностью.

И действительно, 3 февраля 1909 г. Форин Офис направил в российский МИД Памятную записку, в которой очень дипломатично отвергались или обставлялись трудновыполнимыми условиями все русские предложения относительно проведения реформ в Иране, стабилизации финансового положения страны и пр. В ней, в частности, говорилось: «Правительство Его Величества склонно думать, что для Великобритании и России было бы лучше всего оставаться в стороне от внутренних дел Персии и представить существующему хаосу продолжиться, пока наиболее сильный элемент в стране не возьмет верх» [АВПРИ, фонд 144, 1908, оп. 488, ед. хр. 3824, л. 205]. Несмотря на предложения о невмешательстве, Форин Офис не остался «в стороне от внутренних дел Персии», продолжая активно вмешиваться в ход внутриполитической борьбы на стороне конституционалистов. Мохаммед Али-Шах был обречен, а по позициям и интересам России в Иране нанесен сильный удар.

Вина за неудачи российской политики в противостоянии интересам Великобритании в Центральной Азии во многом лежит на А. П. Извольском. То, что Извольский жертвовал российскими интересами в желаемом Великобритании направлении, – широко известный факт. Это касалось и англо-российских противоречий в Иране. Именно он был главным сторонником подписания в 1907 г. Англо-Российского Соглашения о разграничении сфер влияния в Персии, против которого выступал ряд кадровых дипломатов, включая посланника в Тегеране Н. Г. Гартвига. Более того, когда после подписания указанного соглашения Гартвиг стал не слишком рьяно идти в русле английской политики в Иране, что вызвало недовольство Форин Офиса, то Извольский заменил его на неопытного и малоинициативного Е. В. Саблина, а потом и вовсе на англофила С. А. Поклевского-Козелла. Н. К. Смирнов в связи с этими событиями пишет: «Через три дня после его (Е. В. Саблина – *З. А.*) приезда в Тегеран внезапно был отозван Гартвиг. Саблину пришлось принять дела Миссии. В Персии он никогда до тех пор не был, не успел даже осмотреться в своей собственной квартире. Было рекомендовано соображаться с указаниями Английского

[3] См., в т. ч.: Morning Post, 18.01.1909, Daily Graphic, 20.01.1909; Standard, 20.01.1909, тексты заметок обнаружены автором в АВПРИ, фонд 144, 1908, оп. 488, ед. хр. 3824, лл. 29–31.

Посланника как старшего коллеги. Лучшей комбинации, чем опытный уже в персидских делах и человек с характером Барклай и неопытный и слабохарактерный Саблин для английских интересов в Персии нельзя было и придумать. Так угодно было Извольскому» [Смирнов, 2002, с. 39].

Оценивая указанные события сегодня, следует констатировать, что в прошедшем столетии в восприятии англосаксами и Россией международных вопросов, манере работы с властями и обществом в третьих странах и в отношении к собственным обязательствам остается определенная преемственность. Характеризуя способы действия России и Англии в Иране, Н. К. Смирнов более ста лет назад отмечал: «…в Петербурге все еще измеряли степень нашего влияния близостью ко Двору, а англичане в это время уже не обращали внимания на наши шаги при Дворе и устраивали дела через конституционную партию. Когда слабела конституционная партия, англичане поддерживали ее и приняли меры, чтобы наша поддержка персидского шаха ни к чему не привела» [Смирнов, 2002, с. 8]. И сегодня российская политика продолжает ориентироваться, в первую очередь, на работу с властями тех или иных стран, уделяя недостаточно внимания работе с гражданским обществом и оппозицией в них. Другим вопросом, в котором сохраняется преемственность российской политики, является недооценка необходимости извлекать из своих успехов и преимуществ политические и особенно экономические дивиденды.

Литература/References

Арабаджян З. А. *Иран от революции до революции (история в лицах).* М., 2018 [Arabadzhyan Z. A. *Iran ot revolyutsii do revolyutsii (istoriya v litsah).* Moscow, 2018].

Зендегие Туфани (Хатерате Сеид Хасан Тагизаде). Техран, 1368 (на персидском языке) [Zendegiye toofani (khaterate Seid Khasan Tagizade). Tehran, 1368 (in Persian)].

Иванов М. С. *Иранская революция 1905–1911 годов.* М., 1957 [Ivanov M. S. *Iranskaya revoliutsiya 1905–1911 godov.* Moscow, 1957].

Новая история Ирана, хрестоматия. М., 1988 [*Novaya istoriya Irana, hrestomatiya.* Moscow, 1988].

Последние события в Персии // *Новое время.* 24.07 (7.08) 1908. № 11595 [Poslednie sobytiya v Persii // *Novoe Vremya.* 24.07 (7.08) 1908. No. 11595].

Смирнов Н. К. *Записки воспитателя персидского шаха, 1907–1914 годы (с приложениями).* Тель-Авив, 2002 [Smirnov N. K. *Zapiski vospitatelia persidskogo shaha, 1907–1914 gody (s prilozheniyami).* Tel-Aviv, 2002].

Сообщения из Персии // *Речь.* 13 (26).07. 1908. № 166 [Soobscheniya iz Persii // *Rech'.* 13 (26).07. 1908. No.166].

Browne E. *The Iranian Revolution of 1905–1909.* Cambridge, 1910.

Архивные документы

Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ) [Arhiv vneshney politiki Rossiyskoy Imperii (AVPRI)]. Фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3818, л. 131–133, 273, 411.

АВПРИ. Фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3821, л. 9, 24, 86, 134–135, 205.

АВПРИ. Фонд 144, 1908, опись 488, ед. хр. 3824, л. 29.

СУДЕБНЫЕ ТЯЖБЫ В ЯПОНСКОМ УДЕЛЕ ПЕРИОДА СЭНГОКУ (ПО МАТЕРИАЛАМ «КОЁГУНКАН»). ЧАСТЬ I

С. А. Полхов*

В данной статье рассматриваются и оцениваются сведения о княжеском суде в Японии периода «воюющих княжеств», приводимые в «Коёгункан», который не без оговорок можно отнести к жанру *гунки моногатари* («военные повести»). Показывается, что данные этого источника существенно дополняют документальные свидетельства и позволяют воссоздать облик правосудия в уделе Такэда – одном из княжеств Японии периода политической раздробленности.

Ключевые слова: Средневековая Япония, Коёгункан, Сэнгоку дзидай, Такэда Сингэн, вассал, закон, тяжба.

LITIGATION IN JAPANESE DOMAIN OF THE SENGOKU PERIOD (ON THE BASIS OF THE EVIDENCE OF "KOYOGUNKAN"). PART I

Svyatoslav A. Polkhov

The article examines and evaluates information about the daimyo court in Japan during the "warring provinces" period, contained in "Koyogunkan", which can probably be labeled with some reservations as *gunki monogatari* ("war tale"). It is shown that the data of this source substantially supplement documentary evidence and allow to reconstruct the structure of justice in the Takeda domain – one of the daimiates of Japan during the period of political fragmentation.

Keywords: Medieval Japan, Koyogunkan, Sengoku jidai, Takeda Shingen, vassal, law, litigation.

«Коёгункан»[1] (甲陽軍鑑, «Военное зерцало провинции Каи») – сложный по структуре и интересный источник, окончательно сформировавшийся не позднее 1621 г., т. е. в самом начале периода Токугава. Он был создан в среде бывших вассалов Такэда, одного из могущественных княжеских домов XVI в., и вобрал в себя более ранние материалы конца периода *Сэнгоку* (*Сэнгоку дзидай*, 1477–1573/1590).

Отправление правого суда в «К»[2] рассматривается как важнейшая прерогатива даймё. Удельный правитель должен точно отмерять награды и наказания, проявлять справедливость и беспристрастие при разборе судебных дел. Произвол и своеволие князя решительно осуждаются. В «К» встречаются как краткие упоминания, так и достаточно подробные описания тяжб в уделе Такэда. XVII и XVIII тома этого сочинения посвящены исключительно судебным казусам времен правления даймё Такэда Сингэн (Такэда Харунобу, 1521–1573), изображенного искусным военачальником, мудрым властителем и судьей. Как известно, Сингэн был одним из немногих японских удельных правителей той эпохи (*сэнгоку даймё*), принявших собственный свод законов.

Приведенные в «К» данные о роли права и суда как элемента политической системы удельного княжества периода *Сэнгоку* заслуживают более внимательного анализа. Попытки

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва); cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

[1] О происхождении текста «Коёгункан» см.: [Полхов, 2015; 2017а, 2017б]. Автором «К» в самом его тексте указан Косака Дандзё Масанобу (高坂弾正昌信, 1527–1578), высокопоставленный вассал дома Такэда.

[2] Далее в тексте «Коёгункан» обозначается как «**К**».

привлечь «К» при изучении действия уложения «Косю хатто-но сидай» (1547–1554), введенного Такэда Сингэн, уже предпринимались. Так, в ряде японских исследований была дана оценка практическому действию принципа *кэнка рёсэйбай* – одинакового наказания обеих сторон стычки, – запечатленного в этом уложении[3]. В японской историографии на рубеже XX–XXI вв. прежнее «гиперскептическое» отношение к «К» уступило место более взвешенному подходу, акцентирующему достоверность его сообщений. Многие события, описанные в «К», более не приводятся ни в одном другом источнике. Представляется, что еще далеко не исчерпан потенциал «Военного зерцала провинции Каи» с точки зрения извлечения ценной информации как о реальных особенностях судебного и правового механизма в уделе Такэда, так и о воображаемых самураями периода *Сэнгоку* образах правого суда и справедливого закона.

При изучении «К» целесообразно сравнить его данные с информацией из других источников – уже упомянутого уложения «КХС»[4] и документации дома Такэда. Простые упоминания о судебных делах и более подробные описания судопроизводства в княжестве Такэда встречаются по всему тексту «К». Однако подробный рассказ о двенадцати тяжбах содержится в XVII и XVIII томах «К», которые именуются *кудзи-но маки* («свитки о суде», 公事之巻). В актовых материалах дома Такэда ни один из этих судебных процессов не упомянут. При этом сведения о судебных делах в документах дома Такэда вообще чрезвычайно скупы, в особенности в сравнении с актовыми материалами таких княжеских домов этого периода, как Гоходзё. В то же время есть основания полагать, что практически все истории о судебных разбирательствах, изложенные в «К», основаны на действительно произошедших событиях. Почти все упомянутые герои – реально существовавшие исторические деятели, а конфликты, в которые вовлечены действующие лица, отражают реалии Японии периода «воюющих княжеств».

Судебные должности

В «Военном зерцале провинции Каи» даймё Такэда Сингэн предстает носителем верховной судебной и законодательной власти в своем уделе. Он рассматривает не все тяжбы, а лишь наиболее важные. В княжестве Такэда судебные полномочия были и у землевладельцев – вассалов и храмов, но в «К» о них почти ничего не сказано. Больше всего внимания уделено суду самого князя и его доверенных приближенных. Личный суд даймё (*годзэн сабаки, годзэн кудзи*) в «К» выступает как высшая инстанция. Следующим уровнем судебного механизма в «К» представлены *кудзи бугё* («судебные распорядители») – высокопоставленные вассалы, творившие суд в Кофу, главном городе удела, где располагалась резиденция даймё.

В вассально-войсковом реестре Такэда Сингэн, помещенном в VIII томе «К», упомянуты три *кудзи бугё*: Имафуку Тёкансай (?–1581), видный вассал Такэда Сингэн и Кацуёри, командовавший гарнизонами замков и выполнявший иные важные миссии; Муто Микава-но ками (?–?), представитель младшей линии дома Такэда и вассал по имени Сакураи Нобутада (1529–1611), переживший гибель дома Такэда и поступивший на службу Токугава Иэясу (1543–1616) [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 180]. Имена этих судей, а также заведовавших финансами княжеских чиновников (*кандзё бугё*) приведены в одном перечне вместе с военными предводителями Такэда[5]. Самих *кудзи бугё* нельзя считать профессиональными судьями, так как они не занимались только судом, часто получая от

[3] См. подробнее [Полхов, 2015, с. 396–401]. В монографии содержится также исследование и комментированный перевод ««Косю хатто-но сидай»» на русский язык (версия из 57 статей), на который я ссылаюсь в этой статье.

[4] Далее в тексте статьи уложение «Косю хатто-но сидай» именуется «**КХС**».

[5] Этот реестр именуется «Косю Такэда Хоссёин Сингэн-ко миё сонидзу-но кото» («О войске времени правления князя Такэда Хоссёин Сингэн из Каи»). [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 174–196]. Достоверность данных реестра была показана: [Кобаяси, 1984].

господина поручения чисто военного или дипломатического характера. Они в первую очередь воины, лишь по совместительству ставшие судьями.

В «К» немало лестных слов сказано об удивительной способности Такэда Сингэн распознавать характер и свойства самураев, которым он препоручал подходившую им работу. Однажды он сделал судьей (*сёку*) Хара Торатанэ (1497–1564), сильного и доблестного воина. Согласно «К», все были удивлены этим решением. Однако Хара несравненно хорошо справился с новыми обязанностями, никто не оспаривал его приговоры. Через некоторое время Сингэн сместил его с должности, посчитав, что военные доблести Хара больше пригодятся на границах княжества [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 471]. Таким образом, отправлять суд способен и самурай, который ранее не занимался подобным делом. Даймё доверяет судебные полномочия по своему усмотрению, и может перенаправить вассала на выполнение другой задачи. Такое восприятие в «К» судебной функции показывает, что она не была четко дифференцирована. Специализация разных административно-политических функций была слабой, вассалы-воины сплошь и рядом выполняли решение всевозможных задач «гражданской бюрократии».

В вышеупомянутом вассально-войсковом реестре фигурируют названия и других должностей, имеющих отношение к судопроизводству. Это *сёку* (しょく), пост которого занимал, в частности, Ямагата Масакагэ (?–1575), видный вассал дома Такэда [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 180]. В чем именно состояло различие круга обязанностей *сёку* и *кудзи бугё*, не совсем понятно. Согласно заключению Марусима Кадзухиро, *сёку* обладал судебно-полицейскими прерогативами: собирал штрафы с вассалов, совершивших незначительные нарушения, а его подчиненные участвовали в наказании преступника [Марусима, 2011, с. 160, 164].

Особо выделены тайные доносители и соглядатаи, посты которых были учреждены Такэда Сингэн. Это так называемые *омэцукэ-сю* (御目付衆)[6] и *ёкомэ-сю* (横目衆). Десятерым *мэцукэ* из засвидетельствовавших свою отвагу воинов вменялось в обязанность трижды в день письменно докладывать даймё обо все дурном и хорошем, что услышат [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 181], они должны были сообщать о нарушениях княжеских законов [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 262]. *Мэцукэ* вместе с помощниками делились на пять групп, которые каждую ночь поочередно несли дежурство в резиденции даймё. Десять *ёкомэ*[7] также набирались из доблестных самураев [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 182]. Под началом каждого из них служило по тридцать самураев (*готюгэн* 御中間*, гокобито* 御小人*, годогу-сю,* 御道具衆)[8], ежедневно по очереди несших дозор у главных ворот резиденции даймё и отвечавших за охрану сторожевых застав и выходов у дорог на границе земли Каи. *Ёкомэ* были призваны сообщать о злоупотреблениях должностных лиц даймё, а также *мэцукэ.* Огивара Будзэн-но ками (1509–1581), одному из *ёкомэ,* приписывается в «К» раскрытие заговора Такэда Ёсинобу, старшего сына Сингэн [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 182].

Вместе с тем, в «К» также сказано, что *мэцукэ* и *ёкомэ* следовало периодически меняться ролями [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 262]. Помимо этого упоминается *сонин* (訴人) – должность, которую занимал самурай по имени Ивама Окурадзаэмон, обязанный извещать даймё обо всем происходящем в уделе [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 183][9]. Наконец, в XIX томе «К» встречается название еще одной должности – *мимикики,* («подслушивающие», 耳聞). На эту роль Сингэн выбрал из своих приближенных шесть самураев, имеющих военные заслуги. Они собирали слухи и разузнавали о том, что происходит внутри вассального

[6] Другое названия *мэцукэ* в «К»: *нидзюнин-сю но гасира* (廿人衆之頭).

[7] *Ёкомэ* также именовались *готюгэн-гасира* (御中間頭).

[8] Эти три группы вассалов относятся к низкоранговым самураям, но отличия между ними в статусе или обязанностях не разъяснены.

[9] *Сонин* считается разновидностью *мэцукэ* [Коёгункан, Т. 1, 1983, с. 329].

дома[10]. Разделение ответственности между *сонин, мэкики* и *мэцукэ, ёкомэ* в «К» четко не разъяснено. Очевидно, их полномочия пересекались: они сообщали обо всем важном для княжеской власти. Даймё был необходим доступ к разным каналам информации, чтобы составить более объективное представление о настроениях вассалов, отношениях между ними, возможных угрозах власти и др.

Мэцукэ и *ёкомэ* также собирали штрафы, налагавшиеся на воинов Такэда во время походов[11]. Им поручались арест, а также казнь совершивших тяжкие преступления [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 62]. Конфискация собственности преступника производилась с участием *ёкомэ. Мэцукэ* могли присутствовать во время проведения ордалии. На суде тяжущиеся передавали им клятвенные грамоты, в которых под страхом наказания божеств и бодхисаттв клялись в своей правдивости [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 41, 43, 53]. *Мэцукэ* в особо важных случаях рассылали самураям грамоты с разъяснениями приговора даймё в отношении того или иного вассала [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 45].

В XVII томе «К» упомянута должность *ёко бугё* (よこ奉公). В обязанности пятерых *ёко бугё*, выбранных Такэда Сингэн из приближенных самураев, входило присутствие на суде, творимом *кудзи бугё,* а также подача даймё докладов о случаях оскорблений судей [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 61]. *Кэнси* (けんし) назначались из числа вассалов на время суда для проверки свидетельств тяжущихся или показаний свидетелей [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 40, 43]. Классификации судебных казусов, исходя из их содержания, в «К» не обнаруживается. Встречается лишь термин *бухэн кудзи* – «тяжба, касающаяся дел войны» при рассказе о суде за право носить во время военной кампании жезл *сайхай*[12]. В «К» изложены главным образом тяжбы между воинами дома Такэда или описывается княжеский суд над вассалами. Целесообразно разделить наиболее часто встречающиеся в «К» описания судебных дел по следующим темам:

1) небрежение военной службой
2) предательство и попытки мятежа
3) стычки и ссоры
4) тяжбы между *ёриоя* и *досин*[13]
5) оскорбление чести
6) тяжбы с участием буддийских монахов.

Небрежение военной службой

В «К» нередко рассказывается о карах, постигших вассалов Такэда Сингэн, не проявлявших усердия на ратной службе. Так, в 1548 г. после битвы при Уэдахара[14] в

---

[10] *Мимикики* проверяли правдивость сведений самураев, прибывших на службу Такэда из других провинций, которые те сообщали о себе; узнавали, есть ли случаи оскорблений одними вассалами других, кто пьянствует, кто не совершенствуется во владении оружием, кто пренебрегает «путем войны» (*будо*), кто хорошо ладит с другими, у кого достойные манеры, кто умело пишет или считает. Все это необходимо было знать Сингэн, подыскивавшему вассалам подходящие поручения [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 137, 139]. По функциям *мимикики* напоминали *мэцукэ.* Если считать данные о *мимикики* из «К» заслуживающими доверия, неясно насколько институционализированной была эта позиция в административно-должностной системе клана Такэда.

[11] Собранные штрафы затем передавались другим должностным лицам, а затем жаловались низкоранговым воинам *готюгэн, гокобито, годогусю.* Как уже было сказано, последние являлись помощниками *ёкомэ* [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 139].

[12] *Сайхай* – жезл военного командира, доверявшийся опытным и имевшим боевые заслуги самураям на время военной кампании.

[13] *Досин* в княжестве Такэда – самураи, во время войны входившие в военные отряды и подчинявшиеся командованию высокопоставленных вассалов Такэда, именовавшихся *ёриоя. Досин* следует отличать от *хикан* – обычно наследственных служилых людей того или иного вассала клана Такэда, несших военную повинность. В период Муромати *хикан* называли слуг, выполнявших разнообразные задания господина, не обязательно связанные с военной службой.

провинции Синано Сингэн разгневался на самурая по имени Тадараи Годзаэмон. Согласно «К», тот любил судить о заслугах сотоварищей, однако сам, дожив до 37–38 лет, так и не совершил ничего достойного. Сингэн не единожды направлял к нему своих посланцев, по-видимому, пытаясь его увещать. На седьмой раз двое посланцев доставили Тадараи грамоту даймё, содержавшую перечень обвинений: бездействие и отсутствие доблести во время сражений, пересуды о достоинствах и недостатках других вассалов, вызывавшие их гнев. Одобрять или порицать других можно только проявившим себя самураям, подчеркивалось в послании. После этого по княжескому приказу Тадараи Годзаэмон связали и казнили на берегу реки Аи в Кофу [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 157, 158].

Похожий случай датируется в «К» 1552 г. После битвы при Токита с войском Уэсуги немилость князя навлек на себя Итагаки Нобунори (?–?), сын Итагаки Нобуката (?–1548), способного военачальника, которого весьма ценил Сингэн. Нобунори, являясь *хатамото* (прямым вассалом даймё), не участвовал в сражении. После этого два посланника передали княжескую грамоту, в которой в вину Нобунори были поставлены следующие проступки: 1) в битве на перевале Хофукудзи, притворяясь больным, не воевал с самураями Огасавара и впустую тратил время; 2) на должности управителя пограничного уезда Сува (*Сува гундай*) предавался безудержному веселью и вел себя непристойно; 3) дурно обходился с подчиненными самураями (*досин*) и своими служилыми людьми (*хикан*). 4) в битве при Токита отличились самураи старше него, он же наблюдал со стороны; 5) ни в одной битве не показал себя, несмотря на то что предводительствует хорошими *досин* и *хикан*; 6) часто дурно отзывался о даймё; 7) груб по отношению к сотоварищам. Затем *досин* и *хикан* были отобраны у Итагаки Нобунори и подчинены другим вассалам дома Такэда. Попавший в опалу Нобунори, согласно «К», был казнен (*госэйбай аритэ,* 御せいばいありて) [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 310, 311].

Сведения «К» об опале и казни Итагаки Нобунори историки считают достоверными, отмечая лишь неточность датировки этого события – 1553 г. Данные документальных источников указывают на то, что Нобунори дожил до 1555–1558 гг. [Такэда-си, 2015, с. 85–86]. Стоит, однако, отметить, что в «К» не уточнен год смерти, но сказано, что он, прожив некоторое время в храме Тёдзэндзи, был казнен.

Измена и заговор

Наказанием за переход на сторону врага или подготовку переворота была смертная казнь или более почетный способ уйти из жизни – вспарывание живота. Так в 1553 г. была раскрыта измена четырех самураев из Синано, перешедших на сторону Уэсуги Кагэтора (Кэнсин, 1530–1578), властителя земли Этиго и злейшего врага Сингэн. Тогда Сингэн приказал четырем своим вассалам выбрать искусных в военном деле молодых воинов и доверить им роль *кайсяку*[15]. Затем самураи из Синано совершили *сэппуку* [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 318]. В 1561 г., как сообщает «К», были преданы смерти три самурая провинции Синано (кланы Нисина, Унно, Косака), вставшие на сторону дома Уэсуги. Воины, находившиеся под их командованием, были переподчинены другим вассалам [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 334][16].

Один из значительных заговоров против Такэда Сингэн, о которых рассказывает «К», приписывается его дяде Кацунума Нобутомо[17]. В 1560 г. *мэцукэ* тайно донесли Сингэн, что

---

[14] В битве при Уэдахара в уезде Тиисагата провинции Синано Такэда Сингэн одним из военных предводителей Синано был разбит Мураками Ёсикиё (1503–1573).

[15] *Кайсяку* – помощник самурая, совершавшего *сэппуку,* отрубавший ему голову после вспарывания живота во избежание предсмертных мук.

[16] В «К» предавшие дом Такэда в 1553 и 1561 гг. воины из Синано называются *самурай дайсё* (侍大しゃう). В этом источнике *самурай дайсё* – не только высокопоставленные военачальники дома Такэда, но и могущественные провинциальные воины, в том числе господствовавшие над отдельными уездами. Они же отнесены к *сэмпосю* (先方衆; так именовали подчинившиеся Такэда воинские кланы).

[17] Историческая достоверность рассказа о заговоре неясна.

Нобутомо обхаживает одного из них. После этого *ёкомэ* выследили и схватили подозрительного человека. Оказалось, что Кацунума Нобутомо скрытно вступил в сношения с *самурай дайсё* провинции Мусаси по имени Фудзита Уэмон. Согласно «К», было найдено письмо, из которого следовало, что пока Сингэн был в военном походе, он намеревался впустить Фудзита Уэмон с войском в один из уездов земли Каи. Кацунума же вознамерился утвердиться в Кофу. После казни Кацунума его *досин* и *хикан* были отданы под начало других вассалов Такэда [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 332].

В «К» также повествуется о раскрытии в 1564 г. заговора Такэда Ёсинобу (1538–1567)[18], старшего сына Такэда Сингэн. *Ёкомэ* и *мэцукэ* подсмотрели, что Ёсинобу поздно ночью в сопровождении двух самураев зашел к Обу Торамаса (?–1565), одному из высокоранговых вассалов, представленному в «К» едва ли не главным вдохновителем несостоявшегося переворота [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 353, 354]. Приводятся пять пунктов письменно зафиксированных обвинений в адрес Торамаса. По всей видимости, документ с обвинениями был послан ему от даймё, а впоследствии доведен до сведения всех вассалов. Сингэн укоряет Торамаса в следующих проступках: 1) со времени, когда Сингэн был еще молод, Торамаса сразу же не откликался, когда его призывал к себе Сингэн; 2) перед другими вассалами хулил действия Сингэн во время сражений; 3) упрекал даймё в проявлении слабости во время борьбы с Уэсуги Кэнсин; 4) был главным советчиком Ёсинобу, замыслившего мятеж. Вслед за этим Обу Торамаса казнили[19]. Триста всадников – *досин и хикан*, – служившие под его началом, доверены другим вассалам, некоторые его младшему брату, который сменил фамилию и прозвался Ямагата Масакагэ [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 356, 357].

Были преданы смерти и другие заговорщики, например, один из сыновей Нагасака Торафуса (?–1582). В «К» ошибочно указывается, что казнили Нагасака Масакуни (?–1582), тогда как на самом деле это был его брат [Такэда-си, 2015, с. 539]. Некоего Сонэ Суо-но ками зарубил один из *ёкомэ*. Из 80 всадников, состоявших в подчинении Такэда Ёсинобу, одних казнили, других изгнали из княжества. Таким образом, посягательство на власть даймё или измена расценивались как тягчайшие преступления, караемые смертью, а также переподчинением служилых людей другим вассалам.

Стычки и ссоры

Проблема урегулирования конфликтов внутри вассального дома была одной из наиважнейших для *сэнгоку даймё*, заинтересованных в поддержании духа единства и сплоченности среди самураев и сохранении порядка ради успешной внешней экспансии и упрочения власти. Не случайно статьи, запрещающие стычки (*кэнка*), перебранки и ссоры, неоднократно встречаются в княжеских уложениях и отдельных указах периода *Сэнгоку*[20]. Как известно, согласно ст. 17 свода Такэда Сингэн, карались не только оба участника стычки, но и пришедшие к ним на помощь. Невиновными считались лишь те, кто избегал столкновения. Несмотря на то что социальный статус участников стычки в законе не оговаривается, можно считать, что запрет преимущественно обращен к самураям. Участниками практически всех схваток, о которых рассказывается в «К», являются княжеские вассалы. Примечательно, что в «К» этому запрету стычек из «КХС» придается немалое значение. Введение самого кодекса увязывается с проблемой столкновений и ссор в доме Такэда, с желанием Сингэн с помощью закона ее урегулировать [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 169; Т. 2, 1994, с. 39, 41].

XVII том «К», посвященный судебным тяжбам, открывается рассказом о стычке перешедших на службу Такэда *ронин* из области Канто по имени Акосэки Саэмон и Тэракава

---

[18] Существует мнение, что заговора как такового могло и не быть, а причиной опалы Ёсинобу могло стать его неприятие планов отца, готовившегося напасть на княжество Имагава, к тому моменту союзное Такэда. Ёсинобу был женат на дочери Имагава Ёсимото (1519–1560).

[19] Год смерти Обу Торамаса, указанный в «К», подтверждается надежными источниками [Такэда-си, 2015, с. 218].

[20] Подробнее см.: [Полхов, 2015, с. 376–424].

Сироэмон[21]. Этот инцидент рассматривается как повод для утверждения свода «КХС» и в «К» датирован 1547 г.[22] После перебранки Саэмон подрался с Сироэмон, причем обе стороны не пустили в ход холодное оружие. О происшествии узнали *мэцукэ* и *ёкомэ,* направившие донесение Сингэн. Далее описывается расследование и суд. Сингэн допрашивает обвиняемых не напрямую, а через приближенных – Ямамото Кансукэ (?–1561) и Хара Торатанэ (1497–1564). Они же назначаются инспекторами (*кэнси*), которые опрашивают свидетелей. Даймё задает вопросы свидетелям и через младшего брата Такэда Нобусигэ (1525–1561) [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 40].

Сингэн спросил присутствовавших на месте происшествия самураев, почему они не остановили затеявших драку. Те же ответили, что Акосэки Саэмон и Тэракава Сироэмон уподобились детям 7–8 лет, и им показалось, что ничего важного не произошло. После этого трое вышеупомянутых приближенных представили полный доклад Сингэн по итогам расследования, и он вынес приговор. Приводятся слова даймё, который будто бы упрекнул подравшихся в том, что на «пути мужа» (*онокодо,* おのこ子どう)[23] они выглядят как юнцы, несмотря на возраст. Негодование Сингэн вызвало то, что оба не прибегли к *вакидзаси* как подобает воинам, а колотили друг друга руками, как малые дети или горожане во время ссоры. Обоим больше 40–50 лет, оба самураи, имеющие звания (*канто дзурё*), что скажут в других землях, когда узнают об их ссоре? Посчитав, что этот случай опозорит дом Такэда, Сингэн приказал *мэцукэ* и *ёкомэ* связать обоих, отрезать уши и носы и в назидание другим вассалам изгнать из княжества. В конце концов, им отрубили головы на горном перевале на границе провинций Каи и Мусаси [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 41].

В «К» к 1568 г. отнесено и другое столкновение. Когда по повелению Такэда Сингэн около его резиденции в Кофу возводилась молельня Бисямондо, три брата из рода Фусэ – *ронин* из Этиго, пришедшие в дом Такэда, – затеяли свару с *дзоритори*[24] по имени Сува Ядзаэмон. Хоть они и были низкого положения, но, согласно «К», Сингэн ценил их и через своего сына Кацуёри[25] приказал обеим сторонам проявить сдержанность. Братья Фусэ ответили согласием, но, как сказано в «К», на третий день, убоявшись, что их честь будет умалена в глазах сотоварищей, не вытерпели и затеяли стычку. В конце концов, как следует из текста источника, они были казнены [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 168, 169]. Описания судебного разбирательства «К» не содержит.

В 1571 г. в резиденции Такэда в Цуцудзигасаки произошла стычка между Мородзуми Масамори и Хара Масатанэ (?–1575)[26]. Они ранили друг друга и были разняты самураями, охранявшими усадьбу даймё. В тексте отмечается, что участников схватки не убили на месте, но подразумевается, что стражники были вправе так поступить. Схватка, случившаяся в княжеской резиденции, была расценена как «бесчинство в присутствии господина» (*годзэн родзэки,* 御前狼藉) и вызвала гнев Сингэн. Масамори и Масатанэ сохранили жизнь, поскольку Сингэн учел заслуги их отцов. Прямо говорится, что их должны были казнить. Свою роль сыграло и то, что за них ходатайствовали Такэда Кацуёри и Такэда Нобутоё (1549–1582), сын Такэда Нобусигэ. Однако за ссору в усадьбе даймё виновных лишили владений (*тигё*, 知行), а также вывели из их подчинения *досин*, переведенных под начало других вассалов [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 414].

---

21 В словаре вассалов дома Такэда, составленном японскими историками, эти имена не значатся.

22 В «К» говорится, что этот инцидент был *юрай* (ゆらい) – «источником», «основанием» для принятия «КХС» [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 39]. Проверить это утверждение с помощью других источников не удается.

23 В «К» выражение «путь мужа» по смыслу близко понятиям «пути войны» (*будо*) или «путь воина» (*бусидо*).

24 В военных домах прислужник, сопровождавший господина и носивший его сандалии *дзори* из соломы или бамбука.

25 Такэда Кацуёри (1546–1582) – сын и наследник Такэда Сингэн, последний правитель княжества Такэда.

26 Мородзуми Масамори был сыном вассала дома Такэда Мородзуми Торамицу (?–1561). Хара Масатанэ – сын другого видного вассала – Хара Торатанэ (1497–1564) [Такэда-си, 2015, с. 576, 668].

Число участников другой стычки, не датированной в «К», было гораздо большим. Во время ремонтных работ у резиденции Такэда столкнулись воины из отрядов *асигару тайсё*[27] и самураи Итидзё Нобутацу (?–1582)[28]. Почти две тысячи человек вступили в борьбу друг с другом, издавая боевые кличи и стреляя из аркебуз. Между тем Сингэн в это время наслаждался представлениями театра Но [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 456]. Окончание этой истории приведено в более позднем списке «К». Сингэн поручил Ямагата Масакагэ уладить ссору и развел противников в стороны. Трое самураев Итидзё, добывших головы людей *асигару тайсё,* были казнены [Коёгункан, Т. 3, 1983, с. 131, 135]. Однако самурая по имени Тада Синдзо (?–1575) помиловали из-за верной службы отца.

Уже упомянутый Синдзо позднее схватился с неким Фукуда, как и он, находившимся под командованием одного *ёриоя* из рода Амари. Расследование вел Ямагата Масакагэ. Выяснилось, что Фукуда, напившись сакэ, угрожал прохожим и нападал на них, отбирал *катана* и *вакидзаси.* Так же он пожелал поступить с Тада Синдзо, но тот дал отпор и отрубил ему голову. Действия Фукуда расценили как разбой и распяли его жену. Ямагата Масакагэ, несмотря на личную неприязнь к Тада Синдзо, фактически оправдал его перед даймё, и тот не понес никакого наказания [Коёгункан, Т. 3, 1983, с. 134, 135][29].

Для эпизодов с описанием стычек и последующих разбирательств, представлявших собой конфликты внутри вассального дома, характерны следующие особенности. Расследование дела инициирует княжеская власть, интересы которой напрямую затрагивают эти столкновения. Даймё не игнорирует стычки, напротив стремясь покарать их участников. Важную роль в расследовании и последующем наказании преступника играют *ёкомэ* и *мэцукэ.* Однако расследование часто возглавляют один или двое приближенных Сингэн. Судебное решение по таким делам выносит сам даймё. Как следует из «К», наказанием является смертная казнь обоих участников стычки, что соответствует смыслу ст. 17 уложения «КХС», однако при вынесении приговора Сингэн принимает во внимание заслуги служилого рода, из которого происходит тот или иной правонарушитель, и может смягчить наказание. В источнике фиксируется как помилование, так и замена казни на конфискацию земель и передачу служилых людей другим вассалам. *Ронин* могли наказать смертью, тогда как сыновей именитых самураев пощадить. Таким образом, ст. 17 уложения «КХС» действовала не безусловно, ее применение ограничивалось личными связями между князем и его людьми.

Тяжбы *ёриоя* и *досин*

Ряд судебных дел, описанных в «К», возникли на почве противоречий и конфликтов между вассалами дома Такэда, связанными отношениями соподчинения: *ёриоя* и *досин.* Многие законодательные уложения *сэнгоку даймё* регламентируют принципы отношений между этими двумя различными разрядами вассалов. Как было сказано, *ёриоя* – это высокопоставленные, как правило, наследственные вассалы, или родичи даймё, которые по его приказу играли роль военных командиров и судебных посредников[30] для *досин*, также называемых *ёрико*[31] (в «К» в основном используется термин *досин,* тогда как в законодательном кодексе «КХС» – *ёрико*). Среди *досин* могли быть как потомственные воины, так и поступившие на службу Такэда богатые крестьяне или даже *ронин* из других княжеств. Хотя на войне *досин* воевали под началом *ёриоя,* они не считались его потомственными служилыми людьми (*хикан).* В ст. 19

[27] *Асигару тайсё* – военачальники дома Такэда, возглавлявшие отряды легковооруженных воинов *асигару.*

[28] Итидзё Нобутацу был одним из младших братьев Такэда Сингэн.

[29] Как и многие самураи, упомянутые в «К», Тада Синдзо – реально существовавший воин, предположительно сын Тада Симпатиро, отличившегося на службе Такэда. Согласно одному источнику, Синдзо был взят в плен в битве при Нагасино в 1575 г. и казнен, но по другим сведениям он пережил гибель дома Такэда [Такэда-си, 2015, с. 481]. Представляется, что рассказ о Тада Синдзо, зарубившем Фукуда, свидетельствует о том, что в рассматриваемый период самураи отличали «право на самооборону» от вовлечения в недозволенную драку.

[30] В качестве судебных посредников *ёриоя* именовались *содзя. Содзя* мог передавать князю не только иски, но и другие прошения от своих *досин.*

[31] Термин *ёрико* встречается в ст. 27 и 28 редакции «КХС» из 57 статей.

уложения Такэда Сингэн осуждаются *досин* (*ёрико*), беспричинно испытывающие неприязнь по отношению к своим *ёриоя,* вместе с тем им разрешается подавать жалобу даймё на «патронов», если те их притесняют. В обычных случаях ст. 28 и 29 «КХС» предписывали *досин* (*ёрико*) обращаться в княжеский суд с исками только через своего *ёриоя.*

В документах дома Такэда слово *досин* встречается часто. Курода Мотоки показал, что отношения между *ёриоя* и *досин* были обычно долговременными и продолжались со сменой поколений. *Ёриоя* также выдавали пожалования *досин* из земель, полученных в награду от даймё, выполняя и ряд других важных функций [Курода, 2008, с. 184]. Вместе с тем *досин* часто одновременно являлись прямыми вассалами Такэда, ввиду чего власть *ёриоя* над ними была ограничена. В противоположность этому власть господ над потомственными *хикан* никак не регламентировалась княжескими законами: хозяин мог предать их любому наказанию или смерти. Они не могли жаловаться на господина в суд даймё в отличие от *досин.* Представляется, что сам факт повествования о тяжбах, связанных с противоречиями между *ёриоя* и *досин,* говорит о соответствии в этом плане содержания «К» другим источникам.

В одной из историй, время действия которой не указывается, рассказывается о пришедшем на службу дома Такэда *ронин* из провинции Исэ по имени Хокути (**北地**). Хокути стал *досин* Ямагата Масакагэ и получил во владение землю с доходом в 16 тыс. медных монет. Однако он счел пожалованные земли худыми и не раз просил управляющего (*маканаи хито*) своего господина Оба Мимбу Саэмон их заменить. Согласно «К», управляющий не докладывал об этих прошениях *ёриоя* – Ямагата Масакагэ. Тогда Хокути составил завещание (*окибуми*), известил сотоварищей о намерении совершить *сэппуку* и свел счеты с жизнью. Масакагэ будто бы был ошеломлен и доложил Сингэн о происшедшем, до того как тот получил соответствующее донесение от *мэцукэ* и *ёкомэ.* Князь впал в ярость и хотел было уже разжаловать и лишить владений Масакагэ, но за него заступились Хара Масатанэ, Сайгуса Масасада, Сонэ Масатада[32], подав клятвенную присягу, написанную на бумаге-обереге, где утверждали, что Масакагэ не знал о прошениях Хокути. После этого сам Сингэн и затем высокопоставленные вассалы с *мэцукэ* и *ёкомэ* допрашивали слуг Оба Мимбу Саэмон, который не сообщил Масакагэ о просьбах его *досин.* Выяснилось, что Масакагэ в самом деле был в неведении. В результате Оба Мимбу Саэмон и его родичей (*итируй*) казнили. После этого Сингэн послал 20 рё золота для проведения заупокойных служб по Хокути в храм Сэйхакудзи в провинции Каи [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 197].

Еще один эпизод в «К», предположительно датируемый 1563 г.[33], рассказывает, как во время штурма замка Минова в провинции Кодзукэ отличились два *досин* Ямагата Масакагэ. Первого звали Хирано Кюсукэ, а второго – Окума Бидзэн[34]. Такэда Сингэн хвалил обоих воинов, но Кюсукэ, завидуя сотоварищу, поносил Окума. Тогда Ямагата Масакагэ исключил Кюсукэ из числа своих *досин* под предлогом его «неразумия». Тот не замедлил подать иск в суд даймё. Со своей стороны Масакагэ сообщил Сингэн о сути дела. Даймё посчитал, что, несмотря на заслуги, Хирано Кюсукэ ведет себя недостойно. Масакагэ, получив разрешение Сингэн, лишил Кюсукэ пожалования (*фути*). Последний ушел в провинцию Синано и вскоре погиб в стычке [Коёгункан тайсэй, Т. 1, 1994, с. 482, 483]. Конфликт между *ёриоя* и *досин* описывается и в XVII томе «К». Магарибути Сёдзаэмон[35] служил клану Итагаки. На его

[32] Сайгуса Масасада вместе с Сонэ Масатада и Санада Масаюки в «К» уподобляется «двум глазам» Такэда Сингэн. Сонэ Масатада (?–?), Имаи Нобухира (?–1582) – вассалы дома Такэда. Санада Масаюки (1547–1611) – отпрыск самурайского рода из провинции Синано, возвысившийся на службе дому Такэда, приобрел статус наследственного вассала (*фудай*).

[33] Описываемые события происходят после взятия замка Минова в провинции Кодзукэ в 1563 г.

[34] Вероятно, Окума Бидзэн из «К» – это не Окума Томохидэ (?–1582), бывший вассал дома Уэсуги, перешедший на сторону Такэда, а его сын Нагахидэ (?–1582) [Коёгункан, Т. 2, 1983, с. 408; Такэда-си, 2015, с. 155–156]. Оба они именовали себя Бидзэн-но ками. Сведений о Хирано Кюсукэ найти не удалось.

[35] Магарибути Сёдзаэмон-но дзё (1518–1593) первоначально был *дзоритори* Итагаки Нобуката и *досин* Итагаки Нобунори, после казни последнего стал досин Ямагата Масакагэ. После падения дома Такэда служил Токугава Иэясу [Такэда-си, 2015, с. 614].

военную доблесть обратил внимание сам Такэда Сингэн, сделав своим прямым вассалом (*Сингэн-ко хикан*, 信玄公ひくわん). В результате Итагаки из слуги превратился в *досин* Итагаки Нобунори, перестав быть его слугой (*хикан*) [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 53]. Таким образом, статус *досин* был выше положения *хикан.* Магарибути оказался в двойном подчинении: будучи прямым вассалом князя, он стал *досин* Итагаки Нобунори. Нобунори же стал для него *ёриоя.*

Магарибути Сёдзаэмон имел привилегию не платить *тансэн* – княжескую подать, налагавшуюся на жителей удела Такэда[36]. Согласно «К», *тансэн* собирал со своих *досин* их «патрон» – *ёриоя.* Итагаки Нобуката освободил Сёдзаэмон от этой повинности. Его сын Нобунори решил отнять эту привилегию и потребовал платить этот налог наравне с другими *досин.* В «К» рассказывается, как Нобунори отправил полсотни своих людей, чтобы заставить Сёдзаэмон отдать *тансэн*, однако так ничего не добился. Ничего не дала и личная встреча Нобунори и Сёдзаэмон. В «К» Нобунори говорит, что не может убить Сёдзаэмон или отобрать у своего *досин* его земли (*фути,* ふち), ведь тот – доблестный воин, которого лично знает Такэда Сингэн [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 54–55]. Данный фрагмент красноречиво свидетельствует, что власть *ёриоя* над *досин* была куда более ограниченной, чем контроль господина над *хикан* – наследственными слугами.

Тогда Нобунори обратился с жалобой на Сёдзаэмон к приближенным даймё Ямагата Масакагэ и Хара Масатанэ. Однако они отказались сообщать о деле князю, сославшись на то, что он очень дорожит Магарибути Сёдзаэмон. Другие приближенные – Нагасака Торафуса и Атобэ Кацусукэ – согласились известить даймё о претензиях Итагаки Нобунори, сказав, что хулить господина и *ёриоя*, не повиноваться приказам военного предводителя (*касира*) – беспримерное злодейство. Они рассказали Сингэн о хуле, возводимой Магарибути Сёдзаэмон на Итагаки Нобунори. Князь в ответ будто бы рассмеялся, а после того уподобил Сёдзаэмон собаке, которая может растоптать высаженные цветы, а когда отгонишь её палкой, отходит с лаем, но она же храбра против кабана, лисицы и енота. Даймё вспомнил о заслугах и двадцати ранах, полученных Магарибути в бою. Затем он сказал: в военный отряд следует включать по одному или по два таких воина, тогда молодые самураи воодушевятся и свершат ратные подвиги. Если такие доблестные воины и злятся на *ёриоя* или своего господина – это пустячное дело [Коёгункан тайсэй, Т. 2, 1994, с. 56–57]. Таким образом, жалоба Итагаки Нобунори была фактически отклонена[37].

В «К» показывается разнообразное происхождение *досин,* которым мог стать и *ронин* из другой провинции, и засвидетельствовавший свою доблесть наследственный слуга какого-либо вассального клана. Сведения «К» в целом соответствуют данным других источников: княжеская власть вмешивается во взаимоотношения *досин* и *ёриоя.* Громкие случаи, связанные со злоупотреблениями *ёриоя* или его слуг в отношении *досин*, могут расследоваться. *Досин* сохраняют связь с даймё: Итагаки Нобунори, несмотря на неприязнь к Магарибути Сёдзаэмон, не смог с ним расквитаться, и его жалоба не была удовлетворена Такэда Сингэн.

Примечательно, что рассказ о жалобах *досин* Хокути своему *ёриоя* на скудность земельных владений имеет соответствия в актовых материалах дома Такэда. Так, в 1577 г. Курихара Нобумори, один из отпрысков боковой ветви Такэда, обещал выделить пожалование самураю о фамилии Утида*,* который просил новое владение, поскольку не мог исполнять военную службу из-за малой доходности своей земли. Курода обоснованно полагает, что Курихара был *ёриоя* Утида [Курода, 2008, с. 181][38].

[36] В документации Такэда и «КХС» преимущественно содержатся данные о *мунэбэцусэн* – подати с каждого дома. *Тансэн* – налог с заливных рисовых полей – взимался в княжестве Имагава, часть которого завоевал позднее Такэда Сингэн.

[37] Нагасака Торафуса и Атобэ Кацусукэ говорили Нобунори, что Сёдзаэмон следует казнить.

[38] Нобумори исполняет одну из функций *ёриоя*: ходатайствует перед даймё о выделении пожалования своему *досин.*

В части II данной статьи, которая будет опубликована в следующем номере «Вестника Института востоковедения РАН», рассматриваются остальные виды тяжб, описанные в «К», а также проводится сопоставление информации «К» с данными законодательного уложения «КХС».

Литература / References

Кобаяси Кэйитиро. «Коёгункан»-но Такэда касиндан хэнсэй хё ни цуитэ. «Такэда Хоссёин Сингэн-ко миё сониндзу-но кото»-но кэнто // *Такэда-си-но кэнкю. Сэнгоку даймё ронсю (О реестре вассалов Такэда в «Коёгункан». Рассмотрение «О войске времени правления князя Такэда Хоссёин Сингэн» // Исследование клана Такэда. Сборник исследований сэнгоку даймё).* Т. 10. Под ред. Сибацудзи Сюнроку. Токио, 1984. С. 236–260 [Kobayashi Keiichiro. Koyogunkan-no Takeda kashindan hensei hyo ni tsuite. Takeda Hosshyoin Shingen-ko miyo soninzu-no koto-no kento // *Takeda-shi-no kenkyu. Sengoku Daimyo Ronshu. Shibatsuji Shunroku hen.* Tokyo, 1984. Pp. 236–260].

Коёгункан. Ред. и комм. Исогаи Масаёси, Хаттори Харунори. Т. 1–3. Токио, 1983 [*Koyogunkan.* Jyo. Isogai Masayoshi, Hattori Harunori kochu. T. 1–3. Tokyo, 1983].

Коёгункан тайсэй (Полный текст Коёгункан). Исслед., комм. Сакаи Кэндзи. Т. 1–2. Токио, 1994 [*Koyogunkan Taisei. Daikkan.* Sakai Kenji hencho. T. 1–2. Tokyo, 1994].

Косю-хатто-но сидай. Нидзю роккадзё-бон (Законы провинции Каи. Список из 26 статей) // *Тюсэй хосэй сирёсю. Букэ кахо.* Т. 3. Ч. 1. (Собрание материалов по средневековому законодательству. Уложения военных домов). Под ред. Сато Синъити и Момосэ Кэсао. Токио, 2001. С. 195–199 [Koshu hatto-no shidai. Niju rokkajo-bon // *Chusei hosei shiryoshu. Buke kaho* I. Daisankan. Sato Shinichi, Momose Kesao hen. Tokyo, 2001. Pp. 195–199].

Курода Мотоки. Такэда-си катюрон // *Сэнгоку даймё Такэда-си но-кэнрёку то сихай* (К вопросу о вассальном доме Такэда // *Господство и власть сэнгоку даймё клана Такэда*). Токио, 2008. С. 155–200 [Kuroda Motoki. Takeda-shi kachuron // *Sengoku daimyo Takeda-shi-no kenryoku to shihai.* Pp. 155–200].

Марусима Кадзухиро. Такэда кэ рёсики сёко // *Сэнгоку Такэда-си но яку то касин* (Небольшое исследование о «двух должностях» дома Такэда // *Вассалы и должностные лица сэнгоку даймё клана Такэда*). Токио, 2011. С. 149–172 [Marushima Kazuhiro. Takeda ke ryoshiki shoko // *Sengoku Takeda-shi-no yaku to kashin.* Tokyo, 2011. Pp. 149–172].

Полхов С. А. *Законодательные уложения Сэнгоку даймё. Исследования и переводы.* М., 2015 [Polkhov S. A. *Zakonodatel'nye ulozheniya sengoku daimyo: issledovaniya i perevody.* Moscow, 2015].

Полхов С. А. Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной японской историографии (Часть 1) // *Японские исследования.* 2017. № 1. С. 60–74 [Polkhov S. A. Problema avtorstva i genezis teksta Koyogunkan v sovremennoi yaponskoi istoriografii (Chast' 1) // *Yaponskiye issledovaniya.* 2017. 1. Pp. 60–74].

Полхов С. А. Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной японской историографии (Часть 2) // *Японские исследования.* 2017. № 2. С. 4–19 [Polkhov S. A. Problema avtorstva i genesis teksta Koyogunkan v sovremennoi yaponskoi istoriografii (Chast' 2) // *Yaponskiye issledovaniya.* 2017. 2. Pp. 4–19].

Такэда-си касиндан дзиммэй дзитэн (Словарь имен вассалов Такэда). По ред. Сибацудзи Сюнроку, Хираяма Ю, Курода Мотоки, Марусима Кадзухиро. Токио, 2015 [*Takeda-shi kashindan jimmei jiten.* Shibatsuji Shunroku, Hirayama Yu, Kuroda Motoki, Marushima Kazuhiro hen. Tokyo, 2015].

АТРИБУЦИЯ МОГОЛЬСКОЙ МИНИАТЮРЫ ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО АЛЬБОМА: ПОРТРЕТ МОГОЛЬСКОГО ПРИНЦА ИЛИ ОБРАЗ ЙУСУФА?

Ю. Г. Атманова*

Статья посвящена исследованию могольской миниатюры из Петербургского альбома, находящегося в собрании Института восточных рукописей РАН. В статье проанализированы предшествующие атрибуции и приведены аргументированные выводы, позволяющие провести более точную идентификацию изображенных на миниатюре персонажей и самого сюжета. В результате исследования предложена новая атрибуция миниатюры «Йусуф на невольничьем рынке в Египте», конец XVII – начало XVIII вв.

Ключевые слова: могольская миниатюра, Индия, Петербургский альбом, Йусуф, сцена продажи на невольничьем рынке, атрибуция, определение сюжета и персонажей, датировка.

ATTRIBUTION OF THE MUGHAL MINIATURE FROM THE ST. PETERSBURG ALBUM: THE PORTRAIT OF A MUGHAL PRINCE OR THE IMAGE OF YUSUF?

Yulia G. Atmanova

The article deals with the attribution of the Mughal miniature from the St. Petersburg Album preserved in the collection of the Institute of Oriental Manuscripts RAS. The author analyzes previous attributions and comes to the new conclusions on the identification of subject and characters. Research resulted in a new attribution of the Mughal miniature “Yusuf in the slave market in Egypt”, late 17th – early 18th centuries.

Keywords: Mughal miniature, India, St. Petersburg Album, Yusuf, slave market scene, attribution, identification of subject and characters, dating.

В петербургском собрании Института восточных рукописей РАН хранится замечательный по своей красоте альбом-*муракка*‘, искусно оформленный в XVIII в. персидскими мастерами[1]. Он содержит большое число индийских миниатюр, преимущественно могольской школы живописи. Среди них находится небольшая по размеру, но довольно интересная по содержанию миниатюра (Е 14, л. 59), исследованию которой и посвящена настоящая статья. Миниатюра расположена в нижней части живописного листа альбома-*муракка*‘; в верхней части, над ней, помещена другая небольшая миниатюра, также принадлежащая могольской школе живописи. Их объединяет тройная декоративная рамка и расписные поля-*хашийа* с растительными мотивами. Оборотная сторона листа украшена образцом каллиграфии Мира ‘Имада ал-Хасани. Находясь в составе альбома-*муракка*‘, живописный лист с двумя миниатюрами располагался на левой стороне двойного разворота[2].

* Юлия Георгиевна АТМАНОВА, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; atmanova@mail.ru

Yulia G. ATMANOVA, PhD (Art History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; atmanova@mail.ru

[1] В зарубежной научной литературе *муракка*‘ известен как «Петербургский альбом» или «Петербургский муракка‘» (“St. Petersburg Album” / “St. Petersburg Muraqqa‘”), в отечественной – также как Альбом Е 14.

[2] В настоящее время альбом хранится в разобранном состоянии, каждый лист бережно помещен в отдельное паспарту.

Исследуемая миниатюра представляет собой сюжетную многофигурную композицию. На переднем плане наряду с второстепенными персонажами представлен главный герой запечатленной сцены. Фигура его композиционно и символически выделена: он изображен в левой части композиции отдельно от остальных персонажей, голова его окружена золотым лучистым нимбом. Неподалеку сидит некто в богатых одеждах, а перед ним стоят завязанные мешки среднего размера, набитые, по-видимому, золотыми монетами[3] или драгоценными камнями. В правой части композиции изображена многолюдная толпа, которая с интересом взирает на главного героя, стоящего перед ней. Передний и дальний планы композиции разделены двумя низкими холмами, за которыми виднеются архитектурные постройки. Слева вверху изображен утопающий в зелени сада белокаменный дворец, из ворот которого выдвигается немногочисленная процессия, состоящая из знатной особы, находящейся в закрытом паланкине, закрепленном на спине верблюда, конных всадников и пеших слуг.

Впервые миниатюра была опубликована в статье Ф. Розенберга, посвященной индийской живописи и напечатанной в журнале «Восток» в 1923 г. Затем она появилась в каталоге индийского искусства, подготовленном С. И. Тюляевым в 1956 г. В 1962 г. состоялась первая полная публикация Петербургского альбома[4]. В статье по индийской живописи, предваряющей каталог этого альбома, Т. В. Грек был сделан довольно глубокий для своего времени анализ могольских миниатюр и введены в научный оборот новые атрибуции. В 1996 г. в ходе совместного проекта российских ученых с западными коллегами в свет вышло цветное издание Петербургского альбома, в котором специалистами, в основном С. К. Уэлчем, были пересмотрены некоторые атрибуции.

Список предложенных ранее атрибуций исследуемой миниатюры выглядит следующим образом:

1) «Великий могол Джехангир принимает дань. Индийское письмо начала XVII ст.» [Розенберг, 1923, табл. 4];
2) «Джехангир собирает дань. Могольская школа миниатюры. XVII в.» [Тюляев, 1956];
3) «Получение дани. Могольская школа, конец XVI – начало XVII в.» [Акимушкин, Грек, Иванов, 1962, илл. 22];
4) «Принц дарующий милостыню. Могольская школа. Сер. XVII в.» [Habsburg et al., 1996, p. 79, pl. 86].

Вышеприведенный список показывает, что в определении датировки памятника мнения специалистов не сильно расходятся, большая часть относит его к XVII в. Они едины во мнении, что миниатюра принадлежит могольской школе. Ф. Розенберг хотя и высказывается несколько обобщенно «индийское письмо», тем не менее из его статьи и атрибуции памятника вполне понятно, что он имеет в виду именно могольское письмо, называемое им «индо-персидской живописью» [Розенберг, 1923]. В определении сюжета у исследователей имеются небольшие расхождения, но, несмотря на это, они единодушны в том, что на миниатюре запечатлена сцена из жизни могольской Индии. Что касается идентификации главного героя, высказываются разные предположения. Ф. Розенберг, а за ним и С. И. Тюляев считают, что на миниатюре изображен могольский падишах Джахангир (1605–1627). Т. В. Грек, хотя и не стала озвучивать имя конкретной персоны в названии миниатюры, в статье все же высказывает предположение, что в композиции «скорее всего изображен Салим» – будущий император Джахангир [Акимушкин, Грек, Иванов, 1962, с. 28]. С. К. Уэлч также не указал имя главного героя в названии миниатюры, но в аннотации пишет, что это, безусловно, могольский принц Мурад Бахш (1624–1661), дарующий мешки с деньгами толпе [Habsburg et al., 1996, p. 79].

[3] Изображения такого рода мешков встречаются и на других могольских миниатюрах. Иногда на них имеются надписи, выполненные очень мелким почерком: «пятьсот рупий», «одна тысяча» и т. п.

[4] В те годы альбом именовался, соответственно, ленинградским.

Кто же в действительности изображен на могольской миниатюре, и верно ли предположение, что это конкретное историческое лицо? Поскольку главный герой запечатлен довольно молодым, то предположение Т. В. Грек и С. К. Уэлча о том, что на миниатюре представлен именно принц, а не падишах, может показаться более близким к истине. К тому же принцев в могольской живописи вполне могли изображать с нимбами, подобно падишахам, мусульманским пророкам и святым. Вместе с тем следует заметить, что облик главного героя выписан художником без физиогномических или каких-либо других характерных подробностей, поэтому изображение вряд ли можно отнести к портретным. В могольской живописи, как известно, портретное искусство получило признание еще в конце XVI в. Главным критерием оценки портретного изображения являлось соответствие оригиналу, т. е. передача наиболее точного, живого сходства с моделью (в рамках могольской концепции «подобия»). «Небрежное» изображение портретных черт августейших особ – принца или тем более падишаха – в могольской придворной культуре XVII в. было просто невозможным. Особого внимания заслуживает тот факт, что черты лица главного героя с рассматриваемой миниатюры не обладают не только ярко выраженным, но даже и отдаленным сходством с портретными образами принцев Салима и Мурад Бахша. Единственная деталь, которая может показаться близкой портретам Мурад Бахша, – это персидский височный локон, но на этом все кажущееся сходство заканчивается. Следует заметить также, что головной убор главного героя не соответствует могольской моде XVII в., он скорее напоминает среднеазиатский тип тюрбана (*кулахдар*), который было принято повязывать вокруг войлочной остроконечной шапки (*кулах*).

Существуют и другие противоречия. Согласно могольскому придворному этикету, никто из подданных или иноземных гостей не мог сидеть в присутствии стоящего принца, разумеется, кроме правящего падишаха. На миниатюре же неподалеку от главного героя (принца – согласно атрибуциям Т. В. Грек и С. К. Уэлча) изображен сидящим некий богатый человек, и это определенно не Великий Могол. Таким образом, если допустить предположение, что главным героем является могольский принц, то подобная ситуация представляется абсолютно невозможной. Она становится еще более неприемлемой, если предположить, что в композиции представлен не принц, а сам действующий правитель[5]. Кроме того, если принять во внимание высказанную ранее версию о том, что на миниатюре могольский падишах / принц собирает дань или, как считает С. К. Уэлч, дарует милостыню, то возникает вполне логический вопрос, почему мешки, туго набитые монетами (или драгоценными камнями?), стоят не перед главным героем, а рядом с сидящим неподалеку персонажем, и почему именно к этому персонажу обращаются пожилая женщина и человек из толпы, чья фигура склонилась над мешками, словно предлагая их сидящему персонажу. Следует также обратить внимание и на то обстоятельство, что изображенная на миниатюре толпа состоит по большей части из представителей высшего и среднего сословия, т. е. людей достаточно обеспеченных и не нуждающихся в подаянии. К тому же в могольской Индии милостыню не раздавали туго набитыми мешками; монеты либо разбрасывали перед толпой, либо вкладывали в руку нуждающемуся. Подарки же, предназначенные представителям высшей знати и отличившимся подданным, вручались в соответствии с могольским придворным церемониалом, и состояли они, как правило, из всевозможных дорогих предметов (ювелирное украшение, парчовый тюрбан, дорогое оружие, *джама* и пр.), а не просто из золотых и серебряных монет[6].

Учитывая все вышесказанное, становится очевидным, что все существующие варианты истолкования сюжета, к сожалению, оставляют неразрешенными множество вопросов. Между тем все вышеперечисленные «несоответствия» перестают быть таковыми, если только

[5] В могольских портретных миниатюрах сидеть в присутствии августейшей особы разрешалось только высокочтимым духовным авторитетам весьма преклонных лет. Заметим, однако, что такие изображения крайне редки в могольской живописи.

[6] Об этом свидетельствуют как письменные, так и изобразительные источники.

принять во внимание версию, что на миниатюре запечатлено не конкретное историческое событие из жизни могольского двора, а хорошо известный в персоязычном мире литературный сюжет – эпизод из истории Йусуфа, талантливо интерпретированный в прославленной поэме ʻАбд ар-Рахмана Джами «Йусуф и Зулейха». Справедливости ради следует заметить, что в аннотации к миниатюре С. К. Уэлч упомянул также о предположении его британского коллеги Роберта Скелтона, что это «изображение Иосифа, проданного его братьям» [Habsburg et al., 1996, p. 79]. Корректно идентифицируя главного персонажа, Р. Скелтон называет его библейским именем. В мусульманской культуре Иосиф Прекрасный известен как Йусуф – пророк и посланник в кораническом предании и герой многочисленных литературных переложений.

Идентификация самого сюжета, предложенная Р. Скелтоном, тем не менее вызывает ряд вопросов, связанных с определением литературного источника. Дело в том, что ни в Коране, ни в поэме «Йусуф и Зулейха» Джами не встречается эпизода продажи Йусуфа его братьям. В кораническом тексте сказано, что это сами братья захотели избавиться от Йусуфа и спрятали его на дне колодца. «И пришли путники и послали своего ходока; тот спустил ведро свое и сказал: "О радость, это – юноша". И спрятали они его как товар, а Аллах знал, что они делают. И продали они его за малую цену отсчитанных дирхемов» (Коран 12: 19–20). В романической версии Джами история рассказана несколько иначе: брошенный в колодец своими братьями Йусуф был спасен Маликом, купцом каравана, направлявшегося в Египет. Братья решили получить выкуп с Малика, назвав Йусуфа своим беглым рабом. Таким образом, Йусуф оказывается проданным братьями (заметим, проданным братьями, а не братьям) за горстку монет Малику, который привозит его в Египет. Малик приводит Йусуфа на невольничий рынок, где вокруг прекрасного юноши собирается многочисленная разноликая толпа желающих его купить. В итоге Йусуф попадает в дом египетского вельможи (ʻ*азиза*), мужа Зулейхи[7].

Сцена продажи на невольничьем рынке относится к весьма популярным и иконографически разработанным сюжетам в персидской и могольской миниатюрной живописи. Принято считать, что канонические для изобразительного повествования сюжеты определились в процессе иллюстрирования именно поэмы «Йусуф и Зулейха» Джами[8]. Впоследствии популярные сюжеты стали воспроизводиться в диванах известных персоязычных поэтов и украшать художественные альбомы-*муракка*ʻ [Атманова, 2018, с. 198]. Исследуемая миниатюра из Петербургского альбома своим иконографическим решением вполне соответствует этой изобразительной традиции. Композиционно и семантически она согласуется со многими другими персидскими и могольскими миниатюрами, на которых запечатлена сцена продажи Йусуфа на невольничьем рынке в Египте[9].

В могольской миниатюрной живописи образ Йусуфа трактовался в соответствии с принятым изобразительным каноном. Он всегда представал юным отроком со слабо индивидуализированными чертами лица. Примечательно, что в живописном исполнении, как совершенно справедливо заметила Н. И. Пригарина, лик Йусуфа не имел каких-либо особых примет внешней красоты, поскольку в поэме Джами речь шла об истинной Красоте,

---

[7] *Джами ʻАбд ар-Рахман. Йусуф ва Зулейха*. URL: https://ganjoor.net/jami/7ourang/7-5-yusof-zoleykha/ (дата обращения 10.07.2018).

[8] М. Ашрафи отмечает, что в персидской и среднеазиатской миниатюре «чаще всего иллюстрировались такие эпизоды, как приезд Зулейхи в Египет; продажа Юсуфа в рабство; Зулейха с Юсуфом в своем чудесном саду; сцена соблазнения прекрасного юноши Зулейхой; появление Юсуфа перед египетскими женами» [Ашрафи, 1966, с. 86]. Расширенный перечень сюжетов см. в статье Н. И. Пригариной [Пригарина, 2012, с. 210].

[9] Могольские миниатюры: 1) «Йусуф на невольничьем рынке». «Йусуф и Зулейха» Джами. 1545 г. Украшена 8 миниатюрами в 1600–1610 гг. Sam Fogg Galleries, London; 2) *Мирза Гулам* (?). «Продажа Йусуфа в рабство». «Диван» Амира Хасана Дехлеви. Аллахабад, 1602 г. The Walters Art Museum, Baltimore (acc. no.W.650) [Seyller, 2004, fig. 3]; 3) *Фаррух Чела* (?). «Йусуф на невольничьем рынке». 1600–1605 гг. The British Library, London (Johnson Album 7, 2) [Losty, Roy, 2012, fig. 35]; 4) *Факирулла*. «Зулейха покупает Йусуфа». 1740–1750 гг. The National Museum, New Delhi (Acc. No. 58.58/34) [Daljeet, 1999, p. 93].

сокрытой «в божественной сути мироздания» [Пригарина, 2012, с. 213–216]. На изобразительном уровне Божественная красота и духовное совершенство Йусуфа могли выражаться через такие значимые символы и атрибуты, как сияющий нимб (атрибут мусульманских пророков и посланников) и височный «персидский» локон (локоны, *зулф* – конвенциональная поэтическая метафора[10]). На рассматриваемой миниатюре главный герой обладает всеми вышеперечисленными особенностями: нимб вокруг головы, височный локон, он изображен юным, красота его лица трактована весьма условно.

Присутствие в композиции некоторых персонажей и сама мизансцена позволяют «реконструировать» содержание известного эпизода из истории Йусуфа, интерпретируя изобразительный нарратив в согласии с поэтическим текстом Джами. Так, сам Йусуф выставлен на торжище перед толпой покупателей. Сидящий неподалеку от него персонаж может быть легко идентифицирован с Маликом – купцом, который помог отроку выбраться из колодца и затем, выкупив его как раба у родных братьев, привез на невольничий рынок в Египет. Такое прочтение делает вполне объяснимым, почему Малик может сидеть в присутствии главного героя, и почему именно к Малику обращается склонившийся над мешками с монетами персонаж из толпы: он хочет купить Йусуфа, предлагая высокую цену (судя по количеству и размеру туго набитых деньгами мешков). Знатная особа, скрывающаяся в паланкине, закрепленном на спине верблюда, – это Зулейха. Согласно тексту Джами, героиня узнала в выставленном на торг невольнике прекрасного юношу из своих снов и решила во что бы то ни стало купить Йусуфа. Еще один женский персонаж – это седовласая старуха, обращающаяся к Малику с предложением купить прекрасного юношу. Этот образ неизменно присутствует в миниатюрах со сценой продажи на невольничьем рынке. В поэме Джами, когда Йусуфа привели на торжище, все присутствующие там люди были сражены его красотой и прониклись к нему любовью, и каждый захотел купить его[11]. Среди прочих там была и старая женщина, которой было нечего предложить кроме пасм пряжи, спряденной ею самой. И хотя товар этот не был в цене и представлял собой символическую плату, он позволил ей находиться среди покупающих, т. е. быть в числе почитающих Божественную красоту Йусуфа[12].

Толпа желающих купить Йусуфа «египтян»[13] на торжище состоит исключительно из мужских персонажей разного возраста. Кто-то из них одет в платье могольского покроя, а кто-то в среднеазиатский либо персидский костюм. Среди всей этой многоликой и разнородной толпы можно увидеть и вполне узнаваемые образы: у самой рамки вверху изображен сафавид с вислыми усами в серо-черной меховой шапке; перед ним – католический миссионер-иезуит в черной сутане и шапочке того же цвета. В таком виде представленную сцену действительно можно было бы принять за какое-нибудь событие из жизни могольского двора. Тем более что сам главный герой и Малик одеты в верхнее платье могольского фасона, а архитектурные постройки на дальнем плане представляют собой стилистические вариации *à la* индийское зодчество могольской эпохи. Возможно, именно эти относящиеся к могольскому времени «реалистические» черты и детали и способствовали ошибочному предположению о том, что на миниатюре запечатлен исторический сюжет. Однако следует обратить внимание на тот факт, что для могольской художественной практики, как, впрочем, и для персидской, наличие современных реалий в миниатюрах с

[10] См., например, известную статью Е. Э. Бертельса об антитезе «локон и лицо» [Бертельс, 1965, с. 109–125].

[11] О суфийской интерпретации сюжета см.: [Атманова, 2018, с. 198].

[12] Рассказ о старухе, желающей купить Йусуфа, встречается в более ранних прозаических и поэтических версиях, например, в повествованиях о пророках (*кисас ал-анбийа*) или в поэме ʻАттара «Мантик ат-Тайр». У Джами он изложен в двух бейтах.

[13] В тексте Джами покупателями Йусуфа стали «все египтяне». – *Джами ʻАбд ар-Рахман. Йусуф ва Зулейха.* URL: https://ganjoor.net/jami/7ourang/7-5-yusof-zoleykha/ (дата обращения 10.07.2018).

вымышленным литературным сюжетом являлось вполне уместным и даже нормативным[14]. Так, например, на другой могольской миниатюре с тем же самым сюжетом Йусуф представлен в костюме и плоском тюрбане, соответствующих времени падишаха Акбара (1556–1605)[15]. Среди пребывающей в экстатическом состоянии толпы («египтян») художник изобразил специфического индийского персонажа – адепта секты йогов канпхата, легко узнаваемого по массивным круглым серьгам в ушах и волосам, сплетенным в дреды. В могольской живописи подобные «анахронизмы» могли использоваться с целью реализации определенной идейно-художественной стратегии.

Узнаваемые персонажи (сафавид и миссионер-иезуит) в исследуемой миниатюре не являются конкретными историческими лицами, а представляют собой, скорее, образы собирательные. Изображение сафавида (с вислыми усами и в шапке характерной формы) встречается в могольских дарбарных[16] композициях XVII в.[17] И хотя на них изображены реальные события из жизни могольского двора и, по сути, они являются групповыми портретами, тем не менее сафавид здесь всегда находится в «массовке» как вымышленный персонаж. Изображение сафавида есть и на миниатюре со сценой из истории Йусуфа, находящейся в собрании делийского Национального музея[18], где он изображен так же, как и на рассматриваемой нами миниатюре, в толпе «безымянных» покупателей. Что касается миссионера, то он, как точно подметила Т. В. Грек, имеет явное сходство с портретным изображением миссионера с другой могольской миниатюры из коллекции Честера Битти[19]. Его принято идентифицировать с католическим священником Рудольфом Аквавивой[20], возглавившим в 1580 г. первую иезуитскую миссию ко двору Великих Моголов. Однако в исследуемой миниатюре образ иезуита, как уже отмечалось, является всего лишь своего рода типическим обобщением. Два узнаваемых персонажа – сафавид и миссионер-иезуит – олицетворяют здесь группу «заморских гостей». Их присутствие в могольской миниатюре на литературный сюжет объясняется, вероятно, желанием художника подчеркнуть значимость происходящего события.

Присутствие в композиции изображения католического священника из первой иезуитской миссии (1580–1583), а также «иранизированные костюмы» некоторых персонажей привели Т. В. Грек к выводу, что миниатюра была написана в конце XVI в. [Акимушкин, Грек, Иванов, 1962, с. 28]. Данное предположение могло бы показаться вполне убедительным и логически обоснованным, но только в том случае, если бы на миниатюре было запечатлено реальное событие из жизни могольского двора. Однако композиция написана не на исторический, а на литературный, вымышленный сюжет, и «портрет» Рудольфа Аквавивы на самом деле не выполняет функции портретного изображения. Следовательно, в данном случае парадигма хронологического соответствия и синхронии, уместная в миниатюрах на исторический сюжет и применяемая Т. В. Грек, оказывается нерелевантной[21]. Темпоральная

---

[14] В иллюстрирующих древнеиндийский эпос могольских миниатюрах запечатлены типичные приметы культуры и времени Великих Моголов. Реалии могольской Индии находили отражение при изображении батальных сцен, царского антуража, вооружения и облачения богов и эпических героев [Атманова, 2017, с. 40].

[15] *Фаррух Чела* (?). «Йусуф на невольничьем рынке». 1600–1605 гг. The British Library, London (Johnson Album 7, 2) [Losty, Roy, 2012, fig. 35].

[16] Дарбар – собрание, публичная аудиенция могольского падишаха.

[17] См. например: *Пайаг* (?). «Шах Джахан принимает персидского посла». Ок. 1640 г. Bodleian Library, University of Oxford (MS. Ousley Add. 173, f. 13v) [Topsfield, 2008, pl. 33].

[18] *Факирулла*. «Зулейха покупает Йусуфа». 1740–1750 гг. The National Museum, New Delhi (Acc. No. 58.58/34) [Daljeet, 1999, p. 93].

[19] *Нарсингх*. «Акбар и иезуиты». «Акбар-нама». 1600–1603 гг. The Chester Beatty Library, Dublin (CBL In 03.263).

[20] Научно аргументированную идентификацию см. в каталоге Линды Йорк Лич [Leach, 1995, 291]. Т. В. Грек ссылается на идентификацию, предложенную Эдвардом Маклаганом [Акимушкин, Грек, Иванов, 1962, с. 28; Maclagan, 1932, p. 258].

[21] В могольских композициях, отражающих конкретные исторические события, изображались, как правило, лишь их очевидцы и современники (иногда вымышленные персонажи в «массовке»).

логика пространственно-временного континуума вымышленной действительности основывается на иных принципах построения изобразительного нарратива.

Исследуемая миниатюра, вероятнее всего, была написана в конце XVII или начале XVIII в. В пользу данного предположения свидетельствуют такие характерные признаки, как превалирование в композиции декоративно-ритмического начала и отсутствие мягкой светотеневой моделировки; менее изысканная по сравнению с живописью первой половины XVII в. цветовая гамма с преобладанием холодных полутонов и грязноватых оттенков. Кроме того, фигура главного героя изображена с несколько удлиненным торсом, что характерно для живописи времени правления падишахов Аурангзеба (1658–1707), Бахадур-шаха I (1707–1712) и Фаррух Сийара (1713–1719). Верхнее платье (*джама*) Йусуфа также больше соответствует могольской моде рубежа обозначенных веков, чем первой половины XVII в. Оно представляет собой традиционный могольский кафтан с глубоким запахом, завязывающийся сбоку. В первой половине XVII в. длина его доходила до середины икры, в правление же Фаррух Сийара, судя по сохранившимся миниатюрам, она стала достигать щиколотки, как у главного героя с рассматриваемой миниатюры. Рисунок *джама* со стилизованными флоральными мотивами также вполне согласуется с веяниями могольской моды рубежа веков. Изображение дальнего плана с высокой линией горизонта, архитектурный стиль и расположение белокаменных построек, трактовка зелени соответствуют тенденциям могольской живописи первой четверти XVIII в.

Подводя итог проведенному исследованию, можно прийти к выводу, что рассматриваемая могольская миниатюра из Петербургского альбома (Е 14 л. 59) была написана на литературный, а не исторический сюжет. На ней изображен известный эпизод из истории Йусуфа в поэтической обработке ʻАбд ар-Рахмана Джами. Проведенный художественно-стилистический анализ миниатюры, идентификация запечатленного на ней сюжета и персонажей позволяют предложить иное прочтение изобразительного нарратива и, как следствие, новую атрибуцию могольского памятника: «Йусуф на невольничьем рынке в Египте», конец XVII – начало XVIII вв.

Литература / References

Акимушкин О. Ф., Грек Т. В., Иванов А. А. *Альбом индийских и персидских миниатюр XVI–XVIII вв.* М., 1962 [Akimushkin O. F., Grek T. V., Ivanov A. A. *Al'bom indiiskih i persidskih miniatyur XVI–XVIII vv.* Moscow, 1962].

Атманова Ю. Г. Образ Йусуфа в могольской живописи: к вопросу прочтения изобразительного текста // *ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики.* 2018. № 2 (16). С. 195–204 [Atmanova Yu. G. Obraz Iusufa v mogol'skoi zhivopisi: k voprosu prochteniya izobrazitel'nogo teksta // *PRAΞHMA. Problemy vizual'noi semiotiki.* 2018. No. 2 (16). Pp. 195–204].

Атманова Ю. Г. Проект падишаха Акбара по переводу древнеиндийской литературы: могольская интерпретация санскритских эпических сказаний «Махабхарата» и «Рамаяна» // *Индия – Тибет: текст и интертекст в культуре: Рериховские чтения 2011–2014 в Институте востоковедения РАН* / Сост. и отв. ред. В. В. Вертоградова. М., 2017. С. 29–43 [Atmanova Yu. G. Pro'ekt padishaha Akbara po perevodu drevneindiiskoi literatury: mogol'skaya interpretatsiya sanskritskih epicheskih skazanii «Mahabharata» i «Ramayana» // *Indiya – Tibet: tekst i intertekst v kul'ture: Rerihovskie chteniya 2011–2014 v Institute vostokovedeniya RAN* / Sost. i otv. red. V. V. Vertogradova. Moscow, 2017. Pp. 29–43].

Ашрафи М. *Миниатюры XVI века в списках произведений Джами из собраний СССР.* М., 1966 [Ashrafi M. *Miniatyury XVI veka v spiskah proizvedenii Dzhami iz sobranii SSSR.* Moscow, 1966].

Бертельс Е. Э. *Избранные труды. Суфизм и суфийская литература.* М., 1965 [Bertel's E. E. *Izbrannye trudy. Sufizm i sufiiskaya literatura.* Moscow, 1965].

Коран / Пер. с араб. И. Ю. Крачковского. М., 1990 [*Koran* / Per. s arab. I. Yu. Krachkovskogo. Moscow, 1990].

Пригарина Н. И. Красота Йусуфа в зеркалах персидской поэзии и миниатюрной живописи // Пригарина Н. И. *Мир поэта – мир поэзии. Статьи и эссе.* М., 2012. С. 191–229 [Prigarina N. I.

Krasota Iusufa v zerkalah persidskoi poezii i miniatyurnoi zhivopisi // Prigarina N. I. *Mir poeta – mir poezii. Stat'i i esse*. Moscow, 2012. Pp. 191–229].

Розенберг Ф. Об индо-персидской и новоиндийской живописи // *Восток. Журнал литературы, науки и искусства*. Книга вторая. М.–Петроград, 1923. С. 83–91 [Rozenberg F. Ob indo-persidskoi i novoindiiskoi zhivopisi // *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. Kniga vtoraya. Moscow, Petrograd, 1923. Pp. 83–91].

Тюляев С. И. *Памятники искусства Индии в собраниях музеев СССР*. 2-е изд. М., 1956 [Tyulyaev S. I. *Pamyatniki iskusstva Indii v sobraniyah muzeev SSSR*. 2-e izd. Moscow, 1956].

Daljeet Dr. *Mughal and Deccani Paintings: From the Collection of the National Museum*. New Delhi, 1999.

Habsburg F., Petrosyan Yu. A., Welch S. C., Ivanov A., Akimushkin O. *The St. Petersburg Muraqqa': Album of Indian and Persian Miniatures from the 16th through the 18th century and Specimens of Persian Calligraphy by 'Imād al-Ḥasanī*. Milano, 1996.

Leach L. Y. *Mughal and other Indian Paintings from the Chester Beatty Library*. Vol. I. London, 1995.

Losty J. P, Roy M. *Mughal India: Art, Culture and Empire. Manuscripts and Paintings in the British Library*. London, 2012.

Maclagan E. *The Jesuits and the Great Mogul*. London, 1932.

Seyller J. The Walters Art Museum Divan of Amir Hasan Dihlavi and Salim's Atelier at Allahabad // *Arts of Mughal India. Studies in Honour of Robert Skelton*. Ed. by R. Crill, S. Stronge and A. Topsfield. London, 2004. P. 95–110.

Topsfield A. *Paintings from Mughal India*. Oxford, 2008.

Электронные ресурсы

Джами 'Абд ар-Рахман. Йусуф ва Зулейха. URL: https://ganjoor.net/jami/7ourang/7-5-yusof-zoleykha/ (дата обращения 10.07.2018).

НЕКИТАЙСКОЕ ИСКУССТВО КИТАЯ: ИМПРЕССИОНИЗМ СУНЬ ЮНЬТАЯ, ПОСТ-ИМПРЕССИОНИЗМ ПАНЬ ЮЙЛЯН И «СПЕКУЛЯТИВНЫЙ АРТ» ВЭЙ ДУНА

Д. В. Дубровская*

В статье рассмотрены взаимоотношения импрессионизма, пост-импрессионизма, контемпорари и традиционной китайской живописи. На примере творчества художников XX–XXI вв. Сунь Юньтая, Пань Юйлян и Вэй Дуна автор прослеживает историю восприятия западных влияний не знавшей масляной живописи китайской традицией, утверждая, что, за редкими исключениям, европейское Новое искусство осмысляется и перерабатывается в Китае в неизбежно вторичном ключе.

Ключевые слова: Китай, китайское искусство, импрессионизм, пост-импрессионизм, Сунь Юньтай, Пань Юйлян, Вэй Дун.

THE NON-CHINESE ART IN CHINA: IMPRESSIONISM OF SUN YUNTAI, POSTIMPRESSIONISM OF PAN YULIANG, AND “SPECULATIVE ART” OF WEI DONG

Dinara V. Dubrovskaya

The article deals with Impressionism, Postimpressionism, and Contemporary art’s relationships with traditional Chinese painting. Taking Sun Yuntai, Pan Yuliang, and Wei Dong as examples, the author traces the history of Chinese tradition’s perception of Western influences, and argues that with few exceptions they are inevitably processed in Chinese art as derivatives.

Keywords: Impressionism, Postimpressionism, China, Chinese art, Sun Yuntai, Pan Yuliang, Wei Dong.

Казалось бы, нет ничего более чуждого Китаю и его многовековой культурной традиции, чем европейское, западное искусство и, в особенности, его стили конца XIX – XX вв., начиная от импрессионизма. Искусство – порождение цивилизации, и, вне зависимости от нашего отношения к цивилизационным теориям [Clark, 1969], кардинальное различие восприятия искусства в Срединном Государстве и к западу от оси Дели – Рейкьявик вряд ли способно вызвать серьезные возражения. Ввиду того что в рамках небольшой статьи у нас нет ни необходимости, ни возможности рассмотреть эту драматическую разницу начиная со времен первого четырехлицего Желтого императора Сюаньюаня, придется сразу констатировать: базовое различие китайской и европейской онтологий состоит в отношении к месту человека и энергии в мироздании, в платоновском разделении на дух и материю на Западе и неделимости этих категорий на Дальнем Востоке [Белозерова, 2016]. Это с неизбежностью привело к возникновению различных подходов к отражению действительности в искусстве. С конца XVII – начала XVIII вв. благодаря деятельности европейских художников началось проникновение в искусство цинского Китая

* Динара Викторовна ДУБРОВСКАЯ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва; distan@gmail.com

Dinara V. DUBROVSKAYA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Assistant Professor of the Oriental Department of the State Academic University for the Humanities, Moscow; distan@gmail.com

** Автор приносит искреннюю благодарность Музею русского импрессионизма и лично Елизавете Новиковой за полученные у официальных представителей Вэй Дуна разрешения на использование репродукций его работ.

европейской техники, методов и сюжетного репертуара; в первую очередь речь шла о придворном синоевропейском искусстве, расцветшем более всего во времена императора Цяньлуна [Дубровская, 2018a] и распространившемся после этого в столичных мастерских и далее в восточной части страны практически повсеместно.

Перед настоящей статьей стоит цель проанализировать влияние европейского искусства XX в. на китайскую живопись на примере творчества трех художников, принадлежащий к разным поколениям. Для этого необходимо выяснить, насколько применимы в Китае «западные» категории и в чем конкретно состоят «оксиденталистские» особенности искусства, возникшего в результате прививки западного стиля к древнему стволу искусства китайского. В задачи статьи входит попытка рассмотреть ряд работ китайских художников для выявления национальной специфики при вхождении постимперского Китая в новые течения западного искусства, неизбежно менявшегося после Синьхайской революции 1911 г.

Когда речь заходит об искусстве Китая XX в., главная проблема состоит в элементарном требовании – договориться о терминах. Это тем более сложно, что систематизированное изучение «нетрадиционного» китайского искусства XX–XXI вв. за редкими исключениями практически не предпринималось, вследствие чего вопрос о соответствии творчества того или иного художника направлениям европейского искусства остается открытым. В максимально же обобщенном виде ситуация ознакомления китайских художников с Новым европейским искусством такова. «Западная» техника (холст, масло) достаточно уверенно вошла в репертуар некоторых китайских мастеров гоминьдановской эпохи, начиная с Нового культурного движения (проходившего в рамках Движения 4 мая) 1915–1920 гг. [Furth, 1983, p. 322–405]. Среди наиболее выдающихся живописцев «прозападного» толка назовем соратника Сунь Ятсена Ли Тефу (1869–1952)[2], а так же художников Янь Вэньляна (1893–1988) [Andrews, 1995, p. 54–46, 226, 247, 384], Сюй Бэйхуна (1895–1953) [Liao Jingwen, 1997], Линь Фэнмяня (1900–1991)[3], Фан Ганьминя (1906–1984) [Sullivan,1998, p. 40, 301] и Люй Хайсу (1896–1994)[4].

Через какие-нибудь два с половиной десятилетия, теперь уже в начале КНРовского периода (1949–1953 гг.), власти всячески склоняли артистическую среду к освоению социалистического реализма, к тому времени наглядно продемонстрировавшему свой размах и политическую утилитарность в СССР (однако при всем несомненном исследовательском потенциале китайский вариант соцреализма нас сейчас не интересует)[5]. В период кампании 1956–1957 гг. («Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ») и после нее традиционная китайская живопись *гохуа* во многом заново вспомнила, как она должна выглядеть, получив возможность вернуться к своим корням. Но в начале XX в. возникло и небольшое течение, вынесшее на европейскую художественную сцену мастеров, приехавших из Китая на Запад; среди этих арт-мигрантов отдельного исследования достоин Цзао Уки (1920–2013)[6], ученик упомянутого выше Лин Фэнмяня, прибывшего в Париж в 1918 г.[7], сюда же отнесем и рассматриваемое ниже творчество художницы Пань Юйлян. Такого рода несколькими сценариями освоения западных веяний история сино-европейского стиля XX в. и ограничивалась, поэтому попытка «взять пробы лунного грунта» и найти в Китае ряд не

[2] См. о нем: 李鐵夫. URL: http://www.ccartsc.com/Artist.php?aid=16 (дата обращения 04.07.2018).

[3] См. о нем: *Lin Fengmian*. URL: http://www.chinaonlinemuseum.com/painting-lin-fengmian.php (дата обращения 27.07.2018).

[4] См.: *Официальный сайт Художественного музея Люй Хайсу*. URL: http://www.lhs-arts.org/lang.html (дата обращения 05.07.2018).

[5] *Socialist Realism Art in China*. URL: http://cultureofchinese.com/art/socialist-realism-art-in-china/ (дата обращения 05.07.2018).

[6] См. о нем, например: 10 things to know about Zao Wou-Ki // *Christie's*. URL: https://www.christies.com/features/Zao-Wou-Ki-8534-3.aspx (дата обращения 05.07.2018).

[7] Fengmian Lin // *Christie's*. URL: http://artist.christies.com/Fengmian-Lin--21744.aspx (дата обращения 05.07.2018).

самых известных представителей «модерных» европейских течений вылилась в перечисление именно тех мастеров, о которых идет речь.

Об имманентной «импрессионистичности» традиционной живописи Китая

Возвращаясь к первоначальному смыслу слова *impression*, можно осторожно предположить, что китайская живопись глубоко «импрессионистична» по самой своей сути, ибо чем ученее был благородный муж-*шэньши* (в первую очередь конфуцианский ученый и каллиграф, и лишь во вторую художник), тем умозрительнее была его живопись, сюжетно группирующаяся вокруг спектра мотивов, связанных с интеллектуально-экзистенциальной импрессией, которую можно было бы условно определить сюжетно как «Поэт Дуфу внимает шуму ручья в горах Наньшань»[8]. Так, критикуя приемы и принципы европейской живописи, художник и поэт-иезуит У Ли (吳歷; 1632–1718) отмечал: «Наша живопись не гонится за физической похожестью и не зависит от установленных приемов... мы называем ее божественной и свободной от ограничений. Их же озабочена полностью проблемами света и тени, передней части и задней, установленными образцами физического сходства. Даже подписывая картину, мы пишем наверху изображения, а они – внизу его. То, как они используют кисть, тоже совершенно отличается» [Chaves, 1993, p. 72].

И все же вопросы о высокой роли натуроподобия в противовес умозрительности в китайском искусстве натыкаются на некоторые очевидные примеры вроде индивидуальности и неповторимости крайне реалистично выполненных лиц солдат императорской гвардии вокруг захоронения императора Цинь Шихуана (259–210 гг. до н. э.): это настоящая, неидеализированная портретность. Хорошо известно, что подобное стремление к безупречной имитации натуры обусловливалось требованиями физиомантии, магическими требованиями к пластическим искусствам [Разумовский, 1971], тогда как при всей нелинейности развития теории китайской живописи, она соотносилась скорее с вектором, ведущим прочь от копирования природы, чем наоборот.

В Китае не существовало и не могло существовать внутреннего развития искусства, подобного тому, что в Европе привело к возникновению импрессионизма на толще традиции масляной живописи, Барбизонской школы, традиции европейского пейзажа и т. д.: «классический» импрессионизм, требующий работы раздельным фактурным мазком, радикально отличался от китайского использования кисти, туши и водорастворимых красок на бумажной или шелковой основе (даже если ограничиться техникой и не рассматривать здесь вопросы отличия композиционных схем, сюжетного репертуара и т. п.).

Как было упомянуто выше, масло как техника проникло в Китай вместе с европейцами на переломе XVII–XVIII вв., привезенное, в частности, художниками-иезуитами, работавшими при дворе маньчжурских императоров. Джузеппе Кастильоне (Лан Шинин), Жан-Дени Аттире и другие вместе с китайскими коллегами и учениками создали ряд произведений в т. н. «синтетическом» синоевропейском стиле, вводя в работы европейскую линейную перспективу (*сяньфа-хуа*) и соединяя масляную живопись с традиционно китайской основой – рисовой бумагой, склеенной в несколько слоев с целью использования ее под масло [Дубровская, 2018б, с. 80–90]. Получившаяся работа называлась *тело* и размещалась на стенах как панно. Постепенно масло распространилось из дворцовых мастерских по художественным кварталам городов и вошло в технический обиход местных художников.

Отдельный вопрос – понравилась ли Китаю работа с натуры и натуроподобные изображения? Ведь в цели иезуитов не входила ни пропаганда достижений западной художественной традиции, ни обращение местных мастеров в «масляную» веру, напротив, задача миссионеров (будь то придворные художники или рядовые проповедники – члены

[8] Это название сконструировано автором статьи в целях обобщения сюжетного репертуара ученой живописи.

ордена) состояла в соответствии с известной концепцией *Accomodativa*, в тонком культурном синтезе – как в сфере религии, так и в сфере культуры. Ничто в их работе не могло и не должно было быть лобовым и навязчивым, резким и «варварским»: перекинувшие мостик между китайской и европейской культурами завоеватели-маньчжуры понимали это прекрасно. Однако нащупать искомую золотую середину можно было, лишь исследуя крайности, что и сделал Жан-Дени Аттире [Flamarion, 2009], написав серию портретов, столь резко контрастировавших с изысканными образами Кастильоне, что они кажутся балансирующими на грани гротеска.

Для нашей темы необходимо не забывать, что возможности китайских художников, копиистов и ремесленников велики: при необходимости они способны сымитировать любой шедевр в любой технике, и многовековая привычка к использованию водорастворимых красок, туши и рисовой бумаги, к особому способу держания кисти здесь не помеха (ведь именно Китай – поставщик промышленного количества идеальных копий станковых произведений искусства). Однако мастера, рассмотренные в этой статье, относятся не к мастеровитым копиистам, а продолжают линию развития, начатую Кастильоне и Аттире, разными способами прививавших черты европейских стилей к стволу древней китайской традиции (или наоборот).

Импрессионист Сунь Юньтай (1913–2005)

Уроженца провинции Шаньдун художника Сунь Юньтая можно считать импрессионистом вполне западного толка. В 1931 г. он обучался в Москве у Аркадия Васильевича Лобанова (1901–1983), а в 1943 г. вернулся в Китай, куда и привез новую технику и сюжеты, где узнаются и вангоговские лодки, и левитановские березки. Уже в творчестве Сунь Юньтая перекинут мостик к постимпрессионизму – Китай нагоняет упущенное время семимильными шагами.

В попытке уйти от свойственной китайской живописи *гохуа* (國畫) тонкости нюансов Сунь Юньтай ударяется в другую крайность – контрасты его *юхуа* (油畫) – масляной живописи – слишком форсированы, колористические схемы излишне прямолинейны, цветовые противопоставления носят лобовой характер, композиционная схема разваливается, а строения, словно не выдерживая напора масляных волн, зачастую валятся набок. Кажется, что художник намеренно заставляет себя отказываться от тонкой «акварельной» трактовки китайского пейзажа, погруженного в привычную дымку, пытаясь превратить *media* в *message*, но чем больше он усердствует, тем чаще возникает впечатление, что традиционная китайская техника подходит к китайскому пейзажу гораздо больше, чем (пост-)импрессионистическая. Вопрос о причине остается открытым: виноват недостаток дарования или какая-то принципиальная невозможность использования масляной живописи для изображения китайского пейзажа (что само по себе звучит достаточно необоснованно)? Вторую точку зрения, казалось бы, подтверждает тот факт, что нам практически не удастся найти характерный китайский пейзаж, выполненный в европейской технике западным художником. Хотя среди китайских мастеров все-таки есть исключения, например, Лю Вэйдун (род. в 1960 г.; не путать с Вэй Дуном, о котором пойдет речь ниже) и его Сад сновидений[9]. А вот обратная ситуация не только возможна, но и не удивительна, примером чему ландшафтная живопись Зи Зи Вэя (род. в 1957 г.)[10].

Постимпрессионистка Пань Юйлян (1895–1977)

От слегка неуверенного в своих целях и методах и поэтому явно борющегося с материалом Сунь Юньтая перейдем к творчеству китайской художницы Пань Юйлян,

[9] Garden of dreams Liu Weidong solo exhibition // *Garden of Dreams at Royal College of Art*. URL: https://www.artouchconsulting.com/garden-of-dreams-liu-weidong-solo-exhibition.html (дата обращения 27.07.2018).
[10] См: *Zi Zi Wei*. URL: http://www.zzweiart.com (дата обращения 2.06.2018).

которой повезло несравненно больше с оценками творчества – не только потому что она владела европейской техникой с изумительной легкостью, но и потому что, будучи женщиной, вызывает в нашу эпоху гендерных исследований повышенный интерес, напоминая историку одновременно знаменитую французскую художницу и модель Сюзанну Валадон (1865–1938) и легендарную китайскую авантюристку мадам Вонг (1920?–?).

Сирота, уроженка Шанхая, художник удивительной судьбы Пань Юйлян прошла путь от конкубины, проданной собственным дядей в сексуальное рабство, до обучавшегося в Европе известного мастера-постимпрессиониста. Как будто сошедшая со страниц приключенческого романа, Пань делается профессионалом в торговле женщинами, вступает в связь с таможенным инспектором, поступает в Шанхайскую художественную академию и, наконец, едет учиться живописи в Европу. В течение одной художественной карьеры Пань стремительно проходит путь от сезаннизма до Матисса и Набидов, закономерно превращаясь в постимпрессионистскую икону, но ни на минуту не забывая о своем ханьском происхождении. Ее роскошные сезаннески и грустный автопортрет на фоне парижского окна, представленные на выставке современного китайского искусства в Гуггенхайме, произвели такое впечатление на американскую чету Эпштейнов – продюсера и писательницы, что через недолгое время появилась посвященная ей книга, а затем и кинофильм [Epstein, 2008].

О жизни и обстоятельствах, в которых творила Пань Юйлян, известно весьма мало, поэтому интерпретирование ее творчества будет наиболее плодотворным лишь с опорой на ее работы. Когда мы имеем дело с подобными сюжетами, в ход идут чисто культурологические коннотации: трудно отказаться от ассоциаций с фильмами Чжан Имоу и произведениями знаменитого китайского художника-«классика» Чэнь Ифэя (1946–2005). Пань прожила большую часть жизни во Франции и умерла в Париже в 1977 г. В работах художницы, часто писавшей ню, а еще чаще – себя-ню, много непривычных для традиционного китайского искусства мотивов. Образы – будь то роскошные груши или соблазнительно изогнутые женские тела – демонстрируют искреннее любование красотой и сексуальностью [11], а границы – культурные, национальные (и даже границы морали) прекрасным образом размываются. Серьезные автопортреты дают представление о смелой палитре художницы и не менее смелом сочетании приемов постимпрессионизма с *гохуа*.

Однако если европейские художники заигрывали и заигрывают с Дальним Востоком и его мотивами, призывая самих китайских творцов им подыгрывать (скажем, кинофильм «Дом летающих кинжалов» – это не только Пекинская опера, но и тот мифологизированный Китай, который предпочитали бы видеть на Западе в «эпоху пост-Брюс Ли», то китайские мастера, работавшие в русле «европейских» направлений, скорее решали для себя, в какой мере и как именно интерпретировать родную традицию, чтобы, с одной стороны, по предписаниям китайского прагматизма стать успешно монетизируемым художником, а с другой – постараться не превратить китайские мотивы в пластиковый китч.

«Спекулятивный арт» Вэй Дуна (род. в 1968 г.)

В свете соображений, связанных не только с коммерческим, но и с интроверсивным аспектом китайского фигуративного искусства XX – начала XXI вв., интересно рассмотреть эволюцию творчества нашего современника Вэй Дуна (*илл. 1–8*). Пока в литературе не существует договоренности о терминах, автор бы не стала называть «авангардом» течение, в рамках которого работает Вэй Дун, как это порой делается в англоязычной арт-критике[12]. «Авангардность» творчества Вэя видится в ином: в мучительном переживании китайской традиции как широко востребованного фона для сюрреалистического эротицизма, отчасти

[11] Об обнаженной натуре в китайском искусстве см., например: Levine G. S. *Deviance and Disorder: The Naked Body in Chinese Art*. URL: http://digitool.library.mcgill.ca/webclient/ StreamGate?folder_id=0&dvs=1530791259534~583 (дата обращения 05.07.2018).

[12] *Wei Dong*. URL: http://www.artnet.com/artists/wei-dong/ (дата обращения 05.07.2018).

берущего начало, скорее всего (и по его собственному признанию)[13], в живописи Бальтюса (1908–2001) и ее дериватах.

В 1991 г. уроженец Внутренней Монголии Вэй Дун окончил Пекинский педагогический университет со степенью бакалавра изящных искусств, после чего успешно работал и в Пекине, и в США. По собственному признанию, одинокий ребенок из семьи, не связанной с искусством (отец, впрочем, был художником-самоучкой), учился, перерисовывая наклеенные в тетрадь картинки из гонконгской газеты. Первый учитель художника писал портреты Мао Цзэдуна, задвинув шторы и выставив единственный фронтальный источник света (как положено было при изображении императора – именно так моделировал свои придворные портреты Кастильоне). Для юного художника живопись стала своего рода эскапистской техникой.

В июле 2015 г. гонконгское отделение аукционного дома Сотбис проводило двадцатилетнюю предпродажную ретроспективу работ Вэй Дуна[14]. Сам художник сознавался, что его ранние работы (на бумаге) были вполне традиционными, хотя он и пытался транслировать через них критическое отношение к окружающей китайской действительности. После переезда в Штаты в 1999 г. Вэй Дуна бомбардировали образы новой культуры, и он решил перенести те же мотивы на холст, по-прежнему эксплуатируя традиционный китайский пейзаж, китайские одеяния и т. д.; однако при пересадке на новую почву ирония и критичность ушли, уступив место ностальгии.

Чем дольше художник оставался в Америке, тем более отдалялся от Китая и его иконологии. Он признается: «…зов угасающих символов пробуждает что-то внутри, не требуя выхода на холст»[15], уверяя, что многие его работы вдохновлены личным опытом и даже начальной школой, когда дети сидели в полутьме, а цвета были уныло-зеленоватыми и серыми, как военная форма. При этом Вэй прошивает эти стандартные воспоминания сюрреалистичными фантазиями, пронизанными беспокойной эротичностью.

На картинах Вэй Дуна женщины почти неотличимы от мужчин и не очень красивы, потому что, «выбирая между реалистичностью и красотой, он делает выбор в пользу первого»[16]. Говоря о своей работе «Всадница № 1», изображающей утыканную стрелами обнаженную женщину с противогазом на ноге, художник объясняет, что изображенное противоречит спокойному выражению ее лица и сравнивает ее с экстазом св. Терезы Бернини, ошибочно трактуемым им как эротический образ (*илл. 1*).

Еще одна спокойная женщина фигурирует в работе «Мое Средиземноморье», изображающей некий странный обед на озере Комо (*илл. 2*). Это то ли японское *nyotaimori* (女体盛り – еда на женском теле), то ли жертвенное подношение, выглядящее еще более тревожным из-за присутствия детей. Любимая работа самого автора «Мои уроки танцев», выглядит, на первый взгляд, менее противоречивой (*илл. 3*). В окружении таинственного сине-зеленого пространства изображена сидящая девочка, уверенно смотрящая прямо на зрителя; возле ее ног кошка. Автор признает, что это оммаж Бальтюсу, всегда включавшему кошек в свои картины[17]. Интересно и то, что автор не использует натурщиц, основываясь лишь на воображении.

---

[13] Exploring Crossroads and Beauty with Wei Dong // *Sotheby's*. URL: http://www.sothebys.com/en/news-video/blogs/all-blogs/eye-on-asia/2015/07/exploring-crossroads-wei-dong.html (дата обращения 05.07.2018).

[14] *Crossroads: Wei Dong*. URL: http://www.sothebys.com/ru/auctions/2015/crossroads-wei-dong-hk0614.html (дата обращения 05.07.2018).

[15] Цит. по: Exploring Crossroads and Beauty with Wei Dong // *Sotheby's*. URL: http://www.sothebys.com/en/news-video/blogs/all-blogs/eye-on-asia/2015/07/exploring-crossroads-wei-dong.html; (дата обращения 05.07.2018).

[16] Artists: Wei Dong // *Chinese Contemporary*. URL: https://www.chinesecontemporary.com/wei_dong.htm (дата обращения 05.07.2018).

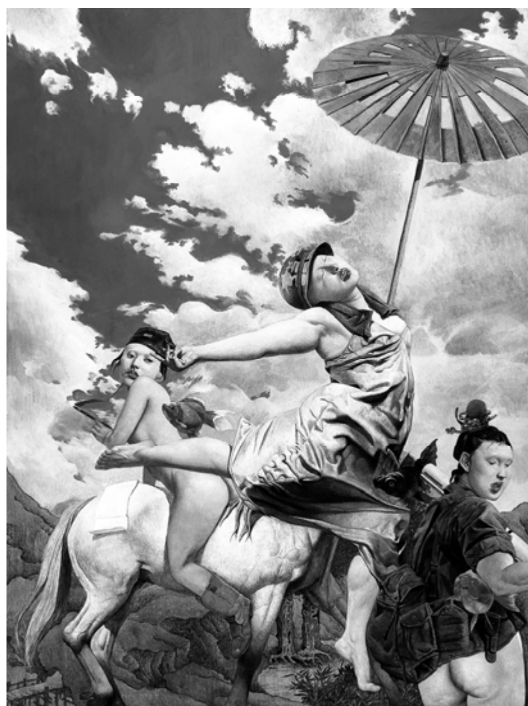
[17] Lo K. Crossroads: Wei Dong // *Sotheby's Hong Kong Gallery*. URL: http://artasiapacific.com/Magazine/WebExclusives/CrossroadsWeiDong (дата обращения 05.07.2018).

Илл 1. Вэй Дун. Всадница № 1. 2009. Холст, акрил. 168 х 164 см (© Crossroads. Sotheby's, Гонконг, 2015. Фото: Sotheby's)

Илл. 2. Вэй Дун. Мое Средиземноморье. 2011. Холст, акрил. 100 х 100 см (© Crossroads. Sotheby's, Гонконг, 2015. Фото: Sotheby's)

Илл. 3. Вэй Дун. Мои уроки танцев. 2013. Холст, акрил. 121,9 х 60,6 см (© Crossroads. Sotheby's, Гонконг, 2015. Фото: Sotheby's)

Илл. 4. Вэй Дун. Интерьерная серия № 1. 1999. Бумага, тушь, водорастворимые краски. 66,4 х 49,5 см (© Crossroads. Sotheby's, Гонконг, 2015. Фото: Sotheby's)



Илл 5. Вэй Дун. Хочу летать. 2005. Холст, масло. 121,5 х 91,2 см (© Christie's, Гонконг, 2013. Фото: Christie's)

Илл 6. Вэй Дун. Мой медовый месяц № 1. 2013. Холст, масло, акрил. 96 х 126 см (Фото: © Galerie Frank Schlag & Cie)

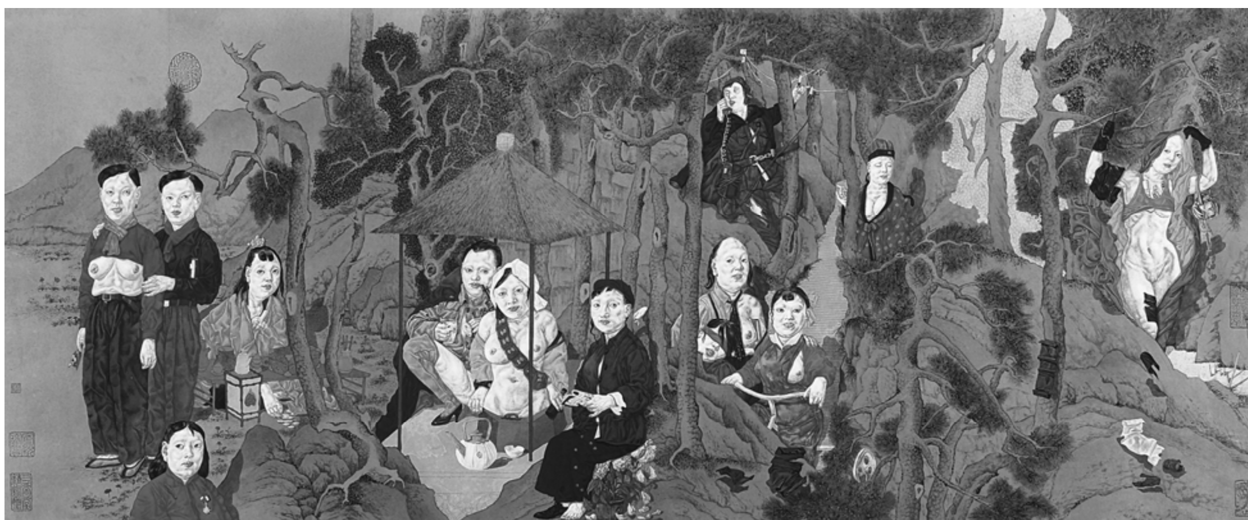
Сколь бы ни шокировали картины и сюжеты Вэй Дуна, думается, что его образы представляют своего рода комментарий на соцреализм в ничуть не меньшей степени, чем на Бальтюса, и в этом он отнюдь не одинок – ему вторит, например, художница Ху Мин[18] (род. в 1955 г.), использующая даже ряд схожих деталей (товарные этикетки на завязочках)[19].

Традиционный китайский ландшафт, писавшийся для ученых мужей – *шэньши*, становится в работах Вэй Дуна своего рода театральным задником для доминирующих в пейзаже женских фигур. Такие работы раннего периода творчества (например, «Минский пейзаж» 1996 г.) являли собой упоительно еретические сцены, наводненные эксцентричными и пестро одетыми героинями, занимающими главные места на авансцене: цветастая толпа вызывающе раскрепощенных полу-*ню* с наслаждением ломала окостеневшую традицию (*илл. 4*). Позже художник отказался от многофигурности, сконцентрировавшись на одном главном женском образе; эти одиночные женские фигуры стали подавляющими. На первый взгляд, Вэй Дун как будто выворачивает наизнанку данность, в которой привычно доминирование мужчин, и выстраивает на холсте торжество пассивно-агрессивного женского бунтарства. Однако по размышлении делается понятно, что изображенное – праздник (пусть и сомнительный) для мужского взгляда, а изображенные бунтарки больше ассоциируются с проституцией и травмой, чем, скажем, с феминизмом. М. А. Неглинская метко характеризует подобные искания в китайском контемпорари как «реалити-шоу» [Неглинская, 2010].

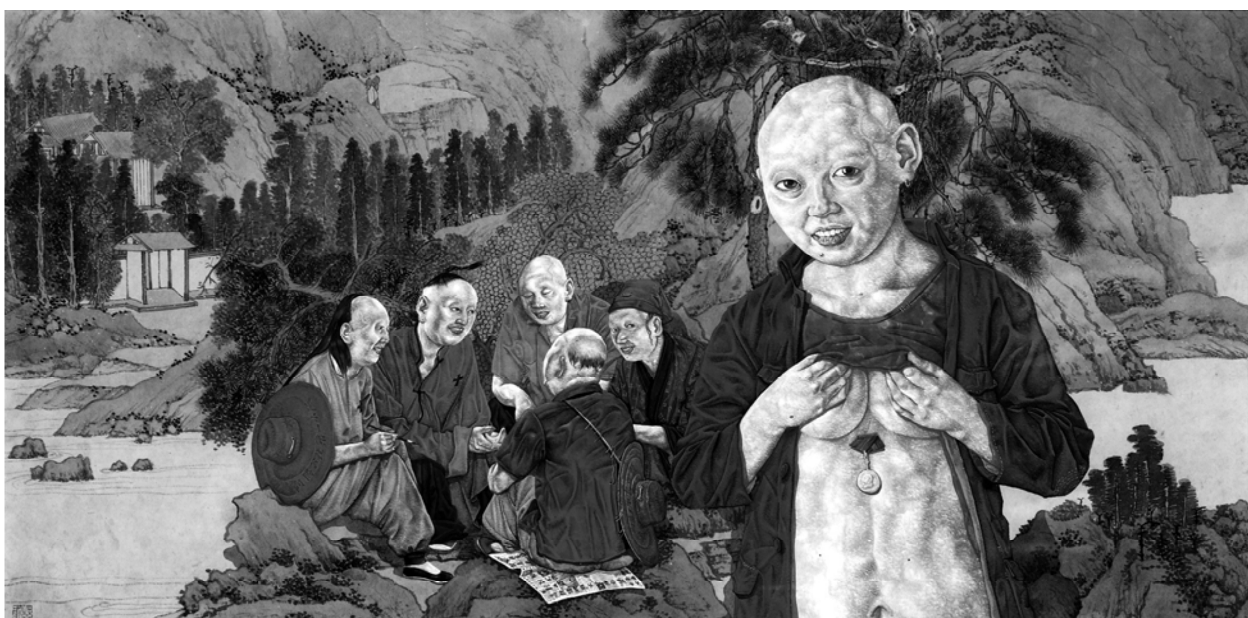
С как сюжетной, так и технической точек зрения выставка «Перекресток» (*Crossroads*) в Гонконге (*илл. 1–4, 7–8*) говорит о пересечении восточных и западных влияний в творчестве художника, постепенно отходившего от восточной традиции и на половине этого пути наткнувшегося на западные идеи. Подобный стиль характерен для его работ до 1999 г., в Америке же Вэй Дун попал на другой *перекресток* – приняв западные методы и технику, он не отказался от китайских символов и мотивов (*илл. 7–8*).

[18] Hu Ming – Chinese Artist behind Paintings of Sexy Military Women // *Culture of Chinese.* URL: http://cultureofchinese.com/art/chinese-artist-behind-sexy-military-women-painting-hu-ming/ (дата обращения 05.07.2018).

[19] Сайт художницы Ху Мин, см.: URL: http://hu-ming.com (дата обращения 05.07.2018).



Илл 7. Вэй Дун. Старый чайный домик. 1997. Бумага, тушь, водорастворимые краски. 56 x 134 см (© Crossroads. Sotheby's, Гонконг, 2015. Фото: Sotheby's)



Илл. 8. Вэй Дун. Весенняя встреча. 1998. Бумага, тушь, водорастворимые краски. 33 x 66 см (© Crossroads. Sotheby's, Гонконг, 2015. Фото: Sotheby's)

В 2013 г. художник выводит себя на новое перепутье, снова занявшись китайским пейзажем, но полностью отказавшись от вульгарных фигур: его пейзажи становятся элегантными. Мастер уверяет, что прошли времена, когда он стремился писать безупречные ландшафты, где каждый удар кистью был бы идеальным, как у минского художника Шэнь Чжоу (1427–1509). Теперь его цель – добиться нефорсированного эффекта: «Когда хороший художник достигает определенного уровня, он пишет, как дышит, – естественно, расслабленно, без напряжения»[20]. Однако, притом что новые работы Вэй Дуна по-китайски умиротворенны, а фигуры ненавязчиво вливаются в пейзаж, это отнюдь не традиционная ландшафтная живопись. «Классические» герои одеты по-европейски, художник словно приглашает поразмыслить об отношениях между фигурами, подслушать их негромкие разговоры. Если не обращать внимания на эти стаффажные фигуры, перед нами полноценный пейзаж авторской ностальгии.

[20] Cheung E. From erotic art, Wei Dong returns to his roots // *Ejinsight.* URL: http://www.ejinsight.com/20150808-from-erotic-art-wei-dong-returns-to-his-roots/ (дата обращения 05.07.2018).

Возникающий синоевропейский симбиоз представляет собой весьма странное сожительство. Традиция выглядит бледной и ненавязчивой, а современность – наглой и хар**а**ктерной. Справедливости ради заметим, что приблизительно тот же подход демонстрировал, например, Дж. Кастильоне, в XVIII в. изображавший монументального верхового императора Цяньлуна на фоне традиционного бледного китайского пейзажа (с минимальными итальянскими чертами вроде кустиков травы и облаков).

Новый поворот в творчестве Вэй Дуна – три серии работ на бумаге: «Моя Мэрилин», «Мягкое» и «Вода». В них художник концентрируется на лицах и выражениях лиц, а в случае с «Мэрилин» его, не меньше Энди Уорхолла, интересует поп-икона. Работы теперь написаны в очень суженной цветовой гамме, а изысканность палитры ставится на службу сюжетам разной степени шокирующей силы (*илл. 6*). Более абстрагированы работы из серии *Soft*, в работах которой женские формы дезинтегрируются, растекаясь абстрактным «женским» пейзажем в телесных тонах, и резко контрастируя с традиционным «мужским» желто-зелено-коричневым ландшафтом (как у нашего первого героя – Сунь Юньтаня).

В серии «Мэрилин» техника абстрагирования создает ощущение столь затертого воспоминания, давно перешедшего в коллективную память, что от него остались лишь базовые характеристики. И снова: Вэй Дун лишь напоминает о реальности, не воспроизводит ее. В этом и состоит грань, о которой шла речь в начале этой статьи – попытка соотнести имманентно присущую китайскому искусству импрессионистичность и вечное недоверие, даже пренебрежение к отображению реальности. Вэй Дун исследует *terra incognita*, ту нейтральную полосу, где умудряются сосуществовать наследие и современность; его работы на грани китча взрывают массу привычных установок. После «ста цветов…» множество китайских художников продолжает работать в традиционной технике, используя тушь и водорастворимые краски на бумажной основе, но почти никто не выносит эту традиционную технику и мотивы в пространство контемпорари, подобно Вэй Дуну.

Итак, описанная стартовая ситуация не могла привести к «самозарождению» в Китае живописи импрессионистического толка и выросшего из нее Нового искусства. Импрессионизм, пост-импрессионизм и все их производные приходили в Срединное Государство с Запада, причем, естественно, со значительным запозданием. «Импрессионистичность» традиционной китайской живописи отлична от западной и с точки зрения техники, и по сути. Китайские художники, уходящие в «авангард», обращаются к маслу или акрилу на холсте и, при всем уважении к традиционной технике, отказываются и от нее, и от традиционных мотивов. Художники же, работающие в китайской технике, остаются вне «авангарда» и продолжают эмулировать старых мастеров. Подобный «авангард» – это, скорее, «спекулятивное искусство», трагическая и намеренно вызывающая трактовка процессов, происходящих с современной китайской культурой, находящейся с культурой Запада в трудных отношениях «любви-ненависти» с садомазохистским уклоном.

Литература / References

Белозёрова В. Г. *Традиционное искусство Китая*. В 2 т. Том 1: *Неолит – IX век*. М., 2016 [Belozyorova V. G. *Traditsionnoe iskusstvo Kitaya*. V 2 t. Tom 1: *Neolit – IX vek*. Moscow, 2016].

Дубровская Д. В. Мирное послание императора Цяньлуна // *Эпиграфика Востока*. М., 2018 (в печати) [Dubrovskaya D. V. Mirnoye poslaniye imperatora Qianlong'a // '*Epigrafika Vostoka*. Moscow, 2018 (in print)].

Дубровская Д. В. К вопросу о месте портретной живописи Джузеппе Кастильоне (Лан Шинина) в создании синоевропейского направления в китайском искусстве // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 2. С. 80–90 [Dubrovskaya D. V. K voprosu o meste portretnoy zhivopisi Dzhuzeppe Kastil'one (Lan Shinina) v sozdanii sinoevropeiskogo napravleniya v kitaiskom iskusstve // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. 2. Pp. 80–90].

Неглинская М. А. Об актуальных тенденциях современного китайского искусства и перспективах его изучения // *Сборник 40-й НКОГК. Ученые записки Отдела Китая*. Вып. 2. М., 2010. С. 403–414

[Neglinskaya M. A. Ob aktual’nyh tendentsiyah sovremennogo kitayskogo iskusstva i perspektivah ego izycheniya // *40 NKOGK. Uchyonye zapiski Otdela Kitaya*. Vol. 2. Moscow, 2010. Pp. 403–414].

Разумовский К. И. *Китайские трактаты о портрете*. Л., 1971 [Razumovskiy K. I. *Kitaiskie traktaty o portrete*. Leningrad, 1971].

Andrews J. F. *Painters and Politics in the People’s Republic of China, 1949–1979*. Berkeley, 1995.

Chaves J. *Singing of the Source: Nature and God in the Poetry of the Chinese Painter Wu Li*. Honolulu, 1993.

Clark K. *Civilisation: A Personal View*. London, 1969.

Epstein J. C. *The Painter from Shanghai*. New York, 2008.

Flamarion É. (ed.). *La chair et le verbe: les jésuites de France au XVIIIe siècle et l'image*. Paris, 2009.

Furth C. Intellectual change: from the Reform movement to the May Fourth movement, 1895–1920 // Fairbank J. K. (ed.) *The Cambridge History of China*. Part 1. *Republican China 1912–1949*. Cambridge, 1983.

Jingwen L. *Xu Beihong: Life of a Master Painter*. Beijing, 1987.

Sullivan M. *Art and Artists of Twentieth-century China*. Berkeley, 1998.

Электронные ресурсы

10 things to know about Zao Wou-Ki // *Christie’s*. URL: https://www.christies.com/features/Zao-Wou-Ki-8534-3.aspx (дата обращения 05.07.2018).

Официальный сайт Художественного музея Люй Хайсу. URL: http://www.lhs-arts.org/lang.html (дата обращения 05.07.2018).

Сайт художницы Ху Мин. URL: http://hu-ming.com (дата обращения 04.07.2018).

Artists: Wei Dong // *Chinese Contemporary*. URL: https://www.chinesecontemporary.com/wei_dong.htm (дата обращения 05.07.2018).

Cheung E. From erotic art, Wei Dong returns to his roots // *Ejinsight*. URL: http://www.ejinsight.com/20150808-from-erotic-art-wei-dong-returns-to-his-roots/ (дата обращения 05.07.2018).

Crossroads: Wei Dong // *Sotheby’s*. URL: http://www.sothebys.com/ru/auctions/2015/crossroads-wei-dong-hk0614.html (дата обращения 05.07.2018).

Exploring Crossroads and Beauty with Wei Dong // *Sotheby’s*. URL: http://www.sothebys.com/en/news-video/blogs/all-blogs/eye-on-asia/2015/07/exploring-crossroads-wei-dong.html (дата обращения 05.07.2018).

Fengmian Lin // *Christie’s*. URL: http://artist.christies.com/Fengmian-Lin--21744.aspx (дата обращения 05.07.2018).

Garden of Dreams at Royal College of Art. URL: https://www.artouchconsulting.com/garden-of-dreams-liu-weidong-solo-exhibition.html (дата обращения 2.06.2018).

Hu Ming – Chinese Artist behind Paintings of Sexy Military Women // *Culture of Chinese*. URL: http://cultureofchinese.com/art/chinese-artist-behind-sexy-military-women-painting-hu-ming/ (дата обращения 05.07.2018).

Levine G. S. *Deviance and Disorder: The Naked Body in Chinese Art*. Montreal, 2008. URL: http://digitool.library.mcgill.ca/webclient/StreamGate?folder_id=0&dvs=1530791259534~583 (дата обращения 05.07.2018).

Lin Fengmian. URL: http://www.chinaonlinemuseum.com/painting-lin-fengmian.php (дата обращения 05.07.2018).

Lo K. Crossroads: Wei Dong // *Sotheby’s Hong Kong Gallery*. URL: http://artasiapacific.com/Magazine/WebExclusives/CrossroadsWeiDong (дата обращения 05.07.2018).

Socialist Realism Art in China. URL: http://cultureofchinese.com/art/socialist-realism-art-in-china/ (дата обращения 05.07.2018).

Wei Dong // *Eli Klein Gallery*. URL: http://www.galleryek.com/artists/wei-dong (дата обращения 04.07.2018).

Wei Dong. URL: http://www.artnet.com/artists/wei-dong/ (дата обращения 05.07.2018).

Zi Zi Wei. URL: http://www.zzweiart.com (дата обращения 2.06.2018).

李鐵夫. URL: http://www.ccartsc.com/Artist.php?aid=16 (дата обращения 04.07.2018).

КУМАНЫ НА БАЛКАНАХ В XII–XIV ВВ.

А. Ш. Кадырбаев*

Статья продолжает тему исследования взаимоотношений степных народов Евразии – монголов и куманов-кипчаков с другими странами. Автор демонстрирует, что эпоха монгольского нашествия на балканские страны (Болгарию, Сербию, Валахию), так же, как и последующие контакты этих территорий с Золотой Ордой, имела большое влияние на культуру этих народов.

Ключевые слова: Дешт-и-кипчак, Монгольская империя, Золотая Орда, Евразия, степные народы, куманы, булгары, монголы, татары, Болгария, Сербия, Валахия.

CUMANS ON THE BALKANS IN THE 12–14TH CENTURIES

Alexander Sh. Kadyrbaev

This article continues the previous issue's research on Eurasian steppe peoples' (Mongols and Cumans) relationships with other countries. The author demonstrates that the era of Mongol invasion of the Balkan countries (Bulgaria, Serbia, Wallachia), as well as subsequent contacts of these territories with the Golden Horde had great influence on the culture of these peoples.

Keywords: Dest-i-Kipchak, Mongol Empire, Golden Horde, Eurasia, peoples of the Steppe, Cumans, Cumania, Bulgaria, Mongols, Tatars, Serbia, Wallachia.

Еще до монгольского нашествия, с начала XII в., куманы начали активно проникать на территорию Болгарского царства, в правящей элите которого присутствовал сильный тюркский элемент – булгары, в то время еще не подвергшиеся полной славянизации. В 679–680 гг. булгары, тюркоязычные кочевники, пришедшие с востока во главе с ханом Аспарухом, основали между Дунаем и Балканскими горами Болгарское государство. В течение двух последующих столетий булгары постепенно славянизировались в преобладающем местном южнославянском населении. В немалой степени этому способствовало влияние Византии и принятие в 864 г. булгарами ее веры – православного христианства (Болгария находилась тогда под заметным идеологическим воздействием Византии). Приход куманов был далеко не первой тюркской волной для этого региона. Еще в XI в. до правого берега Дуная дошли племена печенегов и узов, а еще ранее – осаждавшие столицу Византии Константинополь авары, тюрко- или монголоязычные племена, чья кочевая держава Аварский каганат (562–823) в центре Европы пала под натиском империи франков – первых наследников Карла Великого.

Во второй половине XI в. к границам Византии и в Болгарию пришли куманы, занявшие пастбища на широкой долине нижнего Дуная, в Добрудже и на северо-востоке Болгарии. В 1187 г. из дунайских куманов выдвинулась династия основателей второго Болгарского царства – Асеней (Ашеней). В 70-х гг. XII в. в Болгарии вспыхнуло восстание против византийского господства. Во главе восстания встали два брата – куманы Асен и Петр, поддержанные кипчакскими войсками, служившими Болгарскому царству. В результате Асен стал царем и вошел в историю как царь Болгарии Асен I. Закономерно, что куманы, выходец из которых занял царский трон, стали играть еще более заметную роль в жизни страны. При преемнике Асена Калояне представители его куманского и булгарского окружения, недовольные жестким курсом последнего на централизацию государства, устроили заговор,

* Александр Шайдатович КАДЫРБАЕВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kadyr_50@mail.ru

Alexander Sh. KADYRBAEV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; kadyr_50@mail.ru

в результате которого Калоян в 1207 г был убит. После покушения престол Болгарского царства снова занял представитель куманской знати – племянник Асена I Борил, правивший в течение 11 лет.

Куманы были основателями трех правящих династий Болгарского царства – Асенидов (Асеней, Ашеней; 1187-1280), Тертеридов (1280–1292) и Шишманидов, которые лишь на несколько лет в 1277–1280 и 1292–1297 гг. уступали болгарский трон незаконным претендентам – лидеру булгарского восстания 1277-1278 гг. Ивайло и Смилеку (царю в 1292–1298 гг.). В союзе с болгарами и валахами Куманы выступали и против Византии. Так, в 1186–1197 гг. Калоян и его подданные-куманы сражались с византийцами и западноевропейскими рыцарями – крестоносцами, называвшимися в православном христианском мире латинянами [Златарски, 1972, с. 430–480].

Роль куманов резко возросла после их победы в 1205 г. над западноевропейскими крестоносцами под Андрионополем и пленения императора латинян Балдуина (Бодуэна), что спасло Болгарию от судьбы Константинополя и Византии, разоренной латинянами в 1204 г. При царствовании Борила и его преемника Асена II (1208–1241), тоже выходца из куманов, приток кипчаков, бежавших из степей Дешт-и-Кипчака на запад от монголов, а в 1241 г. после убийства хана Котяна из Венгрии, значительно увеличился. Судя по находкам датирующихся второй половиной XIII в. каменных статуй на северо-востоке Болгарии, в Болгарию откочевали не только кипчаки из западной части Дешт-и-Кипчака, но и из восточной – из азиатских степей. Отдельные курени кипчаков из Восточного Дешт-и-Кыпчака продолжали ставить на новых землях святилища предкам. Впрочем, как и в Венгрии, куманы крестились и принимали православие – официальную религию Болгарии. В письме на латинском языке к папе Григорию от 1227 г. упомянут куман Борис, судя по имени, явно православный христианин. Интересно, что западная куманская христианская епархия была православной, и руководил ею греческий епископ, на что папа Григорий указывал в письме 1234 г. королю Венгрии. При этом в 1241 г. Болгарское царство признало свое подчиненное положение по отношению к монгольским завоевателям, платило дань Золотой Орде и вплоть до конца XIII и начала XIV вв. находилось в прямой зависимости от нее [Златарски, 1972, с. 430].

Платила дань Золотой Орде и Византия. Ее император Андроникос III (1328–1341 гг. правления) старался поддерживать с ордынцами дружественные отношения. В ранние годы своего царствования, до июля 1331 г., он заключил мирный договор с Улусом Джучи, а ранее император Византии отдал в жены золотоордынскому Узбек-хану свою дочь. В эти годы установился относительный баланс официальных отношений между Византией и Золотой Ордой, но в 1337 г. Византию потряс набег ордынцев. Главной причиной нападения было то, что Византия «забыла» о посылке регулярной дани хану Золотой Орды. Ранней весной того года войско Золотой Орды форсировало Дунай и разграбило всю Фракию до Геллеспонта. Грабеж продолжался 50 дней; ордынцы увели с собой 300 тысяч пленных. Это был последний столь масштабный поход Золотой Орды на Византию, хотя военная угроза сохранялась еще несколько лет. В 1341 г. византийское посольство во главе с Диметриосом Кидоном прибыло к Узбек-хану, признав его сюзереном. После смерти Узбек-хана внимание ордынцев переключилось на другие театры военных действий. Лишь независимые к этому времени от Золотой Орды группы татар в Добрудже и Буджаке присутствовали на Балканах, но их влияние в регионе было невелико [Златарски, 1972, с. 480].

С куманами связана и средневековая история Сербии, управляемой тогда родовыми вождями – князьями, влияние над которыми оспаривали Византия и Болгария. После падения Первой Болгарской империи в 1018 г. сербские правители – великие жупаны стали зависимы от Византии. Независимой Сербия стала при правлении великого жупана Неманджа (1202-1204 гг. правления) в конце XII в., а его сын Стефан Неманджич стал первым независимым сербским правителем, получившим международное признание, и его восхождение на сербский престол было освящено легатом Папы Римского в 1217 г. Но в 1219 г. брат Стефана

Сава Неманджич отделил сербскую церковь от Ватикана и признал над ней прямое управление православного патриархата Константинополя.

Первое появление куманов в Сербии связано с сербско-венгерскими отношениями, когда венгерский король Стефан V (1270–1272 гг. правления) отдал свою дочь от брака с куманкой Елизаветой (дочерью куманского предводителя Сейхана), в жены Стефану Драгутину, старшему сыну короля Стефана Уроша I, которого прочили на сербский престол уже при жизни отца. Но затем Стефан Урош I не выполнил обещания сыну и венгерскому королю, что привело к обращению несостоявшегося короля к венгерскому тестю за военной поддержкой с целью овладеть троном отца. Стефан V послал ему венгерские и куманские отряды, подчиненные венгерскому королю. Опираясь на них, Драгутин после отказа отца освободить сербский трон в его пользу, сверг его и в 1276 г. провозгласил себя королем Сербии. После смерти Стефана V его сын от куманки Ласло Коман (по-венгерски Кун Ласло), наследовавший венгерский трон, продолжал поддерживать своего родственника Драгутина. Сведения о кипчаках, воевавших в Сербии, появляются с 1270 г.: они участвуют в междоусобицах и разоряют сербские города.

В 1280 г. влиятельный наместник в одной из провинций Болгарии куман Шишман с подчиненными куманами и болгарами вторгается в Сербию в союзе с золотоордынскими отрядами, где тогда правил младший брат Драгутина Милутин, вошедший в историю под именем короля Стефана Уроша II. Однако войска Шишмана завязли в этой войне. Чтобы ее закончить, Милутин обещал Шишману свой трон, при условии что последний заключит с ним союз. Этот политический альянс был скреплен браком Шишмана с дочерью великого сербского жупана Драгоша и дочери Милутина Анны с сыном Шишмана Михаилом, позднее, в 1323 г., ставшим царем Болгарии. Но в 1290–1300 гг. могущественный военачальник Золотой Орды, фактический правитель западных владений этой империи Ногай вынудил Милутина отдать в заложники его сына Стефана, будущего сербского короля Стефана Уроша III, вернувшегося к отцу лишь в 1300 г. после смерти Ногая, когда давление Золотой Орды на Балканские страны ослабло.

В XIV в. местные куманы продолжали играть заметную роль в событиях на Балканах. Так, в 1330 г. куманы, валахи, ясы и три тысячи золотоордынцев участвовали в болгаро-сербской войне на стороне болгар и потерпели поражение. Валахов возглавлял в этом походе воевода Басараб, выходец из кипчакского рода, ранее вассал венгерского короля. По возвращении с войны против сербов, Басараб разбил венгров в Южных Карпатах и освободился от их власти. Затем Басараб женился на сестре болгарского царя Ивана Александра, потомка Шишманидов, также куманского происхождения, и основал в Валахии свою династию [Vasary, 2005, p. 72–79].

Куманы становятся заметным фактором жизни Валахии (на территории современной Румынии), подтверждение чему – одна из правящих династий этой страны – Басарабиды, куманская по происхождению. Известно о помощи валахов куманам против Византии, когда они указали кочевникам проходы в горах для набегов на «Второй Рим», а затем и сами в союзе с куманами и Болгарским царством нападали на Византию. Но при этом главной военной силой этого союза были куманы [Vasary, 2005, p. 79].

На переселение некоторой части кипчаков в Валахию в эпоху монгольского нашествия есть указания арабоязычных авторов Ан-Нувейри и Ибн-Тагира. По словам последнего, кипчаки, узнав о монгольском нашествии и получив согласие валашского государя, переплыли Черное море и прибыли в эту страну, где подверглись нападению и разгрому со стороны валашского правителя. У Ан-Нувейри есть еще более конкретный текст, посвященный попытке кипчаков заключить договор о вассалитете с валашским государем в 1242–1243 гг.: «Когда татары [монголы] решились напасть на земли кипчаков в 639 г. х. и до них [кипчаков] дошло это [известие], то они вошли в переписку с Унус-ханом, государем Валашским, насчет того, что они переправятся к нему через море Судакское [Черное], с тем чтобы он укрыл их от татар. Он дал им согласие [свое] и отвел им [для жительства] долину

между двумя горами. Переправились они к нему в 640 г. х. Но когда они спокойно расположились на этом месте, то он нарушил свое обязательство, сделал на них набег и избил, и забрал в плен многих из них» [Сборник материалов, 2003, с. 542]. Несмотря на столь трагическое стечение обстоятельств, часть кипчаков осталась в этой стране и даже основала правящую династию, а затем постепенно, как в Болгарии и Венгрии, интегрировалась с местным населением, хотя источники в последующее время хранят молчание и не приводят никаких сведений по этому поводу. В пользу этого свидетельствует тот факт, что среди персонифицированных этнонимов, связанных с территорией средневековой Румынии, такие имена как барчул (бурдж-оглу) токсоба, кумандур имеют прямое отношение к кипчакской или куманской общности и в них нельзя не усмотреть названия кипчакских племен [Кумеков, 1988, с. 5].

Рост влияния предводителей куманов в правящих кругах Балканских стран в 1242–1330 гг. во многом связан с их поддержкой со стороны мощного имперского соседа – Золотой Орды, где их соплеменники играли в течение указанного времени все более усиливающуюся роль. Как считает большинство исследователей, приход куманов на Балканы, особенно из приход к власти в Дунайской Болгарии после 1185 г., кардинально изменил политическую и этническую карту этого региона и открыл новый период в его истории, длившийся до смерти хана Золотой Орды Бердибека в 1359 г., т. е. до начала «великой замятни», или смуты, в этой, к тому времени уже тюркской кипчакской империи, хотя и сохранявшей традиции монгольского государственного и общественно-политического устройства. С этого времени Балканы и Центральная Европа до прихода турок-османов во второй половине XIV в. становятся зоной нестабильности и погружаются в хаос войн и междоусобиц [Vasary, 2005, p. 134].

Литература / References

Златарски Б. *История на Българската държава през средните векове.* Т. 2. София, 1972 [Zlatarski B. *Istoriya na B'lgarskata d'rzhava prez srednite vekove.* T. 2. Sofia, 1972].

Кумеков Б. Е. *Арабские источники о кыпчаках.* Алма-Ата, 1988 [Kumekov B. E. *Arabskie istochniki o kypchakah.* Alma-Ata, 1988].

Сборник материалов по истории Золотой Орды. Т. 1. М., 2003 [*Sbornik materialov po istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. M., 2003].

Vasary I. *Cumans and Tatars. Oriental military in Pre-Ottoman Balkans 1185–1365.* Cambridge, 2005.

ЯПОНИЯ – ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ВОЗМОЖНО ЛИ ПОВТОРЕНИЕ ЯПОНСКОГО ПРОЕКТА «СОПРОЦВЕТАНИЯ» В XXI В.

М. И. Крупянко, Л. Г. Арешидзе*

В статье сделана попытка проанализировать политику японских властей по укреплению отношений со странами восточноазиатского региона в новом мировом порядке начала XXI в., разбираются новые методы экономического и политического характера для удержания этих стран в зоне своего влияния, а также исследуются особенности противостояния Китаю в его стратегии помешать Японии захватить лидерство в регионе и реализовать свои амбициозные планы по восстановлению «великой восточноазиатской сферы сопроцветания».

Ключевые слова: Япония, Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Китай, политика «сопроцветания», «доктрина Фукуда», «доктрина Фукуда-младшего».

JAPAN AND EASTERN AND SOUTH-EASTERN ASIA: IS THE REPETITION OF JAPANESE “CO-PROSPERITY” PROJECT POSSIBLE IN THE 21ST CENTURY

Mikhail I. Krupyanko, Liana G. Areshidze

The article analyzes Japanese policy of strengthening relationships with the countries of East Asia region in the New World Order of the 21st century. The authors examine the new economic and political methods of holding these countries in Japanese sphere of influence, as well as underline Japan’s struggle with China for the leadership in the region to fulfill their ambitious plans to restore “the great East Asian sphere of co-prosperity”.

Keywords: Japan, Eastern Asia, South-Eastern Asia, “policy of co-prosperity”, Fukuda’s doctrine, Fukuda Jr.’s Doctrine.

Историческая память нескольких поколений народов Восточной и Юго-Восточной Азии хранит драматические воспоминания о колониальной политике императорской Японии в регионе в первой половине XX в. Тогдашняя японская стратегия прежде всего сводилась к тому, чтобы силой заставить восточноазиатские государства подчиниться воле метрополии в политическом и экономическом отношении, равно как и в военных вопросах. Так правящие круги Японии, используя сугубо имперские силовые методы подавления, создали «Великую Восточноазиатскую сферу сопроцветания» (Дайтоа Кёэйкэн). В новом мировом порядке начала XXI в. японские власти не отказались от идеи распространить влияние на страны Восточной и Юго-Восточной Азии, тесня при этом Китай как главного стратегического соперника в регионе и продолжая последовательно укреплять позиции регионального лидера. Разумеется, правящие круги Японии сменили методы.

* Михаил Иванович КРУПЯНКО, доктор политологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; info@japanesefirst.ru

Mikhail I. KRUPYANKO, DSc (Political Science), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; info@japanesefirst.ru

Лиана Георгиевна АРЕШИДЗЕ, доктор исторических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки при МГУ, Москва; info@japanesefirst.ru

Liana G. ARESHIDZE, DSc (History), Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow; info@japanesefirst.ru

Цель данной статьи – проанализировать конкретные шаги японских властей в указанном направлении. Рассматриваются особенности противостояния двух великих восточноазиатских держав – Японии и Китая – в борьбе за региональное лидерство в новых, крайне нестабильных международных условиях. Определяются новые контуры японских геополитических интересов в начале XXI в.

Немного истории

Японским властям удалось включить в состав довоенной «Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания» многие страны региона, в том числе государство Маньчжу-го (с 27 сентября 1940 г.), Мэнцзян (Внутреннюю Монголию, с 27 сентября 1940 г.), Китайскую республику (с 29 марта 1941 г.), государство Бирму (с 1 августа 1943 г.), Республику Филиппины (с 1943 г.), Вьетнамскую империю (с 11 марта 1945 до 23 августа 1945 г.), Королевство Кампучия (с 9 марта 1945 до октября 1945 г.), государство Лаос (с 4 апреля 1945 до 20 октября 1945 г.), Временное правительство свободной Индии (1943–1945 гг.), Таиланд (с 21 декабря 1941 г.), а также японскую колонию Корея (с 1910 по 1945 гг.).

Японский «Восточноазиатский проект» основывался на желании политиков и военных создать в восточной Евразии блок азиатских государств, возглавляемый Японией и работавший на Японию, т. е. сообщество восточноазиатских стран, свободных от политического и экономического влияния великих западных держав. Пропагандистским прикрытием такого курса служила идеология паназиатизма, предполагавшая «освобождение» этих стран от европейских колонизаторов и создание сообщества «независимых» государств, объединенных общими расовыми и цивилизационными характеристиками. На самом деле, цель проекта сводилась к реализации национальных интересов японской правящей элиты, направленных на укрепление статуса великой державы в Версальском миропорядке по итогам Первой мировой войны, с одной стороны, а также на получение свободного доступа к природным ресурсам и дешевой рабочей силе стран региона – с другой.

Сложившаяся после окончания Второй мировой войны биполярная система международных отношений развела страны бывшей японской империи по разным траекториям развития. Однако желание до конца осуществить проект создания зоны сопроцветания в Азии уже в новых международных условиях не покидало Токио: японские власти охотно обсуждали со странами восточноазиатского региона новые принципы организации «содружества наций». Правда, на этот раз правители Японии предлагали партнерам опираться на взаимное доверие, взаимопонимание и равноправие между всеми участниками, разумеется, исключая какой-либо колониальный диктат со стороны метрополии, как это было раньше.

До крушения СССР в 1990-е гг. правящие круги Японии рассчитывали воспользоваться трудностями экономического развития азиатских государств, входящих, в частности, в советскую зону влияния, и установить с ними более тесные торгово-экономические отношения. Правда, эти страны имели жестко структурированную идеологическую политическую систему, препятствующую налаживанию широких связей с Западом [Крупянко, 1986, с. 9–28].

Более того, сама Япония, капитулировавшая во Второй мировой войне, оказалась в системе международных послевоенных отношений уже далеко не столь самостоятельным игроком. В первое послевоенное десятилетие под давлением США она была вынуждена проводить изоляционистскую, а не экспансионистскую политику. В целях ослабления важного стратегического противника на Тихом океане власти США были заинтересованы в том, чтобы страна, потерявшая все колонии в Восточной Азии, почувствовала себя изгоем в сообществе угнетаемых ею народов, ставших в новых условиях независимыми государствами. И если власти и общественность Бирмы, Индонезии, Вьетнама и Тайваня относились к новым попыткам японских властей вовлечь их в региональные связи с большей или меньшей степенью терпимости, то Китай, КНДР и Южная Корея, вне зависимости от их блоковой

принадлежности, по-прежнему проявляли к Японии недоверие и враждебность, не забывая ее прошлое поведение, опасаясь японской ремилитаризации и реанимации старых имперских амбиций.

Попытки японских властей реанимировать «сферу сопроцветания» в Азии в период биполярного мира осложнялись для Японии не только воспоминаниями народов ее бывших колоний о политике довоенного японского милитаризма, но также политической и военной зависимостью Японии от США после ее поражения в войне. В новых международных условиях деления мира на два соперничавших лагеря процесс формирования доверительных и взаимовыгодных отношений Японии со странами Восточной и Юго-Восточной Азии заметно осложнялся. США не были заинтересованы в укреплении своего бывшего противника на Тихом океане. Вашингтон не поощрял контакты Японии с ее бывшими колониями в регионе: соглашение о нормализации отношений между Японией и Республикой Корея было подписано в Токио только 22 июня 1965 г., а договор о мире и дружбе с КНР Япония подписала лишь в 1978 г.

Тем не менее уже в середине 1970-х гг. японские власти предприняли ряд конкретных шагов по улучшению натянутых отношений с азиатскими соседями (включая Россию), с одной стороны, при одновременном усилении военно-политических связей с Соединенными Штатами Америки – с другой. Успешное решение именно таких задач во многом определило позиционирование Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии на долгосрочную перспективу.

В это время в Восточной и Юго-Восточной Азии произошли три важных события, позволившие японским властям активизировать усилия по возвращению на свою орбиту некоторых соседей. Во-первых, США потерпели поражение в войне с социалистическим Вьетнамом, и власти Японии стали опасаться, что «освободительный синдром» быстро распространится на другие страны региона, что серьезно затруднит возможность включить в прежнюю сферу влияния бывшие колонии. Во-вторых, Япония вышла на второе место в капиталистическом мире по ВВП, что дало ей большой «запас прочности» для «обустройства» сферы влияния в Азии. И, в-третьих, началась разрядка напряженности в советско-американских отношениях, что также облегчало Японии реализацию задуманного.

В середине 1970-х гг. японские власти быстро внесли коррективы в проамериканскую доктрину Йосиды, определявшую внешнеполитическую стратегию Токио в 1950–1960-е гг., и стали больше руководствоваться «доктриной Фукуда» (по имени премьер-министра Такэо Фукуда; 1976–1978 гг.), учитывавшей преимущественно национальные интересы. Доктрина впервые была озвучена в выступлении японского премьера в Маниле в 1977 г., когда Фукуда посещал страны-члены АСЕАН и рекламировал новую внешнеполитическую концепцию, официально заявляя, что Япония рассматривает себя как страну, приверженную миру, никогда не станет военной державой, намерена установить доверительные отношения со странами Восточной и Юго-Восточной Азии и будет активно сотрудничать со странами АСЕАН как равный партнер. «Доктрина Фукуда» и по сей день является отправной точкой дипломатии Японии в отношениях со странами Азии. Именно тогда японские власти впервые за послевоенные десятилетия открыто поставили вопрос о необходимости привести внешнюю политику в соответствие возросшему экономическому потенциалу страны. Естественно, внимание Токио было, в первую очередь, обращено на восстановление зоны японского влияния в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Показательно, что поставленные в «доктрине Фукуда» стратегические задачи получили развитие в скорректированной «доктрине Фукуда-младшего» (Ясуо Фукуда – старший сын Такэо Фукуда), определяющей сегодня дипломатическую стратегию Японии в отношениях со странами Азии.

Следует признать, задачи по реанимации зоны влияния в Азии, обозначенные в доктринах 1977 и 2008 гг., Японии в целом выполнить удалось – за исключением одной очень важной детали: великой политической державой она так и не стала.

В НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК XXI В. СО СТАРЫМИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМИ АМБИЦИЯМИ

Каковы же основные причины того, что разные поколения японских политиков с маниакальной настойчивостью стремились построить японскую «сферу сопроцветания» в Азии», почему они не отказывались от этой идеи на протяжении столь длительного периода? Менялись мировые порядки, Япония приняла участие в двух мировых войнах, но упорство японских политиков не только сохраняется, но даже набирает новые обороты.

На наш взгляд, дело заключается в том, что политическая логика и стратегические задачи, которые власти императорской Японии ставили перед собой сразу после реставрации Мэйдзи в 1870-е гг., пошагово создавая «Великую восточноазиатскую сферу сопроцветания», мало изменились и в новых исторических условиях. В экономическом плане страны восточноазиатского региона по-прежнему сохраняют для Японии непреходящее значение как важные поставщики стратегического сырья и топлива, они же остаются емкими рынками сбыта японской продукции. В эти страны японские производители вывозят до 40% всего экспорта. Более 18% японского экспорта приходится только на Китай[1]. С другой стороны, ничего не изменилось и в плане сохраняющейся зависимости Японии от импорта основных пищевых продуктов: пшеницы, ячменя, кукурузы и сои. Наконец, жизненно важным для Японии остается контроль за единственным водным путем, которым в страну поступают нефть и газ из стран Ближнего Востока – Малаккский пролив. Одной из главных причин вступления Японии в войну с США на Тихом океане в декабре 1941 г. была необходимость обеспечить безопасность поставок именно этим путем, который США перекрыли, заминировав и оставив Японию без запасов стратегического сырья.

Сегодня к этим основным факторам добавился еще один – старение населения и как следствие – дефицит молодой рабочей силы. По данным Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения на 30 июня 2017 г., на каждые 10 японцев, активно ищущих работу, приходилось только 15 вакансий, а дефицит персонала в стране достиг максимума с февраля 1974 г.[2] Больше всего работников не хватает в обрабатывающей промышленности, на транспорте и на почте. Вместе с тем, страны восточноазиатского региона представляют собой огромный рынок дешевой рабочей силы, что в сочетании с богатыми природными ресурсами делает его весьма заманчивым объектом вложения японского капитала. Наиболее привлекательны для японских инвесторов такие страны, как Китай, Южная Корея и Вьетнам, объем инвестиций в которые из Японии увеличивается в среднем по 20% ежегодно[3]. Японских инвесторов в странах восточноазиатского региона привлекают такие отрасли, как транспортное оборудование, машиностроение и непроизводственный сектор. Государство неизменно предоставляет самую активную поддержку японским корпорациям при внедрении в экономику стран Восточной и ЮВА, что выражается в тесной координации государственного и частного капитала, направляемого в эти страны.

Власти Японии официально разрешили наем квалифицированных иностранных рабочих в сельскохозяйственной отрасли для компенсации дефицита собственной рабочей силы. По словам премьера Синдзо Абэ, привлечение иностранных рабочих в сельскохозяйственный сектор поможет подъему данной отрасли. Для более чем двух миллионов японцев сельское хозяйство – основной вид деятельности, но большинство из них не может эффективно работать в этой отрасли в силу преклонного возраста: в 2017 г. 63,5% всех занятых в сельском хозяйстве были старше 65 лет. Дефицит рабочей силы в

[1] *Trade Statistics of Japan Ministry of Finance. Commodity by Country*. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/info/index_e.htm (дата обращения 05.09.2018).

[2] Дефицит рабочей силы в Японии вырос до максимума за 43 года // *Росбалт*. 30.06.2017. URL: http://www.rosbalt.ru/business/2017/06/30/1627320.html (дата обращения 05.09.2018).

[3] Japan's International Investment Position at Year-End 2013, July 2014 International Department Bank of Japan // *BOJ. Reports and Research Papers*. URL: https://www.boj.or.jp/en/research/brp/ron_2014/data/ron140722a.pdf (дата обращения 05.09. 2018).

Японии во многом обусловлен активным старением населения: уже к 2030 г. лиц старше 65 лет в общей численности населения будет 36,8%[4].

Конкретные шаги Токио по обустройству современной сферы влияния в восточноазиатском регионе

Первое важное направление деятельности японских властей по «обустройству» своей зоны влияния в восточноазиатском регионе – активное внедрение в работу ведущих региональных организаций – АТЭС и АСЕАН+3. Еще в 1989 г. Япония была одним из главных инициаторов образования Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). По данным на 2017 г., для сотрудничества в области региональной торговли и либерализации капиталовложений в эту организацию входила 21 «участвующая экономика» стран Азиатско-Тихоокеанского региона, и роль Японии в ее работе высоко оценивается всеми членами АТЭС. Официально объявленная задача АТЭС – обеспечение «сопроцветания», т. е. курса на повышение экономического роста стран-участниц, роста благосостояния населения и укрепления безопасности входящих в него государств. В странах АТЭС сегодня проживает около 40% мирового населения, на них приходится 54% производства мирового ВВП и 44% объема мировой торговли[5]. С момента образования организации Япония является ее самым активным членом, а японский МИД с промежутками в два-три года выдвигает новые инициативы по расширению и углублению сотрудничества.

В последнее время Япония стала выходить даже за границы восточноазиатского региона, пытаясь распространить свое влияние и на другие районы Азии. Так, в 1993 г. она предложила включить в Организацию экономического сотрудничества и развития государства Центральной Азии, что позволило им получать финансовую и иную помощь – в частности, по программе «Официальной помощи развитию» (ОПР). В 1997 г. Япония выдвинула инициативу по активизации экономического и политического сотрудничества между Японией, Россией и Центральной Азией на основе трех принципов – взаимной выгоды, доверия и долгосрочной перспективы. В 1998 г. Токио разработал программу действий в рамках проекта «Дипломатия Шелкового пути», направленного на поддержку демократических преобразований, содействие экономическим реформам, реконструкции транспортной инфраструктуры и разведку природных ресурсов. В 2004 г. Япония инициировала программу «Центральная Азия плюс Япония», подразумевавшую проведение регулярных встреч на уровне глав министерств и ведомств по содействию сотрудничеству и региональному взаимодействию. Все эти инициативы, безусловно, имели большое значение не только для ускорения социально-экономического развития стран региона, но и для упрочения их отношений с Японией. В совокупности с помощью по линии ОПР (около 2 млрд. долларов в год), Япония реально содействовала укреплению отдельных секторов экономики развивающихся стран в реанимируемой «сфере сопроцветания» в Азии.

Конкретные интересы Японии в странах АТЭС сегодня формируются по следующим направлениям: 1) Токио проявляет заинтересованность в разведке и перспективной разработке природных ресурсов в этих странах; 2) японские правящие круги заинтересованы в обеспечении безопасности путей доставки сырья и топлива через Малаккский пролив; 3) японцы не оставляют без ответа помехи, чинимые Китаем на пути их сближения со странами АТЭС.

Восстанавливая «сферу сопроцветания в восточноазиатском регионе», японские власти преследуют и важные внешнеполитические цели, находясь в постоянном поиске новых форм и методов распространения влияния в регионе. Так, реализуя задачи создания к

---

[4] Япония испытывает дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве // *Instant Forex Traiding.* 13.12.2016. URL: https://www.instaforex.com/ru/forex-news/25632-yaponiya_ispyityivaet_defitsit_rabochey_silyi.html?is_prime=1/?x=izhevsk (дата обращения 05.09. 2018).

[5] What is Asia-Pacific Economic Cooperation? // *APEC.* URL: https://www.apec.org/About-Us/About-APEC (дата обращения 05.09.2018).

2020 г. зоны свободной торговли и либерального инвестиционного климата, Токио способствует наиболее развитым экономикам стран АТЭС в продвижении программ по либерализации торговли. Но делает это Япония без нажима, предоставляя каждой стране самостоятельно определять сроки введения новых режимов.

Кроме того, Япония активно работает со странами Ассоциации стран Юго-Восточной Азии – АСЕАН, созданной в 1967 г. Договор о свободной торговле с блоком АСЕАН Япония подписала еще в 2008 г., а с 2010 г. такие договоры подписали Австралия, Индия, Китай, Корея и Новая Зеландия. Координацию вопросов экономического сотрудничества Япония осуществляет в рамках форумов АСЕАН+3 (Китай, Корея, Япония) и АСЕАН+6 (Австралия, Индия, Китай, Корея, Новая Зеландия, Япония). 20 ноября 2012 г. на саммите АСЕАН в Камбодже Япония инициировала переговоры о формировании в Восточной Азии «Зоны свободной торговли» (ЗСТ), объединяющей 16 стран АСЕАН. Итогом переговоров стало подписание соглашения о создании «Регионального всеобъемлющего экономического партнерства» – РВЭП (Regional Comprehensive Economic Partnership – RCEP) стран с общей численностью населения более 3,4 млрд. чел. и совокупным ВВП около 40% мирового ВВП. Первый саммит РВЭП состоялся 14 ноября 2017 г. в Маниле. Уникальность РВЭП заключается в том, что оно включает в себя три крупнейшие экономики Азии – китайскую, индийскую и японскую. Для Японии подписанное торговое соглашение имеет большое значение, поскольку охватывает две самые быстрорастущие экономики в мире – китайскую и индийскую[6].

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЗОНЫ СОПРОЦВЕТАНИЯ В АЗИИ – ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПУНКТ В СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ

Принципы подходов японского правительства к участию в региональных интеграционных процессах, т. е. к восстановлению опорной сети новой «зоны сопроцветания» в Азии, были сформулированы Министерством экономики, торговли и промышленности Японии в «Глобальной экономической стратегии» еще в апреле 2006 г., а в июне того же года – в «Стратегии нового экономического роста». Оба документа были одобрены японским парламентом соответственно в 2008 и 2012 гг.[7] Документы были нацелены на формирование нового облика Японии как мировой и региональной экономической державы в условиях глобализации и информационной революции, и представляют собой стратегию развития страны на ближайшие десятилетия. Характерная особенность «Глобальной экономической стратегии» Японии состоит в том, что ее власти не скрывали заинтересованности в широком распространении влияния на страны Азии. В документе откровенно выделялись следующие три направления действий Японии в этой области.

1. Объединение усилий по совместному развитию азиатских государств при сохранении ведущей роли Японии. Экономическая активность Японии тесно увязывалась с созданием ее сферы влияния и производственных опор в Азии. Роль Восточной Азии как базы для экономического роста Японии должна была поддерживаться «спиралью активных прямых инвестиций в азиатские страны»[8]. Кроме того, по мере роста масштабов экономик восточноазиатских стран и повышения покупательной способности их населения эти страны должны были трансформироваться не только во «всемирную фабрику», но и превращаться в

[6] См. об этом: Кикучи Т. Новый порядок в АТР: японский взгляд на экономические процессы // *Россия в глобальной политике*. 26.11.2015. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-poryadok-v-ATR-17841 (дата обращения 05.09.2018).

[7] White Paper on International Economy and Trade // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. URL: http://www.meti.go.jp/report/whitepaper/index.html (дата обращения 05.09. 2018).

[8] White Paper on International Economy and Trade // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. URL: http://www.meti.go.jp/report/whitepaper/index.html (дата обращения 05.09. 2018).

один из наиболее перспективных мировых рынков конечного потребления готовой продукции.

2. Делалась ставка на «мягкую силу». Понятие «мягкой силы» стало одним из ключевых понятий в японской «Глобальной экономической стратегии», которая материализуется в социальных ценностях страны, ее культуре, политической идеологии, в готовности сотрудничать с окружающими странами. В новом мировом порядке XXI в. такая стратегическая линия все более определяет политику Японии в отношениях с развивающимися странами Азии. Однако это не исключает, что японские власти полностью отказались от использования «жесткой силы» по отношению к странам региона. Япония неустанно наращивает военный бюджет и усиливает обороноспособность, стремясь стать с военной точки зрения «нормальным государством» на фоне военного потенциала ключевого игрока в регионе – Китая. В 2018 г. японские власти заложили самый большой военный бюджет за всю историю страны и расходы на оборону возрастут на 2,6% в сравнении с 2017 г., составив 5,17 трлн. иен (51,7 млрд. долларов), что свидетельствует о том, что курс на укрепление военного потенциала был взят японскими политиками отнюдь не вчера. Обозначилась отчетливая тенденция к усилению эскалации региональной напряженности вокруг спорных островов в Южно-Китайском море[9]. Японские власти готовы одновременно использовать в восточноазиатской дипломатии как «мягкую», так и «жесткую» силу.

3. Важным направлением стратегии развития Японии в XXI в. стало создание «региональных ценностей». Япония претендует на роль «стержня», вокруг которого формировалась бы новая региональная система ценностей. Япония раньше других стран столкнулась с такими проблемами выживания нации, как загрязнение окружающей среды, ускоренная урбанизация, быстрое старение населения и раньше других приступила к их решению, добившись немалых успехов и накопив потенциал выживания, которым готова поделиться с другими странами. Японские власти широко пропагандировали свои достижения, всякий раз напоминая о необходимости «полноценного партнерства со странами региона», включающего открытие границ для свободного перемещения основных ценностей, способствующих «сопроцветанию»: рабочей силы, товаров, финансов, ресурсов, производственных технологий и технологий управления.

Китай – главный соперник Японии в борьбе за лидерство в Азии

Однако сегодня на пути воссоздания своей зоны влияния в Азии Япония сталкивается с конкуренцией и сопротивлением со стороны Китая, в действиях которого японские власти видят главного и весьма опасного соперника. Основная зона соперничества двух великих азиатских держав – борьба за лидерство в восточноазиатском регионе. В марте 2015 г. китайский лидер Си Цзиньпин официально объявил о создании проекта «Один пояс – один путь», китайского аналога японского проекта «восточноазиатской сферы сопроцветания». Китайский проект состоит из двух частей – сухопутной части из Китая в Европу через Азию, так называемого «экономического пояса Шелкового пути», и морской составляющей, пролегающей из Китая в Европу через Индию и Африку («Морского Шелкового Пути»). Привлекая к участию в проекте развивающиеся страны региона, китайские власти обещают в ближайшие пять лет вложить в него до 5 трлн. Долларов инвестиций – преимущественно в инфраструктурные объекты в 65 странах по маршрутам «Шелкового пути»[10].

Однако ввиду того, что таких средств у Китая нет, возникает законный вопрос об источниках финансирования грандиозного проекта. Когда проект только разрабатывался и был озвучен руководством страны в 2015 г., Китай имел почти 4 трлн. долларов валютных

---

[9] Милитаризация Японии бьет рекорды // *PolitRussia.com.* URL: http://politrussia.com/world/militarizatsiya-yaponii-kurs-902/ (дата обращения 04.09.2018).

[10] См. об этом: Шмидт В. Шелковый путь: огромный инфраструктурный проект Китая не соответствует экономической реальности // *ИноСМИ.ру.* 30.07.2017. URL: https://inosmi.ru/economic/20170730/239935624.html (дата обращения 05.09.2018).

накоплений и планировал инвестировать их в проект. Но уже в 2017 г. китайские резервы сократились до трех трлн. долларов, и этот порог китайцы опасаются переступить[11]. Китайцы могли бы использовать международные рынки облигаций, однако даже по всем меркам программа продажи облигаций на три трлн. долларов в течение нескольких лет – крайне рискованное дело. Поэтому Пекин не намерен обременять себя такого рода рисками и истощать свои золотовалютные резервы.

Исследование, проведенное французским инвестиционным банком Natixis[12], показало, что такое заимствование привело бы к увеличению внешнего долга Китая с 12% до 50% ВВП, что подвергло бы страну обменным курсовым рискам и поставило в ту же уязвимую позицию, в какой оказались «Четыре Азиатских тигра» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг и Тайвань) в период финансового кризиса 1998 г. Поэтому единственный способ реализовывать стратегические цели в проекте «Шелкового пути» – это предоставлять развивающимся странам кредиты в твердой валюте, способные в случае полного погашения принести Китаю прибыль. Однако и на это у Китая нет средств.

Тем не менее власти КНР решили пойти на риск и уже анонсировали шесть инфраструктурных проектов в рамках программы «Шелкового пути». Они включали создание экономических коридоров, в том числе: Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – Индокитайский полуостров, Китайско-пакистанский экономический коридор и евразийский сухопутный мост. Поставленные цели предполагается достичь посредством строительства дорог, портов, мостов и других инфраструктурных объектов, а также через заключение соглашений о зонах свободной торговли. География проекта охватывает 65 стран, в которых проживает 70% населения всего мира. Функционально он направлен на укрепление жесткой и мягкой инфраструктур и даже культурных связей.

В 2018 г. китайская компания «China Overseas Ports Holding» приступила к работам по расширению порта Гвадар в Пакистане, намереваясь сдать его в аренду до 2059 г. Китай стремится обеспечить морские торговые пути вдоль так называемого «Морского Шелкового пути», и пакистанский порт – важный элемент такой инфраструктуры. Таиланд получит от Китая кредиты на сумму 69,5 млрд. долларов для финансирования строительства высокоскоростных железных дорог и других крупных инфраструктурных проектов. Железные дороги Таиланда станут частью железнодорожной системы Куньмин-Сингапур. Таиланд будет погашать взятые кредиты через экспорт риса и каучука, используя положительное сальдо своего торгового баланса с Китаем.

Проект «Митсоун-Дам» в Бирме стоимостью 3,6 млрд. долларов, хотя и не является официально частью инициативы «Один пояс – один путь», – пример китайского инфраструктурного проекта в очень бедной стране (впрочем, не получивший развития). Строительство было приостановлено на шесть лет, поскольку страны не смогли договориться о порядке действий. Для аналитиков, впрочем, очевидно, что при помощи нового проекта власти Китая затевают большую политическую игру, долженствующую привести к появлению в Южной Азии нового центра силы и к превращению региона в важный политический центр на ближайшие десятилетия[13]. Однако экономические реалии сегодня таковы, что для Китая самым важным направлением развития по-прежнему остается поддержание торговых отношений с США, а самый короткий путь до американского рынка лежит через Тихий океан (весьма далеко и от морского, и от сухопутного «Шелкового пути» на просторах Евразии).

---

[11] Natixis – один из крупнейших французских корпоративных и инвестиционных банков. Был создан путем слияния Natexis Banque Populaire (Banque Populaire group) и IXIS (Caisse d'Epargne group) 17 октября 2006 г. На долю этих двух основных акционеров приходится более 70% акций, в то время как остальные находятся в свободном обращении на Парижской фондовой бирже.

[13] Погосова Ю. Победит ли Китай в экономической схватке с Евразией? // *Ivest.kz.* 31.08.2017. URL: http://www.nomad.su/?a=3-201708310020 (дата обращения 05.09.2018).

Конкурируя с Китаем за сферы влияния в Восточной Азии, японские власти обещают странам региона то, что не может предложить Китай. Как заявлял по этому поводу Синдзо Абэ, Япония дает слово вывести партнерство в зоне своего влияния в Азии на самый высокий по качеству уровень развития. И дело не том, что Япония уже готова вложить средства в инфраструктурные объекты в восточноазиатские страны в размере более 200 млрд. долларов, а в том, что она делает акцент на высоком качестве предоставляемых услуг, заявляя, что японская инфраструктура более безопасна, более надежна и более экономична, чем китайская. Конкуренция особенно обострилась, после того как Китай буквально из-под носа перехватил у Японии контракт на строительство первой скоростной железной дороги в Индонезии. Впрочем, влияние Японии на принятие решений по инвестициям в инфраструктурные объекты региона усиливается благодаря ее лидирующему положению в различных влиятельных региональных организациях, в частности, в Азиатском банке развития (АБР), где она является председателем.

Несмотря на то что на долю Китая в 2017 г. приходилось 14,8% мирового ВВП (11 трлн. долларов, второе место после США), а Япония находится лишь на четвертом месте с 6% мирового ВВП (4,4 трлн. долларов)[14], в Токио рассчитывают не только придать новый импульс усилению влияния в Азии, но и в перспективе получить преимущества в конкурентной борьбе с КНР. До последнего времени Япония поддерживала режим свободной торговли в отношениях с Сингапуром (2000 г.), Мексикой и Малайзией (2004 г.), Филиппинами (2006 г.), Индонезией, Чили, Таиландом и Брунеем (2007 г.), блоком АСЕАН и Вьетнамом (2008 г.), Швейцарией (2009 г.), Индией (2011 г.), Перу (2012 г.). Были также инициированы переговоры с Австралией, Колумбией, Кореей, Канадой, ЕС (с 29 ноября 2012 г.), Новой Зеландией, Турцией, Советом Сотрудничества государств Персидского Залива (СГПЗ). Япония с завидным упорством осваивает рынки Восточной и Юго-Восточной Азии, несмотря на высокие заградительные тарифы в торговле, которые даже сильному Китаю трудно преодолеть. Любопытно, что если средняя ставка импортных тарифов в Европе и США остается достаточно низкой (около 4%), то в Малайзии она достигает 14,5%, в Корее – 16,1%, на Филиппинах – 25,5%, в Индонезии – 37,5%, что, впрочем, не останавливает японских предпринимателей от активного внедрения на региональные рынки.

Представляется, что в этих условиях Япония имеет шанс в перспективе взять на себя роль одного из лидеров в формировании нового порядка в восточноазиатском регионе, особенно, если прогнозы на снижение динамики роста Китая подтвердятся. При этом для Японии крайне важно, чтобы именно она активно участвовала в создании инфраструктуры, связанной с усилением партнерских отношений в регионе, потому что отставание в этом вопросе чревато для нее перехватом инициативы со стороны Китая, активно реализующем проект «Шелкового пути», не забывая охватывать малые страны Евразии. И если Китай продолжит прокладывать свой «пояс и путь» деньгами, то Япония может быть успешна в проекте «сопроцветания», именно играя на страхах соседей перед возвышающейся Поднебесной, особенно на агрессивных территориальных претензиях КНР в Южно-Китайском море.

Литература/ References

Крупянко М. И. *Япония – КНР: механизм экономического сотрудничества.* М., 1986 [Krupyanko M. I. *Yaponiya – KNR: mehanizm 'ekonomicheskogo sotrudnichestva.* Moscow, 1986].

[14] Мировая экономика в цифрах 2017 г. и прогноз изменений на 2020 и 2030 гг. // *Golos.io.* URL: https://golos.io/ru--yekonomika/@romapush/mirovaya-ekonomika-v-cifrakh-2017-g-i-prognoz-izmenenii-na-2020-i-2030-gg (дата обращения 05.09.2018).

Электронные ресурсы

Дефицит рабочей силы в Японии вырос до максимума за 43 года // *Росбалт*. 30.06.2017. URL: http://www.rosbalt.ru/business/2017/06/30/1627320.html (дата обращения 05.09.2018).

Кикучи Т. Новый порядок в АТР: японский взгляд на экономические процессы // *Россия в глобальной политике*. 26.11.2015. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-poryadok-v-ATR-17841 (дата обращения 05.09.2018).

Милитаризация Японии бьет рекорды // *PolitRussia.com*. URL: http://politrussia.com/world/militarizatsiya-yaponii-kurs-902/ (дата обращения 04.09.2018).

Мировая экономика в цифрах 2017 г. и прогноз изменений на 2020 и 2030 гг. // *Golos.io*. URL: https://golos.io/ru--yekonomika/@romapush/mirovaya-ekonomika-v-cifrakh-2017-g-i-prognoz-izmenenii-na-2020-i-2030-gg (дата обращения 05.09.2018).

Погосова Ю. Победит ли Китай в экономической схватке с Евразией? // *Ivest.kz*. 31.08.2017. URL: http://www.nomad.su/?a=3-201708310020 (дата обращения 05.09.2018).

Шмидт В. Шелковый путь: огромный инфраструктурный проект Китая не соответствует экономической реальности // *ИноСМИ.ру*. 30.07.2017. URL: https://inosmi.ru/economic/20170730/239935624.html (дата обращения 05.09.2018).

Япония испытывает дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве // *Instant Forex Traiding*. 13.12.2016. URL: https://www.instaforex.com/ru/forex-news/25632-yaponiya_ispyityivaet_defitsit_rabochey_silyi.html?is_prime=1/?x=izhevsk (дата обращения 05.09. 2018).

Japan's International Investment Position at Year-End 2013, July 2014 International Department Bank of Japan // *BOJ. Reports and Research Papers*. URL: https://www.boj.or.jp/en/research/brp/ron_2014/data/ron140722a.pdf (дата обращения 05.09. 2018).

Trade Statistics of Japan Ministry of Finance. Commodity by Country. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/info/index_e.htm (дата обращения 5.09.2018).

What is Asia-Pacific Economic Cooperation? // *APEC*. URL: https://www.apec.org/About-Us/About-APEC (дата обращения 05.09.2018).

White Paper on International Economy and Trade // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. URL: http://www.meti.go.jp/report/whitepaper/index.html (дата обращения 05.09. 2018).

ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ И СТРАН-ЭКСПОРТЕРОВ НЕФТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯСА И ПУТИ»

Ю. А. Макеев*

В статье описан вариант взаимовыгодного сотрудничества Китая и нефтедобывающих стран в реализации инициативы «Пояса и пути». Данный вариант сотрудничества предполагает присоединение нефтедобывающих стран к осуществлению инициативы «Пояса и пути» в качестве инвесторов. В качестве источника инвестиций при этом предлагается использовать механизм капитализации нефтяной ренты.

Ключевые слова: инициатива «Пояса и пути», сотрудничество России и Китая, капитализация природной ренты, «Видение: 2030», ОПЕК.

COMMON INTERESTS OF CHINA AND OIL-EXPORTING COUNTRIES IN IMPLEMENTING THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Yuri A. Makeev

The article describes the option of mutually beneficial cooperation between China and the oil-producing countries in the implementation of the Belt and Road Initiative. This option of cooperation involves joining the oil-producing countries to implement the Belt and Road initiative as investors. As a source of investment, it is proposed to use the mechanism of oil rent capitalization.

Keywords: Belt and Road Initiative, cooperation between Russia and China, the capitalization of natural rent, “Saudi Arabia’s Vision 2030”, OPEC.

Пять лет назад председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул идею создания Экономического пояса Шелкового пути. Впервые инициатива была озвучена главой КНР 7 сентября 2013 г. во время посвященного перспективам сотрудничества Китая и стран Центральной Азии выступления в Астане. Месяцем позже, выступая в Совете народных представителей Индонезии с речью, посвященной сотрудничеству КНР и стран АСЭАН, председатель КНР изложил идею совместного строительства Морского Шелкового пути XXI в. В дальнейшем эти инициативы были объединены в общую концепцию совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в., получившую в итоге сокращенное наименование инициатива «Пояса и пути».

Инициатива «Пояса и пути» стала важнейшим составным элементом выдвинутой главой КНР ранее Концепции сообщества единой судьбы человечества. Впервые Концепция сообщества единой судьбы человечества была предложена Си Циньпином в ноябре 2012 г. в ходе XVIII Всекитайского съезда Компартии Китая. «Пояс и путь» рассматривается руководством Китая в качестве «платформы сотрудничества для осуществления общего развития заинтересованных стран» в рамках осуществления Концепции сообщества единой судьбы человечеств [1]. Эта Концепция вместе с инициативой «Пояса и пути» постепенно становятся краеугольным камнем внешней политики КНР.

* Юрий Анатольевич МАКЕЕВ, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; makeyevy@gmail.com

Yuri A. Makeev, PhD (Economy), Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; makeyevy@gmail.com

[1] См.: Концепция сообщества единой судьбы человечества превращается из концепции в реальные действия – сказал Си Цзиньпин // *Агентство Синьхуа.* URL: http://russian.people.com.cn/n3/2017/1202/c31521-9299677.html (дата обращения 05.09.2018).

В ходе реализации инициативы «Пояса и пути» Китаем по состоянию на начало 2018 г. было инвестировано около 60 млрд. долларов США в более чем 70 странах[2]. Основной фокус при этом был сосредоточен на создании транспортных коридоров: на строительстве железных дорог, портов, трубопроводов и электросетей в странах с развивающейся экономикой в Южной и Юго-Восточной Азии, Центральной и Восточной Европе, а также в Центральной Азии. К настоящему времени было создано 75 зон торгово-экономического сотрудничества в более чем двадцати странах вдоль основных транспортных коридоров возрождаемого Шелкового пути. Активное участие в финансировании проектов в рамках инициативы «Пояса и пути» принимают Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути.

Оценивая масштаб произведенных инвестиций, можно сделать вывод о том, что реализация проекта «Пояса и пути» пока находится в начальной стадии. В самом деле, размер осуществленных инвестиций – около 0,5% ВВП КНР – в относительном выражении весьма скромен. Инициатива «Пояса и пути», очевидно, имеет долгосрочный характер, и по мере реализации проект будет оказывать все более существенное влияние на динамику социально-экономического развития практически всех стран с развивающейся экономикой, а, соответственно, и на темпы роста мировой экономики.

Учитывая важность, придаваемую руководством КНР реализации Концепции сообщества единой судьбы человечества (неотъемлемым элементом построения которого является инициатива «Пояса и пути»), в скором будущем можно ожидать существенного роста капиталовложений КНР в инфраструктурные проекты в развивающихся странах. В среднесрочной перспективе ежегодный объем инвестиций Китая в подобные проекты вполне может достичь 1% ВВП, т. е. около 150 млрд. долларов США (с учетом ожидаемого дальнейшего роста экономики КНР). Близкие оценки объема китайских инвестиций в развивающиеся страны в рамках инициативы «Пояса и пути» приводит замглавы Национальной комиссии по развитию и реформам КНР Нин Цзичжэ. По его словам, совокупный объем китайских инвестиций за рубежом достигнет в ближайшие пять лет 600–800 млрд. долларов США, большая часть которого придется на рынки, связанные с инициативой «Пояса и пути»[3].

Столь значительные расходы КНР на поддержку развития стран с развивающейся экономикой вполне оправдывают цели, которых пытается достичь китайское руководство, реализуя Концепцию сообщества единой судьбы человечества. Ликвидировав благодаря инициативе «Пояса и пути» экономическую отсталость, страны Азии и Африки смогут претендовать на равное с другими странами участие в управлении человечеством. Лишь достигнув определенного уровня социально-экономического развития, ныне беднейшие развивающиеся страны смогут эффективно отстаивать свои интересы. Достижение приемлемого уровня развития практически всеми странами мира вполне может стать основой для реализации в дальнейшем принципа глобального управления, при котором вес каждой страны в принятии решений будет пропорционален доле в общем мировом населении. В конечном счете, в ходе реализации Концепции сообщества единой судьбы человечества Китай вполне может получить соответствующие масштабам страны возможности для участия в управлении миром. К тому же, способствуя развитию беднейших стран Азии и Африки, Китай преследует экономические интересы, формируя новые рынки сбыта своей продукции и гарантируя поставки необходимых сырьевых ресурсов. В целом, полномасштабная реализация инициативы «Пояса и пути» придаст дополнительный импульс к ускорению социально-экономического развития стран с развивающейся экономикой, особенно беднейших стран Азии и Африки.

---

2 См.: Belt and Road cooperation presents fruitful results // *Жэньминь Жибао*. URL: http://en.people.cn/n3/2018/0319/c90000-9438950.html (дата обращения 05.09.2018).

3 См.: China to invest heavily in Belt and Road countries // *China Daily*. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-05/13/content_29328221.htm (дата обращения 15.09.2018).

Успешная реализация программ «Пояса и пути», очевидно, приведет к повышению темпов роста мировой экономики и к ускорению роста потребления сырьевых товаров, в т. ч. нефти и других энергоносителей. В результате ускорение роста потребления нефти и других энергоресурсов компенсирует негативное влияние фактора продолжающегося развития технологий получения энергии из возобновляемых источников на конъюнктуру рынка энергоносителей. Таким образом, Россия, страны ОПЕК и ряд других нефтедобывающих стран с экономической точки зрения заинтересованы в успехе реализации инициативы «Пояса и пути». С политической точки зрения, декларируемые в Концепции построения сообщества единой судьбы человечества цели и принципы в целом также вполне соответствуют интересам России и стран ОПЕК, так как осуществление данной концепции будет способствовать созданию полноценного многополярного мира, в котором будут учитываться интересы всех стран.

Россия и страны ОПЕК, помимо роли пассивного наблюдателя за ходом реализации инициативы «Пояса и пути», могут выбрать и более активную роль, став соинвесторами программы запуска ускоренного экономического роста в беднейших странах Азии и Африки. Россия и страны ОПЕК являются основными бенефициарами ускорения экономического роста в беднейших странах (помимо, конечно, самих этих стран). Поэтому присоединение стран-экспортеров нефти (как, впрочем, и стран-экспортеров другого сырья) к инициативе «Пояса и пути» в качестве инвесторов выглядело бы весьма логичным. Россия при этом могла бы выступить также и в качестве крупного поставщика технологий, машин и оборудования развивающимся странам.

России и странам ОПЕК нет необходимости расходовать на капиталовложения в развивающиеся страны текущие или накопленные доходы от экспорта нефти. Капитализация природной ренты в форме обмена налоговых рентных платежей на прямое участие (долю в виде акций) государства в капитале нефтедобывающих компаний создала бы условия для обеспечения финансирования программ развития беднейших стран [4]. Механизм капитализации природной ренты в нефтяной отрасли позволит получить России и странам ОПЕК активы рыночной стоимостью порядка 15 трлн. долларов США (грубая оценка при текущих ценах около 75 долларов США за баррель нефти марки Брент). Постепенная монетизация данных активов (например, в размере 1 % от совокупной рыночной стоимости акций нефтедобывающих компаний в год) позволит обеспечить финансирование капиталовложений в развивающиеся страны со стороны нефтедобывающих стран на уровне, сопоставимом с уровнем капиталовложений со стороны КНР. Таким образом, суммарный ежегодный бюджет инвестиций со стороны Китая и нефтедобывающих стран в рамках инициативы «Пояс и путь» может достичь величины порядка 300 млрд. долларов США в год. Пиковые значения внешнего финансирования развивающихся стран в рамках проекта «Пояса и пути» могут быть увеличены за счет использования в качестве источника капиталовложений суверенных фондов нефтедобывающих стран и текущих доходов от экспорта нефти при благоприятной конъюнктуре нефтяного рынка. При этом принимающие инвестиции страны должны в долгосрочной перспективе ориентироваться на создание собственного эффективного механизма трансформации своих сбережений в инвестиции. Т. е. роль капиталовложений со стороны КНР и нефтедобывающих стран в финансирование социально-экономического развития ныне беднейших стран со временем должна стать вспомогательной.

Основные этапы капитализации природной ренты и финансирования проектов инициативы «Пояс и путь»:

1. Замена налогового механизма изъятия рентных платежей в нефтяной отрасли на изъятие в форме дивидендов. В результате отмены налоговых рентных платежей произойдет многократный рост капитализации (рыночной стоимости) сырьевых компаний. При этом доходы бюджетов добывающих сырьевые товары стран не пострадают, так как налоговые

[4] Подробнее о механизме капитализации природной ренты см.: [Макеев, 2009].

доходы будут замещены дивидендами сырьевых компаний.

2. Увеличение доли участия государств в капитале частных сырьевых компаний. В результате проведения капитализации природной ренты частные сырьевые компании перейдут под контроль государств (в случае если ранее нефтяные компании были частными) на территории которых осуществляется добыча сырья. При этом стоимость пакетов акций частных инвесторов в капитале нефтяных компаний существенно не изменится, хотя доля их участия в акционерном капитале окажется значительно размыта.

3. Постепенное размещение государствами акций сырьевых компаний на свободном рынке.

4. Направление полученных от продажи акций сырьевых компаний средств на цели стимулирования социально-экономического развития беднейших стран.

5. На последнем этапе не следует исключать слияния национальных сырьевых компаний в глобальные сырьевые компании.

Основные причины заинтересованности богатых сырьевыми ресурсами стран в проведение капитализации природной ренты и направление полученных средств от продажи акций сырьевых компаний на инвестиции в наиболее бедные страны мира:

1. Снижение зависимости от конъюнктуры мировых сырьевых рынков. Приобретаемые нефтедобывающими странами активы в развивающихся странах могут рассматриваться в качестве резервных активов, которые могут быть реализованы в случае необходимости, в т. ч. в условиях неблагоприятной конъюнктуры сырьевых рынков. Доли в компаниях в развивающихся странах также позволяют нефтедобывающим странам рассчитывать на регулярные поступления средств в форме дивидендов, объем которых не будет напрямую зависеть от ситуации на сырьевых рынках.

2. Стимулирование спроса на сырьевые товары за счет роста их потребления в беднейших странах. Рост спроса на сырьевые товары в принимающих инвестиций в рамках инициативы «Пояса и пути» странах будет оказывать позитивное влияние на ценовую конъюнктуру сырьевых рынков, увеличивая тем самым доходы экспортирующих сырьевые товары стран.

3. Повышение уровня безопасности для богатых нефтью стран, т. к. в защите объектов нефтяной инфраструктуры будут заинтересованы страны, резиденты которых стали акционерами прошедших процесс капитализации природной ренты нефтяных компаний.

4. Кооперация нефтедобывающих стран в осуществлении капиталовложений в рамках инициативы «Пояса и пути», а также в проведении капитализации нефтяной ренты могут способствовать повышению дисциплины в сфере соблюдения квот на добычу нефти (внутри ОПЕК и за ее пределами).

Капитализация природной ренты и формирование глобальных сырьевых компаний позволили бы избежать конфликтных ситуаций, обусловленных усилением конкуренции за сырье в будущем. Одновременно капитализация природной ренты сформировала бы источник финансирования ускоренного социально-экономического развития беднейших стран мира в объеме порядка 150 млрд. долларов США в год.

Сходный с методом капитализации природной ренты источник финансирования экономического развития заложен в план по уходу от нефтяной зависимости и диверсификации экономики Саудовской Аравии «Видение: 2030». Саудовская Аравия намеревалась осуществить первичное размещение акций национальной нефтяной компании Saudi Aramco, контролирующей практически всю нефтедобывающую отрасль страны. В конце августа 2018 г. появились сообщения о том, что IPO Saudi Aramco приостановлено[5]. Предполагалось, что на первом этапе, разместив 5 % акций, Saudi Aramco привлечет около 100 млрд. долларов США, которые в дальнейшем будут направлены на осуществление

[5] См.: No Saudi Aramco I.P.O.? No Problem, Potentially, for Saudi Arabia's Investment Dreams // *The New York Times*. 24.08.2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/08/24/business/dealbook/saudi-arabia-aramco-ipo.html (дата обращения 05.09.2018).

программы «Видение: 2030». Следует отметить, что в случае осуществления полной капитализации нефтяной ренты оценка предполагаемого к продаже стоимости пакета акций компании оказалась бы значительно выше. Разработку программы «Видение: 2030» можно рассматривать как факт, подтверждающий жизнеспособность механизма капитализации природной ренты.

«Видение: 2030» не предполагает использования доходов от продажи акций Saudi Aramco на цели стимулирования социально-экономического развития беднейших стран. Ликвидация отсталости беднейших стран требует накопления огромного объема ресурсов и объединения усилий целого ряда стран. Кооперация с другими нефтедобывающими странами и Китаем в рамках инициативы «Пояс и путь» будет способна сконцентрировать достаточные ресурсы для запуска ускоренного экономического роста в беднейших развивающихся странах, который, в свою очередь, способствовал бы заметному увеличению спроса на энергоресурсы в мире.

С экономической точки зрения, для КНР привлечение нефтедобывающих стран к финансированию инициативы «Пояс и путь», несомненно, было бы привлекательно, так как риски неудачи отдельных проектов были бы разделены с партнерами из богатых нефтью стран. С политической точки зрения Китай также выигрывает. Инициатива «Пояс и путь» зачастую называется программой китайской экспансии и нередко воспринимается рядом стран как скрытая угроза[6]. Участие нефтедобывающих стран в финансировании инициативы «Пояс и путь» сделает данный проект более привлекательным для принимающих инвестиции стран. В новом качестве инициатива «Пояс и путь» не будет являться чисто китайской инициативой. Соответственно, снизится и угроза попадания беднейших развивающихся стран под зависимость от КНР.

К программе финансирования ускоренного социально-экономического развития беднейших стран вполне могли бы присоединиться богатейшие страны Запада, в т. ч. за счет покупки акций нефтяных компаний в рамках осуществления капитализации природной ренты представителями частного капитала этих стран. Впрочем, по всей видимости, ресурсов КНР также будет достаточно для осуществления монетизации в рамках программы капитализации природной ренты в нефтедобывающих странах. Интерес Пекина в таком случае будет заключаться в гарантировании поставок сырья в долгосрочной перспективе по фиксированным ценам (механизм капитализации природной ренты, по сути, позволяет зафиксировать верхнюю границу стоимости сырьевого товара).

В заключение следует отметить, что в случае достижения нефтедобывающими странами и КНР согласия в финансировании программ развития беднейших развивающихся стран, актуальность проблемы диверсификации экономики нефтедобывающих стран (в т. ч. и России) и снижения их зависимости от нефтяного рынка в значительной мере утратит свою актуальность. В сценарии ускоренного социально-экономического развития беднейших стран ресурсный потенциал богатых сырьем стран будет востребован мировой экономикой в долгосрочной перспективе в полном объеме.

Литература / References

Макеев Ю. А. Ресурсы России в глобальном контексте // *Вестник Российской академии наук*. 2009. Том 79, № 5. С. 419–423 [Makeev Yu. A. Resursy Rossii v global'nom kontekste // *Vestnik Rossijskoi akademii nauk*. 2009. 79, 5. Pp. 419–423].

[6] См. об этом, например: Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию // *Ведомости.ру*. 26.10.2015. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii (дата обращения 05.09.2018).

Электронные ресурсы

Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию // *Ведомости.ру*. 26.10.2015. https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii (дата обращения 05.09.2018).

Концепция сообщества единой судьбы человечества превращается из концепции в реальные действия – сказал Си Цзиньпин // *Агентство Синьхуа*. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2017/1202/c31521-9299677.html (дата обращения 05.09.2018).

Belt and Road cooperation presents fruitful results // *Жэньминь Жибао*. URL: http://en.people.cn/n3/2018/0319/c90000-9438950.html (дата обращения 05.09.2018).

China to invest heavily in Belt and Road countries // *China Daily*. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-05/13/content_29328221.htm (дата обращения 15.09.2018).

No Saudi Aramco I.P.O.? No Problem, Potentially, for Saudi Arabia's Investment Dreams // *The New York Times*. 24.08.2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/08/24/business/dealbook/saudi-arabia-aramco-ipo.html (дата обращения 05.09.2018).

ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПАКИСТАНА (2015–2017 гг.)

Р. Е. Прохоров[*]

В статье приводится количественный анализ основных политико-дипломатических контактов Пакистана. Рассматривается эффективность развития двусторонних связей в контексте обсуждения и решения таких ключевых вопросов, как безопасность, энергетика, торгово-экономическое, в том числе военно-техническое сотрудничество. Подчеркивается эффективность выстраивания официальным Исламабадом межгосударственного диалога в процессе проведения встреч международного формата.

Ключевые слова: Пакистан, внешняя политика, безопасность, экономическое сотрудничество, торгово-экономические связи.

POLITICAL AND DIPLOMATIC ACTIVITY OF PAKISTAN (2015–2017)

Ruslan E. Prokhorov

The article considers a quantitative analysis of state contacts of the Pakistani officials, covering such key issues as security, energy, trade and economy, as well as military-technical cooperation. The efficiency of intergovernmental dialogue by Pakistan state while organizing international meetings is also underlined.

Keywords: Pakistan, foreign policy, security, economic cooperation, trade and economic relations.

Отличительная особенность большинства стран современного мира заключается в стремлении развивать внешнеполитические связи с как можно большим числом государств. Исключением здесь не является и Пакистан. В этом убеждает количественный анализ дипломатических контактов, проведенный на основе изучения пакистанских печатных и электронных СМИ. Изучение политико-дипломатической активности Пакистана в 2015–2017 гг. проведено на основе метода количественного анализа. Для этого была использована общепринятая классификация уровней дипломатических контактов: высший, высокий и министерский [Никифоров, Борунков, 1985, с. 163; Самойленко, 2015, с. 84]. Хронологические рамки статьи обусловлены особой дипломатической активностью Пакистана в выделенный период, когда его руководство стремилось обеспечить стабильное социально-экономическое развитие государства и решить острую энергетическую проблему.

В качестве контактов Пакистана на высшем уровне рассмотрены взаимные и односторонние визиты глав государств, правительств и глав палат парламента, состоявшиеся телефонные переговоры. К высокому уровню отнесены контакты на уровне заместителей глав правительств. Самое большое количество межгосударственных контактов в статье причислено к группе министерского уровня, однако к этой группе нами в целях анализа, кроме уровня собственно министров, также отнесено взаимодействие на уровне заместителей министров, советников, глав министерских департаментов и главных управлений, начальников генеральных штабов и штабов видов вооруженных сил. Такое объединение также сделано и исходя из реального положения указанных должностных лиц, как в системе внешнеполитических связей Пакистана, так и ряда государств, с которыми взаимодействует пакистанская сторона [Белокреницкий, 2016, с. 388]. В общее количество контактов на всех уровнях включены официальные, рабочие (деловые) визиты, телефонные переговоры и

[*] Руслан Евгеньевич ПРОХОРОВ, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Vostok2014IV@gmail.com

Ruslan E. PROKHOROV, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Vostok2014IV@gmail.com

двусторонние контакты официальных лиц в ходе международных форумов, саммитов и иных многосторонних встреч. Эффективность использования различных уровней дипломатических контактов оценивается исходя из достигнутых договоренностей или подписанных итоговых документов о намерениях развития двустороннего политического, военного и торгово-экономического сотрудничества.

Приоритетные направления дипломатии Пакистана

Начиная с 1960-х гг. Пакистан, стремится установить как можно больше связей на международной арене. Данные табл. 1 наглядно демонстрируют стремление пакистанского руководства диверсифицировать внешнеполитический курс государства.

Табл. 1. Первая «десятка» внешнеполитических контактов Пакистана в 2015-2017 гг.

№	*Страна*	*Общее количество межгосударственных контактов*	*Уровень*		
			Высший	*Высокий*	*Министерский*
1.	Китай	59	5	1	53
2.	США	59	5	1	53
3.	Россия	56	11	–	45
4.	Турция	46	10	5	31
5.	Афганистан	39	9	1	29
6.	Саудовская Аравия	26	15	–	11
7.	Беларусь	23	6	1	16
8.	Иран	23	5	1	17
9.	Великобритания	21	3	1	17
10.	Индия	17	4	4	9

Как видно из представленных в таблице данных, в десятку государств, с которыми наиболее активно взаимодействует пакистанская дипломатия, по большей части входят крупные по территории, населению, природно-ресурсному и экономическому потенциалу страны. Среди них не только традиционные партнеры Пакистана, но и новые государства-партнеры, с которыми последние 5–10 лет развиваются активные политические и экономические связи.

Рост числа политических контактов с китайскими официальными лицами в последние три года связан с реализацией китайско-пакистанского экономического коридора, в том числе с необходимостью информационного обеспечения проекта. Сооружение альтернативного торгово-экономического коридора со странами Персидского залива и Европы в обход узкого Малаккского пролива позволит Китаю в ближайшем будущем решить проблему экспорта в страны этих регионов и обеспечит рост экономики. Пакистан, в свою очередь, сможет эффективнее использовать свой транспортный потенциал, а также получить многомиллиардные инвестиции, необходимые для социально-экономического развития. Однако следует учитывать, что в свете подписанных в ходе многочисленных двусторонних визитов стратегических документов правительство Пакистана стало менее свободным в своих последующих действиях, и ему будет сложно маневрировать в отношениях с другими странами.

Политико-дипломатические контакты Пакистана с США, несмотря на количественное снижение с 2016 г., остаются весьма значительными. Данное обстоятельство, по нашему мнению, можно объяснить необходимостью регулярно обсуждать и решать возникающие проблемы в сфере безопасности в Афганистане. Систематически же представляемые в различных иностранных СМИ информационные материалы о практически полном разрыве в отношениях Вашингтона и Исламабада не отражают истинного положения дел. В

Вашингтоне понимают, что отход от политики поддержки Пакистана еще более подтолкнет его к сближению с Россией, Китаем и Ираном, что, в свете необходимости сдерживания роста влияния в регионе и мире перечисленных стран (как и Индии), для США неприемлемо. Партнерские отношения США и Пакистана будут определяться именно стремлением сохранить определенный уровень стабильности ситуации в Южной Азии, не допустить резкого усиления других мировых и региональных игроков. В связи с этим вполне логичны регулярные визиты высших должностных лиц США в Пакистан.

Третье место по общему количеству межгосударственных мероприятий занимает российско-пакистанское сотрудничество. Наибольшее количество встреч на высшем уровне, между тем, совершается руководителями палат парламента. Встречи руководителей стран происходят в рамках международных форумов (Саммиты ШОС) либо визитов премьер-министра Пакистана в Россию (последний состоялся в декабре 2017 г. в Сочи). Между тем, среди визитов на высшем уровне, в отличие, например, от стабильно развивающихся китайско-пакистанских или непростых американо-пакистанских отношений за рассматриваемый период, нет ни одного одностороннего либо взаимного государственного, официального визита глав государств. Совсем иная ситуация существует на министерском уровне, отражающем постепенное расширение межгосударственного взаимодействия. Многочисленные взаимные визиты глав отраслевых министерств, глав профильных департаментов и управлений, начальников генеральных штабов, командующих видами и родами вооруженных сил, повестка дня проводимых встреч позволяет говорить о развитии такого стратегического направления двустороннего сотрудничества, как энергетическая безопасность. Достигнутые договоренности в военной сфере о проведении совместных антитеррористических учений «Дружба-2016» и «Дружба-2017» на территории Пакистана и России соответственно служат тому подтверждением. Несмотря на временную приостановку проекта газопровода «Север-Юг», продолжающиеся консультации по вопросам технологического сотрудничества в нефтепереработке и поставках сжиженного природного газа в Пакистан говорят об увеличении спектра вопросов в сфере российско-пакистанского энергетического диалога.

Среди мусульманских стран Ближневосточного региона ведущее место по количеству дипломатических контактов различного уровня занимают Турция и Саудовская Аравия (26 и 46 соответственно).

Первое, что выделяет ближневосточное направление внешней политики Пакистана – абсолютное преобладание контактов между странами на высшем уровне. Саудовская Аравия и Турция находятся в числе немногих стран, куда регулярно приезжают все президенты и премьер-министры Пакистана. Несмотря на то что Саудовская Аравия значительно «уступает» Турции по общему количеству межгосударственных контактов, анализ итогов встреч последних трех лет свидетельствует об их высокой результативности. Так, в феврале 2016 г. на переговорах в Исламабаде были достигнуты договоренности об увеличении инвестиций в нефтехимический и энергетический сектора пакистанской экономики саудовской компанией «Сауди арамко». Договоренности в инвестиционной сфере часто дополняются оказанием Саудовской Аравией безвозмездной помощи Пакистану, суммы которой исчисляются сотнями миллионов долларов[1]. Последовательное сотрудничество Пакистана с саудовским королевством наблюдается и в подчеркнутом невмешательстве в споры Саудовской Аравии с Катаром. Аналогичная ситуация в отношениях с Турцией: страны стабильно поддерживают друг друга в таких острых вопросах, как кипрская или кашмирская проблема. Сближает позиции стран и курдская проблема. Не случайно при проведении переговоров на всех уровнях вместе с такими «обыденными» вопросами, как торговля, военно-техническое сотрудничество, борьба с терроризмом, регулярно обсуждается ситуация вокруг беженцев в регионе всего Ближнего Востока. Кроме того, для Турции важна поддержка Пакистана в

[1] Каменев С. Н. *База данных «Пакистан и сопредельные страны в 2017 г.»* М., 2018. URL: https://book.ivran.ru/f/baza-dannyh---pakistan-i-sopredelnye-strany-2017-g---dlya-ivran-200-let.pdf (дата обращения 05.09.2018).

борьбе с приверженцами организации «Хизмет» Ф. Гюлена. Общим же в отношениях Пакистана с Турцией и Саудовской Аравией в рассматриваемый временной период является то, что практически половина всех контактов на министерском уровне осуществляется в рамках военно-технического сотрудничества и военных учений.

Успешно дополняет политику Пакистана на турецком и саудовском направлении иранский вектор; хотя количественно двусторонних контактов с Ираном меньше, чем, например, с Саудовской Аравией (23 против 26), сферы обсуждаемых интересов полностью совпадают. Исключением здесь могут являться лишь рабочие встречи, посвященные решению последствий периодических пограничных стычек, устраиваемых различными террористическими и сепаратистскими группировками двух государств. Поэтому более 50% переговоров посвящено данной проблеме. О результативности переговорного процесса в данном случае говорят различные договоренности по установлению «горячей линии» на уровне командиров частей, дислоцированных в пакистано-иранском приграничье, совместное патрулирование проблемных районов.

Пограничное положение с таким государством, как Афганистан, во многом объясняет пятое место по общему количеству политико-дипломатических контактов Пакистана. Ключевым же фактором формирования пакистано-афганских отношений является необходимость обеспечения безопасности: из 39 межгосударственных контактов проблемам безопасности и военного сотрудничества посвящены 19. Остальные мероприятия тоже связаны с этими проблемами, пусть косвенно. Согласно табл. 1, по количеству встреч руководителей Пакистана на высшем уровне Афганистан находится на четвертом месте среди других стран мира. Однако регулярные официальные встречи глав государств, посвященные, в первую очередь, национальному примирению в Афганистане и вопросам пограничного контроля, не отличаются заключением каких-либо значительных взаимных обязательств.

Оказалось также, что Беларусь – вторая после России республика бывшего СССР, с которой у Пакистана развиваются динамичные отношения. Даже центральноазиатские государства, более близкие географически и религиозно, не занимают столько внимания пакистанской дипломатии ни по общему числу взаимных переговоров, ни по визитам на высшем уровне (исключение составляет Таджикистан при условии учета государственных визитов на одностороннем уровне). Это отчасти объясняется давними связями в области сельскохозяйственного машиностроения еще Белорусской ССР с Пакистаном, в котором всегда была высока популярность трактора марки «Беларусь». Весьма важным обстоятельством является отсутствие между Пакистаном и Беларусью не только каких-либо противоречий, но и даже косвенных обстоятельств (например, потребность учитывать интересы или реакцию третьей стороны). Возможно, именно этим объясняется определенная результативность в связях двух государств. В течение рассматриваемого периода между Пакистаном и Беларусью подписаны контракты в области машиностроения, нефтехимии, легкой промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, многочисленными совместными меморандумами предусматривается создание совместных предприятий, в том числе, в оборонной сфере. Подготовленная в 2015 г. дорожная карта на 2015–2020 гг. предусматривает реализацию многочисленных инвестиционных проектов торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Вместе с тем, говорить о значительных финансовых результатах в двусторонних отношениях пока не приходится[2].

Несмотря на все историко-политические связи между Пакистаном и Великобританией в рассматриваемый временной промежуток, по числу дипломатических контактов страны находятся лишь на девятом месте. Из общего количества визитов на высшем уровне состоялись только три, причем все они одностороннего характера – визиты премьер-министра Пакистана в Лондон. В фокусе внимания встреч на министерском уровне – Афганская проблема и меры антитеррористической безопасности.

[2] Pakistan Economic Survey 2016–2017 // *Government of Pakistan, Ministry of Finance*. Islamabad, 2017. URL: http://www.finance.gov.pk/survey_1718.html (дата обращения 05.09.2018).

Индия замыкает десятку стран, с которыми Пакистан наиболее активно взаимодействует на международной арене (17 визитов и встреч). Трудности в дальнейшем развитии двустороннего диалога, периодическая отмена запланированных визитов делегаций во многом объясняется кашмирской проблемой.

«ВТОРОЙ ЭШЕЛОН» ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПАКИСТАНА

Реализуя одно из положений статьи 40 Конституции 1973 г. о развитии многосторонних отношений на региональном и геополитическом уровне, руководство Пакистана, помимо стран «Первой десятки», активно выстраивает диалог и с некоторыми другими странами[3].

По количеству межгосударственных контактов эти страны можно отнести во второй эшелон дипломатической активности Пакистана, хотя по экономическому и тем более международному значению многие из них занимают первые строчки различных мировых рейтингов (*табл. 2*).

Табл. 2. Количественные показатели внешнеполитических контактов Пакистана «второго эшелона» в 2015–2017 гг.

№	*Страна*	*Общее количество межгосударственных контактов*	*Уровень*		
			Высший	*Высокий*	*Министерский*
1.	Катар	15	3	-	12
2.	Туркмения	14	6	-	8
3.	Таджикистан	12	7	-	5
4.	Германия	10	-	-	10
5.	Италия	10	1	-	9
6.	Азербайджан	10	3	-	7
7.	Бахрейн	9	1	1	7
8.	Япония	7	-	-	7
9.	Австралия	6	-	-	6
10.	Египет	6	-	-	6

Как видно из вышесказанного, вторую десятку стран-партнеров Пакистана по большей части составляют азиатские государства. Отличительная черта партнерских отношений – абсолютное преобладание контактов на министерском уровне. В повестке дня в 2015–2017 гг. доминировали вопросы военно-технического сотрудничества.

Обсуждение и подписание различных договоров и соглашений с Катаром, Туркменией и Японией касалось реализации энергетических проектов. Существенное отличие между отдельными странами состоит в том, что если с Катаром и Туркменией обсуждались вопросы продажи и транспортировки топливных ресурсов, то Япония проявила желание включиться в сотрудничество технологически, а именно принять участие в строительстве линий электропередач проекта CASA-1000.

Развитие пакистано-немецких отношений включает, помимо всех вышеперечисленных, еще и один весьма непростой – афганский вопрос. Пакистано-афганский ареал всегда занимал значительное место в немецкой дипломатии. С началом операции (проводимой силами НАТО с участием Германии) в этой стране связано открытие новой страницы в пакистано-немецких отношениях, вызванное последовавшей необходимостью координировать действия внутри коалиции и назначением специального представителя Германии по Афганистану и Пакистану. Министерский формат

[3] *Конституция Исламской республики Пакистан.* URL: http://nrb.gov.pk:80/constitutional_and_legal/constitution/ (дата обращения 24.08.2018).

межгосударственных контактов Пакистана с ФРГ обусловливается, по нашему мнению, постоянно возникающими вопросами, эффективность решения которых лучше всего достигается именно на этом уровне.

С остальными странами «второго эшелона» дипломатической активности Пакистана межгосударственные связи носят фрагментарный характер и посвящены, по большей части, вопросам торгово-экономического сотрудничества. Каких-либо долгосрочных стратегических планов развития межгосударственных связей здесь не прослеживается.

Заключение

Приведенный анализ основных направлений внешнеполитической активности Пакистана в 2015–2017 гг. показывает стремление руководства в максимальной степени диверсифицировать дипломатические связи страны. В повестке дня многочисленных переговоров и встреч обязательно находят место вопросы безопасности, энергетики и военно-технического сотрудничества. Пакистанской дипломатией проводится линия по наращиванию политических и экономических контактов как с традиционными союзниками и партнерами, так и со сравнительно новыми.

Характер выстраивания Пакистаном диалога с другими странами на двусторонней основе, в свою очередь, подкрепляется и в формате международных встреч. Целый ряд межгосударственных переговоров в рассмотренный временной период успешно проведен «на полях» международных форумов. В процессе таких контактов сторонами часто достигаются договоренности о согласованных действиях в ООН, Организации Исламского сотрудничества, ШОС и др. Кроме того, многовекторность и активность пакистанской дипломатии создает возможности официальному Исламабаду для усиления собственных геополитических позиций.

Литература / References

Белокреницкий В. Я. *Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации. 2008–2016 гг.* М., 2016 [Belokrenitskiy V. Ya. *Pakistan, Yuzhnaya Aziya, islamskiy mir, Vostok. Izbrannye publikatsii. 2008–2016 gg.* Moscow, 2016].

Никифоров Д. С., Борунков А. Ф. *Дипломатический протокол в СССР.* М., 1985 [Nikiforov D. S., Borunkov A. F. *Diplomaticheskiy protokol v SSSR.* Moscow, 1985].

Самойленко В. В. *Дипломатическая служба.* М., 2015 [Samoilenko V. V. *Diplomaticheskaya sluzhba.* Moscow, 2015].

Электронные ресурсы

Каменев С. Н. *База данных «Пакистан и сопредельные страны в 2017 г.»* М., 2018. URL: https://book.ivran.ru/f/baza-dannyh---pakistan-i-sopredelnye-strany-2017-g---dlya-ivran-200-let.pdf (дата обращения 05.09.2018).

Pakistan Economic Survey 2016–17 // *Government of Pakistan, Ministry of Finance.* Islamabad, 2017. URL: http://www.finance.gov.pk/survey_1718.html (дата обращения 05.09.2018).

Конституция Исламской республики Пакистан. URL: http://nrb.gov.pk:80/constitutional_and_legal/constitution/ (дата обращения 24.08.2018).

ПАДЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ В ТОХАРСКИХ И АНАТОЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

© 2018 С. А. Бурлак*

Падежные системы тохарских и анатолийских языков имеют целый ряд существенных отличий от падежной системы, реконструируемой для индоевропейского праязыка на материале прочих ветвей. Это может быть связано не только с тем, что праиндоевропейская система претерпела изменения в анатолийском и тохарском, но и с тем, что ее складывание происходило постепенно и завершилось уже после отделения анатолийской и тохарской ветвей.

Ключевые слова: тохарские языки, анатолийские языки, праиндоевропейский язык, падежная система.

CASE SYSTEMS IN TOCHARIAN AND ANATOLIAN LANGUAGES

Svetlana A. Burlak

Case systems of Tocharian and Anatolian languages differ significantly from the system reconstructed for Proto-Indo-European on the base of the other Indo-European branches. It may be due not only to the change of the reconstructed system in Tocharian and Anatolian, but also to the fact that Indo-European case system was not formed at once, and its formation was not finished at the period of the separation of the Anatolian and Tocharian branches.

Keywords: Tocharian languages, Anatolian languages, Proto-Indo-European language, case system.

Анатолийские и тохарские языки представляют собой наиболее ранние ответвления индоевропейской языковой семьи, и их падежные системы имеют целый ряд весьма значительных отличий от тех, что можно наблюдать в индоевропейских языках «в узком смысле» (т. е. всех, кроме анатолийских и тохарских).

Для праиндоевропейского языка традиционно восстанавливается система из восьми (или девяти, если считать вокатив, имеющийся далеко не у всех существительных) падежей: номинатива, аккузатива, генитива, датива, аблатива, локатива и инструменталиса[1]. Но и в анатолийских, и в тохарских языках картина существенно отличается от этой.

В хеттском языке (древнехеттского периода) имеются следующие падежи [Hoffner, Melchert, 2008, p. 69–70]:

- номинатив, отличающийся у слов разных склонений, разных родов и разных чисел, в общем роде имеющий окончание *-s* (в некоторых типах склонения – нулевое окончание) в единственном числе и *-es* во множественном; в среднем роде – нулевое окончание, либо окончание *-n* (в единственном числе слов *a*-склонения) или *-a* (во множественном числе – так называемое коллективное множественное);
- аккузатив, имеющий окончание *-n* или *-an* у слов общего рода и слов среднего рода *a*-склонения (у прочих – нулевое окончание);
- вокатив, имеющий окончание *-e*, *-i* или нулевое и характерный только для единственного числа (во множественном числе для обращения используются формы номинатива);
- генитив, имеющий окончание *-as* (в некоторых случаях *-s*) в единственном числе и *-an* или *-as* во множественном;

* Светлана Анатольевна БУРЛАК, доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.burlak@bk.ru
Svetlana A. BURLAK, DSc (Philology), Professor RAS, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; svetlana.burlak@bk.ru

[1] См., например [Matasović, 2017, p. 158].

- датив-локатив, имеющий окончание *-i* или *-ya* в единственном числе (у консонантных основ – нулевое окончание) и *-as* во множественном;
- аблатив, имеющий одинаковое окончание *-z̧a* в обоих числах;
- инструменталис, имеющий одинаковое окончание *-it* / *-ta* в обоих числах (различие в написании может быть чисто орфографическим феноменом: написание кластеров согласных на конце слова в хеттской клинописи в целом ряде случаев затруднено, так что написание вида *CCa#* может отражать произношение типа *CC#*),
- аллатив, имеющий окончание *-a* и возможный лишь в единственном числе;
- эргатив – специальный падеж, позволяющий словам среднего рода выступать в роли подлежащего при переходном глаголе; он возможен только у слов среднего рода и имеет окончание *-anz̧a* в единственном числе и *-antes* во множественном (некоторые исследователи трактуют это как словообразование: суффикс *-ant* образует от существительного среднего рода существительное общего рода, и это последнее получает стандартные аффиксы номинатива *-s* в единственном числе (*t* + *s* > *z̧*) и *-es* во множественном [Касьян, Якубович, 2013, с. 22]).

В прочих анатолийских языках ситуация приблизительно такая же, насколько позволяет судить то скудное количество материала, которое доступно современным исследователям [Касьян, Якубович, 2013, с. 22]. Лучше всего засвидетельствован лувийский, и он демонстрирует картину, практически идентичную хеттскому, за исключением того, что в лувийском окончания генитива одинаковы в обоих числах, аблатив совпадает с инструменталисом (окончание *-adi*), а аллатив отсутствует[2] [Yakubovich, 2015].

В тохарских языках падежи делятся на первичные и вторичные: окончания первичных падежей присоединяются непосредственно к основе, окончания вторичных падежей – к форме аккузатива; окончания первичных падежей различаются в разных числах и типах склонения, окончания вторичных падежей всегда одинаковы.

К первичным падежам относятся:
- номинатив, имеющий нулевое окончание в единственном числе и окончание *-i* или *-c* во множественном числе
- аккузатив, имеющий окончание *-ḍṃ* (морфонологически |ən|) или нулевое (в зависимости от типа склонения) в единственном числе, во множественном числе (в зависимости от типа склонения) – нулевое окончание или окончание *-ḍs* (в тохарском А) или *-ḍṃ* (в тохарском В)
- генитив, имеющий множество различных окончаний, из которых не все могут быть возведены не только в общеиндоевропейской, но и к общетохарской праформе; ближе всего к тому, что можно видеть в других индоевропейских языках, стоит окончание А *-is*, В -(*ḍ*)*ntse* (Sg) < ПТ **-ənse* А *-is*, В -(*ḍ*)*nts* < ПТ **-ənsə* (Pl)
- в тохарском В также вокатив, имеющий окончание *-a* (или *-ai*, в этом случае он совпадает с формой аккузатива).

Наборы вторичных падежей в тохарском А и тохарском В языках различны. В обоих тохарских языках имеются:
- локатив (окончание А *-aṃ*, В *-ne*)
- перлатив (окончание А *-ā*, В *-sa*)
- аллатив = датив (окончание А *-ac*, В *-дњc*)
- аблатив (окончание А *-ạ̈s*, В *-meṃ*)
- комитатив (окончание А *-aњњdl*, В *-mpa*).

Кроме того, есть два падежа, каждый из которых присутствует лишь в одном из тохарских языков:
- инструменталис (только в тохарском А), имеющий окончание *–yo*
- каузалис (только в тохарском В), имеющий окончание *-c*.

[2] Yakubovich I. The Luwian Language // *Oxford Handbooks Online*. 21.10.2015. URL: http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935345.001.0001/oxfordhb-9780199935345-e-18 (дата обращения 14.08.2018).

Можно видеть, что и в анатолийском, и в тохарском падежи делятся на две неравные группы: в первую входят номинатив, аккузатив, вокатив и, до некоторой степени, генитив, во вторую входят прочие падежи – локатив, инструменталис, датив, аблатив, аллатив и т. д. Падежи первой группы имеют окончания, присоединяемые непосредственно к основе и различающиеся в зависимости от рода, числа и типа склонения. Падежи второй группы устроены иначе: их окончания не имеют различий по роду, типу склонения, в ряде случаев даже по числу. При этом окончания падежей первой группы имеют прозрачную индоевропейскую этимологию, тогда как с окончаниями падежей второй группы ситуация более сложная.

В анатолийском языке индоевропейское происхождение прослеживается для показателя датива-локатива единственного числа: в индоевропейских языках в узком смысле этому окончанию соответствуют как окончания датива, так и окончания локатива ед. ч., которые могут быть рассмотрены как аблаутные варианты друг друга, ср. DatSg -*e̯i* и LocSg -*i* [см.: Kapović, 2017, p. 63]. Но во множественном числе показатель датива-локатива совпадает с показателем генитива -*as* и не может быть напрямую соотнесен ни с узко-индоевропейским окончанием локатива *-*su* (ср. др.-инд. -*esu*, слав. -*ѣхъ*, а также с другими гласными на конце – греч. (микен.) -*o-i* < *-*οισι*, лит. -*Vse*), ни с узко-индоевропейским окончанием датива, которое, различаясь в так называемых -*mi*- и -*bhi*-языках (окончания, содержащие рефлексы и.-е. **bh*, засвидетельствованы в индоиранских, италийских и кельтских языках, окончания, содержащие рефлексы и.-е. **m*, – в германских и балто-славянских), не возводится к единому праиндоевропейскому прототипу.

Интересно, что в тохарских языках из всех окончаний вторичных падежей лишь окончание локатива надежно возводится к пратохарскому уровню. Оно же (в отличие от прочих) имеет индоевропейскую этимологию – однако в качестве его источника выступает не падежный показатель локатива, а предлог со значением ‘в’ – и.-е.**Vn*.

Не менее любопытные параллели можно проследить между семантикой падежных окончаний в хеттском и тохарском. В тохарском языке нет привычного для узко-индоевропейских языков датива: роль бенефактива обычно выражает генитив (при неодушевленных существительных возможет также аллатив)[3]:

тох. А	*ṣom-āp*	*lānt*	*e-m*	*kᵤpre ne cu*
	один-GenSgm царь.GenSg	отдать-ISgPraes	если	ты.AccSg
	‘если я тебя отдам одному царю’			

тох. В	*brāhman-eṃts*	*āyor*-Ш	*aisk-au=c*
	брахман-GenPl	дар-NAccSg	отдать-ISgPraes=IISg
	‘отдаю тебя в дар брахманам’		

тох. А	*pissaṅk-ac*	*el*	*es-am*
	община.NAccSg-All	дар.NAccSg	давать- ISgPraes
	‘общине дар даю я’		

В хеттском языке косвенное дополнение при глаголе ‘давать’ во множественном числе выступает с окончанием, идентичным окончанию генитива.

Хеттские окончания аблатива, инструменталиса и исчезнувшего позднее [Hoffner, Melchert, 2008, p. 76] аллатива, так же, как и тохарские окончания вторичных падежей, не возводятся к тем праформам, рефлексы которых можно наблюдать в прочих индоевропейских языках.

Поскольку анатолийские и тохарские языки были открыты достаточно поздно, после того как праиндоевропейский язык был в общих чертах восстановлен [Brugmann, Delbrück, 1897-1916], традиционная точка зрения состоит в том, что анатолийская и тохарская системы

[3] Ср., например, [Бурлак, Иткин, 2013а, с. 408; Бурлак, Иткин, 2013б, с. 454].

должны выводиться из реконструкции, получающейся при сопоставлении индоевропейских языков в узком смысле, а все отличия объясняются тем, что праанатолийский и пратохарский языки после отделения от праиндоевропейского претерпели те или иные изменения[4]. Между тем, реальная ситуация может быть и иной: какие-то черты могли не успеть сложиться к моменту выделения анатолийской и тохарской ветвей, так что в дальнейшем анатолийские, тохарские и узко-индоевропейские языки развивали соответствующие фрагменты системы сепаратно.

В этой связи интересно обратиться к ностратической реконструкции, поскольку индоевропейские языки являются частью ностратической макросемьи. В наиболее близких к индоевропейской ветвях – уральской и алтайской – склонение имеется, но при этом из падежных аффиксов на праностратический уровень возводится лишь показатель прямого объекта *-*m* [Иллич-Свитыч, 1971, с. 10]. Это означает, что та падежная система, которая восстанавливается из сопоставления индоевропейских языков в узком смысле, должна была сформироваться в некоторый период между распадом праностратического и распадом узко-индоевропейского. Об этом свидетельствует и то, что для показателей многих индоевропейских падежей (но не номинатива, аккузатива и генитива!) предполагается происхождение от наречных формантов, ср., например, греч. (гомер.) βίηφι ‘силой, насильно’ от βία ‘сила’, а также οἴκοθι ‘до́ма’ от οἶκος ‘дом’.

Вероятно, складывание праиндоевропейской падежной системы не было одномоментным, а представляло собой постепенный процесс, и ответвление анатолийских и тохарских языков могло произойти на любом его этапе. Соответственно, не обязательно, что все анатолийские и тохарские окончания, которые могут в принципе быть возведены к праформам, восстанавливаемым для узко-индоевропейского, действительно имеют такое происхождение. Так, например, показатель аккузатива анат. *-*n* (ед. ч., общий род и некоторые слова среднего рода), тох. *-*n* может восходить не только к общеиндоевропейскому *-*m* (и в анатолийских, и в тохарских языках, по-видимому, имело место развитие *-*m* > *-*n* на конце слова, ср. хетт. *tekan* (*n*-основа), тох. А *tkaṃ* < *$d^{h}\acute{g}^{h}em$ ‘земля’), но и к ностратическому общекосвенному показателю *-*n*. Сходство показателей датива и локатива единственного числа в узко-индоевропейском и их тождественность в хеттском могут быть обусловлены не только тем, что в хеттском языке показатели датива и локатива совпали, но и тем, что в узко-индоевропейском произошло обособление датива от локатива в отдельный падеж. Это могло быть связано с появлением в базисной лексике индоевропейского языка глагола **dō-* ‘давать’, – ни в анатолийском, ни в тохарском этой основы нет, идея «давания» выражается другими корнями, не имеющими параллелей в других индоевропейских языках.

Формирование падежной системы могло идти постепенно, одни формы грамматикализовались, другие меняли значение, третьи тем временем выходили из употребления; в разных ветвях индоевропейской семьи это могло происходить в разное время. Праязык в этом случае предстает не как монолитная система, из которой должны при помощи определенных правил выводиться системы языков-потомков, а как динамически развивающийся язык, такой же, как и реально наблюдаемые в настоящее время языки.

[4] Ср., например, замечание К. Г. Красухина о совпадении в хеттском дательного и местного падежей [Красухин, 2004, с. 127].

Литература / References

Бурлак С. А., Иткин И. Б. Тохарский A язык // *Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии.* М., 2013. С. 398–444 [Burlak S. A., Itkin I. B. Tokharskij A yazyk // *Yazyki mira. Reliktovye indoevropejskie yazyki Perednej i Tsentral'noj Azii.* Moscow, 2013. Pp. 398–444].

Бурлак С. А., Иткин И. Б. Тохарский B язык // *Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии.* М., 2013. С. 444–485 [Burlak S. A., Itkin I. B. Tokharskij B yazyk // *Yazyki mira. Reliktovye indoevropejskie yazyki Perednej i Tsentral'noj Azii.* Moscow, 2013. Pp. 444–485].

Иллич-Свитыч В. М. *Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский).* Том I. *Введение. Сравнительный словарь (b–Ḳ)* / Под ред. и с вступительной статьей В. А. Дыбо. М., 1971 [Illich-Svitych V. M. *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semito-khamitskij, kartvel'skij, indojevropejskij, ural'skij, dravidijskij, altajskij). Tom I. Vvedenie. Sravnitel'nyj slovar' (b–Ḳ).* Moscow, 1971].

Касьян А. С., Якубович И. С. Анатолийские языки // *Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии.* М., 2013. С. 15–25 [Kassian A. S., Yakubovich I. S. Anatolijskie yazyki // *Yazyki mira. Reliktovye indoevropejskie yazyki Perednej i Tsentral'noj Azii.* Moscow, 2013. Pp. 15–25].

Красухин К. Г. *Введение в индоевропейское языкознание.* М., 2004 [Krasukhin K. G. *Vvedenije v indoevropejskoe yazykoznanie.* Moscow, 2004].

Brugmann K., Delbrück B. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen.* Bd.1–5. Straßburg, 1897–1916.

Hoffner H. A. Jr., Melchert H. C. *A grammar of the Hittite language.* Part 1. *Reference grammar.* Winona Lake, Indiana, 2008.

Kapović M. Proto-Indo-European morphology // Kapović M. (ed.). *The Indo-European languages.* London, New York, 2017. Pp. 61–110.

Matasović R. Proto-Indo-European and language typology // Kapović M. (ed.). *The Indo-European languages.* London, New York, 2017. Pp. 153–170.

Электронные ресурсы

Yakubovich I. The Luwian Language // *Oxford Handbooks Online.* 21.10.2015. URL: http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935345.001.0001/oxfordhb-9780199935345-e-18 (дата обращения 14.08.2018).

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИИ О ГОСУДАРСТВЕ ХОРЕЗМШАХОВ ИЗ ДИНАСТИИ АНУШТЕГИНИДОВ

Д. М. Тимохин*

В статье рассматривается историография Хорезмийской державы, в конце XII – начале XIII вв. бывшей одним из крупнейших государств исламского мира. Разгром этого государства войсками Чингисхана стал одним из ключевых сюжетов в арабо-персидской историографии. Однако современная историография не может похвастать большим количеством исследований по истории Хорезма, а большинство специалистов рассматривает историю Хорезма лишь в составе работ по истории Сельджукидской державы или образования Монгольской империи. Несмотря на это, автор проанализировал все имеющиеся на данный момент исследования по истории государства хорезмшахов из династии Ануштегинидов, выявив эволюцию историографии, ее особенности и лакуны в изучении Хорезмийской державы.

Ключевые слова: историография, Хорезм, Ала ад-Дин Мухаммад, Джалал ад-Дин Манкбурны, Чингисхан.

THE EVOLUTION OF HISTORIOGRAPHY ABOUT THE STATE OF KHOREZM SHAHS OF THE DYNASTY OF ANUSHTEGINIDS

Dimitry M. Timokhin

This article reviews the historiography of the Khorezm State, which in the late 12th – early 13th centuries was one of the largest States of the Islamic world. Khorezm's destruction by the troops of Genghis-Khan became one of the key subjects in Arab-Persian historiography. However, there are quite few studies on Khorezm history in modern historiography, as most experts consider it only as a part of Seljuk State or the beginnings of Mongolian Empire history. Despite this, the author analyzes all the available studies on the history of Khorezm Shakhs Anushteginid state, identifying the evolution of the historiography, as well as certain gaps in the study of Khorezm state.

Keywords: historiography, Khorezm, Ala al-Din Muhammad, Jalal al-Din Mankburny, Genghis-Khan.

Предметом настоящей статьи является анализ эволюции историографии Хорезмийской державы при самой известной и, по мнению В. В. Бартольда, «самой блестящей династии хорезмшахов» [Бартольд, 1964, с. 536] – Ануштегинидов. Несмотря на то, что определенные сюжеты из истории этого государства отражены в многочисленных отечественных и зарубежных работах, посвященных им специальных исследований в мировом востоковедении крайне мало. Объяснений тому несколько: прежде всего, история Хорезма неразрывно связана с историей монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана, в связи с чем династия Ануштегинидов рассматривалась преимущественно в трудах, имеющих отношение к нашествию. Соответственно, мы располагаем достаточной информацией о последних правителях династии – Ала ад-Дине Мухаммаде и Джалал ад-Дине Манкбурны по сравнению с более ранними представителями этого рода. Вторая причина состоит в том, что история домонгольского Хорезма прошла под эгидой борьбы за наследие Сельджуков, что увеличивает объем информации о Хорезме в работах о сельджукидах. При этом создание

* Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dimitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

обобщающей работы по истории Хорезма требует не только освоения историографии по самой разной проблематике, но и владения несколькими восточными языками: сведения о Ануштегинидах содержат китайские, арабо-персидские, монгольские, грузинские и армяноязычные источники. Следствием вышеперечисленных причин и стал крайне небольшой объем специальных исследований. Таким образом, статья призвана не только проанализировать современную историографию, но и выявить ключевые направления ее развития вкупе с недостатками рассмотренных исследований.

Несмотря на фокусирование исследования на хорезмийских правителях из династии Ануштегинидов, в рамках статьи будут рассмотрены и работы, посвященные иной проблематике, включающие значительный объем информации по нашему предмету. Автор придерживается хронологического принципа выстраивания историографии, дабы избежать привычного разделения на отечественную и зарубежную историографию, которое, ввиду отсутствия значимой полемики, представляется искусственным.

Определенным рубежом в развитии историографии Ануштегинидов следует признать публикацию классического труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [Бартольд, 1898–1900; 1963]. Значимость исследования заключается в качественном анализе источников и охвате всего релевантного корпуса памятников. Труд Бартольда до сих пор остается образцом работы с источниками; являя собой первое исследование, где история государства Ануштегинидов рассматривается как специальный объект изучения, а не лишь в связи с монгольским завоеванием. Именно работа Бартольда стала водоразделом, отделяющим ранние, не всегда удачные попытки анализа истории Хорезма от современных исследований. Все исследования, предшествовавшие книге Бартольда, отличались неполнотой использованного корпуса источников и фокусом на монгольских завоевательных походах и формировании империи Чингисхана [Petis de la Croi, 1722; Deguines, 1756–1758; Some account, 1803, p. 1–5; Volff, 1872; Иванин, 1875; Hovorth, 1876–1888; Hammer-Purstall, 1834; Erdmann, 1862; Cahun, 1896; Д'Оссон, 1996]. Все это сказывалось на полноте и качестве изложения истории Хорезма в XII – начале XIII вв.

Огромно влияние труда Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» и на зарубежное востоковедение. В современной науке труд отечественного востоковеда продолжает служить образцом при исследовании истории Ирана и Центральной Азии как в домонгольский период, так и в годы монгольского нашествия. «Одним из известнейших и особо значимых исследований, которое уделяет внимание истории монголов, является работа по географии и истории Туркестана, произведенное высокопоставленным русским востоковедом Бартольдом. В этой книге Бартольд осветил все достоверные источники и описания историков, связанные с монгольской эпохой» [Baiyat, 1984, s. 87]. Именно Бартольд впервые использовал все известные на тот момент источники для описания истории Хорезма и завоевания Центральной Азии и Ирана, практически впервые рассмотрев борьбу хорезмшахов за господство в Центральной Азии и описав Мавераннахр в XII в. Особенности, присущие работе Бартольда, наблюдаются и в последующих трудах: авторы редко доверяют поздним источникам при наличии информации в более ранних памятниках, формируется образ Чингисхана как величайшего правителя и полководца и критический подход к личности и деятельности последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Бартольд последовательно подчеркивал не только ошибки и промахи Джалал ад-Дина, но и его личную жестокость и зверства хорезмийских войск в Центральной Азии, Индии, на Кавказе и в Западном Иране. Негативный образ, созданный в труде Бартольда, будучи соотнесен с образом Джалал ад-Дина в ряде памятников (особенно в армяноязычных и грузинских), оспаривается многими последующими исследователями.

Попытаемся выяснить, чего удалось добиться науке после книги Бартольда, какие были выделены новые проблемы и как за сто с лишним лет изменились авторские оценки ключевых событий и персон.

С момента публикации труда В. В. Бартольда и до 1950-х гг. практически полностью отсутствуют специальные исследования по историографии государства хорезмшахов. Наверное, не стоит всерьез рассматривать работу В. Д. Жукова [Жуков, 1944], по формату представляющую собой брошюру, а по содержанию носящую ярко выраженный агитационный характер: «Настоящая брошюра имеет целью воскресить в народной памяти образ одного из военачальников, возглавивших борьбу народов Узбекистана против монгольского нашествия – борьбу, произошедшую более семисот лет назад» [Жуков, 1944, с. 4]. Однако наряду с ошибками (основателем династии хорезмшахов автор считал не Ануштегина, а Атсыза) необходимо отметить опору автора на ранние источники – ан-Насави и Рашид ад-Дина. После описания гибели Джалал ад-Дина автор подводит итог: «Так, несмотря на проявленное им мужество, героизм и несомненный талант полководца, погиб доблестный противник монголов, разбивший легенду об их «непобедимости» – последний хорезмшах Джалал ад-Дин» [Жуков, 1944, с. 14]. Вывод обусловлен задачами, стоявшими перед автором, писавшим агитационный текст в условиях Великой Отечественной войны. Итак, первая половина XX в. представляет собой лакуну в историографии государства хорезмшахов, информация о котором содержалась преимущественно в общих работах по истории монгольских завоеваний и империи Чингисхана [Хара-Даван, 1929; Barckhausen, 1935; Bouvat, 1927; Fox, 1936; Krause, 1922; Lamb, 1928; Agbal, 1939]. Ситуация объяснялась как высочайшим уровнем работы В. В. Бартольда, так и кажущейся исчерпанностью проблемы.

Следующей вехой признаем монографию турецкого исследователя И. Кафесоглу «История Хорезмшахов (1092–1229)» [Kafesoğlu, 1956]. Основываясь на широком круге источников, автор реконструирует историю династии от основания Ануштегином до последнего хорезмшаха, которому посвящает большой раздел: описывается не только противостояние Чингисхану, но и дальнейшая деятельность хорезмшаха в Индии, Иране и на Кавказе. Автор завершает описание деятельности Джалал ад-Дина 1229 г., а не годом его смерти (1231 г.), ничего не сообщая о битве при Йассе-Чамана и о его гибели. Среди недостатков исследования отметим отсутствие сколько-нибудь подробного описания битвы между хорезмийскими и монгольскими войсками на Инде 1221 г. и при Исфахане 1227 г. Подобное решение объясняется научной целью работы, связанной с историей Хорезма, конец существования которого определен автором 1221 г., то есть все тем же сражением на Инде [Kafesoğlu, 1956, s. 223–285]. Можно дискутировать с Кафесоглу относительно преемственности между Хорезмом и государством Джалал ад-Дина, однако подобная позиция имеет право на существование. При этом в разделах, посвященных более ранним правителям Хорезма, имеется большой объем информации о хорезмшахах Ала ад-Дине Текише и Ала ад-Дине Мухаммаде (сведения о втором в основном касаются событий перед монгольским вторжением и монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг.).

История Хорезма у Кафесоглу – это не только политическая или военная, но и экономическая, социальная, этническая и культурная история, которым уделено внимание в главах, посвященных отдельным правителям. Таким образом, коренное отличие труда Кафесоглу от труда Бартольда заключается не столько в источниковой базе или новых выводах, а в подходе, согласно которому история Хорезма рассматривается как самостоятельный исторический феномен, а не как «обязательная составная часть» любого исследования завоевания Ирана и Центральной Азии. Отдельные сведения о династии хорезмшахов содержатся и в сочинении Кафесоглу «Турецкая национальная культура», где даны некоторые сведения о правлении Ала ад-Дина Мухаммада и рассмотрены источники, в том числе труд ан-Насави, где фигурирует Джалал ад-Дин Манкбурны [Kafesoğlu, 1998]. Определенные сведения об Ануштегинидах обнаруживаются и в работе «История Сельджуков» [Kafesoğlu, 1972], где автор рассматривает преимущественно ранних правителей Хорезма вплоть до Ала ад-Дина Текиша.

В 1960-е гг. выходит несколько работ по истории Хорезма периода Ануштегинидов; первой из них стала статья Л. В. Строевой «Последний хорезмшах и исмаилиты Аламута» [Строева, 1960, с. 451–463]. Будучи специалистом по государству исмаилитов-низаритов с центром в Аламуте, Строева рассматривает связанные с темой ее исследования сюжеты истории Хорезма, в связи с чем целостной картины истории Хорезма не возникает, а внимание автора приковано, в основном, к последнему хорезмшаху Джалал ад-Дину. Отметим отдельно некоторые авторские подходы: «Так в течение 1225–1230 гг. имели место постоянные отношения между столь разными по своей классовой природе сторонами, как Джалал ад-Дин и исмаилиты Аламута» [Строева, 1960, с. 462]. Речь идет о том, что связующим звеном между двумя политическими силами была антимонгольская борьба. «Смерть последнего хорезмшаха оборвала его отношения с исмаилитами Аламута; эти отношения выражали своеобразную форму антимонгольской борьбы в Иране» [Строева, 1960, с. 462]. Автор указывает, что исмаилиты не применяли террор в отношении подданных хорезмшаха, а тот не пытался захватить территории исмаилитов. «Исмаилиты как-то помогали Джалал ад-Дину во время его пребывания в Индии; они, как правило, не применяли террора в отношении его сподвижников, даже терпели от них ущерб и обиду» [Строева, 1960, с. 463].

В монографии «Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв.» для подтверждения версии о сотрудничестве хорезмшаха с исмаилитами Строева приводит свидетельство везира исмаилитов Имада ад-Дина, приведенное ан-Насави в 1230 г.: «Когда, – сказал он, – мы были во вражде с вами? Когда перестали мы быть едины с вами и верны вашему правительству? Султан видел нас в действии, как при хороших, так и плохих обстоятельствах. Он испытал нас в дни счастья и в дни бедствия. Наши люди не служили ли верно султану в Индии, когда он был в самых тяжелых обстоятельствах после перехода реки Синд? Разве, узнав об этом, султан не признал публично нашей преданности?» [Строева, 1978, с. 218]. Вряд ли стоит делать далеко идущие выводы на основании ан-Насави, цитирующего Имада ад-Дина: описывая индийский период биографии Джалал ад-Дина, ан-Насави не упоминал помощь Аламаута. Именно к исмаилитам первоначально бежал мятежный брат Джалал ад-Дина, Гийас ад-Дин, спасаясь после битвы под Исфаханом. Исмаилиты не только не выдали его хорезмшаху, но и помогли благополучно покинуть Аламаут и укрыться в Кермане. Все это противоречит выводам Л. В. Строевой.

В арабо-персидских источниках нет сведений о помощи исмаилитов Джалал ад-Дину во время его пребывания в Индии. Более того, опираясь на Ибн ал-Асира, З. М. Буниятов указывает на связи между исмаилитами и монголами: «Узнав о разгроме Джалал ад-Дина у Йассы Чамана, глава исмаилитов Ала ад-Дин Мухаммад III, видевший в хорезмшахе угрозу для своих владений, "послал монголам сообщение о слабости Джалал ад-Дина и о его бегстве и стал торопить их выступить против слабого, гарантируя им победу"» [Буниятов, 1986, с. 182]. Ибн ал-Асир пишет, что глава исмаилитов Аламута подстрекал монголов к нападению на ослабевшее государство Джалал ад-Дина. «В (шестьсот) двадцать седьмом году[1] глава еретиков-исмаилитов отправил послание татарам, извещая их о слабости (сил) Джалал ад-Дина, и о постигшем его поражении, побуждая их преследовать его, (воспользовавшись) его слабостью. Они гарантировали победу над ним, (по причине) его немощи, которую (Ала ад-Дин и ал-Ашраф) навлекли на него» [ал-Асир, 2006, с. 398–399]. Другие исследователи истории исмаилитов, в частности Ф. Дафтари, не допускают возможности союза между хорезмшахом и исмаилитами: «…Отношения между Аламаутом и хорезмшахами, сменившими сельджуков в амплуа главных врагов низаритов, были по-прежнему отмечены чередой военных конфликтов и дипломатических демаршей, пока Джалал ад-Дин Менгбурни, последний хорезмшах, не потерпел поражения от монголов и не погиб в 628/1231 году» [Дафтари, 2004, с. 159]. Отношения Джалал ад-Дина с исмаилитами были не столь радужными, как полагает Строева: если хорезмшах им и был необходим, то лишь как

[1] 627 год хиджры соответствует периоду с 9.11.1230 по 28.10.1231 г. христианского летоисчисления.

щит против монгольской угрозы, и если они и оказывали ему поддержку, то лишь недолгое время. Когда Джалал ад-Дин стал терять военный и политический вес, исмаилиты перестали его поддерживать, и (по Ибн ал-Асиру) сообщили о его ослаблении монголам. Отношения сторон прерываются в 1230 г., когда Джалал ад-Дин лишился большей части армии в битве при Йассе-Чамана и перестал играть серьезную роль на политической арене.

Еще одна важная веха в историографии Ануштегинидов – работа Х. Хорста [Horst, 1964], посвященная государственному аппарату Великих Сельджуков и хорезмшахов. Монография делится на два крупных раздела, первый из которых посвящен анализу состава и особенностей функционирования госаппарата обеих держав. Вторая часть отведена изучению документов о государственном устройстве и документов самих органов управления. Автор использовал труды Ибн ал-Асира, Ан-Насави, Джувейни и Рашид ад-Дина, однако оставил неохваченными сочинения Джузджани и поздних арабо-персидских историков. Монография позволяет увидеть, как формировался и функционировал аппарат державы, созданной самим Джалал ад-Дином Манкбурны, предоставляет информацию по персонам, занимавшим ключевые позиции в правительстве, а также освещает некоторые государственные акты, составленные при последнем хорезмшахе. Хотя сколько-нибудь детальных описаний жизни Джалал ад-Дина в монографии нет, Хорст приводит важные сведения о дипломатической и политической истории государства последнего хорезмшаха в 1225–1231 гг., в частности, текст послания Джалал ад-Дина Муджиру ад-Дину Шараф ал-Исламу: «Это послание для восстановления дружеских связей создано в прошлой декаде джумада II в Мараге, которая является единственной нашей столицей, отправлено к Ала ад-Дину (Кей-Кубаду I) и к Муджир ад-Дину Шараф ал-Исламу Насир ал-Мулуку ва с-Салатину, уважаемому высокому служителю двора, посылаем (послание), чтобы он устранил несоответствия и согласовал необходимое. Необходимо, чтобы Ала ад-Дин удовлетворился услышанным словом и признал нашего посланника» [Horst, 1964, p. 101].

Новый всплеск интереса к фигуре хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны наблюдается в 1970-е гг., когда выходят сразу несколько посвященных ему работ. Первое из них – любопытное исследование Х. Хана «Определение места по «М'адан-и-Акбар-и-Ахмади», где султан Джалал ад-Дин хорезмшах пересек Инд» [Khan, 1970, p. 13–17], в котором автор на основании малоизвестного европейцам источника XVII в. пытается реконструировать битву между монгольским и хорезмийским войсками на Инде в 1221 г. и выяснить, где произошла знаменитая переправа хорезмшаха через реку. В более ранних памятниках мы не находим необходимых сведений для подобной реконструкции, что должно заставить исследователя крайне осторожно использовать сведения из «М'адан-и-Акбар-и-Ахмади». В том же году вышла любопытная статья «Хорезмшах и первая встреча с монголами и Отрарский инцидент» [Izgi, 1970, s. 92–99], в которой подробно рассматривались битва на Тургайской равнине, уничтожение каравана купцов в Отраре и последствия этих событий. Оба события не только подробно описаны в источниках, но и продолжают оставаться предметом дискуссий.

Еще одно исследование сражения на Инде и пребывания Джалал ад-Дина в северной Индии – книга Дж. Бойля «Джалал ад-Дин хорезмшах в долине Инда» [Boyle, 1979, p. 28–32], выводы которого были во многом дополнены и расширены в статье П. Джексона «Джалал ад-Дин, монголы, и хорезмийское завоевание Пенджаба и Синда» [Jackson, 1990, p. 45–54]. Обе работы представляют собой великолепные исследования одного периода военно-политической деятельности хорезмшаха, основанные на широком круге источников. Первое – работа иранского исследователя М. Дабира Сейаги «Султан Джалал ад-Дин Хорезмшах» [Dabir Seyagi, 1977], базирующаяся на ограниченном количестве арабо-персидских сочинений, но содержащая подробную биографию хорезмшаха. О более ранней истории Хорезма автор говорит лишь применительно к фигуре Ала ад-Дина Мухаммада и к событиям монгольского нашествия, а о еще более ранних правителях в исследовании Дабира Сейаги информации нет. По причине того, что Дабир Сейаги по неизвестным обстоятельствам

использовал далеко не весь корпус источников о Джалал ад-Дине, персидскому историку приходится опираться преимущественно на сообщения ан-Насави, однако при этом он призывает не доверять написанному слепо, помня о том, что концу жизни характер Джалал ад-Дина сильно изменился, и рассматривать каждый его поступок в отдельности. Ограниченность использованных источников приводит к возникновению серьезных ошибок. Так, относительно этнической принадлежности матери хорезмшаха автор излагает версию, не подтвержденную ни одним памятником. «Мать его… происходила из женщин индийского народа, и имя ее было Ай-Чичек, и подобный факт стал одной из причин ненависти Теркен-Хатун, которая хотела, чтобы престолонаследником и сменщиком султана Мухаммада был кто-то, у которого мать была бы из тюрок ее собственного рода и племени» [Dabir Seyagi, 1977, s. 17]. Подобный пассаж противоречит и имени матери Джалал ад-Дина, которое очевидно тюркское, и сведениям того же ан-Насави, признающего тюркское происхождение Джалал ад-Дина. «Он был смуглым, небольшого роста, тюрком по речи и по выражениям, но говорил также и по-персидски» [Ан-Насави, 1973, с. 296–297]. Несмотря на указанные недостатки, Д. Сейаги критически оценивает деятельность Джалал ад-Дина, выделяя отрицательные последствия его деятельности, что делает монографию крайне важной. Это первое научное исследование биографии последнего хорезмшаха, поэтому не следует судить автора излишне строго.

В 1977 г. выходит исследование турецкого историка А. Танери «Хорезмшах Джалал ад-Дин и его время» [Taneri, 1977]. Как и монография Д. Сейаги, работа содержит массу информации об этом историческом деятеле и его военной и политической деятельности. При этом она также страдает от использования ограниченного круга источников. Танери тоже мало интересуется ранней историей хорезмшахов и фокусирует внимание на правлении Ала ад-Дина и Джалал ад-Дина. Отметим, что публикация упомянутых исследований вызвала не только научный интерес, но и попытку обновить подход к изучению Хорезма, отразившийся на дальнейших работах.

В советской науке 1970-х гг. мы не находим специальных исследований по истории Хорезма как в ранний, так и в монгольской период. Исключение составляет небольшая статья С. М. Ахинжанова «Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия» [Ахинжанов, 1970, с. 23–34], впрочем, как и его же исследование «Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в 12 – нач. 13 в.» [Ахинжанов, 1973], рассматривающая вопросы взаимоотношений Хорезма и кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака, оставляя вне поля зрения целый ряд проблем внутри- и внешнеполитического развития Хорезма. Все это не отменяет того факта, что работы Ахинжанова – классический пример глубокого масштабного исследования истории взаимоотношений Хорезма и Дешт-и Кыпчака, не утратившие значения до сих пор.

Отметим и вышедший в 1977 г. сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе», где также не нашлось места отдельной статье по истории Хорезма, а информация о завоевании этого государства монгольскими войсками и правлении Ала ад-Дина и Джалал ад-Дина содержится сразу в нескольких статьях – А. Г. Галстяна «Завоевание Армении монгольскими войсками» [Галстян, 1977, с. 166–186], М. Кутлукова «Монгольское господство в Восточном Туркестане» [Кутлуков, 1977, с. 85–107], И. П. Петрушевского «Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия» [Петрушевский, 1977, с. 107–140] и М. Г. Пикунина «Чингиз-хан в Афганистане» [Пикунин, 1977, с. 140–150]. Отсутствие специального интереса к истории Хорезма и его правителей в сборнике характеризует определенный этап развития отечественной науки, еще не испытывавшей необходимости пересмотреть историческую картину, сформированную в труде В. В. Бартольда, однако сам сборник следует признать важнейшей работой по истории монгольских завоеваний.

Наиболее ярким исследованием Хорезмийской державы после работ Танери и Сейаги признаем книгу Зии Мусаевича Буниятова «Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов,

1097–1231» [Буниятов, 1986], где автор использует практически все известные арабо-персидские, а также китайские, монгольские, грузинские и другие исторические сочинения. Если во многих предшествующих исследованиях в центре внимания был Чингисхан и больше внимания уделялось истории монгольского государства, то главной целью Буниятова было изучение образования государства Хорезмшахов-Ануштегинидов, его дальнейшей истории, обстоятельств сосуществования и борьбы с кочевыми народами, в том числе, с монголами. Автор выстраивает четкую картину истории государства хорезмшахов, начиная с момента его основания Ануш-Тегином и заканчивая гибелью последнего хорезмшаха. Буниятов обстоятельно рассмотрел биографию Джалал ад-Дина[2] от начала монгольского нашествия до гибели в 1231 г., а также и последующие судьбы хорезмийских военачальников и сановников. Однако даже это исследование не лишено некоторых недостатков, среди которых доверие автора к ранним источникам, прежде всего арабо-персидским, благодаря чему одним из ключевых становится труд Шихаба ад-Дина Мухаммада ан-Насави, явные ошибки которого автор не комментирует. Работа не свободна от ряда марксистско-ленинских штампов, присущих науке того времени, а порой автор предпочитает описывать события, а не анализировать их. Отметим еще одну работу Буниятова – «Военная организация государства Хорезмшахов (1097–1231 г.)» [Буниятов, 1982, с. 85–95]. В небольшой статье автор сумел рассмотреть ключевые сюжеты, связанные с особенностью военного дела и его организации в Хорезме, начиная с первых правителей и до монгольского нашествия. К сожалению, в мировой науке это единственный пример подобного исследования, что требует от современных историков пристального внимания к этой научной проблеме.

Вслед за книгой Буниятова стоит еще одна большая работа А. Танери «Хорезмшахи» [Taneri, 1993], где содержится описание правления всех представителей династии, начиная с Ануштегина и вплоть до Джалал ад-Дина. Автор уделяет внимание не только политической истории и биографиям правителей, но и описывает политическое и административное устройство Хорезма, дает оценку его социально-экономического и культурного развития. Однако несмотря на то что биография Джалал ад-Дина занимает несколько разделов, автор нигде не ссылается на источники, что переводит работу в разряд научно-популярных [Taneri, 1993, s. 43–93]. На фоне труда Буниятова работа Танери выглядит попыткой популяризировать династию Ануштегинидов.

Нельзя обойти вниманием и коллективный труд по истории тюркских народов и государственных образований, вышедший в 2002 г. в Анкаре, где отдельный раздел посвящен истории Хорезма, в свою очередь, содержащий несколько тематических глав [Türkler, 2002, s. 1400–1448]. Впрочем, статьи носят скорее популярный характер, не приводя даже ссылок на источники и литературу. Современная турецкая историография проявляет живой интерес к истории Хорезма и его последнего правителя, хотя многие работы характеризует скорее описание известных фактов, нежели новые идеи. Отметим статью М. А. Чакмака «Монгольское нашествие и разрушение Хорезмийского государства» [Çakmak, 2000. s. 904–916], представляющую собой подробный разбор монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг., однако не содержащую новых сведений. Описывая Хорезм, турецкие историки рассматривают отдельные сюжеты из истории правления Ала ад-Дина. Так, Х. Салман в статье «Внутреннее выступление Кезлик-хана в годы правления хорезмшаха Мухаммада» [Salman, 2001, s. 50–60] рассматривает эпизод из истории домонгольского Хорезма, когда против Ала ад-Дина было поднято восстание в Нишапуре. Несмотря на узость предмета исследования, это позволяет сделать выводы об устойчивости хорезмийской власти в недавно завоеванных регионах.

Отметим и небольшую статью Х. Гейикоглу «Хорезмшах Джалал ад-Дин и его личность» [Geyikoğlu, 2010, s. 89–102], где собственно личность хорезмшаха, несмотря на название, не анализируется, ибо автор описывает военно-политические события 1225–

[2] Этому посвящены отдельные главы «Разгром и гибель государства Хорезмшахов» и «Судьба хорезмийцев, покинувших родину».

1231 гг. В работе дается описание походов хорезмшаха на Южный Кавказ и сопредельные регионы, однако более ранний период деятельности Джалал ад-Дина практически полностью отсутствует. Ценность статьи снижается в связи с избирательным подходом автора к источникам: основные тексты – сочинения Ибн ал-Асира, ан-Насави и Джувейни. При этом абсолютно отсутствуют указания как на поздние труды Рашид ад-Дина, Казвини и Мирхонда, так и на ранний труд Джузджани, а о неарабо-персидских источниках не говорится ни слова, что в отсутствие грузинских и армяноязычных памятников не позволяет реконструировать завоевание хорезмийцами Южного Кавказа.

Рассмотрим и современную историографию Хорезма, помимо статьи Гейикоглу, чтобы проанализировать нынешние интересы исследователей. Важная работа о Джалал ад-Дине – статья А. Токсоя «Деятельность хорезмшаха Джалал ад-Дина в Грузии» [Toksoy, 2007, s. 137–150], где внимание автора занимает деятельность этого правителя на Южном Кавказе, однако в начале он предлагает краткий обзор истории Хорезма до монгольского нашествия и описание монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. [Toksoy, 2007, s. 138–142]. Автора можно упрекнуть лишь в использовании не всех источников по истории хорезмийского присутствия на Южном Кавказе, однако описание интересующих нас событий представлено очень подробно. А. Токсой преимущественно базируется на арабо-персидских и в меньшей степени на грузинских и армяноязычных источниках.

Невозможно проигнорировать работы современной турецкой исследовательницы Г. Чечели Дурсун, посвященные развитию науки и образования в империи Ануштегинидов [Ceceli Dursun, 2015]. В большей степени нас интересует работа о междоусобной борьбе между Ала ад-Дином Текишем и его братом Султан-шахом, где автор затрагивает несколько более поздних сюжетов [Ceceli Dursun, 2006]. Нельзя не отметить и публикации о выдающихся правителях из династии Ануштегинидов в «Исламской энциклопедии», где статья об Ала ад-Дине Мухаммаде была написана А. Озайдином [Özaydin, 1988–2013, s. 581–583]. Статья не только приводит необходимую информацию об этом правителе, но и содержит список источников и литературы, который, впрочем, мог бы быть существенно более полным (так, не упоминаются работы З. М. Буниятова). Гораздо более ценной представляется статья о Джалал ад-Дине, написанная А. Танери [Taneri, 1988–2013, c. 7, s. 248–250], и сводная статья о династии Ануштегинидов, подготовленная для более раннего издания энциклопедии М. Фуадом Кёпрюлю [Köprülü, 1987, s. 265–296] и для позднего издания энциклопедии – упомянутым уже А. Танери [Taneri, 1988–2013, c. 16, s. 228–231]. Эти три статьи обладают значительным фактологическим наполнением и библиографическим сопровождением, однако сам формат адресован в большей степени широким массам читателей и недостаточен для специалистов. Отметим и носящую справочный характер небольшую статью М. Эрдогана «Джалал ад-Дин, хорезмшах» [Erdogan, 1882. s. 12, sf. 376–377]. Мы находим еще несколько упоминаний о Хорезме и Джалал ад-Дине в энциклопедических изданиях, что говорит о значимости этого героя и об интересе к истории Хорезма в Турции; при этом материалы принадлежат как перу современных исследователи, так и являются републикациями энциклопедических статей классиков турецкой исторической науки [Encyclopaedia Iranica, 2006. p. 404–405; Daneshnameye jahan-e Eslam, 1385, s. 503; Farhangnameye abd farsi abd garsidar Asiay-e Miane, 2002, S. 321, 507, 533; al-Mausua al-Arabiya, 2003, s. 634–635; Togan, 1950. s. 240–257; Yinanç, 1988, s. 48–52].

Краткую информацию о последнем хорезмшахе можно найти в статье Т. Фитцхерберт «Портрет последнего правителя: Джалал ад-Дин хорезмшах и Джувайни» [Fitzherbert, 1996, p. 63–77], которая выстраивается на основании одного памятника. Отметим также небольшую статью Х. Гейикоглу «Хорезмшах Джалал ад-Дин и его личность» [Geyikoğlu, 2010, s. 89–102], где, в противоположность заявленной теме, автор сосредоточивается на военных и политических действиях 1225–1231 гг. В работе дано описание военных походов на Южный Кавказ и в сопредельные регионы, однако более ранний период деятельности Джалал ад-Дина практически не затронут. Другие работы

Х. Гейикоглу касаются того же периода жизни последнего хорезмшаха и к ним можно предъявить те же замечания, отметив детальность описания и системность выстраивания материала [Geyikoğlu, 1994, s. 275–285; 1997, s. 371–380; 2000, s. 29–33; 2002, s. 917–925].

Небольшой объем информации о последнем хорезмшахе содержится в статье Э. Дурмуша «Хусам ад-Дин Байджар: хорезмийский тюркский эмир в эру Турецких Сельджукидов» [Durmuş, 2009, s. 223–232], в основном касающейся противостояния Джалал ад-Дина с правителями Малой Азии и Ближнего Востока, включая битву при Йассе-Чамана, однако большая ее часть посвящена вовсе не Джалал ад-Дину. Информацию о ранней истории Хорезма содержит статья Али Махмуди Алами «Политические связи Сельджукидов и Хорезмшахов» [Alami, 2011, p. 467–470], где, впрочем, автора в большей степени интересуют взаимоотношения правителей Хорезма и Сельджукидов в XII в. Приведены отдельные сведения о правлениях хорезмшахов Ала ад-Дина Текиша и Ала ад-Дина Мухаммада, тогда как информации о Джалал ад-Дине статья не содержит: исследователя интересует ранняя история Хорезма, период ее становления и взаимоотношения с различными сельджукскими правителями.

Подводя итоги, хотелось бы остановиться на тематическом разнообразии историографии Хорезмийской державы. Несмотря на небольшое число исследований, ученые обращали внимание на различные аспекты ранней и поздней истории государства, однако преимущественно внимание авторов приковано к истории правления двух последних хорезмшахов из династии Ануштегинидов, Ала ад-Дина Мухаммада и Джалал ад-Дина Манкбурны. Последнее объяснимо тем, что именно при первом из этих правителей Хорезм достиг вершины могущества и был сокрушен в результате монгольского нашествия, а второй не только организовал сопротивление Чингисхану, но и вновь сформировал просуществовавшее до 1231 г. Хорезмийское государство в пределах Ирана, Ирака и Южного Кавказа.

Рассматривая историографию Хорезма в целом, можно отметить крайне небольшое количество обобщающих исследований: большинство авторов касаются лишь одной стороны истории или правления одного или нескольких правителей. Начиная с работы В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» и до наших дней в историографии существуют лишь труды И. Кафесоглу, А. Танери и З. М. Буниятова, где рассматривается история Хорезма от основания и до гибели последнего представителя династии. Мы оставляем за скобками собственную работу [Тимохин, 2013], поскольку она также в большей степени посвящена правлению Ала ад-Дина Мухаммада и Джалал ад-Дина Манкбурны, а также в связи с тем, что не считаем возможным давать оценку собственному исследованию. Итак, сложившаяся ситуация требует нового обобщающего труда по истории Хорезма, в котором рассматривались бы не только политические и военные аспекты, но и экономическое, культурное и социальное развитие.

Как уже говорилось, большинство исследований базируется на ограниченном круге памятников: авторы преимущественно использовали ранние арабо-персидские сочинения. Подобная тенденция парадоксальна хотя бы по той причине, что уже В. В. Бартольд максимально задействовал весь корпус известных на тот момент источников. Однако последующие исследователи не только не поддержали подобный подход, но и зачастую отказывались от использования других памятников, кроме отдельных арабо-персидских текстов. Научная ценность подобных трудов на фоне классического исследования Бартольда крайне невелика, и обращение к ним научного сообщества практически не происходит. Исключением следует признать исследования И. Кафесоглу и З. М. Буниятова, научная ценность, оригинальность и охват источниковой базы которых широко признаны. В мировой историографии крайне немного обобщающих работ, и каждая из них обладает важными особенностями, поэтому назрела необходимость нового исследования истории Хорезмийской державы с учетом достижений предшествующих востоковедов и с максимально полным использованием всех имеющихся источников.

Литература / References

ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*. Пер. З. М. Буниятова. Баку, 1973 [an-Nasavi, Shihab ad-Din Muhammad. *Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny*. Per. Z. M. Buniyatova. Baku, 1973].

ал-Асир, ибн. *«Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки.* Пер. П. Г. Булгаков, Ш. С. Камолиддин. Ташкент, 2006 [al-Asir, ibn. *"Al-Kamil fi-t-tarih" "Polnyj svod po istorii". Izbrannye otryvki.* Per. P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006].

Ахинжанов С. М. *Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в 12 – нач. 13 в.* Алма-Ата, 1973 [Ahinzhanov S. M. *Iz istorii vzaimootnoshenij kipchakov i Horezma v 12 – nach.13 v.* Alma-Ata, 1973].

Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия // *Вестник АН КазССР*. 1970. № 1. С. 23–34 [Ahinzhanov S. M. Kipchaki i Horezm v kanun mongol'skogo nashestviya // *Vestnik AN KazSSR*. 1970. 1. Pp. 23–34].

Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2, ч. 2. М., 1964 [Bartol'd V. V. *Sochineniya*. T. 2, vol. 2. Moscow, 1964].

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 1. М., 1963. [Bartol'd V.V. Turkestan v ehpohu mongol'skogo nashestviya // Bartol'd V. V. *Sochineniya*. T. 1. Moscow, 1963].

Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. СПб., 1898–1900 [Bartol'd V. V. *Turkestan v 'ehpohu mongol'skogo nashestviya*. Saint-Petersburg, 1898–1900].

Буниятов З. М. Военная организация государства Хорезмшахов (1097–1231 г.) // *Известия АН АзССР. Сер. История, философия, право*. 1982. № 1. С. 85–95 [Buniyatov Z. M. Voennaya organizatsiya gosudarstva Horezmshahov (1097–1231 g.) // *Izvestiya AN AzSSR. Ser. Istoriya, filosofiya, pravo*. 1982. 1. Pp. 85–95].

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г.* М., 1986 [Buniyatov Z. M. *Gosudarstvo Horezmshahov-Anushteginidov 1097–1231 g.* Moscow, 1986].

Галстян А. Г. Завоевание Армении монгольскими войсками // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977. С. 166–186 [Galstyan A. G. Zavoevanie Armenii mongol'skimi vojskami // *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, 1977. Pp. 166–186].

Д'Оссон А. К. *История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана*. Пер. Н. Козьмина. Алматы, 1996 [D'Osson A. K. *Istoriya mongolov ot Chingiz-hana do Tamerlana*. Per. N. Koz'mina. Almaty, 1996].

Дафтари Ф. *Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины*. Пер. Л. Р. Додыхудоева, Л. Н. Додхудоева. М., 2004 [Daftari F. *Kratkaya istoriya ismailizma. Traditsii musul'manskoj obschhiny*. Per. L. R. Dodyhudoeva, L. N. Dodhudoeva. Moscow, 2004].

Жуков В. Д. *Последний Хорезмшах. (Из борьбы Джелаледдина Менгуберти с монголами)*. Ташкент, 1944 [Zhukov V. D. *Posledniy Horezmshah. (Iz bor'by Dzhelaleddina Menguberti s mongolami)*. Tashkent, 1944].

Иванин М. И. *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане*. СПб., 1875 [Ivanin M. I. *O voennom iskusstve i zavoevaniyah mongolo-tatar i sredneaziatskih narodov pri Chingiz-hane i Tamerlane*. Saint-Petersburg, 1875].

Кутлуков М. Монгольское господство в Восточном Туркестане // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977. С. 85–107 [Kutlukov M. Mongol'skoe gospodstvo v Vostochnom Turkestane // *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, 1977. Pp. 85–107].

Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977. С. 107–140 [Petrushevskij I. P. Pohod mongol'skih vojsk v Srednyuyu Aziyu v 1219–1224 gg. i ego posledstviya // *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, 1977. Pp. 107–140].

Пикунин М. Г. Чингиз-хан в Афганистане // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977. С. 140–150 [Pikunin M. G. Chingiz-han v Afganistane // T*ataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, 1977. Pp. 140–150].

Строева Л. В. *Государство исмаилитов в Иране в X–XIII вв.* М., 1978 [Stroeva L. V. *Gosudarstvo ismailitov v Irane v X–XIII vv*. Moscow, 1978].

Строева Л. В. Последний хорезмшах и исмаилиты Аламута // *Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели*. М., Л., 1960. С. 451–463 [Stroeva L. V. Poslednij horezmshah i ismaility Alamuta // *Issledovaniya po istorii kul'tury narodov Vostoka. Sbornik v chest' akademika I. A. Orbeli*. Moscow, Leningrad, 1960. Pp. 451–463].

Тимохин Д. М. *Соперник Чингиз-хана: хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, личность и эпоха*. М., 2013 [Timohin D. M. *Sopernik Chingiz-hana: horezmshah Dzhalal ad-Din Mankburny, lichnost' i 'epoha*. Moscow, 2013].

Хара-Даван Э. *Чингиз-хан как полководец и его наследие*. Белград, 1929 [Hara-Davan 'E. *Chingiz-han kak polkovodets i 'ego nasledie*. Belgrade, 1929].
Agbal A. *Tarih-i mawsalei-e Iran. Az jomlei-e Chingiz ta tashkil doulat-e Timuri*. Vol. I. Tehran, 1939.
Alami Ali Mahmodi. Political Relation of the Saljuqid and Qarazmshahian // *Journal of American Science*. 2011. 7 (12). P. 467–470.
al-Mausua al-Arabiya. Damask, 2003.
Baiyat A. *Shenasai-e manebe va maahaze tarih-e Iran*. Vol. I. Tehran, 1984.
Barckhausen J. *L'empire jaune de Genhis-Khan*. Paris, 1935.
Bouvat L. *L'empire mongol*. Paris, 1927.
Boyle J.A. Jalal al-Din Khwarazm-Shah in the Indus valley // *Sind Quarterly*. 1979. 7/III. Pp. 28–32.
Cahun L. *Introduction a l'Histoire de l'Asia Turcs et Mongols der origins a 1405*. Paris, 1896.
Çakmak M. A. Moğol Istilası Ve Harzemsahlar Imparatorluğu'nunYıkılısı // *Türkler*. 2000. C. 4. S. 904–916.
Ceceli Dursun G. *Harizmşah Hükümdarı Sultanşah Mahmud (567–589/1172–1193)*. Istanbul, 2006.
Ceceli Dursun G. *Hârizmşâhlar Devleti ilmî hayat (1097–1231)*. Doktora tezi. Istanbul, 2015.
Dabir Seyagi M. *Sultan Djalal ad-Din Horezmshah*. Tehran, 1977.
Daneshnameye jahan-e Eslam. Tehran, 1385.
Deguines J. *Histoire generale des Huns, des Turcs, des mogols et des autres Tartares occidentaux*. T. 1–4. Paris, 1756–1758.
Durmuş E. Husam al-din Bayjar: A Khwarizmian Turkish Emir in the era of Turkish Seljukids // *Fırat University Journal of Social Science*. 2009. C. 19, Sayı 1. S. 223–232.
Encyclopaedia Iranica. Vol. XIV. New York, 2006.
Erdmann F. *Temudschin der Unerschutterliche*. Liepzig, 1862.
Erdogan M. Celâleddin Harizmşah // *Tarih Institusu Der*. Istanbul, 1882. s. 12, sf. 376–377.
Farhangnameye abd farsi abd garsidar Asiay-e Miane. Tehran, 2002.
Fitzherbert T. Portrait of a lost leader: Jalal al-Din Kharazmshah and Juvaini // *The court of the Il-khans, 1290-1340: the Barakat Trust Conference on Islamic Art and History, St. John's College, Oxford, Saturday, 28 May 1994*. Oxford, New York, 1996. Pp. 63–77.
Fox R. *Genghis Khan*. London, 1936.
Geyikoğlu H. Anadolu'da Kalan Harzemliler (Horzumlular) // *Türk Kültürü. Ankara Üniversitesi Basımevi*. S. 410, Ankara, 1997. S. 371–380.
Geyikoğlu H. Harzemliler'in Türkiye Selçuklu Devleti Himaye ve Hizmetine Alınmaları // *Türk Kültürü. Ankara Üniversitesi Basımevi*. Mayıs, 1994. S. 275–285.
Geyikoğlu H. Harzemsah Celaleddin Mengüberti ve Ahlat // *Atatürk Üniversitesi Güzel Sanatlar Enstitüsü Dergisi*. 2000. 6. S. 29–33.
Geyikoğlu H. Harzemşah Celâleddin Mengüberti'nin Şahsiyeti // *Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*. 2010. 4. S. 89–102.
Geyikoğlu H. Harzemsahlar ve Doğu Anadolu // *Türkler. Yeni Türkiye Yayınları*. C. 4. Ankara, 2002. S. 917–925.
Hammer-Purstall J. *Geschichte des Ilchane das ist der Mongolen in Persia*. Bd. 2. Darmstadt, 1834.
Horst H. *Die Staatsverwaltung der Grosselğüqen und Horazmsahs (1038–1231)*. Wiesbaden, 1964.
Hovorth H. *History of the Mongols from the 9th to 19th Century*. Pt. I–III. London, 1876–1888.
Izgi Ö. Harzemsah ve Moğolların ilk Karsılasmaları ve Otrar Hadisesi // *Türk Kültürü Araştırmaları Enstitüsü*. 1970. 170. S. 92–99.
Jackson P. Jalāl al-Dīn, the Mongols, and the Khwarazmian Conquest of the Panjāb and Sind // *Iran*. 1990. 28. Pp. 45–54.
Kafesoglu I. *Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara, 1956.
Kafesoğlu I. *Selçuklu tarihi*. Istanbul, 1972.
Kafesoğlu I. *Türk Milli Kültürü*. Istanbul, 1998.
Khan H. The Identification of place from the «Madan-i-Akhbar-Ahmadi, where Sultan Jalaluddin Khwarzim Shah crossed the Indus // *Journal Of The Asiatic Society Of Pakistan*. 1970. XV. Pp. 13–17.
Köprülü F. M. Harizmşahlar // *İslâm Ansiklopedisi*. Istanbul, 1987. C. V.1. S. 265–296.
Krause F. *Genghis-khan. Die Geschichte seines lebeng nach den Chinesischen reich sannalen von*. Heidelberg, 1922.
Lamb H. *Cenghis Khan: The Emperor of the all Men*. New York, 1928.
Özaydin A. Harizmşah Alaüddin (Kutbüddln) Muhammed b. Tekiş // *İslâm Ansiklopedisi*. C. 30. Istanbul, 1988–2013. S. 581–583.
Petis de la Croi M. *The History of Gengizcan the Great*. London, 1722.

Salman Hüseyin. Muhammed Harzemsah Döneminde Iç Isyanlar I Kezlik Han Isyanı // *Türk Kültürü Arastırmaları*. XXXV/1–2. Ankara, 2001. S. 50–60.

Some account of the life and adventures of Jelaleddin, Sultaun of Khoarazm, chiefly collected from D'Herbelot, La Croix and Abulguzi Khan // *The Asiatic annual register, or, A View of the history of Hindustan, and of the politics, commerce and literature of Asia. For the year 1802*. Vol. 4. London, 1803.

Taneri A. Celâleddin Harizmşah // *İslâm Ansiklopedisi*. C. 7. Istanbul, 1988–2013. S. 248–250.

Taneri A. *Celalü'd-din Harizmşah ve Zamanı*. Ankara, 1977.

Taneri A. *Harezmşahlar*. Ankara, 1993.

Taneri A. Harizmşahlar // *İslâm Ansiklopedisi*. C. 16. Istanbul, 1988–2013. S. 228–231.

Togan Z. V. Harizm // *Islam Ansiklopedisi*. Leiden, 1950. Cilt V/I. S. 240–257

Toksoy A. Celal ed-din harezmşah'ın gürcistan'daki faaliyetleri // *Erzincan Eğitim Fakültesi Dergisi*. 2007. 9.1. S. 137–150.

Türkler. Ed. by H. Celal Guzel, Kemal Çiçek, Salim Koca. Ankara, 2002.

Volff O. *Geschichte der Mongolen oder Tataren, besonders ihres Vordringens nach Europa, so wie ihrer Erberungen und einfalle indilsem Welttheile*. Breslau, 1872.

Yinanç M. H. Celaleddin Harzemsah. // *Islam Ansiklopedisi*. Cilt. 3. Istanbul, 1988. S. 48–52.

В. С. ГОЛЕНИЩЕВ И ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. ВСТРЕЧИ НА НИЛЕ

Э. Е. Кормышева*

В приуроченной к 150-летию со дня рождения и столетию гибели Николая II статье подробно рассматривается путешествие цесаревича Николая в Египет, проходившее при живейшем участии первого знаменитого российского египтолога В. С. Голенищева. Автор прослеживает путь следования российской делегации, встречу высоких гостей местными владетелями, освоение престолонаследником культурного наследия Египта. Отдельное внимание уделено судьбе архива В. С. Голенищева – сотням карточек, хранящимся в Центре Голенищева в Париже, и некоторым каирским адресам великого египтолога-пионера.

Ключевые слова: Николай II, В. С. Голенищев, Египет, Каир, Булакский музей, крейсер «Память Азова».

VLADIMIR S. GOLENISCHEV AND CROWN PRINCE NICHOLAS. MEETINGS ON THE NILE

Eleonora E. Kormysheva

In this commemorative article in the year of the 150th anniversary of Czar Nicholas the 2nd's birthday and the 100th anniversary of his demise, the author reviews in detail the dauphin's travel across Egypt, which took place under closest scrutiny of the first notable Russian Egyptologist Vladimir S. Golenischev. The author narrates the travelogue of the Russian delegation, the hospitality rites of the local nobility, the heir's interest in cultural heritage of Egypt. The article also covers Golenischev's archive in Paris and some Cairo memorabilia of the great pioneering Egyptologist.

Keywords: Nicholas II, Vladimir S. Golenischev, Egypt, Cairo, Bulak Museum, cruiser "Memory of Azov".

В 2018 г. исполнилось 150 лет со дня рождения последнего русского императора Николая II и 100 лет расстрела всей его семьи вместе со слугами, оставшимися верными царской семье до конца. В судьбе властелина нет места ошибкам, за них приходится расплачиваться не только собственной жизнью, но и трагедией страны. Вряд ли такие мысли приходили в голову юному Николаю в 1890 г., когда восшествие на престол виделось событием весьма отдаленным и не совсем ясным, а сам он был полон радости, предвкушая путешествие на Восток. А за два года до этого путешествия, в 1888 г., в Египет приехал выдающийся русский египтолог В. С. Голенищев (*илл. 1–2*), с юношеских лет увлеченный историей и культурой древнего Египта.

В. С. Голенищева интересовало все, что связано с египетской цивилизацией, и через месяц после приезда в Каир[1], осмотрев достопримечательности музея в Булаке[2] и ближайших окрестностей Каира, он нанял лодку-*дахабию* и отправился по Нилу в Верхний Египет. Его маршрут лежал через Тель эль-Амарну, Ассиут, Ахмим.

«Наиболее продолжительное время, – вспоминает Голенищев, – во все мое путешествие я останавливался в Луксоре, главном центре торговли древностями в Верхнем

* Элеонора Ефимовна КОРМЫШЕВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; egypto@mail.ru

Eleonora E. KORMYSHEVA, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; egypto@mail.ru

[1] По материалам статьи [Голенищев, 1890].

[2] В то время Булак – окраина Каира, где была собрана первая в истории Египта коллекция древностей, положившая начало существованию Каирского музея.

Египте. После Луксора я остановился в Эдфу, где простоял несколько дней, готовясь к отъезду в аравийскую пустыню». Главной его целью было посещение развалин Береники, где в древности находился порт. Интерес ученого был связан с неизученными долинами Вади Нааид и Вади Лахеми, через которые он попал в Асуан. Достигнув Нила, В. С. Голенищев и его спутники благополучно вернулись в дахабию, ожидавшую их у острова Элефантина, напротив Асуана. По возвращении в Каир Голенищев отправился в Фаюм и Загазиг, где вместе с работавшим там известным швейцарским египтологом Эдуардом Навиллем осмотрел храм Бубастиса.

Илл. 1. Предположительно, одна из ранних фотографий В. С. Голенищева в Каире (архив ГМИИ им. А. С. Пушкина.)

Илл. 2. В. С. Голенищев (архив ГМИИ им. А. С. Пушкина)

Ровно через год после возвращения Голенищева в Каир из поездок по стране знаменательное событие привело его к встрече с наследником российского престола Николаем (*илл. 3*). В 1890 г. император Александр III решил отправить завершившего образование цесаревича в путешествие по миру. По мнению отца, Николаю было полезно «мир посмотреть и себя показать». Наследник русского престола впервые в истории совершал такое длительное путешествие по странам Азии и Африки. Часть его большого маршрута пролегала через Египет. Сопровождали цесаревича и другие представители правящей фамилии – его брат, великий князь Георгий Александрович, и кузен, принц Георг Греческий. Путешественники предвкушали интересные приключения, ведь они были еще совсем молоды – Николаю было 22 года, Георгу Греческому 21, а Георгию всего 19 лет.

23 октября (4 ноября) 1890 г. наследник и сопровождающие лица на поезде выехали из Гатчины, добрались до Вены, а потом до Триеста. Там их ждали три русских корабля – фрегаты «Память Азова»[3], «Владимир Мономах» и канонерская лодка «Запорожец», а также брат Николая, мичман Георг, который продолжил с ними путешествие дальше. Руководителем свиты был генерал-майор князь В. А. Барятинский, а сопровождали Николая флигель-адъютант лейб-гвардии Конного полка князь Н. Д. Оболенский, князь В. С. Кочубей (Кавалергардского Ея Величества полка) и Е. Н. Волков (Лейб-гвардии

[3] Назван так в честь парусного линейного корабля «Азов», отличившегося в сражении при Наварине в 1827 г. Георгиевский флаг, которым был награжден за то сражение первый «Азов», перешел к «Памяти Азова».

Гусарского Ея Величества Полка). В Триесте к ним присоединился художник – ученик мариниста А. П. Боголюбова акварелист Н. Н. Гриценко, а в Каире военно-морской врач В. К. фон Рамбах (*илл. 4*). В 1890–1891 гг. на крейсере «Память Азова» (*илл. 5*) будущего Николая II в путешествии на Восток по распоряжению царя сопровождал и князь Эспер Эсперович Ухтомский (*илл. 6*), скрупулезно и красочно описавший все детали путешествия в подробном отчете о поездке [Ухтомский, 1893]. Успеху книги способствовали детальные данные по истории, этнографии и религии народов Востока, а также прекрасные иллюстрации Н. Н. Каразина. Сразу после выхода в свет книгу издали на английском, немецком и французском языках.

Илл. 3. Цесаревич Николай Александрович (по: [Ухтомский, 1893])

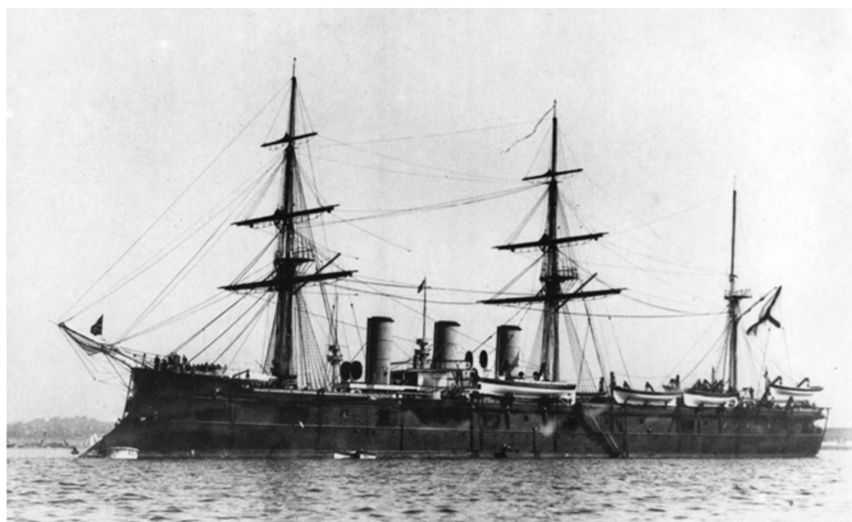
Илл. 4. Спутники наследника. Слева направо, сидят: Е. П. Волков, В. К. фон Рамбах, В. А. Барятинкий, В. Г. Басаргин; стоят: Н. Н. Гриценко, Э. Э. Ухтомский, В. С. Кочубей, Н. Д. Оболенский (по: [Ухтомский, 1893])

На корабле в распоряжение цесаревича была отведена каюта (*илл. 7*) и рабочий кабинет (*илл. 8*). Из Триеста наследник морским путем проследовал в Грецию, и в начале ноября русская эскадра через Средиземное море подошла к Порт-Саиду в Египте. 9 (21) ноября[4] в восемь часов утра эскадра на короткое время остановилась в Порт-Саиде.

Невозможно без волнения читать главы, посвященные встрече сына русского царя в Каире, описанной в книге Э. Э. Ухтомского. «Сюда, – пишет Ухтомский, – пришли генерал-губернатор Суэцкого перешейка Ибрагим-паша и адмирал египетской службы Привелиджио-паша. От имени его Величества Хедива они имели поручение представиться наследнику цесаревичу. На берегу в то время было несмолкающее возбуждение встречающих. Гимн “Боже царя храни” повторялся неисчислимое число раз» [Ухтомский, 1893, с. 64, 71].

Через Суэцкий канал крейсер «Память Азова» проследовал до Исмаилии. Здесь августейших путешественников от имени своего повелителя в полной парадной форме встретили брат Хедива, принц Хуссейн-паша Камиль, египетский министр иностранных дел Зульфикар-паша и обер-церемониймейстер Абдеррахман-паша Рущди, прибывшие на почтовом паровом баркасе. В Исмаилии для гостей был приготовлен придворный поезд, который в воскресенье 11 (22) ноября прибыл на станцию Загазик, где путешественников уже ждали губернатор провинции Шаркия и целая толпа приветствующих лиц.

[4] Российский и европейский календари.



Илл. 5. Крейсер «Память Азова» (по: [Ухтомский, 1893])

Илл. 6. Э. Э. Ухтомский (1861–1921)

Илл. 7. Каюта цесаревича на крейсере «Память Азова» (по: [Ухтомский, 1893])

Илл. 8. Рабочий кабинет Николая на крейсере «Память Азова» (по: [Ухтомский, 1893])

Вскоре поезд доставил гостей в Каир. Цесаревича встречали Тауфик-паша, принцы Ахмет-паша, Осман-паша, Ибрагим-паша, затем министры, главнокомандующий египетскими войсками Хедив Гринфель-паша, представители Египта, Судана и иностранной дипломатии. Среди встречавших было и немало русских – жена русского консула госпожа Кояндер, князь и княгиня Гагарины, князь Мурузи, статский советник Абаза, господин и г-жа Балас, мадемуазель Дмитриева, Мартынов и, как пишет Ухтомский, известный египтолог Голенищев [Ухтомский, 1893, с. 72, 76].

Наследник и хедив Тауфик-паша проследовали в экипажах, сопровождаемых конными отрядами. Торжественность и вместе с тем теплоту встречи создавали специально подготовленные египтянами объекты с русской символикой: недалеко от конца аллеи Шубры высилась двойная арка с надписью по-русски: «Добро пожаловать». Над аркой у самого вступления в Каир возносился красиво сделанный двуглавый орел. «Возгласы “Да здравствует Россия” оглашаются кругом. Гости прибывают в дом господина Кояндера (русского консула) для завтрака» [Ухтомский, 1893, с. 76].

В распоряжение августейших путешественников был отдан дворец принца Хусейн-паши в Гизе. В церемонии представления наследнику участвовали главным образом представители русской колонии в Египте, а статский советник Абаза поднес ему хлеб-соль [Ухтомский, 1893, с. 80]. Следование русскому народному обычаю было еще одним теплым и

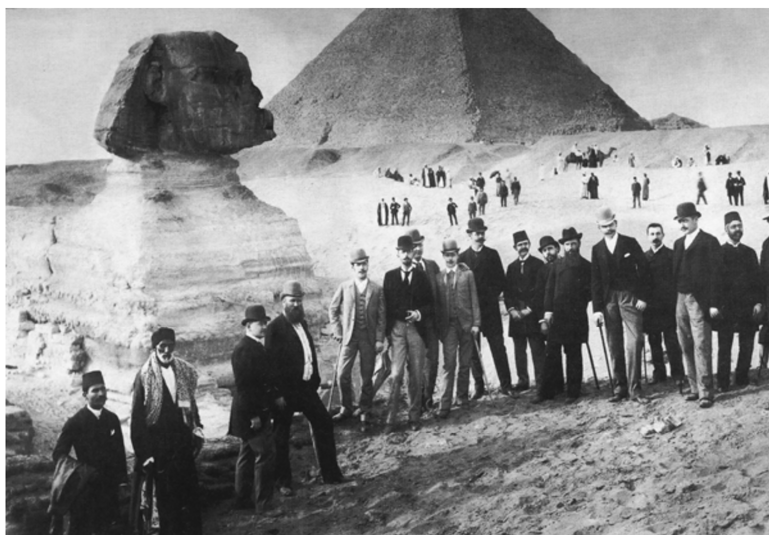
важным свидетельством отношения тогда еще формально находившегося в составе Османской империи Египта к России.

В понедельник 12 (23) ноября цесаревич посетил Булакский музей, где его встречал Эмиль Бругш, брат известного египтолога Генриха Бругша, а затем гости отправились в Гизу (*илл. 9, 10*). Сам хедив встретил гостей у древних памятников своей страны. Впечатление от величия пирамид, по мнению Ухтомского, подтвердило арабскую пословицу: «Все боится времени, но и оно страшится пирамид». На пирамиду Хеопса взошли Великие князья, шведский и греческий принцы. Раньше всех туда забрался цесаревич Николай [Ухтомский, 1893, с. 109, 113].

Вечером на берегу Нила генеральный консул Кояндер устроил праздник в честь их Императорских Высочеств, на который было приглашено более двухсот представителей Каирского и Александрийского обществ. К пристани причалили две придворные яхты-дахабии, за ними еще ряд красиво расцвеченных дахабий проплыл мимо чертога, воздвигнутого нашим генеральным консульством. В иллюминированном шествии, конечно же, участвовала дахабия, которую, как сообщает сам Голенищев, он нанял, чтобы отправиться по Нилу в Верхний Египет (впоследствии ставшая его собственностью). Согласно программе путешествия в Верхний Египет поезд отправился со станции Булак-Акрур до Ассиута, где августейшие путешественники перешли на предназначенную для них яхту хедива "Feiz Rabbanî". Кроме свиты в десятидневную экскурсию по Нилу отправились: консул Кояндер, каирский вице-консул Иванов, египтологи Голенищев и Бругш-бей.

Остановки были сделаны в городах Сохаг и Кена. В Кене путешественники захотели посмотреть на танец-*алмей*, исполняемый танцовщицами-*гавази* [Ухтомский, 1893, с. 132]. Этот танец, существующий и в настоящее время, по сути восходит к Древнему Египту (танец *муу*), когда его исполняли древние танцовщицы. Обретя арабский артикль «ал-», он пережил века, во многом утратив первоначальную семантику. В дневнике Николая осталась запись: «…отправились на ослах в город к нашему консулу. Смотрели на танцы альмей. Ничего особенного». Однако на следующий день, в Луксоре, уже иная запись: «…заехали к нашему консулу, где пили кофе. После обеда отправились тайно смотреть на танцы альмей. Этот раз было лучше, они разделись и выделывали всякие штуки с Ухтомским» [Дневники императора Николая II, с. 39–40].

Илл. 9. Перед завтраком у пирамид. Цесаревич Николай в первом ряду, девятый слева (по: [Ухтомский, 1893])



Илл. 10. У Большого Сфинкса Гизы. 1890 г. Цесаревич Николай – пятый слева (по: [Ухтомский, 1893])

Илл. 11. На палубе корабля (по: [Ухтомский, 1893])

Очевидно, «штуки» сильно позабавили августейших особ, так как на следующий день они «опять были у альмей». Посетили алмей они и еще раз в Луксоре на обратном пути в Каир 22 ноября. Учитывая известную лаконичность записей дневников Николая II, можно предположить, что танец действительно ему понравился, иначе было бы непонятно, почему он «тайно» отправился туда во второй раз, а потом и на обратном пути.

В Луксоре путешественники останавливались в Hotel Luxor. Как писал Ухтомский, во время их путешествия за пояснениями незачем было обращаться к путеводителям: августейших путешественников сопровождали по Нилу два египтолога – Эмиль Бругш и В. С. Голенищев [Ухтомский, 1893, с. 142], блестящий знаток истории и культуры страны фараонов. Их знакомство и встречи в Египте стали залогом дружбы Голенищева с братьями Бругш, помогшими восстановить текст известного «Путешествия Ун-Амона в Библ». Куски этого папируса, после находки честно разорванного на равные части египтянами ради продажи, Эмиль Бругш и Голенищев, судя по всему, купили в Каире независимо друг от друга. Одна часть оказалась у Г. Бругша, которому работавший в Египте брат Эмиль часто отправлял различные материалы. И когда Голенищев начал работу по переводу и опубликовал часть текста, указав на лакуны, Г. Бругш немедленно узнал текст по почерку и послал его русскому ученому [Коростовцев, 1960, с. 1]. Так было спасено это замечательное произведение древнеегипетской литературы, подлинник которого ныне хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Итак, согласно отчету Ухтомского, в шестом часу яхта «Фейзрабани» с сопутствующей ей «Хэхиэю» уже дымят по направлению на юг к Эдфу. Путешествие вышло исключительно познавательным: его комментировали два выдающихся египтолога того времени. Годом ранее подобное путешествие совершил и сам Голенищев. Тогда из Эдфу он отправился через пустыню к городу Береника, где обнаружил неизвестные ранее надписи. Через Вади Наид и Вади Лахеми Голенищев добрался до дахабии, ожидавшей его в Элефантине. Путешествие по пустыне заняло 19 дней. В Асуане Голенищев приобрел ряд интересных древностей, в том числе и папирусный свиток с демотическим и греческим текстами. Возможно, именно это путешествие положило начало собиранию коллекции фотографий с изображениями храмов и святилищ Нубии, которые являются сейчас частью неопубликованного архивного фонда Голенищева, хранящегося в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Сопровождая свиту цесаревича, Голенищев хорошо знал маршрут и возможности показать памятники.

Из Луксора маршрут Николая и его спутников лежал вверх по Нилу до Ком Омбо, Асуана и острова Филе. Далее путешественники предполагали подняться ко второму порогу и дойти на большой яхте хедива до Вади Хальфа. Однако эта идея осталась неосуществленной, – египтяне-сопровождающие посчитали путешествие небезопасным, и августейшие особы отправились из Филе, по легенде – излюбленного места Исиды, обратно в Асуан. Через два дня экспедиция вернулась в Ассиут; яхта «Фейзрабани» ускоренным ходом шла вниз по реке.

21 пушечный выстрел приветствовал возвращение высоких гостей, у пристани августейших путешественников ожидал экстренный поезд в Каир. 24 ноября (6 декабря) на станции Бедрашейн гостей встречали три дромадера хедива с дорогими седлами и попонами, приготовленные для экскурсии в Мемфис и к прилегающим пирамидам. Путешественники

посетили Саккару, остановились в домике, где жил и работал известный французский египтолог Огюст Мариетт. Только что вернувшийся из Франции директор Гизехского музея Грэбо нарочно выехал сюда для встречи с российским наследником. Гости осмотрели гробницы вельможи Ти, пирамиду царя V династии Унаса.

25 ноября (7 декабря) к ночи августейшие путешественники были с последним визитом у хедива во дворце Абдин. В тот день их Высочества инкогнито посетили базар, вечер провели в опере. На встрече высоких гостей были исполнены три гимна – русский, египетский и греческий. Около полуночи они прибыли на железнодорожный вокзал, откуда проследовали к Суэцу, где пересели на крейсер «Память Азова» (*илл. 11*) и покинули Каир [Ухтомский, 1893, с. 169, 219, 223, 226].

Судьба Голенищева отныне навсегда была связана с Каиром. Он получил пост профессора в Каирском университете (1917–1947) и заложил в нем основы академического изучения египтологии (*илл. 12*). Несколько лет тому назад, в 160-ю годовщину со дня рождения В. С. Голенищева на археологическом факультете Каирского университета был установлен его бюст, выполненный скульптором Усамой эль-Серуи.

Одновременно Голенищев преподавал в Археологической школе в Мунире и заведовал Отделом египтологии Университета Фуада I в Заафаране. По воспоминаниям Жана Сент-Фар Гарно [Sainte-Fare Garnot, 1960], ставшего научным наследником Голенищева, доверившего ему свой архив, и основавшим Центр Голенищева в Париже, резиденцией Голенищева в Каире был пансион Cecil House (29, Emad el-Din street), где останавливались многие египтологи. Сейчас он, к сожалению, уже не существует.

Однако другой дом, так называемый «Groppi» на Мидан Сулейман, где Голенищева почти каждый вечер видели в окружении большого числа людей, стоит и сегодня. И сейчас здесь находится самая известная в Каире кондитерская «Groppi», а на втором этаже работает ресторан, получивший название «Английский клуб» (*илл. 13*). Автора статьи часто приглашал туда ректор Египетско-Российского Университета доктор Шериф Хелми. Многие проекты нашего взаимного сотрудничества обсуждались и решались именно здесь. Казалось, сама душа Голенищева благословила это помещение на годы вперед.

Илл. 12. В. С. Голенищев перед зданием Каирского университета. 1920-е гг. (архив ГМИИ им. А. С. Пушкина)

Илл. 13. Кондитерская “Groppi” и «Английский клуб» в Каире

Каирский период жизни В. С. Голенищева еще ждет своего исследователя, как, впрочем, ждет своего биографа и вся удивительная жизнь этого замечательного человека. Несколько лет тому назад в беседе с французским египтологом Натали Линар я узнала, что вдова Сент-Фар Гарно много лет хранила дома переписку мужа с В. С. Голенищевым. Лишь сравнительно недавно, будучи уже в весьма преклонном возрасте, она отдала все, что у нее оставалось, в архив College de France, где в настоящее время и находятся письма.

Два года назад, благодаря любезности Лорана Кулона, директора Центра Голенищева в Париже, я имела возможность познакомиться с хранящимся там архивом – письмами и большим количеством карточек (с их помощью работали до появления компьютера), заполненных многочисленными примерами из египетских текстов разных эпох и выводами (на французском языке), относящимися к программной работе Голенищева о египетском синтаксисе, которую он не успел завершить. Издать это наследие можно было бы, только проведя огромную работу по систематизации материала.

«Каирские адреса» В. С. Голенищева, как и многие другие подробности его биографии, надеюсь, когда-нибудь будут восстановлены в полной мере, ибо его жизнь достойна отдельной солидной книги. Но, увы, один из главных его вкладов в науку – работы по египетскому синтаксису, по свидетельству современных ему египтологов, не имевшие равных, так и не увидели свет. Они и по сей день лежат в архиве Центра Голенищева в Париже. Как хотелось бы, чтобы эта величайшая и достойнейшая страница истории русской египтологии была когда-нибудь написана.

Литература / References

Голенищев В. С. Археологические результаты путешествия по Египту зимой 1888–1889 г. // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества.* Т. V.1. СПб., 1890 [Golenischev V. S. Arheologicheskie rezul'taty puteshestviya po Egiptu zimoi 1888–1889 g. // *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiiskogo arheologicheskogo obschestva.* Vol. V.1. Saint-Petersburg, 1890].

Дневники императора Николая II. Берлин, 1923 [*Dnevniki imperatora Nikolaya II.* Berlin, 1923].

Коростовцев М. А. *Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.* М., 1960 [Korostovtsev M. A. *Puteshestvie Un-Amuna v Bibl. Egipetskiy ieraticheskiy papyrus N 120 iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nyh iskusstv im. A. S. Pushkina v Moskve.* Moscow, 1960].

Ухтомский Э. Э. *Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891.* Т. I. СПб., 1893 [Uhtomskiy 'E. 'E. *Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva, Gosudarya Naslednika Tsesarevicha. 1890–1891.* T. I. Saint-Petersburg, 1893].

Sainte-Fare Garnot J. Un Témoignage sur Wladimir Golénischeff // *Древний Египет.* Сборник статей. М., 1960 [*Drevniy Egipet.* Sbornik statey. Moscow, 1960].

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ИВАНОВ, ОЛЕГ ЕФИМОВИЧ НЕПОМНИН И ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ ШАСТИТКО: ВКЛАД ТРЕХ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН В ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА

Н. М. Горбунова, Р. Г. Ланда, Н. К. Чарыева*

Статья посвящена научной деятельности трех ведущих ученых Института востоковедения РАН – выдающегося арабиста и создателя Отдела истории Востока Н. И. Иванова, известного специалиста по теоретическим проблемам истории Китая и восточных обществ О. Е. Непомнина и эксперта по колониальной Индии и истории востоковедения П. М. Шаститко.

Ключевые слова: Институт востоковедения РАН, Отдел истории Востока ИВ РАН, Н. А. Иванов, О. Е. Непомнин, П. М. Шаститко, арабистика, китаеведение, синология, индология история науки.

NIKOLAY A. IVANOV, OLEG E. NEPOMNIN, AND PETR M. SHASTITKO: THREE IOS RAS SCHOLARS' INPUT IN ORIENTAL STUDIES

Natalia M. Gorbunova, Robert G. Landa, Natalia K. Charyeva

The article analyzes scholarly activities of the three leading researchers of the Institute of Oriental Studies RAS: Nikolay A. Ivanov, outstanding Arabist, founder of the Oriental History Department of IOS RAS, Oleg E. Nepomnin, famous specialist in theoretical problems of Chinese history and Oriental societies, and Pyotr M. Shastitko, an expert on Colonial India and history of Oriental studies.

Keywords: Institute of Oriental Studies RAS, Oriental History Department, Nikolay A. Ivanov, Oleg E. Nepomnin, Pyotr M. Shastitko, Arabic studies, Sinology, Indology, scholarly history.

История Института востоковедения РАН неразрывно связана с работой некоторых выдающихся ученых, посвятивших институту свою жизнь и научную карьеру. В первой части этой статьи сделана попытка оценить научный и организаторский вклад двух коллег – Н. А. Иванова и О. Е. Непомнина, связанных узами дружбы и принадлежностью к одному и тому же подразделению Института – Отделу истории Востока ИВ РАН. Во второй части рассказано о П. М. Шаститко – руководителе Отдела историко-культурных связей СССР со странами Востока, отчасти организационно предшествовавшего Отделу истории Востока.

Николай Алексеевич Иванов

Известный российский востоковед-арабист Николай Алексеевич Иванов, профессор, доктор исторических наук, свою яркую творческую жизнь посвятил Институту востоковедения АН СССР, в начале 1990-х гг. переименованному в ИВ РАН. Н. А. Иванов

* Наталья Максовна ГОРБУНОВА, кандидат исторический наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nigorbunov@mail.ru

Natalia M. GORBUNOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nigorbunov@mail.ru

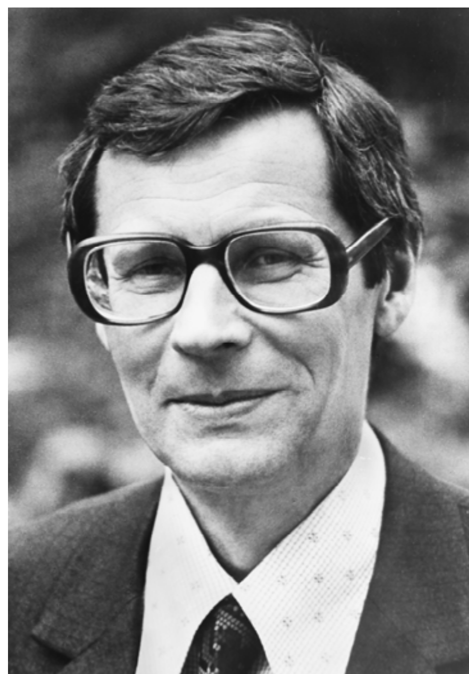
Роберт Григорьевич ЛАНДА, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

Robert G. LANDA, DSc (History), Principal Research Fellow, Professor, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow.

Наталья Какабалыевна ЧАРЫЕВА, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ailatan_51@mail.ru

Natalia K. CHARYEVA, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ailatan_51@mail.ru

был инициатором создания Отдела истории Востока в Институте в 1989 г. и руководил им вплоть до своей кончины в марте 1994 г. Он одним из первых почувствовал необходимость организации творческого коллектива лучших историков-востоковедов в рамках отдельного подразделения Института. Здесь ученые могли свободно общаться и дискутировать на самые разные волнующие их темы, излагать свое видение развития исторического процесса в странах Востока, разрабатывать теоретическую и практическую базу востоковедческой науки. В Отделе истории Востока его стараниями собрались ученые-специалисты по многим восточным странам. Они смогли продемонстрировать высокий профессионализм и создать репутацию отделу как ведущему центру востоковедения в нашем Институте.


Николай Алексеевич Иванов

Н. А. Иванов родился 24 октября 1928 г. в семье служащего, а до революции – офицера русской армии, в старинном русском городе Вятке (Киров). Когда-то сюда, в XIX в., дед Николая Алексеевича, петербургский студент, был выслан за неблагонадежность. Его отец был дважды арестован в советское время. Это обстоятельство предопределило на всю жизнь интерес будущего ученого к трагической судьбе России, к крутым поворотам ее истории. Во время войны он еще учился в школе, но помогал своей маме-врачу ухаживать за ранеными в госпиталях. Окончив школу, в 1946 г. поступил на Исторический факультет МГУ, затем начал свою научную деятельность в Отделе арабских стран Института востоковедения вместе со своим однокашником и многолетним другом, будущим крупным историком-арабистом Львом Николаевичем Котловым. Заочно окончил аспирантуру Института, защитил сначала кандидатскую, а позднее докторскую диссертации. В эти годы, очевидно, окончательно сформировались его взгляды на историческую науку и его уникальные данные как ученого. Его вклад в отечественное востоковедение, прежде всего в арабистику и османистику, трудно переоценить.

Будучи любимым аспирантом крупнейшего ученого-арабиста Владимира Борисовича Луцкого, он после его кончины завершил дело жизни своего учителя, отредактировав и издав «Новую историю арабских стран». По ней учились поколения студентов и аспирантов МГУ, МГИМО и других вузов. Упорный в работе, требовательный к себе, не терпящий халтуры, Николай Алексеевич становился жестким и непримиримым, когда сталкивался с попытками выдать за науку то, что к ней отношения не имело. Его принципиальность в этих вопросах ярко иллюстрирует следующий случай. Едва окончив истфак МГУ и поступив в качестве научно-технического сотрудника в наш институт, он вскоре резко выступил против выдвижения на Сталинскую премию профессионально слабой и бездарной работы по Египту влиятельной научной дамы Л. Н. Ватолиной, за что едва не лишился работы и был вынужден «переключить» свои научные интересы с Египта на Тунис. Благодаря Н. А. Иванову у нас возникло «тунисоведение» как специальная отрасль арабистики. Его книги «В борьбе за независимость» [Иванов, 1957], «Современный Тунис» [Иванов, 1959], «Государственный строй Туниса» [Иванов, 1962] заложили основу изучения Туниса в нашей стране. Несомненной вершиной исследований Туниса явилась его монография «Кризис французского протектората в Тунисе» [Иванов, 1971], защищенная в качестве докторской диссертации. Эта великолепная книга, написанная рукой зрелого мастера, гармонично сочетала в себе достоинства историко-социологического и политологического исследования с достижениями литературно-художественного свойства. Этот труд стал уникальным в

мировой историографии Туниса, превзойдя все, что было написано лучшими знатоками во Франции и США по этой теме.

Николай Алексеевич был отличным знатоком не только новой и новейшей истории стран Магриба, но и арабского средневековья. Его статья об Ибн Халдуне [Иванов, 1959] свидетельствует о его обширных познаниях истории и общественной мысли мусульманского Запада позднего средневековья. В статье «Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в.» [Иванов, 1963] впервые в нашей литературе был поставлен вопрос о различных социальных функциях племен средневекового Магриба.

В конце 1970-х гг. Н. А. Иванов начинает разрабатывать концепцию арабо-османского феодализма, опираясь на собственные изыскания, а также на труды отечественных и зарубежных арабистов и туркологов. Его занятия типологией арабо-османского феодализма и социальными аспектами традиционного ислама привели к фундаментальному исследованию их происхождения. В результате он пришел к выводу, что разработанный в XVI–XVII вв. кодекс законодательства («османский шариат») закрепил довольно жесткую систему общественных и экономических отношений, которые можно охарактеризовать как «восточный феодализм». При этом удивительную ригидность и устойчивость этих отношений он счел причиной отсутствия «механизма саморазвития» и отстаивал идею о несовместимости ислама и капитализма, ссылаясь при этом на труды дореволюционных исламоведов. Он считал, что «традиционный ислам допускал только мелкую частную собственность» [Иванов, 1982]. Исследуя проблему модернизации арабских стран, изменения их классовой структуры, он писал, что «чем выше уровень модернизации, тем быстрее идет процесс разложения традиционного сектора, увязшего в духовном иммобилизме», при этом повышается материальный и культурный уровень арабского общества. Н. А. Иванов рассматривал проблему противостояния города как центра модернизации и деревни – резервата традиционного сектора на Арабском Востоке. Однако ученый предупреждал, что традиционализм нельзя воспринимать упрощенно, поскольку он носит современные одежды и освоил новые формы выражения [Иванов, 1988].

«Арабо-османский период» в творчестве Н. А. Иванова завершился созданием великолепной работы, которая во многом может поспорить с известными фундаментальными трудами западных ученых. Эта книга «Османское завоевание арабских стран. 1516–1574» [Иванов, 1984] через четыре года вышла в Бейруте на арабском языке, а в 2013 г. – в Анкаре на турецком. В электронном виде есть ее перевод и на французский язык. В этой монографии дана исторически точная и многогранная картина востока и юга Средиземноморья эпохи испано-османской борьбы за гегемонию в Средиземноморье, предпосылки и причины победы в этой борьбе османской Турции.

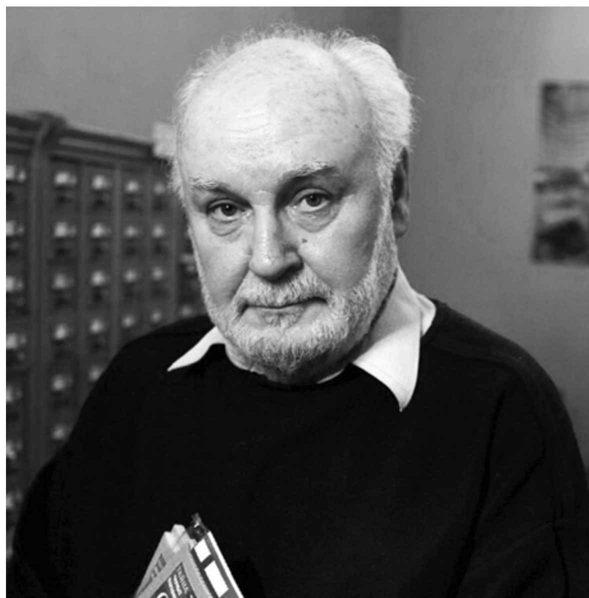
В последующие годы Николай Алексеевич много внимания уделял таким проблемам, как генезис капитализма в арабском мире, анализ феномена восточного деспотизма, необходимость пересмотра методологии исторических исследований востоковедов. Он обращался к проблемам всеобщей и отечественной истории, искал ответы на многие спорные и до сих пор не решенные вопросы. Он стремился к обновлению концепций нашей науки и освобождению ее от всего устаревшего.

Блестящий знаток зарубежной научной литературы, Н. А. Иванов был редактором и автором предисловий к русским переводам трудов ряда известных французских ученых. Он всегда достойно представлял нашу науку за рубежом, участвуя во многих международных форумах ученых во Франции, Германии, Италии, Испании, Индии и др.

Как руководитель Отдела истории Востока Николай Алексеевич Иванов высоко ценил каждого сотрудника, полностью доверял своим коллегам и всемерно содействовал раскрытию их научного потенциала, радовался их успехам. Хотя он сам считал себя пессимистом по натуре, однако обожал юмор, шутки, анекдоты и любил от души посмеяться. Ученый мирового уровня, широчайшего круга интересов, редкой эрудиции и самобытности мышления, человек глубокого, острого и оригинального ума, но при этом удивительной

скромности, органичной порядочности, утонченной интеллигентности и научной самоотверженности – таким был наш замечательный коллега и друг.

Олег Ефимович Непомнин


Олег Ефимович Непомнин

Олег Ефимович Непомнин, выдающийся русский ученый-синолог, автор многих фундаментальных трудов по истории Китая, родился 3 мая 1935 г. в Москве в семье издательского работника, заведующего отделом «Гознака», выпускавшего марки, знаки почтовой оплаты и пр. Его мать Вера Павловна Тункова происходила из театральной семьи: ее отец служил управляющим в частном театре Незлобина (при советской власти – Детский театр в центре Москвы). Интересно, что богатый купец и меценат Незлобин назначил Павла Ивановича Тункова на должность управляющего из-за его исключительной честности. Сам Павел Иванович был актером и другом детства Федора Ивановича Шаляпина. Их дружба и тесное общение продолжались долгие годы.

После окончания средней школы в 1953 г. юный Олег с легкостью поступил на Восточное отделение Исторического факультета МГУ, где с увлечением изучал вместе со своим другом Алексеем Бокщаниным[1] китайский язык и историю Китая – этой древней и загадочной страны. За обширные познания и бороду друзья-студенты в шутку называли Олега Карлом Марксом. Получив диплом с отличием, О. Е. Непомнин в 1958 г. по распределению поступил на работу в Институт китаеведения, который впоследствии был влит в Институт востоковедения Академии Наук, в Отдел Китая. По окончании заочной аспирантуры в 1965 г. Олег Ефимович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Экономическая история Китая. 1864–1894 гг.», а в 1968 г. докторскую диссертацию «Социально-экономическая история Китая. 1894–1914 гг.». Наиболее полно талант ученого развернулся после его перехода в Отдел истории Востока в 1989 г.

О. Е. Непомнин является автором целого ряда значимых крупных монографий, среди них – «Положение китайской деревни в эпоху Цин» [Непомнин, 1968], «Экономическая история Китая. 1864–1894» [Непомнин, 1974], «Социально-экономическая история Китая. 1894–1914» [Непомнин, 1980], «Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох» [Непомнин, Меньшиков, 1999], «Лики Срединного царства» [Непомнин, Бокщанин, 2002], «История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX в.» [Непомнин, Иванов, 2005], «Типология азиатских обществ» [Непомнин, 2010], «История Китая. Древность. Средневековье. Новое время» [Непомнин, Бокщанин, Степугина, 2010], «История Китая. XX век» [Непомнин, 2011]. Много труда вложил Олег Ефимович в разработку концепции, руководство авторским коллективом, написание большинства глав и ответственное редактирование VI томом «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века. Династия Цин (1644–1911 гг.)» 10-томного издания под общей редакцией академика С. Л. Тихвинского, который вышел из печати в 2014 г. [История Китая, 2014] Подготовлена и ждет своего издания фундаментальная монография «Китайская культура» [Непомнин, Позднеева, Степугина, в печати].

Вклад Олега Ефимовича Непомнина в синологию и, в целом, в отечественную историческую науку трудно переоценить. Он теоретически обосновал и на фактическом

[1] Алексей Анатольевич Бокщанин – выдающийся историк-синолог, заведующий Отделом Китая Института востоковедения (1935–2014).

материале проиллюстрировал свою концепцию циклического развития Китая в Новое время, последовательную смену династийных циклов, начиная с эпохи Хань. Новейшую историю Китая Олег Ефимович рассматривает как закономерное и предсказуемое развитие предыдущих циклов в условиях современности и социально-экономической модернизации этой великой страны. Особый интерес ученого к главным отличительным чертам восточных обществ – повышенной роли государства, его стремление подчинить себе и контролировать все стороны жизни общества, жесткая централизация, преобладание вертикальных, а не горизонтальных социальных связей, господство аппарата, засилье бюрократизма, нивелировка личности, приоритет распределения над свободной торговлей и пр. – позволил ему сформировать собственную точку зрения на причины необычайной живучести азиатского способа производства, его огромные регенерационные возможности. При этом такой способ производства и традиционный восточный тип государственного устройства, по его мнению, практически полностью несовместимы с динамичным экономическим и социальным развитием. Именно в этом, как считает ученый, заключена глубинная причина нынешней технико-экономической отсталости многих стран Востока. Неизбежное бюрократическое загнивание периодически приводит эти общества к катаклизмам. «Хирургическое» оздоровление аппарата, т. е. замена большей его части, возвращает все на круги своя, знаменуя начало нового циклического витка. Опыт Южной Кореи и Тайваня свидетельствует о том, что вырваться из застойности такого «государственного способа производства» можно лишь используя в качестве решающего рычага само же государство. Таковы главные научные выводы историка-востоковеда О. Е. Непомнина.

Сам Олег Ефимович всегда готов выслушать отличное от его собственного или критическое мнение, но по принципиальным вопросам на компромисс не соглашается. Поэтому его труды по истории Китая производят цельное и законченное впечатление и по праву занимают видное место в ряду многих книг наших ведущих синологов.

Коллеги из Отдела истории Востока в шутку называют Олега Ефимовича «директором кондитерской фабрики», так как каждый его приезд на работу сопровождается особым ритуалом: из необъятной сумки-портфеля извлекаются коробки шоколадных конфет, печенья и карамели. Восхищает его человеческая и научная деликатность, полное отсутствие раздутого самомнения. Но хорошо знающие его товарищи по работе и друзья высоко ценят его как ученого и человека и гордятся тесным общением с ним.

Петр Михайлович Шаститко

Воспоминания о П. М. Шаститко не могут быть объективными, ибо ученик не может беспристрастно говорить о своем учителе – человеке, оказавшим столь большое влияние на его жизнь и работу в Институте востоковедения. Для молодых аспирантов далеких 1970-х гг. Петр Михайлович был живой легендой, ведь его творческая биография как востоковеда-индолога началась в годы бурных политических перемен середины 1950-х гг. Казалось бы, тематика его исторических исследований Индии могла быть гарантией спокойной и безмятежной жизни, далекой от политических потрясений. Но надо было знать Петра Михайловича – фронтовика, удивительным образом сохранившего веру в лучшие идеалы, просто неспособного оставаться в стороне от политических процессов тех «холодных лет», столь жестко и круто обошедшихся с ним и его соратниками – такими же смелыми и принципиальными молодыми людьми, не приемлющими соображений о приоритете личной научной карьеры [Шаститко, 2009].

Переломный для истории страны XX съезд КПСС неожиданным образом ударил по Институту. В феврале 1956 г. член президиума ЦК КПСС А. И. Микоян с трибуны XX съезда якобы обмолвился: «Весь Восток проснулся, а Институт востоковедения все еще спит». Хлесткая фраза, вошедшая в востоковедный фольклор, привела к неизбежным «оргвыводам».

Обратившись к стенограмме съезда, приведем слова Микояна полностью: «…есть в системе Академии наук институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день. Говорят, что там изучение истории еле дошло до рождения Христова (оживление в зале, смех). Не пора ли ему подняться до требований нашего времени?». Видимо, это «говорят» исходило от недоброжелателей Института: с самого начала 1950-х гг. ИВ АН усиленно «будили» постановлениями, реорганизациями и переориентированием [Свет и тени, 1989].

Петр Михайлович Шаститко

А вот как разворачивались события в самом Институте, ведь XX съезд разбудил и инициативы снизу. Самое известное в истории Института партсобрание, посвященное итогам революционного съезда, прошло в конце марта 1956 г. В прениях на мартовском заседании выступил ветеран КПСС Г. И. Мордвинов, констатировавший очевидное: речь Хрущева о культе личности Сталина не отражает того, что ответственность за расстрелы и репрессии должны нести все члены сталинского Политбюро, в том числе сам Хрущев. Предложение провести свободную дискуссию о культе личности и даже созвать внеочередной съезд поддержал аспирант Петр Михайлович Шаститко, в свои 33 года – ветеран и инвалид Великой Отечественной войны, призвавший вернуться к ленинскому лозунгу «вся власть Советам» и выбирать делегатов по альтернативному принципу. Шаститко смело заявил, что партия подменила собой всю законодательную и исполнительную власть в стране [Шаститко, 1985].

Секретарю партбюро М. Н. Ивановой подобный радикализм показался избыточным; она предложила заклеймить «иконокластов», но остальные коммунисты поддержали бунтарей, хотя уже через несколько дней – 3 апреля ЦК принял закрытое постановление о ходе обсуждения итогов XX съезда в партийных организациях, а еще через два дня редакционная статья «Правды» резко заклеймила антипартийные элементы. Еще через неделю вопрос о персональном деле Мордвинова и Шаститко вынесли на партбюро института, но коллектив не позволил исключить «отступников» из партии. События разворачивались стремительно (доброхоты, информировавшие Микояна, не дремали): 16 апреля два заведующих отделами — соответственно, партийных (В. Чураев) и административных органов КПСС (Г. Дроздов), послали в Московский горком записку «Об антипартийных заявлениях Мордвинова и Шаститко на партийном собрании Института востоковедения Академии наук», где настойчиво порекомендовали провести новое партсобрание с целью «развенчать антипартийные вылазки Мордвинова и Шаститко, решить вопрос об их партийности и укрепить партбюро» [Свет и тени, 1989].

Вторил обвинителям и журнал «Партийная жизнь» в материале «В чем вред культа личности»: «В партийной организации Института востоковедения явно антипартийные выступления имели место со стороны сотрудника Мордвинова и аспиранта Шаститко. Партийная организация в целом не высказала своего отношения к этим антипартийным выпадам… Нельзя проходить мимо таких выступлений. Было бы политической слепотой не видеть того, что отдельные гнилые элементы под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии и, по сути дела, перепевают избитые клеветнические измышления зарубежной реакционной пропаганды»[2].

[2] Цит. по: [Институт востоковедения РАН, в печати].

Современник тех событий Л. Б. Алаев вспоминает: «Заявление А. И. Микояна… было несправедливым, поскольку работа Института всегда направлялась властями, и его несоответствие задачам того момента объяснялось изменениями в концепции внешней политики Советского Союза. Если в Коминтерновские времена ставка в отношении колоний и полуколоний (так предпочитали называть страны Востока, сохранившие к тому времени независимость) делалась на классовую борьбу в этих странах и скорую революцию («пролетарскую» или «буржуазную»), а, следовательно, на возникшие к тому времени группы революционеров, объявивших себя «Коммунистическими партиями», то сразу после смерти Сталина прицел стал меняться. Под союзниками «первого в мире социалистического государства» стали пониматься не столько революционеры разных стран, сколько эти страны в целом, в том числе, в первую очередь, их правящие круги, которые, по принятой тогда фразеологии, были «буржуазией». К 1956 г. стало ясно, что националистические вожди, пришедшие к власти в результате деколонизации, имеют гораздо больший «антиимпериалистический» потенциал, чем левые силы, и нужно ориентироваться на союз с ними. На самом деле не Институт востоковедения «заснул», а политика Советского правительства на Востоке (вообще в отношении неевропейского мира) изменилась. А успевать за зигзагами советской политики было всегда сложно. В стране стал ощущаться дефицит не «аграрников» и специалистов по рабочему движению, разоблачителей «предательства» правящих классов, а специалистов, глубоко знающих зарубежные страны. Советский вариант строительства внешней политики объективно выдвигал востоковедение на одно из первых мест среди идеологических дисциплин» [Алаев, 2018].

Для ученого-историка высшая награда, если он может с удовлетворением читать свои сочинения спустя годы и десятилетия. Применительно к идеологически ангажированной сфере научного поиска – историографии, политической истории зарубежного Востока – это тем более непросто. Подлинному революционеру духа, Петру Шаститко жизнь в тиши библиотек и архивов была недостаточна. Многих ли коллег мы можем вспомнить, кто был столь дерзок и бескомпромиссен в отношении вышестоящих бонз, от которых зависела судьба не только отдельных ученых, но и целых институтов? И в этом отношении Петр Михайлович был на высоте. Как бы ни относиться к его точке зрения на тот или иной вопрос, опасение перед реальными гонениями не могли заставить его молчать или лукавить. Не потому ли он пользовался любовью и уважением всех, кто до сих пор помнит этого замечательного человека и ученого?

«Ветер перемен» на рубеже 1980–1990-х гг. Шаститко встретил уже маститым востоковедом, признанным руководителем Отдела историко-культурных связей СССР со странами Востока. Это было трудное время переоценок прожитого, но и новых возможностей для тех, кто писал, что думал и говорил [Шаститко, Чарыева, 2002]. Время подлинных ученых, не бросивших в самые трудные годы отечественного востоковедения, свой нелегкий труд, но раскрывших все грани своего таланта – время таких, как Шаститко. Таким он и сохранится в моей памяти – обаятельным, добрым, жизнеутверждающим и щедрым.

Отдельного исследования заслуживает организаторская и просветительная востоковедная деятельность Н. А. Иванова, О. Е. Непомнина и П. М. Шаститко, однако их вклад в востоковедную науку трудно переоценить.

Литература / References

Алаев Л. Б. Институт востоковедения в 1950-е – 1970-е гг. Гафуровский призыв и воздух молодости // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 5 (в печати) [Alaev L. B. Institut vostokovedeniya v 1950-e – 1970-e gg. Gafurovskiy prizyv i vozduh molodosti // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. 5 (in print)].

Иванов Н. А. «Китаб аль-Ибар» Ибн-Халдуна как источник по истории стран Северной Африки в XIV веке // *Арабский сборник*. М., 1959. С. 3–45 [Ivanov N. A. "Kitab al'-Ibar" Ibn-Halduna kak istochnik po istorii stran Severnoi Afriki v XIV veke // *Arabskiy sbornik*. Moscow, 1959].

Иванов Н. А. *В борьбе за независимость.* М., 1957 [Ivanov N. A. *V bor'be za nezavisimost'.* Moscow, 1957].

Иванов Н. А. *Государственный строй Туниса.* М., 1962 [Ivanov N. A. *Gosudarstvennyi stroy Tunisa.* Moscow, 1962].

Иванов Н. А. *Кризис французского протектората в Тунисе.* М., 1971 [Ivanov N. A. *Krizis frantsuzskogo protektorata v Tunise.* Moscow, 1971].

Иванов Н. А. О некоторых социально-экономических аспектах традиционного ислама (на примере арабо-османского общества) // *Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока.* М., 1982 [Ivanov N. A. O nekotoryh social'no-'ekonomicheskih aspektah traditsionnogo islama (na primere arabo-osmanskogo obschestva) // *Islam v stranah Blizhnego i Srednego Vostoka.* Moscow, 1982].

Иванов Н. А. *Развитие капитализма в арабском мире.* М., 1988 [Ivanov N. A. *Razvitie kapitalizma v arabskom mire.* Moscow, 1988].

Иванов Н. А. *Османское завоевание арабских стран. 1516–1574.* М., 1984 [Ivanov N. A. *Osmanskoe zavoevanie arabskih stran. 1516–1574.* Moscow, 1984].

Иванов Н. А. Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в. // *Арабские страны. История.* М., 1963 [Ivanov N. A. Svobodnye i podatnye plemena Severnoy Afriki v XIV v. // *Arabskie strany. Istoriya.* Moscow, 1963].

Иванов Н. А. *Современный Тунис.* М., 1959 [Ivanov N. A. *Sovremennyi Tunis.* Moscow, 1959].

Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее. К 200-летию основания (в печати) [*Institut vostokovedeniya RAN – proshloe i nastoyaschee. K 200-letiyu osnovaniya* (in print)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века (В 10 т. / под общ. ред. С. Л. Тихвинского) Т. VI. *Династия Цин* (1644–1911 гг.) (отв. ред. О. Е. Непомнин). М., 2014 [*Istoriya Kitaya s drevneishih vremyon do nachala XXI veka* (in 10 V. / pod obsch. red. S. L. Tihvinskogo). T. VI. *Dinastiya Tsin (1644–1911 gg.)* (otv. red. O. E. Nepomnin). Moscow, 2014].

Непомнин О. Е. *История Китая. XX век.* М., 2011 [Nepomnin O. E. *Istoriya Kitaya. XX vek.* Moscow, 2011].

Непомнин О. Е. *История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX в.* М., 2005 [Nepomnin O. E. *Istoriya Kitaya. 'Epoha Tsin. XVII – nachalo XX v.* Moscow, 2005].

Непомнин О. Е. Положение китайской деревни в эпоху Цин. М., 1968 [Nepomnin O. E. *Polozhenie kitaiskoy derevni v 'epohu Tsin.* Moscow, 1968].

Непомнин О. Е. Социально-экономическая история Китая. 1894–1914. М., 1980 [Nepomnin O. E. *Sotsial'no-'ekonomicheskaya istoriya Kitaya. 1894–1914.* Moscow, 1980].

Непомнин О. Е. Экономическая история Китая. 1864–1894. М., 1974 [Nepomnin O. E. *'Ekonomicheskaya istoriya Kitaya. 1864–1894.* Moscow, 1974].

Непомнин О. Е., Бокщанин А. А. *Лики Срединного царства.* М., 2002 [Nepomnin O. E., Bokschanin A. A. *Liki Sredinnogo tsarstva.* Moscow, 2002].

Непомнин О. Е., Бокщанин А. А., Степугина Т. В. *История Китая. Древность. Средневековье. Новое время.* М., 2010 [Nepomnin O. E., Bokschanin A. A., Stepugina T. V. *Istoriya Kitaya. Drevnost'. Srednevekovie. Novoe vremya.* Moscow, 2010].

Непомнин О. Е., Иванов Н. А. *Типология азиатских обществ. Учебное пособие.* М., 2010 [Nepomnin O. E., Ivanov N. A. *Tipologiya aziatskih obschestv. Uchebnoye posobiye.* Moscow, 2010].

Непомнин О. Е., Меньшиков В. Б. *Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох.* М., 1999 [Nepomnin O. E., Men'shikov V. B. *Sintez v perehodnom obschestve: Kitay na grani 'epoh.* Moscow, 1999].

Непомнин О. Е., Позднеева Л. Д., Степугина Т. В. Китайская культура. М., (в печати) [Nepomnin O. E., Pozdneeva L. D., Stepugina T. V. *Kitaiskaya kul'tura.* Moscow (in print)].

Свет и тени «Великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время. Л., 1989 [*Svet i teni "Velikogo desyatiletiya" N. S. Hruschyov i ego vremya.* Leningrad, 1989].

Шаститко П. М. *Век ушел.* М., 2009 [Shastitko P. M. *Vek ushyol.* Moscow, 2009].

Шаститко П. М. *События и судьбы* (*Из истории становления советского востоковедения*). М., 1985 [Shastitko P. M. *Sobytiya i sud'by (Iz istorii stanovleniya sovetskogo vostokovedeniya).* Moscow, 1985]

Шаститко П. М., Чарыева Н. К. Как закрывали Московский институт востоковедения // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 2002. № 6. С. 89–90 [Shastitko P. M., Charyeva N. K. Kak zakryvali Moskovskiy institut vostokovedeniya // *Vostok. Afro-aziatskie obschestva: istoriya i sovremennost'.* 2002. 6. Pp. 89–93].

ИВ РАН ГЛАЗАМИ КИТАЕВЕДОВ: ОТ АРМЯНСКОГО ПЕРЕУЛКА И КИТАЙСКОГО ПРОЕЗДА ДО ХОХЛОВСКОГО ПЕРЕУЛКА И РОЖДЕСТВЕНКИ. ЧАСТЬ II

В. Ц. Головачёв*

Вторая часть статьи об истории российско-советского китаеведения основана на материалах профессиональных интервью с известными китаеведами старшего поколения, отдавшими, начиная с 1950-х гг., десятки лет работе в московских и ленинградских стенах Института востоковедения. Все многочасовые интервью записаны в 2008–2017 гг. в рамках международного проекта «Российское китаеведение – устная история». Взятые в совокупности, дополненные и верифицированные с помощью ссылок и комментариев, тексты интервью образуют уникальную «китайскую» главу, достойную особого места в неофициальной истории института.

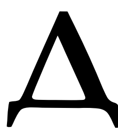
Ключевые слова: китаеведение, устная история, интервью, история науки, ИВ РАН, азиатский способ производства, Ю. М. Лотман.

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES THROUGH THE EYES OF SINOLOGISTS: FROM ARMYANSKY LANE TO KITAISKY DRIVE, FROM KHOKHLOVSKY LANE TO ROZHDESTVENKA STREET. PART II

Valentin Ts. Golovachev

The second part of the article on the history of Russian-Soviet sinological studies is based on a series of professional interviews with venerable Russian Sinologists who, starting in the early 1950s, spent many decades working in the Moscow and Leningrad branches of the Institute of Oriental Studies. All the extensive interviews are recorded in 2008–2017 as a part of the project "Russian Sinology – An Oral History". Taken together and supplemented with verifying links and comments, these interviews form quite a unique Sinological chapter, one worthy of a special place in the Institute's unofficial history.

Keywords: Sinology, oral history, interview, scholarly history, IOS RAS, Asiatic mode of production, Yuri M. Lotman.



ИСКУССИИ ОБ «АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА», О БОРЬБЕ С МАОИЗМОМ И О ПЕРСПЕКТИВАХ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ

Импульс к проведению широких научных дискуссий, заданный, но не реализованный журналом «Советское китаеведение», был подхвачен в 1960-х гг. и обрел форму жарких споров об «азиатском способе производства» (АСП)[1].

Не вдаваясь в детали, отметим, что вопрос о существовании АСП так и остался открытым, но сама дискуссия была крайне полезна и прогрессивна[2]. По словам

* Валентин Цуньлиевич ГОЛОВАЧЁВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; valliu@complat.ru

Valentin Ts. GOLOVACHEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; valliu@complat.ru

[1] АСП несколько раз упомянут К. Марксом в 1850-х гг. как особый тип социального устройства, иногда (в т. ч. в Индии и Китае) предшествующий феодализму. Для АСП характерны малое число и значение рабов, особая роль общин и огромная роль государства в жизни и организации общества. Хотя позднее Маркс перестал упоминать АСП, наличие термина позволило ряду марксистов применить теорию АСП для объяснения особенностей восточных обществ, не вписывающихся в догмы о пяти формациях. В СССР прошло три дискуссии об АСП. Самая важная, вторая, велась в 1957–1971 гг., в эпоху «оттепели».

[2] Подробнее см.: [Никифоров, 1975; Семенов, 2007, с. 178–182].

Ю. М. Гарушянца, именно он стал одним из зачинщиков полемики вокруг «формационного развития», способствовавшей переосмыслению прошлого стран Востока, ревизии фактов в свете неортодоксальных теоретических подходов и критическому пересмотру «классических» марксистских догм в трактовке «азиатской» и всей мировой истории: «Я открыл эту дискуссию. Работал я в журнале «Народы Азии и Африки». Со мной работал заведующий отделом Л. С. Гамаюнов, был такой индолог. И он говорит: "Давай что-нибудь запустим, чтобы нашуметь!" Я говорю: "Шуметь не надо, только надо подумать, что выбрать". И в это время врывается к нам парень-армянин из института марксизма-ленинизма, автор книги об «азиатском способе производства». Говорит: "У нас прошла маленькая дискуссия". Я говорю: "Вот это объявление мы и дадим в журнале – что в институте марксизма-ленинизма прошла дискуссия. Неважно, что было на самом деле". И мы дали объявление таким кратким анонсом» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 65].

Рассказ Ю. М. Гарушянца о «парне-армянине» и «маленькой дискуссии» подтверждают и дополняют мемуары известного этнографа Ю. И. Семенова: «Пересмотр господствующей точки зрения на общественный строй древневосточных стран назрел. Многие наши обществоведы, прежде всего историки, начали понимать ее несостоятельность и готовы были выступить с критикой. Но это было непросто: в печать их не пускали. Поэтому можно представить их чувства, когда они узнали, что в повестку дня секции "Общественный строй" VII МКАЭН [3] включены два доклада французских марксистов: М. Годелье "Понятие азиатского способа производства" и Ж. Сюре-Каналя "Традиционные общества в Тропической Африке и марксистская концепция азиатского способа производства". В день, на который были намечены эти доклады, на заседание секции пришло множество людей. Но доклады не состоялись: докладчики не приехали. Тем не менее собравшиеся расходиться не захотели: произошел неофициальный, не зафиксированный в протоколе обмен мнениями. Среди тех, кто пришел на заседание и принял активное участие в кулуарном обсуждении проблемы, были Норайр Бадамович [Тер-Акопян], который… работал в Институте марксизма-ленинизма… и Юрий Мисакович Гарушянц – зам. заведующего отделом редакции журнала "Народы Азии и Африки". Последний взял тезисы докладов Годелье и Сюре-Каналя, они были переведены в редакции журнала и опубликованы в ближайшем номере. …После VII МКАЭН и публикации в журнале "Народы Азии и Африки" тезисов докладов Годелье и Сюре-Каналя и в нашей стране, и за рубежом развернулась широкая дискуссия об "азиатском" способе производства» [Семенов, 2007, с. 179–180].

Развитие событий, по Ю. М. Гарушянцу, было не менее захватывающим: «После этого ко мне обратились из журнала "Вопросы истории". Трухановский был главным редактором, он и попросил написать статью. В это время уже идут всякие споры: был ли "азиатский способ производства" или не был. Кто-то говорил, что был "среднеазиатский способ". И, в конце концов, я написал эту статью [об АСП] [Гарушянц, 1966, с. 83–100]. С большим трудом она проходила в редакции журнала. …Статья прошла… Вышла под моим именем, и я стал ходить в "классиках"… Вот так эта дискуссия и появилась на свет. [Потом] партсобрание Института истории вынесло решение, со ссылкой на мою статью, что, наконец-то, журналам дают право публиковать. И эта ссылка на мою статью в какой-то мере сыграла роковую роль. Тут же подключился ЦК КПСС. Меня, правда, не называют, но мне сообщают, что в журнале "Коммунист" А. В. Березкин проводит дискуссию по "азиатскому способу производства". И там разгорелась "буча". Ленинградский Г. В. Ефимов выступил с разгромом. Он же был еще в самые ранние времена противником этой концепции. Тут все насторожились, почувствовали, что пахнет жареным. Тогда против Ефимова выступил директор Института этнографии Ю. В. Бромлей. Спросил: "Прошло больше 50 лет. Неужели вы не поменяли точку зрения?" Потом Бромлея поддержал американист А. В. Ефимов. И все историки поддержали меня, кроме Г. В. Ефимова. Интересно, что потом в нашем институте было обсуждение, тоже в присутствии академиков. И был там [американист] Ефимов, который на

[3] Международный конгресс антропологических и этнографических наук.

дискуссии в журнале "Коммунист" защищал меня. Однофамилец! Я же воспринял его как Геронтия Валентиновича и набросился на него. Так мне потом стыдно было! …Я потом извинялся перед ним, а он говорит: "Что вы?! Я хотя бы когда-нибудь намекнул на вас? Что вы?! Молодежь! Молодежь!"» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 65–66].

По сообщению Л. П. Делюсина, статья Ю. М. Гарушянца стала важной вехой в дискуссии 1960-х гг., но отнюдь не положила конец спорам об АСП: «Дискуссия возобновилась в 1960-е гг., когда и в Китае "все пошло не так". Главными сторонниками в СССР наличия такой общественной формации в этот период были Л. С. Васильев и А. В. Меликсетов. Гарушянц практически подвел итоги всей этой дискуссии, написав большую статью, в которой опроверг эту точку зрения, весьма аргументировано. Но это вовсе не повлияло на точку зрения сторонников идеи АСП» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 148].

Сам Ю. М. Гарушянц подытожил беседу об АСП таким образом: «Понимаешь, наша беда была в чем? Мы же всегда в отсталых ходили! Надо было просто переписать американскую дискуссию 1928 г. Что в Китае никакого феодализма не было. И что в Китае лозунг "каждому пахарю – свое поле" – это утопический лозунг. Он неосуществим. Как ни дели, земли все равно не хватит. Поэтому единственный способ решить аграрный вопрос – это модернизация сельского хозяйства. Вот это новое относительно того, что я и сам писал, – я лез в Маркса, искал общину. А американцы все обсудили раньше нас и с немарксистских позиций» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 66].

Конец второй (1957–1964–1971) публичной дискуссии об АСП был положен директивным решением сверху. Вот как объяснил мотивы этого противоречивого шага Ю. И. Семенов: «Суть дела в том, что в России после 1917 г. утвердился вовсе не социализм, как было принято в то время считать, а своеобразный модернизированный вариант "азиатского" способа производства. Поэтому дискуссия по этому вопросу неизбежно приближала к разгадке тайны нашего общественного строя. И советская номенклатура, если не головным, то спинным мозгом ощущала опасность обсуждения данного вопроса. Это порождало стремление во что бы то ни стало закрыть, по возможности навсегда, этот вопрос, объявить его несуществующим» [Семенов, 2007, с. 181]. Однако в ИВ АН тему не закрыли, но продолжали обсуждать вплоть до конца 1980-х гг., в т. ч. в рамках конференции «Общество и государство в Китае». Активными участниками обсуждений были Л. С. Васильев, А. В. Меликсетов, Л. С. Переломов, В. Н. Никифоров, В. П. Илюшечкин и др. Последний выпустил в 1986 г. известную монографию, предложив в ней альтернативную АСП и ортодоксальной «пятичленке» концепцию «единой докапиталистической сословно-классовой формации» [Илюшечкин, 1986]. Эта работа вызвала широкое обсуждение на страницах журнала «Народы Азии и Африки» – видимо, последнюю крупную теоретическую дискуссию в стенах института в советское время.

Что касается рабочих дискуссий вокруг проблем новейшей истории и советско-китайских отношений, то немногие специалисты по новейшей истории в отделе Китая стремились сохранять неангажированность и объективность. С одной стороны, они полемизировали с приверженцами идей об «исторических корнях» противостояния СССР с маоистским Китаем. С другой стороны, вели под маркой критики маоизма завуалированную критику общих недостатков системы социализма. Нюансы острых внутренних идеологических споров об отношениях с Китаем, которые велись с начала 1960-х до начала 1980-гг., подробно напомнил один из главных их участников Л. П. Делюсин: «В 1964–1965 году Андропов ушел из Отдела [ЦК КПСС] в КГБ. Русаков, Катушев старались придерживаться взвешенной линии, старались находить ходы, чтобы отношения между странами не выходили за определенные рамки. Зам. зав. Отделом Рахманин, приобретший вес в оценках Китая, поскольку долго работал в посольстве в Пекине, был убежден, что ссора с китайцами будет навечно. Так и Мао Цзэ-дун, в сущности, говорил. Он [Рахманин] давал задания и нам, и ленинградскому отделению, чтобы показать историческую глубину

конфликта между Китаем и Россией, доказать, что нынешняя ссора, полемика, заложена исторически. Мы с Бовиным считали иначе. Поскольку Рахманин обвинял меня в хорошем отношении к Мао, я написал Катушеву (и Андропову в том же 1966/1967 г.) бумагу о том, что рано или поздно отношения улучшатся и надо быть готовыми к этому. А прежде чем критиковать, надо хорошо разобраться с причинами события, изучить его истоки. И показал эту записку – изложение моей точки зрения Рахманину, что не улучшило наших отношений… Я не писал жестко, политически ангажированно даже в период пика межпартийной полемики. Ведь тогда под вывеской «маоизма» мы (во всяком случае, мы с Бовиным), вероятно, впервые за годы советской власти пытались критиковать в открытой печати практически все недостатки коммунистической системы: и деспотическую власть, и диктатуру партийной бюрократии, тяжелые жизненные условия и бесправие населения, экспансионизм советского руководства. Все это подавалось как маоистские извращения в Китае истинного и совершенного советского социализма. В нашей книге «Политический кризис в Китае: события и причины» (1968) мы с Бовиным вели полемику не только или не столько с тогдашним китайским руководством, но и с отечественными консерваторами и сталинистами. Хотелось бы сказать больше, но было невозможно (скажем, после событий в Чехословакии нам с Бовиным пришлось снять главу с рассуждениями о социализме)» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 137, 158].

Масштабные реформы, начатые в 1978 г. Дэн Сяо-пином, вызвали столь скорые перемены в КНР, что уже к началу 1980-х гг. исчезли почти все былые внутренние и внешние основания для советско-китайской полемики и антагонизмов. И хотя часть «экспертов» продолжала по инерции идейную борьбу с «маоизмом», к середине 1980-х гг. даже им пришлось признать новые реалии и прекратить изжившие себя бесполезные споры. Отношения Москвы и Пекина стали быстро улучшаться. Само время рассудило участников дискуссий о будущем советско-китайских отношений.

Конференция «Общество и государство в Китае»

Конференцию «Общество и государство в Китае» (НКОГК), рожденную в стенах ИВ АН и уже близкую к своему «золотому» юбилею[4], упоминают с особой теплотой почти все участники проекта «устной истории». Первое слово в череде воспоминаний стоит, конечно, уступить основателю конференции Л. П. Делюсину, поведавшему важные подробности о ее появлении и истории: «Перейдя в отдел Китая ИВАН [в 1967 г.], я начал проводить [с 1970 г.] то, что потом вылилось в ежегодные конференции “Государство и общество в Китае”. Вначале это были проводимые с некоей периодичностью семинары-симпозиумы по какой-то определенной животрепещущей проблеме Китая. И я думал, что это вскоре закончится, долго продолжаться не будет, а посему то, что на следующий [2010] год можно будет отметить 40-летие конференции, не пропустившей и года даже в самые тяжелые времена, когда прекратилось государственное финансирование, – все это вызывает мое прямо-таки удивление.

В отделе Китая первая тема (как бы начало НКОГК) наметилась такая: “О традиции в Китае”. Повторюсь, в отделе были специалисты преимущественно по традиционному Китаю, а я взять в отдел никого не мог – дирекция не давала ставок. Только В. А. Рубина из ИНИОНа (тоже по традиционной философии) и А. В. Меликсетова (по новой и новейшей истории Китая) взял. На первом симпозиуме схлестнулись Рубин с Васильевым – о конфуцианстве вели спор. Это не было запланировано или срежиссировано, так получилось. Это было очень темпераментно, интересно. Теория доминирующей роли китайских традиций разрабатывалась многими сотрудниками отдела Китая и китаисты со всей страны (и не только) широко ее обсуждали на конференции “ОГК”. Считается, что сотрудники более

[4] 26–28 апреля 2018 г. прошла XLVIII конференция «Общество и государство в Китае».

жестко связанного с ЦК КПСС ИДВ [Института Дальнего Востока] именно по этой причине редко посещали эти конференции и еще реже выступали на ней.

На первую конференцию приглашения разослали, люди приехали: из Ленинграда, Владивостока (много людей), Казахстана (Алма-Ата). Кто-то был с Украины. Приехал из ГДР мой друг Фельбер, из Венгрии – Полоньи, из Польши – Славинский. …У коллег из соцстран явно чувствовался недостаток профессионального общения в рамках своей страны. А в Москве иного “дискуссионного клуба” еще не было (конференции в ИДВ стали проходить после “перестройки”: полузакрытость данного подразделения не очень способствовала свободному обмену мнений). Приходили и некитаисты московские, [они] также имели право выступить. Ведь востоковедение отличалось от прочих гуманитарных наук тем, что, ссылаясь на восточную специфику, можно было более свободно высказываться по ряду животрепещущих проблем. То же обсуждение “АСП” смогло быть продолжено именно таким образом. Нельзя сказать, что на конференции собирались единомышленники. Скорее, приходили люди, очень заинтересованные в понимании процессов, происходящих в Китае, а аналогичных дискуссионных площадок в Москве, подчеркну повторно, еще не было. То, что первая конференция была посвящена именно теме традиций в Китае, объясняется ситуацией в научном сообществе Москвы (да и не только Москвы). Конечно, по поводу первой же конференции был донос, пришлось объясняться: почему без решения-разрешения провел международную конференцию. Звучали и обвинения нашей конференции в чуждости марксизму. Но – обошлось.

Проведение конференций и издание сборников ее материалов …тоже давалось непросто. “Директивные органы” все-таки “прослеживали” списки выступавших и тематику докладов, кажется, полагаясь на энтузиастов из сотрудников отдела (таковые, к сожалению, находились порой). А среди гостей практически всегда присутствовал некто, кто писал потом обстоятельный “доклад” (проще говоря – донос) о допущении с моего попустительства какого-нибудь “неправильного”, с точки зрения тех самых “директивных органов”, положения или факта (кто-то из сотрудников отдела даже увлекался некой игрой – определить этого человека среди участников очередного симпозиума, – так у нас в отделе называли сессии конференции). И приходилось проходить через выволочки в ЦК КПСС. Хотя грех жаловаться – и в Международном отделе, и в том, в котором я работал ранее, были дружественно относящиеся ко мне и к моим взглядам люди…

Первые сборники печатались свободнее. Естественно, сборники цензурировались. Печатались они практически кустарным образом. Машинистки набирали. После вычитки, а главное после цензуры наши сотрудницы вклеивали, заклеивали, приводили текст в “божеский” вид. И затем все это печаталось офсетным способом. Часто зачеркнутое цензурой вынуждало А. Н. Хохлова, а он долго и успешно руководил выпуском материалов конференции, с ножницами в руках перекраивать (в полном смысле) текст сборника, меняя страницы, последовательность материалов, тем или иным образом заполняя лакуны, образовавшиеся после карандаша цензора, так как денег на перепечатку у нас не было. Ограниченные деньги, которые я смог «выбить» на печать этих сборников, целиком уходили на типографские услуги. Чтобы сдать материалы на печатание машинистке, приходилось просто-таки заниматься незаконным бизнесом – продавать заинтересованным коллегам, но не авторам напечатанного в томиках, сборники за почти символическую цену. Сотрудники, естественно, не ставили меня в известность об этих мелкоспекулятивных операциях, как бы закрывая меня от возможных претензий всевозможных финансовых контрольных органов.

Как-то приехал человек из Тартуской семиотической школы[5], где был руководителем Ю. М. Лотман. Конечно, его выступление нельзя строго назвать китаеведным, но затрагивались очень интересные моменты, способствующие пониманию китайских реалий.

[5] Тартуско-московская семиотическая школа – структуралистско-семиотическое направление в советской гуманитарной науке в 1960–1980-х гг. Объединила ученых из Тартуского университета, Москвы, Еревана, Риги, Вильнюса.

Такие люди очень не приветствовались компетентными органами. Даже В. М. Солнцев (тогда замдиректора ИВ) вызывал меня с требованием не предоставлять этому человеку из Тарту слова, на что я ответил, что фамилия коллеги стоит в списке докладчиков и у меня нет способов запретить ему говорить. Из ИДВ сотрудники приходили, но нечасто выступали. Иногда даже и странные слегка бывали выступающие – один пересказывал Гегеля по вопросу о Китае, его зашикали. Списки выступавших на НКОГК вообще-то не проверялись, но уж по итогам этих выступлений, повторюсь, были доносы, вызовы в ЦК, но мягкие, в общем-то.

Вообще Конференция замышлялась без секций, [были] общие заседания, на которых должен был расширяться кругозор китаистов, обычно поглощенных своей темой. Однако в таком случае [замыкании в теме] истоки данного явления и связь его с иными фактами не могла быть установлена, ускользала, что упрощало и уплощало отчасти понимание проблемы. Часто докладчиками на конференции были люди, которые безбрежно расширяли горизонты китаеведов. Например, Г. С. Померанц – философ, культуролог. Какой-то период и после первой конференции к нам приезжали китаисты из соцстран (и это по-прежнему не приветствовалось). Бывали периоды, когда конференция дрейфовала к нумерологии – к новой науке, продвигаемой Кобзевым, и зал заполнялся в большом количестве молодыми и лохматыми, в общем-то, часто дилетантами. Но порой высказывались и чрезвычайно интересные мысли.

Поскольку я человек толерантный (только очень не люблю стукачей и неумных людей), то крен нашей конференции в сторону нумерологии (которую я все-таки за науку никогда не считал, да нынче будто она уже и кончилась), приход новых людей на Конференции я перенес без особых чувств. Желание расширить кругозор, расширение тем исследования, скажем, Тибета, буддизма, осмысления мистики и ее роли в культуре, рассмотрение канонов, даже династийных хроник с точки зрения нумерологии – это все было интересно и, думаю, полезно в целом для востоковедения. Я считал, что что-то может из этих изысканий принести и пользу, а остальное со временем само отомрет. Запрещать что бы то ни было во всех смыслах неполезно, можно загнать в подполье, что никогда не приносило пользы.

Сейчас можно слышать о роли этих ежегодных конференций в формировании новых подходов и принципов китаеведческих исследований в 1980-е годы. В 2009 году уже – XXXIX сессия НКОГК. Издание томиков докладов к конференции также не прерывалось ни разу, даже в тяжелые годы начала 1990-х гг., когда институт прекратил их финансирование (искали и находили спонсорские деньги). Эти материалы пользуются авторитетом в мировом востоковедении. В сборниках тезисов и докладов конференции, так же как и в выступлениях и порой острых дискуссиях, разворачивающихся нередко на заседаниях, традиционно поднимаются как вопросы актуальные, связанные с текущей ситуацией в Китае, так и широкой спектр тем по всестороннему изучению истории, культуры, философии, идеологии нашего великого соседа, – темы, представляющие интерес не только для профессиональных востоковедов» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 145–150].

Тепло отзываются о конференции не только ее столичные устроители, но и приезжие коллеги. Интересен в этом плане отклик Л. И. Головачевой (Владивосток, Севастополь), участвовавшей в НКОГК больше 30 лет: «Я участвовала в этой конференции почти ежегодно, начиная с 1975 года. Она оказала огромное влияние на меня, на темы моих исследований, на мои интересы. Особенно мне нравились первые годы существования этой конференции, когда старшее поколение оживленно спорило, обсуждало проблемы Китая, категории китайской культуры. Надо сказать, что в последующие годы оживление несколько поубавилось. Поубавилось количество людей из числа некитаеведов, которые приходили на эту конференцию. Они приходили туда, потому что там можно было свободно говорить. На востоковедение обращали меньше внимания цензура и органы безопасности… Сейчас число таких гостей сократилось. И появилась тенденция поменьше обсуждать. Вот, пришел, прочел доклад и ушел. Тем не менее на эту конференцию по-прежнему охотно приезжают

специалисты из других городов. Это форум, где люди встречаются, радуются друг другу, узнают о новых темах. Конференция очень демократична. Здесь никогда не спрашивают и не говорят, какая у тебя научная степень или звание. Вылез на трибуну с докладом – отношение к тебе – как к специалисту по вопросу, но и спрос такой же. Короче говоря, я люблю эту конференцию! Хотя в последние годы мне довелось меньше принимать в ней участие, я очень ее ценю и хотела бы, чтобы жизнь этой конференции продлилась как можно дольше» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 112–113].

Кадровая политика в отделе Китая с 1960-х гг. до постсоветской эры

После создания Института Дальнего Востока и ухода части китаеведов, переключившихся на изучение новейшей истории, перед отделом Китая встала задача восполнения кадрового урона и пересмотра своей ниши и идентичности в академической среде. Хотя с конца 1970-х, в годы директорства Е. М. Примакова (1977–1985), ряд сотрудников привлекали к участию в «ситанализах» (ситуационных анализах) текущей обстановки в КНР и актуальных проблем советско-китайских отношений, политизированная новейшая история так и не стала доминирующей. С приходом в ИВ АН Л. П. Делюсин приложил массу усилий для сохранения отдела, его кадров и неконъюнктурного «традиционного» профиля.

Сам Лев Петрович так вспоминал события 40-летней давности: «Ранее заведующим отделом Китая был Вяткин, человек очень осторожный. Предпочитал с начальством не ссориться, а поскольку был подполковником в отставке, преподавал в Военном институте, [он] строго следил за дисциплиной. Именно по его инициативе я и стал заведующим отделом. Я-то хотел пойти старшим научным сотрудником. …А сохранить отдел Китая было не так-то просто. В стране были “отказники” (подавшие прошение о выезде на “историческую родину” – Израиль, но получившие отказ), были “подписанты” (подписывавшие разные письма протеста по поводу репрессий, расцветших в нашей стране), да мало ли чего было. И надо было держать удар, стараясь сохранить коллектив. Иногда приходилось ультимативно заявлять на требование уволить такого-то: “Если он уходит, то и я!”. Так, мне стоило больших трудов и нервов оставить в отделе Е. В. Завадскую. Да, ей запрещали командировки в Китай, и она смогла наконец-то вживе пообщаться с “носителями” трепетно любимой ею китайской культуры уже в очень зрелом возрасте. Ей не давали возможности защитить докторскую диссертацию (что, чего скрывать, сказывалось на ее материальном положении). Но она оставалась в творческим коллективе, она могла выступать хотя бы на нашей конференции. Короче, она могла продолжать научную работу. Я не пытался переориентировать сотрудников отдела Китая на современность. Они по-прежнему занимались традиционным Китаем или цинским периодом, в том числе и реформами» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 140].

Забота Л. П. Делюсина о коллегах заметна и в том, что в своем интервью он уважительно упоминает почти каждого, кто работал под его началом в отделе с 1967 по 1990 гг. Учитывая то, что обзор приурочен к 200-летнему юбилею Института востоковедения, хочется процитировать эти упоминания с минимумом сокращений: «Вяткин – серьезный, прекрасный китаист. Они начали с В. С. Таскиным перевод Ши цзи (Сыма Цяня), но разошлись по принципиальному вопросу: Таскин не видел никакого смысла в комментариях, тем паче, иностранных – есть канон, его и надо переводить, а Вяткин говорил, что надо широко привлекать уже опубликованные, в том числе и на иных языках, комментарии… С Таскиным я познакомился еще на практике в Харбине. ….Переехав в Москву и будучи принятым в ИВАН, [Таскин] занимался преимущественно переводами. …Язык знал хорошо. Он боролся за чистый перевод источника, можно сказать, буквальный, а можно – буквоедский. Вяткин уделял слишком много внимания чтению лекций. …Я часто призывал его уделять больше времени переводу, хотел ему кого-нибудь в помощь определить. Но Вяткин хотел работать сам и думал, что успеет завершить работу. Вот так, к сожалению, он и

не успел закончить свой труд!.. Н. М. Калюжная занималась историей *ихэтуаней*, и эта тема ею в двух книгах прекрасно разобрана. До нее у нас никто этой темой не занимался. Л. Н. Борох написала блестящую книгу о Лян Ци-чао, об общественной мысли реформаторского Китая. …Рубин долгое время (по известной причине – “пятому пункту”) должен был работать в Фундаментальной библиотеке по общественным наукам. Жаль, что Рубин так рано и так случайно умер, погибнув в автомобильной аварии в Израиле, куда все-таки эмигрировал. Он не только прекрасно знал китайский язык, он был очень талантливый, но сложный человек. Однажды хотел выступить на общем собрании отдела, посвященном поддержке ввода наших войск в Чехословакию (тогда везде в обязательном порядке проходили такие собрания), с протестом по поводу этой нашей акции. Я отговорил его, доказав, что это совершенно бессмысленно, но чревато для него всяческими последствиями. Потом он решил ехать в Израиль – де, надоело сталкиваться с антисемитизмом. Домой ко мне приехал – я болел, то ли сообщить, то ли предупредить. Я возразил, что не вижу никакого антисемитизма в СССР на тот момент, особенно в научной среде. Но он сказал, что он-то чувствует…

Васильева часто упрекали – “Вас подвело знание английского”, ибо часть китаеведного сообщества считала его не владеющим в полной мере китайским языком, а, стало быть, пользующимся лишь англоязычными материалами, что, по мнению ряда его коллег, уводит его иногда от китайских источников в теоретизирование, в построение очень интересных, но нередко вступающих в противоречие с китайскими фактами схем. Знаю, однако, что лекции Васильева пользуются чрезвычайной популярностью в студенческой среде. …С Л. И. Думаном я мало работал. Он занимался древним Китаем, хорошо знал язык… Илюшечкин весьма продуктивно занимался средневековьем. …Среди сотрудников отдела был Афанасий Гаврилович Крымов (Го Шао-тан) – китайский коммунист, окончивший Институт красной профессуры в Москве, строивший металлургический комбинат в Норильске, а после реабилитации – с 1955 г. – сотрудник ИВАН, доктор исторических наук, резкий противник АСП. Он был не только специалистом по новой и новейшей истории Китая, но и участником ее. С убеждениями своей молодости расстаться не мог, несмотря на лагеря и XX съезд КПСС, ибо сетовал, что таким образом он признал бы всю прожитую свою жизнь напрасной. …С Ошаниным я познакомился еще в МИВе, а потом встретился с ним в отделе Китая ИВ, ибо словарь, который в это время создавался под его руководством, входил словарной группой в наш отдел. …В. С. Кузес окончил военное учреждение. После окончания работы со словарем, по моему предложению Кузес взялся за тему компрадорской буржуазии. К сожалению, закончив работу, он так и не решился сдать ее в печать. Главным консультантом по китайскому языку в отделе был Ду И-син – китаец, который приехал в свое время на заработки во Владивосток, учился на рабфаке, затем в одном из технических вузов. Был репрессирован, а после реабилитации работал в Отделе Китая нашего института.

Конечно, кто-то пытался приспособиться – отвечать на запросы партии, им были ясны цели и понятны пути стремления к ней. Но были научные сотрудники, которые пытались противостоять заказному китаеведению, выбирая и разрабатывая свои темы. Такие ученые, как Рубин, Васильев, Переломов, Илюшечкин, наши переводчики и исследователи литературы и искусства и другие, делали свое дело, изучая древнюю и средневековую историю Китая, продвигая вперед развитие китаеведения, внося свою лепту в понимание страны. В соседнем отделе литературы китаист М. Е. Шнейдер специализировался на русской, советской литературе в Китае. Л. Е. Черкасский много переводил китайской классической поэзии. Эйдлин сам переводил много и хорошо, но, главное – будучи заведующим отделом литературы, давал больше свободы своим сотрудникам-литературоведам. Во время обучения в аспирантуре в МИВ научным руководителем у Эйдлина и Н. Т. Федоренко был Алексеев, и они ездили к нему в Ленинград на консультации, с разрешения, кажется, Перевертайло, тогдашнего директора МИВ. Но стать ответственным редактором книги Т. П. Григорьевой о японской традиции Эйдлин попросил меня, так как

Федоренко, работающий в этом отделе на полставки, отказался стать ответственным редактором, поскольку работавший в том же отделе Е. П. Челышев посчитал работу Григорьевой антимарксистской. …Но я читал работу, она мне понравилась и я согласился…

Только с приходом в отдел Китая Гарушянца у меня появился человек, с которым можно было обсудить современную тему, привлечь его к написанию записок. Поворот сотрудников отдела к современности начался с приходом Е. М. Примакова, когда почти в приказном порядке (вернее, "пряниками" определенными заманивали – повышением в должности, премиями) требовали "раскрытия" современных тем, участия в так называемых "ситанализах". Тут-то и стало видно, что и для науки "политика есть командная сила". Прежний директор Б. Б. Гафуров был довольно равнодушный человек, поэтому он не мешал мне иметь свою точку зрения на события в Китае. А Примаков боялся, что я его поссорю с Рахманиным. На одном партсобрании я выступил с призывом: прежде чем разоблачать Мао, надо его изучать, понять суть его учения. Это было воспринято как выступление против Рахманина, я был вызван к Примакову и получил внушение, получил практически выговор. Замдиректора Г. Ф. Ким хотя и был осторожным человеком, но ко мне относился хорошо, поэтому меня поддерживал…» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 140–144].

Многие из упомянутых сотрудников прослужили в отделе и институте верой и правдой десятки лет. Но в 1960–1980-е гг., в связи с полным разрывом отношений с КНР, а также с крепчавшим «застоем» в самом СССР, огромную проблему представляли и служебный рост (предоставление очередных научных должностей), и прием новых сотрудников: «Новые сотрудники в отделе Китая появились с большим разрывом. Молодежь не шла на китайский язык, – вспоминает Л. П. Делюсин. – Но в стране вдруг возникла новая мода на восточные философии. Молодые сотрудники, пришедшие к нам через почти четвертьвековой интервал пополнения отдела, были с философского факультета: Г. Горохова (жаль, что этот перспективный в области даосизма научный сотрудник ушла из науки в частную жизнь, став попадьей) и Кобзев – очень талантливый человек, написал прекрасную работу о Ван Ян-мине. Третьим в этом молодом пополнении отдела был А. А. Крушинский (он составляет в этой троице исключение, поскольку окончил ИСАА).

Кроме Крушинского из ИСАА никто к нам не приходил на работу. ...Кузницей наших кадров ИСАА не стал, но одно время многие его сотрудники, аспиранты и даже некоторые студенты активно участвовали в конференции «Общество и государство в Китае», публиковали свои статьи в сборниках. Скорее, наши сотрудники преподавали и продолжают преподавать в ИСАА» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 144–145]. Действительно, сотрудники отдела Китая и других отделов ИВ АН (А. А. Бокщанин, Л. С. Васильев, А. В. Меликсетов и др.) многие годы преподавали в ИСАА многим поколениям студентов. При этом лишь трое выпускников этого вуза пополнили ряды отдела в 1980-х гг.: А. Д. Дикарев (с 1980 г.), Д. В. Дубровская (1982–1986 гг.) и В. М. Крюков (1987–1997 гг.).

О том, как воспринимали самого Делюсина сотрудники руководимого и опекаемого им отдела можно судить по словам Э. А. Синецкой: «Лев Петрович всегда умел идти поперек. Кто-то из бывших коллег говорил про него, что это человек, который приходит со своим мнением к директору и с тем же мнением выходит от него. Эта негибкость портила его отношения со многими. Он и при Примакове тоже так держался. Говорят, что он защищал отдел, помогал ему сохраниться» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 410–411].

Поездки в Китай и за границу

Искусственные ограничения и запреты на рабочие поездки за границу были общей драмой советского востоковедения. Но, начиная с 1966 г., советские китаеведы попали в наихудшее положение, т. к. почти на 20 лет лишись всех возможностей посещать Китай. Последствия этой изоляции были плачевны для обеих сторон. Лишь с середины 1980-х гг.,

когда Москва и Пекин возродили научно-образовательные связи в свете нормализации отношений, россияне вновь обрели возможность ездить в Китай для изучения страны и общения с китайскими коллегами.

Лишь немногие китаисты из ИВ АН бывали в КНР до начала и в первые годы «культурной революции», до разрыва академических связей. Еще меньше коллег могли выезжать в советское время по работе в соцстраны и дальнее зарубежье, нередко получая внезапные отказы по сомнительным вненаучным причинам. При этом жертвами отказов становились иногда даже такие традиционно «выездные» ученые как Л. П. Делюсин, сетовавший: «В знак наказания, что ли …порой откладывалась перед самым отъездом, в день отъезда, поездка в Китай или куда-нибудь за границу (на конференцию или для чтения лекции)» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 150]. Всю глубину переживаний, скрытых за этими сдержанными признаниями, обнаруживают слова Э. А. Синецкой, работавшей в то время в отделе:

«Был такой эпизод: Лев Петрович пришел, собирает нужные документы, так как завтра он должен вылететь в Америку. Через некоторое время захожу в кабинет ко Льву Петровичу, а он сидит над залитой кровью рукописью (давление резко поднялось, и кровь хлынула из носа), приходит в себя. Я спросила: "В чем дело?". Он: "Отменили завтрашнюю командировку". Раза три я помню такие случаи» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 409].

С такими же нелепыми отказами сталкивались и коллеги из Ленинградского отделения ИВ АН. Как вспоминал Е. И. Кычанов: «И лекции читать [за рубежом] приходилось. Но самый большой проект с лекциями сорвался. Меня Гамбиз приглашал в Сорбонну на месяц, чтобы я там прочитал три лекции. Я уже заказал перевод на французский язык, а меня здесь от компартии не пустили. Еще не пустили меня в другой раз, когда Франке организовал очень престижную поездку – в Штатах была конференция по национальным государствам на территории Китая. Кроме этой конференции мне еще давали деньги на четыре недели, чтобы поездить по основным университетам Штатов. И тоже меня не пустили… в 1978. 1970-е годы [то] были» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 235].

В схожих ситуациях оказывался и Ю. Л. Кроль: «Помню, мне пришло приглашение из Голландии. Там, в университете, сдавал свою кафедру следующему заведующему А. Ф. П. Хюльзеве, это крупнейший специалист по ханьскому праву. …Мы с ним сдружились на расстоянии, насколько это возможно, переписывались. У меня есть довольно много писем от него. Он пригласил меня на церемонию передачи кафедры своему преемнику. Но Иностранный отдел [ИВ АН] отказал, хотя приглашающая сторона все оплачивала» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 295].

К сожалению, раздвоение института, при котором начальство бывало в северной столице лишь наездами, также ставило ленинградских коллег в ущемленное положение, затрудняя их доступ к поездкам за рубеж. Об этом грустно упоминает в своем интервью Ю. Л. Кроль: «Все возможности были централизованы в Москве. И, конечно, москвичи хотели ездить. А поехав один раз, они хотели потом еще и еще раз, и так далее. Это было и интересно, и выгодно. А мы были вне этого состязания. Помню свой разговор с московским начальником. Я видел его впервые и не запомнил фамилии[6]. Подошел к нему в перерыве между заседаниями съезда в 1988 г., представился и сказал: – Послушайте, я работаю в своем институте очень давно, моя специальность – Китай, а я там не был ни разу! – Да что вы говорите?! – отвечает он. – Вот так! Меня ни разу не посылали! – Хорошо, пойдите к своему Ю. А. Петросяну (директору ЛО ИВАН), и скажите ему, что – да, вас надо послать. – А я могу на вас сослаться? – Пожалуйста!

[6] Вероятно, М. С. Капица. – *Прим. авт.*

Я так и сделал. Думаю, поэтому Петросян не послал меня подальше, что он мог бы сделать в другом случае. И он меня "теоретически" поставил в какую-то воображаемую или реальную очередь в иностранном отделе. А до этого – ну никуда меня не посылали!..

Вообще, я сам "выбил" эту поездку на стажировку для группы лиц включая себя. В ЛО ИВАН не было даже нужных анкет. Нам нужно было не то что незаполненную анкету получить, а хотя бы где-то скопировать ее. И меня послали за этими анкетами в Москву, где я познакомился с какой-то довольно милой женщиной. Не помню, в каком министерстве это было. В общем, мне надо было взять пачку этих анкет или хоть одну, незаполненную, чтобы размножить их для заполнения теми, кто у нас оформлялся в Китай. Так что для меня встреча с Китаем началась со встречи с московским начальником, а затем с москвичкой в министерстве – двумя незнакомцами, которые, спасибо им, отнеслись ко мне доброжелательно» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 294–295].

Справедливости ради следует сказать, что и для москвичей поездки в Китай и прочие страны были делом случая, зависимым от таких тонкостей, как партийность, верность идеологических взглядов, отношения с начальством и «инвалидность пятой группы» [7]. Характерен в этом смысле пример Гарушянца, ответившего на вопрос о своей первой поездке в Китай так: «Это было в 1990 году, под самый конец существования СССР. Я был одним из последних [китаеведов], командированных в Китай из СССР. Это была стажировка на год при историческом факультете Пекинского университета. …Меня за границу не пускали из-за отца. И потом у меня с Тихвинским был один крупный скандал. Я ему прямо сказал: "Правильно сделали, что вас не пустили на международный конгресс историков-востоковедов в Лондон! Вы фальсифицировали *движение за реформы в Китае*[8]. Россия тогда ввела туда два батальона на подавление, а вы это скрыли". Ой! Скандал начался! И все время у меня из-за этого отношения с Тихвинским были плохие. В общем, много лет меня не выпускали. То Тихвинский не пускал, то парторганизация. Только вдруг директором института стал М. С. Капица. А с ним у меня были драки сильные, даже руками мы дрались, честное слово! Капица спрашивает меня: "Ты что сидишь тут столько лет, в Китай поехать не можешь?" Я ему отвечаю: "Ну, я же жопу не могу лизать!" Капица: "А ты попробуй!" Я ему: "Ну не хватало мне еще вашу жопу лизать!" Он тогда говорит: "Ты едешь в Китай!" Я говорю: "Да нет!" Не поверил ему. Потом меня вызвали в Госкомитет по народному образованию и предложили заполнить анкету. Я заполнил анкету и поехал в Китай» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 57–58]. В итоге Гарушянц попал в Китай с предпоследней группой, а последний выезд стажеров по обмену с КНР состоялся в 1990–1991 учебном году, накануне развала СССР.

Хотя в постсоветское время (после 1991 г.) любой китаевед мог свободно посещать любую часть большого Китая, дикая инфляция, финансовые кризисы и исчезновение государственной поддержки стали новой «китайской стеной» для коллег старшего поколения. Многие из них помнят точное число своих редких поездок в Китай, а иные, увы, побывали там лишь один-два раза. К счастью, с началом очередного расцвета российско-китайских отношений в новом тысячелетии научные обмены больше не зависят от искусственных препон, предрассудков или недоверия. Молодое поколение китаеведов уже не просто живет Китаем, но и живет в Китае благодаря новым возможностям и по мере профессиональной необходимости. Китайские коллеги, в свою очередь, давно стали не только частыми гостями, но и постоянными партнерами института, о чем свидетельствуют многие успешно реализуемые совместные научные проекты.

[7] С советские времена Пятая графа личной анкеты – национальность.

[8] «Движение за реформы в Китае» – движение за модернизацию, основанное на опыте японских реформ после «реставрации Мэйдзи» (1868). После «ста дней реформ» (1898) разгромлено консерваторами во главе с Вдовствующей императрицей Цыси.

Настоящее и будущее отдела Китая

Первое постсоветское десятилетие нанесло тяжкий удар по людям не только отдела Китая, но и всего ИВ РАН. Естественная убыль из-за возраста, уходы на другую работу и выезды за границу обрушили силы отдела до неполных двух десятков человек к началу 2000-х гг. Лишь в последние 10–15 лет отдел снова растет за счет нового поколения, прихода способных молодых выпускников Исторического факультета и ИСАА МГУ, Восточного института и прочих московских и немосковских вузов.

Резюмируя историю Отдела Китая за 68 московских лет, конечно, хочется сделать это на самой оптимистичной ноте. Следует, однако, признать, что сегодня отдел по-прежнему переживает сложный переходный период, как и весь ИВ РАН накануне своего юбилея, как и вся реформируемая Академия. Сегодняшний день отдела достаточно точно обрисован в интервью А. И. Кобзева, отметившего и положительные стороны, и сильно затрудняющие развитие проблемы. Подобная ситуация в основном сохраняется и поныне, в 2018 г.: «Нам всем приходится тяжело из-за общих штормов в Академии, и у нас в институте была нелегкая ситуация после смены его руководства. Тем не менее от 17 человек в отделе мы уже дошли до 25. В основном, конечно, за счет прихода молодежи. Пополнение молодыми кадрами – очень важно, поскольку недостает специалистов в целом и особенно самых дееспособных сотрудников среднего возраста. Происходит расширение исследуемой тематики. Мы занимаемся и китайским искусством, и наукой, и поддерживаем традиции классической синологии в работах с первоисточниками, в текстологических штудиях и переводах. В частности, коллективными усилиями достигнут еще один мировой рекорд – полный перевод на русский язык своеобразной энциклопедии древнего Китая, "Исторических записок" Сыма Цяня. Аналога ему нет нигде на Западе, хотя попытки делаются уже полтора века. В отличие от завершенной также в 2010 г. энциклопедии "Духовной культуры Китая", работа по улучшению перевода "Исторических записок" и их исследованию продолжается. Она проходит наряду с осуществлением еще одного крупного проекта – по переводу следующих "нормативных историй", посвященных эпохе Хань и исследованию этого кардинального для всей китайской истории периода. В "ханьском проекте" наш отдел сотрудничает с кафедрой китайской филологии ИСАА МГУ, заведующий которой М. Ю. Ульянов руководил несколькими из наших молодых сотрудников. Очень важный объективный показатель нашей работы – публикации. Я уже упомянул материалы конференции "Общество и государство в Китае", которые считаю достойным аналогом крупнейших периодических или продолжающихся изданий по синологии на Западе. Ежегодно самые свежие синологические исследования максимально широкой тематики отражаются на страницах этого издания. С 2009 г. оно включено в формат нашей фирменной серии – "Ученых записок Отдела Китая", публикующих также монографии и сборники. За последнее время мы вышли на новый рубеж по публикации монографий, коллективных трудов и переводов, каждый год силами отдела выпуская около 10 книг. Это очень хороший количественный показатель… И с качеством все в порядке: книги выходят весьма солидные. …Стараемся не отставать от веяний современности, развивая отдельский сайт okivran.ru и единственный научный сайт по синологии на русском языке synologia.ru…»

От Армянского переулка и Китайского проезда до Хохловского переулка и Рождественки 12, через «культы» и «оттепели», через «застои» и реформы, «перестройки» и развал СССР, через «поцелуйное братство», вражду и нормальное соразвитие с Китаем – таков подвижнический путь китаистики ИВ РАН с начала ее «московской эры» и по сей день. Как и весь ИВ РАН, отдел Китая встречает 200-летний юбилей подобно экипажу корабля, идущего вперед и стойко преодолевающего бескрайнюю водную стихию. Победа над этой стихией зависит и от высших сил или игры случая, и от слаженных действий всех членов команды. Как гласит знаменитая китайская поговорка: «Восемь бессмертных пересекают море, каждый проявляет свои [великие] способности» 八仙過海, 各顯其能.

Литература / References

Гарушянц Ю. М. Об азиатском способе производства // *Вопросы истории*. 1966. № 2. С. 83–100 [Garushyants Yu. M. Ob aziatskom sposobe proizvodsyva // *Voprosy istorii*. 1966. 2. Pp. 83–100].

Илюшечкин В. П. *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа)*. М., 1986 [Ilyushechkin V. P. *Soslovno-klassovoe obschestvo v istorii Kitaya (opyt sistemno-strukturnogo analiza)*. Moscow, 1986].

Никифоров В. Н. *Восток и всемирная история*. М., 1975 [Nikiforov V. N. *Vostok i vsemirnaya istoriya*. Moscow, 1975].

Российское китаеведение – устная история. Т. 1. М., 2014 [*Rossiyskoe kitaevedenie – ustnaya istoriya*. T. 1. Moscow, 2014].

Российское китаеведение – устная история. Т. 2. М., 2017 [*Rossiyskoe kitaevedenie – ustnaya istoriya*. T. 2. Moscow, 2017].

Семенов Ю. И. Норайр Бадамович Тер-Акопян (1926–2007). IN MEMORIAM // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 4. С. 178–182 [Semyonov Yu. I. Norair Badamovich Ter-Akopyan (1926–2007). IN MEMORIAM // *'Etnographicheskoe obozrenie*. 2007. 4. Pp. 178–182].

ВОСПОМИНАНИЯ ИРАНИСТА

Л. М. Кулагина[*]

От редакции. Один из старейших сотрудников Института востоковедения РАН Людмила Михайловна Кулагина – участник создания сектора Ирана, автор монографий и статей, вошедших в золотой фонд иранистики, – делится воспоминаниями об ученых, оказавших огромное влияние на развитие иранистики.

Ключевые слова: Институт востоковедения, сектор Ирана, иранистика, Российская Академия наук.

RECOLLECTIONS OF AN IRANIAN SCHOLAR

Lyudmila M. Kulagina

Lyudmila M. Kulagina, being one of the oldest employees of the Institute of Oriental Studies RAS, founding member of Iranian sector, author of monographs and articles, comprising the golden fund of Iranian studies, shares her memories about the scholars, who had a lasting impact on the development of Iranian studies.

Keywords: Institute of Oriental Studies, Iranian Sector, Iranian Studies, Russian Academy of Sciences.

Интерес к Востоку у меня зародился в период поступления на исторический факультет МГУ в 1945 г. Еще в школе я интересовалась историей, любила читать историческую литературу. При поступлении на истфак я посещала лекции известных ученых по различным научным проблемам. Особенно понравились мне рассказы профессоров-востоковедов о Востоке, об их путешествиях по восточным странам. Поэтому, успешно сдав экзамены, я выбрала отделение востоковедения, которое в те годы входило в состав исторического факультета МГУ. Мне повезло: в отделении востоковедения работали крупнейшие ученые-востоковеды – В. И. Авдиев [Авдиев, 1924], Е. Э. Бертельс [Бертельс, 1948], А. Ф. Миллер [Миллер, 1966], В. Б. Луцкий [Луцкий, 1947], Б. Н. Заходер [Заходер, 1944], И. М. Рейснер [Рейснер, 1954], В. И. Беляев [Коран, 1963] и др. Они не только читали лекции, но и вели у нас семинары по различным вопросам востоковедения. Истфак в те годы был расположен в небольшом трехэтажном здании на улице Герцена (Большая Никитская), д. 15. Основные лекции мы слушали на Моховой д. 9 (Ленинская, Коммунистическая аудитории). На восточном отделении истфака было три кафедры: Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Общая историческая подготовка студентов была очень хорошая. Лекции читали такие ученые, как Е. В. Тарле, А. В. Арциховский и др. Но изучение восточных языков было организовано плохо. Педагоги часто менялись, не было самой системы изучения восточных языков. Поэтому большинство окончивших восточное отделение недостаточно владели особенно разговорными восточными языками. Уже на первом курсе я выбрала свою будущую специализацию – Иран и персидский язык.

У нас была небольшая группа. В нее входили: Нинель Козьминична Белова – известный иранист, кандидат наук, в дальнейшем работавшая в ИСАА МГУ [Новая история Ирана, 1988]. Нинель – хороший друг, у нас с ней есть совместные работы. К сожалению, ее самой уже нет. Владимир Владимирович Трубецкой, участник Великой Отечественной войны, защитил кандидатскую диссертацию, работал в ИВ АН, издал несколько интересных работ (его тоже уже нет в живых) [Арабаджян et al., 1976]. Галина Владимировна Ладыгина защитила диссертацию, работала в Институте международного рабочего движения.

[*] Людмила Михайловна КУЛАГИНА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.
Lyudmila M. KULAGINA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow.

В 1990-е гг. уехала в США, живет в Чикаго. Нашим научным руководителем на истфаке был Борис Николаевич Заходер, который возглавлял на истфаке иранскую кафедру и работал также в Академии наук.

Б. Н. Заходер – один из крупнейших историков Ближнего Востока. Круг его научных интересов чрезвычайно широк [Заходер, 1957]. Это позволяло ему участвовать в изучении проблем Ирана и Ближнего Востока, читать курс истории средних веков, исследовать средневековые памятники и возглавлять коллектив иранистов, работающих над изучением проблем современного Ирана. Он обладал, по отзыву академика И. Ю. Крачковского, большим организаторским опытом и педагогическим талантом. Заходер познакомил нас с Московской группой (о которой ниже). С третьего курса истфака, с 1947 г., мы стали постоянно бывать на заседаниях группы. Группу посещали многие студенты восточного отделения. Я там познакомилась с Ниной Алексеевной Кузнецовой и Еленой Алексеевной Дорошенко, в будущем известными иранистками. Они учились в аспирантуре группы и готовили диссертации под руководством Заходера.

Московская группа при Академии наук возникла по инициативе академика И. Ю. Крачковского в 1943 г., когда в войну часть ленинградских востоковедов эвакуировалась из блокадного Ленинграда в Москву. Группа объединила большую часть востоковедов Москвы и фактически стала востоковедным центром Академии наук; она располагалась в здании музея А. С. Пушкина на улице Кропоткинской (ныне – Пречистенка), д. 12. Помещение было небольшое, малоприспособленное для учебной и научной работы. Заседания отдельных секторов проходили в одном зале, по очереди. Мы, студенты, изучающие Иран, участвовали в заседаниях сектора Ирана, который возглавлял Б. Н. Заходер. Здесь же заседали турецкий сектор, возглавляемый В. А. Гордлевским [Гордлевский, 1940], индийский под руководством А. М. Дьякова и И. М. Рейснера, арабский, которым руководил В. Б. Луцкий и другие. При группе была аспирантура, и почти все аспиранты после успешной защиты диссертации становились сотрудниками ИВ АН. Коллектив сотрудников Московской группы был небольшой, но сплоченный, дружный и достаточно молодой. Обычно все праздники, памятные даты отмечались в коллективе, устраивались веселые капустники, даже танцы. Мы часто посещали Дом ученых, который был расположен почти рядом с нашим музеем, бывали на их мероприятиях, вечерах. Иногда обедали в их ресторане и столовой.

В Московской группе шла активная научная жизнь. Проводились научные сессии, заседания, острые дискуссии, в которых принимали участие многие московские востоковеды из учебных, научных и других востоковедных центров. Особенно запомнилось заседание 1949 г., когда среди востоковедов развернулась острая дискуссия о литературном наследии и развитии национальных литератур, о взглядах на происхождение отдельных народов и языков. Обсуждение этих проблем выявило ошибочные точки зрения некоторых востоковедов, неправильно понимавших и недооценивающих развитие отдельных национальных литератур. Многие востоковеды пересмотрели свои взгляды на персидскую, таджикскую литературу и культуру других народов. Так, в московской группе по докладу директора С. М. Шупова выступили – Е. Э. Бертельс, А. М. Дьяков, Б. Н. Заходер, А. А. Губер, В. Б. Луцкий, А. Ф. Миллер, И. С. Брагинский и другие ученые. Поражала в этих дискуссиях какая-то враждебность, а иногда и грубость некоторых выступающих по отношению к крупным ученым-востоковедам, допустившим, по их мнению, ошибки. Востоковеды были вынуждены в чем-то оправдываться. По возвращении И. Ю. Крачковского в Ленинград делами группы занимался Б. Н. Заходер.

После окончания войны перед востоковедами были поставлены важные задачи: оказать помощь в установлении и развитии дружественных отношений нашей страны со странами Востока, расширить изучение новейшей истории, экономики, современной литературы, языков, идеологии стран Востока.

В Московской группе проходили широкие обсуждения реорганизации востоковедной работы в Академии наук. Выступавшие говорили об изменении тематики исследований, об организационной перестройке института, о пополнении его молодыми кадрами. Многие востоковеды высказывались за перевод Института востоковедения из Ленинграда в Москву. В 1950 г. постановлением президиума Академии наук, с целью объединения научных кадров и улучшения работы в области востоковедения, институт был переведен из Ленинграда в Москву. Кадры востоковедов, работающих в других академических институтах и учреждениях, было решено передать ИВ АН.

Институту востоковедения было предоставлено новое помещение – бывший Лазаревский институт, расположенный в Армянском переулке. Директором Института был назначен В. А. Авдиев, а вскоре его сменил А. А. Губер. В 1956 г. директором ИВ АН стал Б. Г. Гафуров.

Я поступила в аспирантуру ИВ АН в 1950 г. Моим научным руководителем был профессор Б. Н. Заходер. Я благодарна своему руководителю за то, что он приучил меня работать в архивах. Диссертация моя была по новой истории Ирана XVIII–XIX вв. Для сбора материала по работе мне было необходимо познакомиться со многими архивами Москвы и Ленинграда. В 1953 г. я защитила кандидатскую диссертацию. С 1954 г. работаю в Институте востоковедения РАН, в отделе Ближнего и Среднего Востока, в секторе Ирана. В секторе работала и моя близкая подруга Н. А. Кузнецова – высококвалифицированный, талантливый ученый-востоковед. Ее научные интересы поражают разнообразием. Это вопросы новой истории Ирана, русско-иранские отношения, историография, изучение современных проблем, иранистика. Ее монография «Иран в первой половине XIX века» [Кузнецова, 1983], написанная в основном на источниках и архивах, до сих пор остается уникальной работой. Мы с Ниной Алексеевной увлеклись темой истории востоковедения и несколько лет работали над изучением истории Российской Академии наук и российского востоковедения, посетили многие архивы Москвы и Петербурга. Результатом нашей совместной работы стали несколько монографий и статей по истории российского востоковедения и иранистики [Кузнецова, Кулагина, 1970]. Наша коллега и подруга Елена Алексеевна Дорошенко, доктор исторических наук, работала над изучением сложной и малоисследованной темы о роли и значении шиитского духовенства в Иране. Она издала две оригинальных монографии и несколько статей по политике духовенства в современном Иране (к сожалению, моих подруг уже нет в живых).

Начало 1950-х гг. было очень сложным в работе нового института в Москве. Шла перестройка института, поиск новых путей организации его работы. Ощущался недостаток квалифицированных кадров, отсутствие специалистов, неукомплектованность отделов, секторов. Части востоковедов было предложено переехать из Ленинграда в Москву. Б. Г. Гафуров помог эвакуированным во время войны востоковедам переехать из Средней Азии в Москву. Вернулись востоковеды – участники военных действий, особенно на Дальнем Востоке. Была расширена аспирантура, и молодые кандидаты наук стали главным резервом Института. Но недостаток квалифицированных кадров по многим отраслям востоковедения ощущался еще долгие годы.

Несмотря на разносторонность, новый коллектив института был дружелюбный и сплоченный. В актовом зале института совместно отмечали все праздники, устраивали концерты артистов и театральных коллективов. Ежегодно организовывали елку, на которой выступали дети сотрудников. Институт жил активной общественной жизнью. В нем неоднократно проводились общесоюзные и международные съезды и заседания в честь юбилейных дат и наиболее значительных событий, происходящих на Востоке.

В 1960-е, 1970-е, начало 1980-х гг. ИВ АН достиг наибольших успехов в научной и общественно-политической жизни страны. В Институте были произведены важные структурные изменения. Была сохранена комплексность востоковедения, что позволило

изучить страны Востока системно и определило проблемно-тематический и страноведческий аспект научно-исследовательской работы Института.

Постепенно Институт набирал темпы работы. Значительно выросли штаты, была расширена аспирантура и докторантура. При ИВ АН стали издаваться новые востоковедные журналы: «Советское востоковедение» (с 1955 г.), «Азия и Африка сегодня» (1961 г.). Создание в 1957 г. издательства восточной литературы (директор О. К. Дрейер) разрешило проблему издания трудов востоковедов. В год выходило в свет около пятисот книг по Востоку. Много печаталось работ востоковедов из республик. В правом крыле Института на Армянском переулке был расположен редакционный отдел издательства, где сотрудники готовили к изданию монографии.

Расширились международные связи Института. Этому во многом способствовал XXV международный конгресс востоковедов, проходивший в 1960 г. в Москве. После конгресса роль ИВ АН (Институт народов Азии, 1960–1969 гг.) неизмеримо возросла на международной арене. Ни одно крупное международное мероприятие по востоковедению не проходило без участия российских ученых. Институт выступал организатором теоретических дискуссий по вопросам востоковедения, общесоюзных заседаний, был инициатором создания научных коллективов для написания актуальных исследований по Востоку. Основным направлением научно-исследовательской деятельности ИВ АН являлись проблемы истории и развития стран зарубежного Востока на современном этапе. Институт достиг определенных успехов в изучении основных закономерностей и специфики социально-политического и экономического развития восточных государств, в том числе промышленности, сельского хозяйства, внешнеэкономических связей, национального вопроса, международных отношений, религии, общественной мысли и др. Институт востоковедения вел большую координационную работу в области востоковедения в республиках Советского Востока, готовились кадры востоковедов для Закавказья и Средней Азии. Почти все сотрудники ИВ АН имели аспирантов из республик. Например, под руководством Н. А. Кузнецовой востоковедами из республик было защищено десять диссертаций. Много аспирантов подготовили и другие ученые Института. Поэтому уже в 1960–1970-е гг. на базе собственных кадров были открыты институты востоковедения в Баку, Тбилиси, Ереване, Душанбе, Ташкенте, Ашхабаде и других республиках.

Институт востоковедения, расширяя географию востоковедных исследований и повышая их качество, превратился в головной институт страны в данной области знаний, и его роль на международной арене неизмеримо возросла.

Литература / References

Авдиев В. И. *Древнеегипетская реформация.* М., 1924 [Avdiev V. I. *Drevneegipetskaya reformatsiya.* Moscow, 1924].

Арабаджян А. З., Алиев С. М., Демин А. И., Трубецкой В. В. *Иран. Очерки новейшей истории.* М., 1976 [Arabadzhyan A. Z., Aliev S. M., Demin A. I., Trubetskoi V. V. *Iran. Ocherki noveishei istorii.* Moscow, 1976].

Бертельс Е. Э. *Роман об Александре и его главные версии на Востоке.* М., 1948 [Bertel's E. 'E. *Roman ob Aleksandre i ego glavnye versii na Vostoke.* Moscow, 1948].

Гордлевский В. А. *Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI в.* М., 1940 [Gordlevskiy V. A. *Vnutrennee sostoyanie Turtsii vo vtoroi polovine XVI v.* Moscow, 1940].

Заходер Б. Н. *История восточного средневековья: Халифат и Ближний Восток.* М., 1944 [Zahoder B. N. *Istoriya vostochnogo srednevekoviya: Halifat i Blizhniy Vostok.* Moscow, 1944].

Заходер Б. Н. *Современный Иран: Справочник.* М., 1957 [Zahoder B. N. *Sovremennyi Iran: Spravochnik.* Moscow, 1957].

Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. Ред. В. И. Беляев. Предисловие В. И. Беляева и П. А. Грязневича. М., 1963 [*Koran.* Perevod i kommentarii I. Yu. Krachkovskogo. Red. V. I. Belyaev. Predislovie V. I. Belyaeva i P. A. Gryaznevicha. Moscow, 1963].

Кузнецова Н. А. *Иран в первой половине XIX века*. М., 1983 [Kuznetsova N. A. I*ran v pervoi polovine XIX veka*. Moscow, 1983].

Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. *Из истории советского востоковедения. 1917*. М., 1970 [Kuznetsova N. A., Kulagina L. M. *Iz istorii sovetskogo vostokovedeniya. 1917*. Moscow, 1970].

Луцкий В. Б. *Англия и Египет*. М., 1947 [Lutskiy V. B. *Angliya i Egipet*. Moscow, 1947].

Миллер А. Ф. *Чанакский кризис и вопросы о проливах*. М., 1966 [Miller A. F. *Chanakskiy krizis i voprosy o prolivah*. Moscow, 1966].

Новая история Ирана: хрестоматия. Авторы-составители: Иванов М. С., Зайцев В. Н., Белова Н. К. М., 1988 [*Novaya istoriya Irana: hrestomatiya*. Avtory-sostaviteli: Ivanov M. S., Zaitsev V. N., Belova N. K. Moscow, 1988].

Рейснер И. М. *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*. М., 1954 [Reisner I. M. *Razvitie feodalizma i obrazovanie gosudarstva u afgantsev*. Moscow, 1954].

XVIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ТЮРКСКОЙ ИСТОРИИ – КРУПНЕЙШИЙ ФОРУМ ТЮРКОЛОГОВ, ПОБИВШИЙ ВСЕ РЕКОРДЫ (АНКАРА, 01–05.10.2018)

А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев*

Статья посвящена международному научному конгрессу Турецкого исторического общества по тюркской истории, проходившему с 1 по 5 октября 2018 г. в Анкаре и собравшему рекордное количество участников – исследователей истории Турции со всего мира. В обзоре даются характеристики основных направлений работы конгресса, при этом авторы отмечают и анализируют важные сдвиги и тенденции в развитии турецкой исторической науки, рост националистических и реваншистских настроений некоторых докладчиков и части аудитории.

Ключевые слова: Россия, Турция, Турецкое историческое общество, тюркология, международный конгресс, Ататюрк.

XVIII INTERNATIONAL CONGRESS OF TURKIC HISTORY – THE LARGEST FORUM OF TURKOLOGISTS SETS NEW RECORDS (ANKARA, 01–05.10.2018)

Alexander D. Vasiliev, Dimitry D. Vasiliev

The article gives highlights of the international scholarly congress of the Turkish Historical Society on Turkic history, which was held from 1st to 5th of October, 2018, in Ankara and gathered a record number of participants – researchers of Turkish history from all over the world. The review characterizes the main working topics of the Congress, noting and analyzing major tendencies and shifts evident in the development of Turkish historical research, such as the growth of nationalistic and revanchist tendencies as demonstrated by some speakers and parts of the audience.

Keywords: Russia, Turkey, Turkish Historical society, Turkology, international congress, Ataturk.

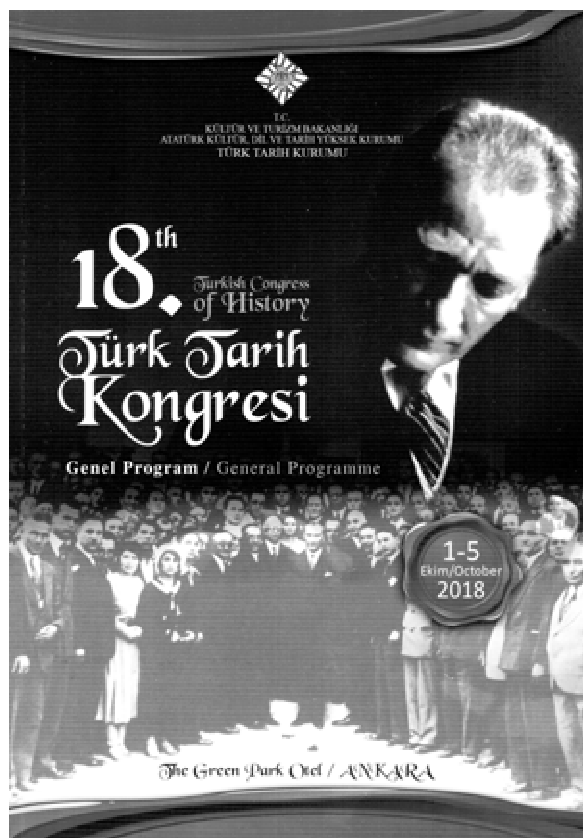
Турецкое историческое общество (академическое научно-исследовательское учреждение Турецкой Республики, подчиняющееся Высшему Совету по истории, культуре и языку) и турецкое Министерство культуры и туризма выступили организаторами очередного Международного конгресса по тюркской истории. Традиция проведения масштабных национальных исторических конференций была заложена еще Мустафой Кемалем Ататюрком, по инициативе которого в 1932 г. был проведен первый конгресс. По замыслу М. К. Ататюрка, конгресс был призван обсуждать ключевые проблемы тюркской истории, с тем чтобы противостоять европоцентризму и предвзятому отношению к Турции. Таким образом, помимо своей академической составляющей, конгрессы имели и чисто практическую задачу подкрепления и обоснования государственной идеологической линии. Конгрессы проводились обычно раз в четыре года и

* Александр Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. VASILIEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

Дмитрий Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока, Институт востоковедения РАН, Москва; dmivas46@mail.ru

Dimitry D. VASILIEV, PhD (History), Professor, Chair of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmivas46@mail.ru



собирали большую аудиторию специалистов-тюркологов со всего мира. Каждый конгресс являлся важным событием для мировой тюркологии, местом долгожданных встреч с зарубежными коллегами и обмена новыми идеями. В этом году конгресс состоялся в восемнадцатый раз и стал наиболее масштабным из всех проводившихся ранее. На конгресс прибыло около 800 участников, было представлено более 650 докладов. В работе конгресса приняли участие исследователи (в порядке убывания количества) из Турции, Азербайджана, России, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Болгарии, Румынии, Македонии, Сербии, Монголии, Германии, Ирака, Индии, Иордании, Грузии, Алжира, Ливана, Боснии и Герцеговины, Украины, Турецкой республики Северного Кипра, Польши, Литвы. В число участников вошли 16 российских историков, филологов, архивистов, представлявших научные и образовательные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Махачкалы, Астрахани, Уфы.

Примечательно, что за несколько месяцев до конгресса прошла конференция российских и турецких историков, успешно подготовленная и проведенная под научным руководством и по гранту проф. Н. Ю. Ульченко, полученным ею от Фонда «История отечества», при участии также и Турецкого исторического общества, руководство которого совместно с правительственными чиновниками от науки посетило Москву и встречалось с российскими тюркологами[1].

Открытие конференции проходило в резиденции Президента Турции Р. Т. Эрдогана, приветствие которого к участникам конгресса было запланировано программой. По причине занятости Р. Т. Эрдоган не смог выступить лично, однако поручил вице-президенту, известному турецкому политику Фуату Октаю обратиться к участникам конгресса от его имени. Место открытия конференции и приветственное слово Ф. Октая продемонстрировали ту важность, которую турецкое руководство придает идеологически верному распространению исторических знаний, как в Турции, так и среди зарубежных коллег. В яркой и эмоциональной речи Ф. Октай перечислил основные вызовы турецкой внутренней и внешней политики, ответ на которые должны дать профессиональные турецкие историки. По его мнению, это:

- армянский вопрос;
- судьбы спорных территорий, оказавшихся вне национальных границ Турции после Первой мировой войны;
- попытки мирового империализма очернить историю турецкой нации и подавить ее волю сфабрикованными исследованиями;
- обоснование исторической роли Турции и Османской империи как защитницы обездоленных и угнетаемых (в качестве примеров подобной политики в прошлом им были приведены такие примеры: пребывание шведского короля Карла XII после поражения от Петра I под Полтавой в Стамбуле; обращение польских конфедератов (с участием

[1] Обзоры конференции см.: [Васильев, Васильев, 2018а, с. 245–251; 2018б, с. 95–98].

А. Мицкевича) за помощью к султану против России; принятие крымских татар на территории Османской империи; размещение на турецкой территории беженцев из Сирии и Ирака в наше время).

В заключение Ф. Октай еще раз заявил о турецких геополитических претензиях, которые должны обосновать турецкие историки: «Алеппо наш, Мосул наш, Акмесджит (рус. Симферополь) наш…» В подтверждение этому руководством турецкого исторического общества ему была подарена точная копия карты Турции в границах «Национального обета»[2] (т. е. с включением территорий севера Сирии и Ирака, Батума и части Фракии в состав Турции).

На открытии были также сделаны доклады Председателя Высшего Совета г-на Дерьи Орса, Председателя Турецкого исторического общества проф. Р. Турана и Министра культуры и туризма М. Н. Эрсоя.

Д. Орс осветил в своем выступлении политику Турецкой Республики в отношении гуманитарных наук и значение исторических исследований для развития современного турецкого общества и сохранения традиционных международных связей с этнически родственными государствами.

Р. Туран в сопровождении видеопрезентации рассказал об истории создания Ататюрком Турецкого исторического общества и итогах его деятельности.

М. Н. Эрсой приветствовал участников и говорил о важности исторической науки для развития культуры, изучения и сохранения памятников прошлого и привлечения новых туристов в страну.

Структурно конгресс состоял из 20 секций:

История тюркского мира
Османская история и ее цивилизационный ареал
История религиозных течений
История турецко-армянских отношений
История науки и технологий
История права и дипломатии
Археология
История Турецкой Республики
История тюркских языков и литератур
Миграции и оседлость
История повстанческих движений, восстаний, переворотов и революций
Экономическая история
Историческая география
Военная история
Историография
Мемуары, биографии, автобиографии
История культур и цивилизаций
История искусств
История градостроительства и архитектуры
Сельджукская история и ее цивилизационный ареал.

[2] «Национальный обет» олицетворял собой несогласие турок с тем фактом, что уже после заключения Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. английские войска продолжили наступление и захватили считавшуюся турецкой территорию с городом Мосул, обладавшую большими запасами нефти. «Национальный обет» состоял из шести пунктов, определявших, что будущий статус Карса, Ардагана, Батума, Восточной Фракии и территорий с арабским большинством будет решен в ходе референдума. С другой стороны, территории, не занятые союзниками к 30 ноября 1918 г., а также населенные тюркоязычным мусульманским большинством, объявлялись неотъемлемой частью единого государства.

Турецкое историческое общество проявляет заметный интерес к развитию междисциплинарных исследований, смежных с историей дисциплин, вспомогательных направлений исследований. Тематика секций и содержание докладов свидетельствуют о преобладании тем, географически связанных с историей Передней Азии и изучением постимперского культурного и политического наследия.

Активно развивается изучение экономической истории Турции, о чем свидетельствует включение в программу конференции соответствующей сквозной секции. Еще в 2005 г. в Турции была создана Платформа исследований турецкой экономической истории (TİTAP), выступившая организатором ряда конференций и симпозиумов по данной тематике. Вместе с тем создатели платформы столкнулись с рядом организационных трудностей, и в настоящий момент инициативу изучения турецкой экономической истории взяло на себя Турецкое историческое общество. Рассматривавшиеся в рамках секции доклады освещали целый ряд важных тем:

- Экономическая активность в важных (а ныне приграничных) с точки зрения геоэкономики регионах Османской империи (М. А. Унал «Экономическое положение Алеппо в XVII в. по данным *дефтеров мукатаа*» [3]; Т. Озтюрк «Сравнительно-историческое исследование колебаний цен в Трабзоне (по материалам реестров кадиев)»; З. Карадемир «Влияние системы протекционизма на экономическую жизнь османских городов (на примере Манисы XVII в.)»; О. Тограл «Османское рыболовство на Дунае в XIX в. и связанные с ним проблемы»);
- Государственная экономическая политика в периоды кризисов и войн (М. Туглуджа «Налог «*Нефир-и амм*» [4] как инструмент финансирования войны Османской империи со «Священной лигой» (1688–1689)»; Х.دограмаджиоглу «Социально-экономическая жизнь в Анатолии в годы Национально-освободительной борьбы»; О. Дениз «Роль забастовок в рабочем процессе: от Османской империи до Республики»; И. Ширин «Стратегии, действующие лица и методы Великобритании по превращению Османской империи в полуколонию»);
- Добыча ценных природных ресурсов и торговля ими (Т. Рюштемова «Сведения об азербайджанской нефти в арабских исторических источниках»; А. Айдын «Средиземноморская торговля мрамором в ранневизантийский период»; М. Оздегер и А. Ф. Шахинкушу «Добыча жемчуга в Персидском заливе в XIX в.: лицензии на добычу и ее методы, продажа на внутренних и внешних рынках и налогообложение»; М. Гюнеш и Г. Гюнеш «История горнорудного дела в бассейне реки Малый Мендерес от Османской империи до Турецкой Республики»).

Отдельные доклады были сделаны на тему исторического развития туризма в Турции (Е. Сарал, Е Малкоч «Попытки развития туристической активности в Стамбуле в первые годы Турецкой Республики (1923–1938)»), роли женщин в экономике (Т. Октар, М. Оздегер «Экономические привилегии для женщин в период от Танзимата до 2-го Конституционного периода») и др.

Интересно, что в отдельную секцию было выделено изучение повстанческих движений, восстаний, переворотов и революций, что также связано с неспокойным внешнеполитическим контуром Турции и недавним неудачным военным переворотом. Примечательно, что из 22 докладов, посвященных изучению различных восстаний и народных антиправительственных движений, почти половина (9) затрагивала происходившее на территории бывшей Российской империи и России: Х. Я. Эрсой «Башкирские восстания в истории и их отражение в башкирской национальной культуре»; А. Зарарсыз «Ход и итоги восстания в Морее в 1770 г.»; А. Байниязов «Мамбет Утемишулы и восстание казахских тюрок в XIX в.»; Т. Меликзаде «Восстание армян и несториан на территории Ирана в годы Первой мировой войны»; О. Ф. Караман «Русский империализм в Туркестане и Андижанское

[3] *Дефтеры мукатаа* – реестры, фиксировавшие поступления арендной платы за пользование имуществом.
[4] Дословно *нефир-и амм* переводится как «всеобщая мобилизация».

восстание»; Ф. Алиева «Выступления против советской власти в Азербайджане в 1920–1922 гг. (по материалам российских архивов)»; Э. Латифова «Восстание кавказских народов против русских властей в XIX в. на примере восстания 1844 г. в Илису»; А. Уразбаева «Участие казахской интеллигенции в национально-освободительной борьбе и духовном подъеме в начале XX в.»; А. Р. Йетер «Взгляды царской администрации на движение за независимость в 1916 г.». Тематику восстаний осветил и участвовавший в секции по военной истории С. Кылыч, рассмотревший историю неудачных попыток Германии поднять антирусское восстание на Восточном Кавказе в годы Первой мировой войны (С. Кылыч «Попытки Германии развязать восстание на Восточном Кавказе в годы Первой мировой войны и Эмир Аслан Хан Хойский»).

Другой большой блок данный секции составили доклады, посвященные истории военных переворотов (7 из 22) в Турции и соседнем Ираке (Я. Доганер «Роль национального фронта в политическом процессе, приведшем к перевороту 27 мая 1960 г.»; С. Г. Четинкая «Научный анализ военного переворота 27 мая 1960 г.»; Ш. Демир «В тени военного переворота 27 мая 1960 г.: борьба за власть между Комитетом национального единства и Союзом вооруженных сил»; А. Кылыч «Влияние переворота 27 мая 1960 г. на систему образования»; М. Бостанджи «Военный переворот 1958 г. в Ираке»; Ю. З. Кескин «Влияние Меморандума [командования Вооруженных сил Турции] от 12 июня [1980 г.] на турецкую внутреннюю политику и государственную структуру»; А. Эди «Процесс президентских выборов в 1980 г.»).

Впервые за долгое время на конгрессе была организована секция «Военная история». Доклады этой секции были посвящены следующей проблематике:

- История военного дела древности, средневековья и нового времени (И. Дурмуш «Военная сила скифов»; С. Й. Гомеч «Кичик Кутлуг Алп Ябгу и Туркестан»; Н. П. Озтюрк «К вопросу об освещении итогов Таласской битвы в китайских источниках»; А. Крокмаз «Поворотный момент истории печенегов: битва при Лебурне (1091 г.) и ее значение с точки зрения тюркской истории»; В. Алексич «Была ли битва на р. Марице забытой европейской битвой при Манцикерте?»; М. Солак «Защищать границу от турок» – формирование хорватского военного пограничного округа (1522–1549)»; В. Гёгер «К вопросу о некоторых захваченных Османами в ходе осад в XVII в. пушках и бомбардах»);
- Военная организация, снабжение, комплектование и инфраструктура османских и тюркских армий и их противников (Г. Дильбаш «Экспансия Османской империи в Европу и венгерская система трех крепостей»; М. Дж. Эрдоган и Б. Э. Чавдароглу «Значение военной разведки как ключевого элемента османских военных побед»; С. Полат «Одна сложная задача организации снабжения османских военных походов: «*Эт темини*»[5] и попытки ее решения»; Дж. Федакяр «Строительство крепости Согуджак (1728)»; Д. Сапаралиев «Военная структура киргизов в XVIII–XIX в. по данным исторических источников»; Р. Абдулмаджидов «Наем войск Имамом Шамилем в Турции и Аджарии в 1845 г.»; У. Учунджу «Доставка военных материалов из района Гюмюшхане на фронт в годы Национально-освободительной борьбы»; О. Йылмаз «Некоторые соображения относительно состояния анатолийских войск накануне Крымской войны»; Г. Динч «История формирования и службы полка редифа в Анталье»; Х. Дургун «Анатолийский полк редифа в [подавлении] восстания в Йемене: победы и несчастья»)

В программу конференции впервые включена секция, посвященная миграциям и оседлости. Интересно в этой связи, что секция не рассматривала древнюю и средневековую историю кочевых народов Евразийских степей. Основное внимание участниками данной секции уделялось следующим темам:

- Государственная политика переселения народов (М. Шахин «Переселенческая политика Эмира Тимура на примере жителей Мараша и Кара-татар»; Э. Зульпыхарова «Ссылка турок-

[5] *Эт темини* – мясное довольствие.

месхетинцев в Кахастан»; В. Алибекова «Миграция и расселение. Казахстан – большая семья: турки-месхетинцы»; (на примере переселения завоеванного населения в средневековье, переселений этнических групп и народов России и СССР, положению современных мигрантов, а также проблемам формирования национальных диаспор).

- Миграции этнических групп и народов на территорию Османской империи (Д. Кыдырниязов «Миграция проживавших в Крыму и на Северном Кавказе ногайцев в Турцию в 50-х – 60-х гг. XIX в.»; В. Умудлу «Миграция населения Гянджи на территорию Османской империи в 1894 г.»; П. Е. Инджи «Обустройство на новом месте мусульман-эмигрантов из Югославии в Турции в 1950-х – 1960-х гг. на примере районов Чамдиби и Алтындаг уезда Борнова вилайета Измир»; Б. Я. Алабаш «Миграции из Киркука (Ирак) на территорию Турции в 1980–1990-х гг.»; Х. Йылдырым «Размещение беженцев с территории Балкан в вилайете Люлебургаз (1950–1960)»; З. Ибрагимова «Полемика дагестанских теологов о необходимости хиджры (конец XIX – начало XX вв.)»);
- Диаспорам на территории Османской империи и современной Турции (М. Магомедханов и Р. Ченсинер «Роль Османской империи в судьбе мухаджиров из Дагестана»; М. Мусаева «Дагестанская диаспора в Турции: этнографический обзор»; А. К. Амирханова «Кумыки-мухаджиры в Турции»; У. Кёксал «Федерация объединений турецких беженцев и эмигрантов и ее деятельность»).

В ходе секции также особо рассматривался еврейский вопрос в Османской империи, а также роль республиканской Турции как перевалочного пункта на пути еврейской миграции в Палестину (М. Чолак «Немецкие сионисты и Великий визирь Талат-паша: проблема поиска родины для евреев»; А. Каймак «Сионистская пропаганда против Османской империи в годы Первой мировой войны: миграция еврейского населения из Яфы и Газы на север (1917)»; Т. Кодал «Еврейская эмиграция в Палестину через Турцию и отношение к ней в Турции (1939–1945)».

Помимо этого рассматривались вопросы миграции исповедующих христианство народов на территорию Азербайджана (Т. Шахбазов «Христианские мигранты на территории Азербайджана в XIX в.: причины и последствия»), эмиграция из Османской империи в сефевидский Иран (Э. Неджиев «Миграции с территории Анатолии в государство Сефевидов: причины и последствия»), а также судьбы гагаузов, проживающих на побережье Азовского моря (Л. Чимпоеш «История переселения гагаузов в район Азова, их современное состояние и идентичность»).

Секция по истории армяно-турецких отношений традиционно рассматривала их сложные и многочисленные аспекты, правда, без участия армянских историков.

На каждой секции заявленная тематика рассматривалась на материалах и источниках, относящихся к тюркским этносам, государствам или культурному наследию.

Интересно, что на проводившейся в заключительный день конгресса секции по истории Турецкой Республики рассматривались вопросы актуальной внешней политики Турции. Так, дискутировался вопрос о том, насколько перспективно членство Турции в НАТО (Дж. Явуз «Отношения Турции и НАТО: пришло ли время выходить из альянса?»), кризис в турецко-американских отношениях и пути выхода из него (М. С. Эрол «Кризисные явления в американо-турецких отношениях после 11 сентября: каково их будущее?»), осмысливалась история отношений Турции и ЕС (Э. Я. Акчай «От переговоров в столкновению: отношения Турции и ЕС в период правления Партии справедливости и развития»). Обсуждались и советско-турецкие (С. Думан «Турецко-советские отношения после смерти И. Сталина») и российско-турецкие отношения (С. Кадиева «Российско-турецкие отношения на современном этапе: проблемы сотрудничества и перспективы развития»).

Присутствие российских ученых на конгрессе было ощутимым. Особое внимание привлекли доклады сотрудников Института востоковедения РАН Т. А. Филипповой («Преодолевая язык ненависти. Образ турок в русской газетной сатире в Первую мировую

войну.»), А. В. Болдырева («Османский Ближний Восток в истории республиканской Турции: проблема Мосула и Хатая в 1920-е – 1930-е гг.»), И. В. Зайцева («Российская электронная библиотека мусульманских рукописей – Manuscripta Islamica Rossica»).

Д. Д. Васильев сообщил о новых находках памятников тюркской рунической письменности в Хакасии, предложил их расшифровку и дал видеопрезентацию. Большой интерес вызвали доклады коллег из Казани Д. М. Усмановой («История печатных изданий, выпускавшихся татарскими эмигрантами в 1920–1930-е гг. и их значение как социокультурного источника: журналы "Яна Милли Йол" и "Яна Япон Мухбири"») и Г. Э. Рафиковой («Посещение России Хильми-пашой в 1910 г. и его отголоски среди российских мусульман»). Известный российский исследователь положения турецких военнопленных в России В. В. Познахирев («Турецкие женщины и дети в русском плену в XVIII – начале XIX вв.») анонсировал свою новую книгу, посвященную турецкому высшему офицерству в русском плену. Много вопросов от турецких историков вызвал доклад А. Д. Васильева о малоизвестных источниках периода Первой мировой войны – русских и украинских полковых газетах, выходивших в воинских частях на Кавказском фронте.

Следует отметить, что большое число докладов было посвящено событиям новой и новейшей истории и современности. В ряде докладов отчетливо просматривался политический заказ. Например: доклад проф. Абдулвахапа Кара «Процесс перехода на латинский алфавит в Казахстане и Единство алфавитов в тюркском мире»; доклад Агила Шахмурадова «Положение тюркских народов в российских республиках Северного Кавказа»; доклад Энеса Демира «Исторический контекст турецкой военной политики по отношению к Северному Ираку и ее стратегия»; доклад Шахина Догана «Оценка законодательных актов Российской империи с точки зрения тюркской истории» и др. Следует отметить, что в целом аудитория конгресса, большую часть которой составляли студенты турецких вузов, благосклонно принимала доклады националистической, неоимперской и даже шовинистической направленности, что часто вызывало замешательство и определенное смущение у организаторов конференции и модераторов секции. Так, доклад Бурджу Тугай («Турецкая внешняя политика в «проблемных» регионах мира на примере крымских татар, уйгуров и турок-месхетинцев») встретил одобрение в зале, после того как автор высказалась о необходимости проводить более активную политику поддержки тюркоязычных народов. Однако видя это, руководитель секции доц. Эркин Экрем взял слово и заявил, что турецкое правительство не вмешивается во внутренние проблемы других государств. В то же время, участник от РФ, крымский историк и общественный деятель, Исмет Заатов подвергся нападкам и критике слушателей, в ответ на что пригласил участников посетить Крым и составить собственное мнение, увидев ситуацию своими глазами. Можно сказать, что имперская ностальгия и чувство великодержавного шовинизма находят благодатную почву среди турецкой молодежи. Государственная пропаганда и риторика политической элиты подогревают эти чувства, а отношение к России остается в целом недружественно-настороженным.

По сравнению с прошлыми конгрессами обращало на себя внимание крайне слабое присутствие западно-европейских и американских тюркологов (за исключением двух участников из Германии, один из которых, к тому же, – этнический турок) и значительно возросшее число представителей среднеазиатских республик и, соответственно, – региональной исторической тематики.

На конгрессе выступала представительная делегация узбекистанских ученых. Здесь можно отметить прозвучавшие претензии, подчеркивающие их право (в «тюркском мире») на древнее общетюркское культурное наследие и конкретные цивилизационные ценности.

В целом XVIII Международный конгресс историков Турецкого исторического общества продемонстрировал рост социально-политической значимости исследований своих и зарубежных историков для повышения международного авторитета страны, что подчеркивалось в выступлениях политических и общественных деятелей. Вместе с тем

отмечалось усиление националистического акцентирования в оценках исторических событий и отражение внешнеполитического курса Турции и ее претензий на Османское имперское наследие. Мероприятие отличал светский характер, что соответствовало традиции, заложенной основателем Общества и полностью, включая дорогу и пребывание, обеспечивалось организаторами, за что мы приносим им глубокую благодарность.

Литература / References

Васильев А. Д., Васильев Д. Д. Конференция российских и турецких историков в Москве // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 245–251 [Vasiliev A. D., Vasiliev D. D. Konferentsiia rossiiskih i turetskih istorikov v Moskve // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2018. 3. Pp. 245–251].

Васильев А. Д., Васильев Д. Д. Первая мировая война и российско-турецкие отношения в начале XX века: международная конференция (фонд «История Отечества», Москва, ул. Подсосенский переулок, д. 25с3; 4–5 апреля 2018 г.) // *Проблемы востоковедения*. 2018. № 2(80). С.95–98 [Vasiliev A. D., Vasiliev D. D. Pervaia mirovaia voina i rossiisko-turetskie otnosheniia v nachale XX veka: mezhdunarodnaia konferentsiia (fond “Istoriia Otechestva”, Moskva, ul. Podsosenskii pereulok, d. 25s3; 4–5 aprelia 2018 g.) // *Problemy vostokovedeniia*. 2018. № 2(80). Pp. 95–98].

КОНФЕРЕНЦИЯ АССИРИОЛОГОВ И ЕГИПТОЛОГОВ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

В. Ю. Шелестин*

Статья посвящена всероссийской научной конференции с международным участием «Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тысячелетиях до н. э.», проходившей 26–27 октября 2017 г. в Москве. Тематика докладов включала полный спектр ассириологических и египтологических направлений, были широко представлены хеттология и этническая история древнего Ближнего Востока.

Ключевые слова: ассириология, египтология, хеттология, этническая история, конференция.

CONFERENCE OF ASSYRIOLOGISTS AND EGYPTOLOGISTS IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS

Vladimir Yu. Shelestin

The article gives highlights of the All-Russian Conference with the international participation "Ethnocultural development of the Ancient Near East in the IV–I millenia B.C.", which took place on October, 26-27, 2017 in Moscow. The talks covered topics of the full range of Assyriological and Egyptological studies, the strong points were the Hittitology and the ethnic history of the Ancient Near East.

Key words: Assyriology, Egyptology, Hittitology, ethnic history, conference.

26–27 октября 2017 г. в Институте востоковедения РАН состоялась конференция «Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тысячелетиях до н. э.», организованная Отделом истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН[1]. Мероприятие продолжило традицию регулярно организуемых отделом конференций памяти Э. А. Грантовского (с 1996 г.) и Д. С. Раевского (с 2005 г.), объединявших исследователей древнего Ближнего и Среднего Востока. Поскольку Э. А. Грантовский и Д. С. Раевский были, прежде всего, иранистами, организаторы очередной посвященной их памяти конференции предложили собраться в 2017 г. узким кругом иранистов, в связи с чем у ассириологов и египтологов отдела возникла потребность в собственной площадке для обмена научными результатами. Так была организована конференция, объединившая 21 исследователя древнего Ближнего Востока из научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Перми и Женевы (Швейцария).

Конференцию открыл заместитель директора ИВ РАН *А. К. Аликберов*, подчеркнувший разносторонность деятельности сотрудников Отдела истории и культуры Древнего Востока. Доклады конференции были сгруппированы в ассириологические (с большим уклоном в хеттологию) и египтологические заседания.

М. А. Чегодаев (ГИИ) в докладе «Око слушает иероглифику» показал особенности древнеегипетского восприятия памятников письменности и искусства, отличные от современного. Древние египтяне считали впечатления, вызываемые памятниками, свидетельством заключенной в них сакральной силы.

* Владимир Юрьевич ШЕЛЕСТИН, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; vshelestin@ivran.ru

Vladimir Yu. SHELESTIN, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; vshelestin@ivran.ru

[1] Большая часть докладов конференции была опубликована в виде тезисов или статей в сборнике [Карлова и др., 2017].

Н. В. Лаврентьева (ГМИИ им. А. С. Пушкина) посвятила доклад «“Владыки жизни”: изображения саркофагов на памятниках из Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина» проблеме асинхронистичности между формами и типами полноразмерных саркофагов и их изображений на предметах погребального инвентаря. В различные эпохи преобладал тот или иной тип саркофага, однако современные ему предметы погребального инвентаря зачастую изображали другой тип. Докладчица предложила объяснять подобную асинхронистичность пониманием изображений саркофагов как их иероглифических моделей, воспроизводящих форму соответствующего иероглифа.

А. В. Миронова (ГАУГН) в докладе «Праздники бога Монту в период Нового царства» провела анализ праздников, отмечавшихся в фиванских храмах Гермонта, Тода, Медамуда и Карнака в честь древнеегипетского бога-воителя Монту. На основании сопоставления сцен из рамессидской гробницы жреца Хонсу-Та с памятниками более раннего времени была реконструирована календарная последовательность этих праздников и их обрядность. Сравнение с программой праздника Опет позволило исследовательнице интерпретировать смысл перемещений статуи Монту между храмами как встречу разных ипостасей этого бога, отчасти символизирующих путешествия Солнца по небосводу и подземному Нилу.

З. В. Махачащвили (ИВ РАН) выступил с докладом «Древнеегипетские вельможеские обелиски в Древнем царстве», изучив причины появления и семантику нецарских обелисков Древнего царства. Согласно его наблюдениям, при V династии обелиск превращается в объект поминального культа как модели восхождения к солнцу, и в этом качестве при VI династии распространяется в столичных некрополях как отражение стремления высших чиновников разделить посмертную судьбу своих правителей.

К. Д. Камышев (Колледж профессионального образования Пермского государственного национально-исследовательского университета) в докладе «Этноконфессиональная характеристика римско-иранского пограничья к концу I в. до н. э. (попытка исторической реконструкции)» постарался систематизировать данные по этноконфессиональной ситуации на Ближнем Востоке к концу I в. до н. э. Несмотря на столетия эллинизации, территория, ставшая римско-иранским пограничьем в I в. до н. э., сохраняла к началу нашей эры свое этноконфессиональное многообразие.

Н. В. Козырева (СПбГУ) в докладе «Этнополитические процессы в Южной Месопотамии в эпоху ранней древности (3500–1500)» проследила динамику этнополитических процессов в период формирования и первоначального развития месопотамской цивилизации. Данные археологии и письменных источников позволяют выделить фазы урбанизации, деруралиэации и дезурбанизации в хозяйственном развитии региона на фоне развития институтов городского самоуправления с последующими их конфликтами с царской властью и смены преобладающего этноса с шумерского на аккадский.

В. В. Емельянов (СПбГУ) в докладе «Жертвы оракулу в эпоху Энентарзи» представил новый перевод и интерпретацию шумерского административного текста Nik 1, 174, хранящегося в Государственном Эрмитаже. В своей интерпретации докладчик отталкивался от трактовки В. К. Шилейко, однако пришел к выводу о датировке этого текста правлением не Урукагины, а Энентарзи. Упоминание человека с ритуальным именем Тиусуше «для увеличения лет жизни», исчезающего в более поздних хозяйственных текстах I династии Лагаша, и 10 рабов позволяет видеть в них объекты жертвы, принесенные богу Месанду в связи с болезнью сына правителя. В таком случае, этот текст – единственное письменное шумерское свидетельство о человеческих жертвоприношениях

А. В. Сафронов (ИВ РАН) докладом «Новые данные по египетско-угаритским дипломатическим связям в конце XIII в. до н. э.» вписал находки новых египетских артефактов в представленную им в предыдущих работах по данной проблеме картину египетско-угаритских связей в конце XIII в. до н. э. Дополнительное подтверждение получил

тезис о переориентации Угарита на Египет при Мернептахе и возвращении под хеттский контроль при Сети II и Аменмессу.

А. А. Немировский (ИВИ РАН) в докладе «Еще раз об умман-манда месопотамских текстов» выступил с критикой недавнего отождествления умман-манда середины II тыс. до н. э. с хурритами в работах С. Адалы. Согласно аргументации докладчика, этот этноним следует относить к переднеазиатским (индо-)ариям как пришельцам с Кавказа.

Н. А. Николаева (МГОУ) в докладе «К вопросу о происхождении киммерийцев» рассмотрела проблему преемственности отдельных этапов «киммерийской» культуры в XIII–VIII вв. до н. э. Эволюция отождествляемой докладчицей с киммерийцами срубной культуры многоваликовой керамики, развивавшейся последовательно в сабатиновскую и, затем, белозерскую, происходила на фоне роста фракийского влияния на нее. Итогом была ассимиляция части иранцев фракийцами и вытеснение другой их части за Волгу.

А. К. Аликберов (ИВ РАН) выступил с докладом «Аланские ворота и этимология алан». Докладчик осветил раннюю историю Аланских ворот – важных оборонительных рубежей на Кавказе в эпохи древности и средневековья – в свете данных этимологии этнонимов аланы и албанцы.

Б. Е. Александров (МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Туттуль и хетто-ассирийская граница на Среднем Евфрате в середине — конце XIII в. до н. э.» проследил историю трехкратного перехода контроля над среднеевфратским городом Туттуль в ходе хетто-ассирийского противостояния в середине – конце XIII в. до н. э. Вновь опубликованные письма из угаритского архива Уртену позволили докладчику заключить, что хетто-ассирийское противостояние в этот период охватывало не только северный и центральный, но и южный (включающий Туттуль) сегмент верхнесреднеевфратского региона.

В. Ю. Шелестин (ИВ РАН) в докладе «Западный предел распространения хеттской культуры в эпоху Древнего царства» рассмотрел найденные в 2013 г. в европейской части Стамбула антропоморфные фигурки, трактуемые как следы хеттской культуры. По мнению докладчика, наиболее вероятно считать эти артефакты свидетельством случайного контакта жителей Юго-Восточной Анатолии с Европой, тогда как распространение собственно хеттской культуры в XVII–XVI вв. до н. э. не достигало Мраморного моря.

О. В. Попова (ИЯ РАН) в докладе «Лингвистическая политика в Вавилонии I тыс. до н. э.: статус аккадского и арамейского языков» проследила эволюцию отношения Ассирийской, Вавилонской и Персидской держав к языкам Вавилонии I тыс. до н. э. – аккадскому и арамейскому. Хотя правители Новоассирийского и Нововавилонского царств благоприятствовали аккадскому языку, а арамейская культура не стала доминирующей в Месопотамии, арамейский язык на протяжении I тыс. до н. э. упрочивал свои позиции в регионе и успешно пережил все три державы.

А. В. Сидельцев (ИЯ РАН) в докладе «К просодической интерпретации данных древнеписьменных текстов. Безударная проклитика *nu* vs ударный кластер *nu* + энклитики в хеттском языке?» рассмотрел просодию хеттского вводного союза *nu* «и» в одиночном употреблении и при присоединении к нему энклитики или энклитической цепочки. Если в одиночном употреблении *nu* – единственное безударное слово хеттского языка, то в составе энклитической цепочки оно получает ударение.

А. А. Л. Солька (РГГУ / Университет Женевы) посвятил доклад «Южноанатолийские топонимы, первая попытка классификации» попытке классификации южнохеттских топонимов в свете вероятных хетто-минойских контактов.

О. И. Зубова (ИВ РАН) в докладе «*nṯr ꜣꜥ* и *nṯr nfr*: два аспекта единой сущности» показала, что древнеегипетские эпитеты солнечного диска «бог великий» и царя «бог прекрасный», употребляемые в качестве царских титулов IV–V династий, следует воспринимать не в противопоставлении, а как два проявления одной и той же божественной сущности.

Е. В. Александрова (Центр Египтологии им. Б. А. Тураева) в докладе «Сюжетная схема перехода и глаголы движения в “Текстах Пирамид”» обратилась к рассмотрению метафорических коннотаций глагола *pri* «выходить» в «Текстах Пирамид» в рамках сюжетной схемы перехода. Докладчица подчеркнула значимость интерпретации выхода (как одной из стадий перехода) как рождения – посмертного воскресения фараона.

Е. Б. Смагина (ИВ РАН) в докладе «Гендерный аспект в гностических учениях и манихействе» проследила гендерную биполярность эманаций – «проявлений», на которые разделяется единое божество в воззрениях гностиков. Уже позднеантичные ересиологи видели в гностическом представлении о гармонии как сочетании мужского и женского начал влияние платоновского мифа об андрогинах, однако докладчица напомнила и о возможных библейских истоках данной экзегезы. Несмотря на различие в отношении к гендеру гностического (предполагающего воссоединение двух разделенных начал) и манихейского (предполагающего вечное разделение двуполого темного начала) учений, последнее демонстрирует преемственность гностицизму в этом аспекте.

А. Е. Демидчик (НГУ) в докладе «Об этнической однородности древнеегипетского общества в Старом и Среднем царстве» показал социально-экономические для отсутствия сепарации и парциации древнеегипетского этноса.

И. А. Ладынин (МГУ им. М. В. Ломоносова) выступил с докладом «“Поясоносцы” и “люди Тифона”: к интерпретации двух терминов “Оракула горшечника”», посвященным спорным моментам политической терминологии эллинистического египетского произведения «Оракул горшечника». В тексте этого памятника основатели и жители Александрии – македоняне и греки – названы «поясоносцами» (ζωνοφόροι) и «тифонцами» (Τυφώνιοι). Анализ греко- и египтоязычных традиций употребления сходных терминов позволил докладчику предположить, что оба обозначения врагов Египта восходят к созвучным между собой египетским словам *Sttyw* («азиаты», в переосмыслении на основе знака S22A) и *T̲styw* («люди Сета, Сетовы»).

Выступления докладчиков показали, что ИВ РАН может быть удобной площадкой для встречи российских ассириологов и египтологов, однако на заключительном заседании было решено в будущем вернуться к использованию в качестве таковой традиционную для Отдела истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН конференцию памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского.

Литература / References

Карлова К. Ф., Петрова А. А., Сафронов А. В., Шелестин В. Ю. (ред.). *Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тысячелетиях до н. э. Материалы научной конференции (Москва, 26–27 октября 2017 г.).* М., 2017 [Karlova K. F., Petrova A. A., Safronov A. V., Shelestin V. Yu. (eds.). *Etnokul'turnoe razvitie Blizhnego Vostoka v IV–I tysiacheletiiakh do n. e. Materialy nauchnoi konferentsii (Moskva, 26–27 oktiabria 2017 g.).* Moscow, 2017].

СЛУЖАНКА В ИНДИИ:
ОБЗОР-РЕЦЕНЗИЯ С РАЗМЫШЛЕНИЯМИ И ПЕРЕВОДОМ

Е. Ю. Ванина*

Обзор-рецензия на книгу Трипти Лахири «Служанка в Индии. Истории возможностей и неравенства внутри наших домов» посвящена размышлениям о взаимоотношениях домашних слуг и их хозяев в современной Индии. Эта проблематика, вписывающаяся в одно из актуальных исследовательских направлений в общественных науках, фокусирует сложнейшую гамму экономических, социальных, этнокультурных, эмоциональных отношений в рамках дихотомии «господство – подчинение». Несмотря на модернизацию, включающую распространение онлайн-форм рекрутирования и законодательную защиту работников, рынок домашнего труда в Индии накладывается на традиционные представления о доминировании высших и подчиненности низших каст, а также о ритуальной «чистоте» и «осквернении», связанных с ними практиках социальной и пространственной (в границах домохозяйства) сегрегации хозяев и слуг. К рецензии приложен перевод двух разделов книги.

Ключевые слова: домашние слуги, хозяева, доминирование, подчинение, каста, сегрегация, рынок труда.

MAID IN INDIA: A REVIEW WITH CONTEMPLATION AND TRANSLATION

Eugenia Yu. Vanina

A review of Tripti Lahiri's book "Maid in India. Stories of Opportunity and Inequality Within Our Homes" contemplates on the relations between domestic servants and their employers in modern India. This problematical range, as a part of a topical research trend in social sciences, focuses in itself a most complex web of economic, social, ethno-cultural, and emotional interrelations within the "domination – subordination" dichotomy. Given all its modern features, including online forms of recruitment and legal protection of workers, domestic labour market in India exists within a traditional framework of high castes' domination vs lower castes' subjugation, along with the notions of ritual purity and pollution that dictate the practices of social and spatial (within the home) segregation of masters and servants. The review is augmented by the translation of two chapters from the book.

Keywords: domestic servants, masters, domination, subjugation, subordination, caste, segregation, ritual purity / pollution, labour market.

---

* Евгения Юрьевна Ванина, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. VANINA, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; eug.vanina@gmail.com

** Публикуется в рамках проекта «Под небом Южной Азии. Слуга и хозяин: региональная специфика подчинения и доминирования в контексте социокультурной гетерогенности» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Published as a part of the research project "Under the Skies of South Asia. Servant and Master: Regional Specificity of Submission and Domination Within the Context of Cultural Heterogeneity" within the Fundamental Research Program "Cultural Complex Societies: Understanding and Governance" by the Presidium of the Russian Academy of Sciences.

Книга Трипти Лахири «Служанка в Индии»[2] [Lahiri, 2017] не претендует на звание научного исследования. Автор – профессиональный журналист, много писавший о положении женщин и их труде в Южной Азии, в том числе и для таких престижных СМИ, как «Уолл-стрит джорнэл». Рецензируемая книга, первая в биографии Лахири, построена на основе журналистских расследований и написана как собрание журнально-газетных статей (отсюда «истории» в подзаголовке), в специфическом стиле, с непременным присутствием автора. При этом работа сопровождается внушительного размера библиографией – из текста очевидно, что все включенные в нее научные и статистические источники были проработаны, хотя и не присутствуют в тексте, как требуют академические правила, в виде сносок. Авторские наблюдения и обобщения свидетельствуют о хороших аналитических способностях, а обильный и многообразный материал делает книгу Лахири ценным источником для исследования проблемы домашних слуг в Индии, к которой обратилась в 2017 г. междисциплинарная проект-группа «Под небом Южной Азии»[3].

Индийский дом, будь то роскошный особняк олигарха или политика, комфортабельная многокомнатная квартира или бунгало представителей среднего класса (численность которого почти вдвое превосходит население России), скромное жилище живущего от зарплаты до зарплаты горожанина или усадьба богатого крестьянина, немыслим без прислуги – постоянно проживающей или приходящей. Номенклатура профессий домашних слуг включает разнообразные специальности: няни, уборщики, повара, садовники, шоферы, привратники, охранники (последние четыре, разумеется, в богатых семьях). С многовековым институтом и многообразием отношений «слуги – хозяева» автору этих строк сразу же пришлось столкнуться во время первого посещения Индии в качестве стажера Делийского университета (1979–1980 гг.). Нас, четырех советских студенток, снимавших квартиру в одном из районов Дели, буквально вынудили принять услуги приходящей уборщицы за плату, которая составляла определенную прореху в нашем скромном бюджете и была, по общему убеждению, ненужным расходом на сквернейшего качества уборку – и по столу, и по полу служанка елозила одним и тем же веником, держа при этом на руке годовалого малыша (предложения усадить его на кровать или стул под нашим присмотром оказались неприемлемы как для матери, так и для ребенка, тут же поднимавшего крик на всю улицу).

Однако привычное для советского быта самообслуживание и вид «белых леди» с веником и тряпкой вызывали у хозяев и соседей культурный шок, явное отвращение, и нам пришлось смириться, хотя работу за уборщицей мы потом втайне переделывали. Взаимоотношения хозяев дома с этой работницей и еще с тремя жившими у них слугами были частой темой наших разговоров, но, разумеется, тогда мы не имели представления о всей сложнейшей гамме экономических, социальных и культурных проблем, которые обозначаются простой оппозицией «слуга – хозяин». В настоящее время данная проблематика находится в центре целого ряда международных научных проектов, осуществляемых как в рамках направления Labour Studies (исследования труда), так и вне его[4].

---

[2] Lahiri T. *Maid in India. Stories of Opportunity and Inequality Within Our Homes*. Delhi, 2017. Название книги предполагает игру слов: на слух maid (служанка) звучит одинаково с made (сделанный), то есть название может звучать как «Сделанное в Индии». Возможна и аллюзия с лозунгом, выдвинутым премьер-министром Индии Нарендрой Моди “Make in India” («Делай в Индии» – призыв к развитию национального производства).

[3] Проект-группа «Под небом Южной Азии» (ПНЮА) Центра индийских исследований Института востоковедения РАН с 2011 г. исследует под руководством И. П. Глушковой проблематику стран Южной Азии с использованием актуальных и продуктивных методологий мирового востоковедения. В октябре 2017 г. состоялась конференция ПНЮА «Под небом Южной Азии: слуга и хозяин». Подробнее о ПНЮА, ее конференциях и публикациях, см.: URL: http://ivran.ru/pnua (дата обращения 3.09.2018).

[4] См. издающиеся на эту тему журналы: *Labor Studies Journal* (URL: http://journals.sagepub.com/home/lsj), *Journal of Labor Research* (URL: https://www.springer.com/social+sciences/journal/12122), *Work and Occupations* (URL: http://journals.sagepub.com/home/wox (дата обращения 3.09.2018)). Рассматривая многообразные аспекты наемного труда вообще, они публикуют исследовательские материалы и о домашних слугах в различных

Интерес специалистов обусловлен тем, что взаимоотношения прислуги и работодателей в разные эпохи и в разных культурных обстановках фокусируют важнейшие общественные явления, описываемые в рамках дихотомии «господство – подчинение».

Эта дихотомия определяет, кто, как и кому служит, какова экономика домашнего прислуживания, каковы реалии социальной взаимозависимости между господами и прислугой. Речь идет именно о взаимозависимости: слуги зависят от хозяев и подчиняются им, но и хозяева зависят от слуг, без которых нормальное жизнеобеспечение, функционирование домохозяйства и семейного коллектива невозможно (особенно это касается Индии, где многие представители элиты признают, и часто с гордостью, что не в состоянии самостоятельно приготовить даже чай). Социальные, культурные, гендерные, этические, эмоциональные, пространственные (часто разграниченные «мир господ» и «мир прислуги» в рамках дома) аспекты взаимосвязей хозяев и слуг, способы рекрутирования домашних работников и регулирующие их жизнь законы – все это дает возможность глубже заглянуть в изучаемый социум и добраться до тех его основ, которые часто бывают завуалированы статистикой, идеологией, пропагандой и т. д.

Книга Лахири начинается с пролога, в котором автор вспоминает свою поездку в Гоа, где в курортном отеле одна из подруг отмечала юбилей. Не желая расставаться с трехлетней малышкой, хозяйка взяла ее с собой в ресторан под надзором няни, которую посадила за общий стол наравне с гостями; женщина, угощаясь тем же, чем и прочие участники празднества, отлично справилась со своим делом, обеспечив матери и гостям спокойный вечер. Но многие из приглашенных были возмущены самой возможностью сидеть за одним столом с прислугой, и когда тех же гостей пригласила на завтрак мать именинницы, няне пришлось сидеть позади воспитанницы (ни в коем случае не рядом с ней за столом) и кормить ее, после чего служанке предложили позавтракать на кухне. «Границы между странами обозначаются заграждениями и охраной, – заключает автор, – границы между классами – тем, где ты можешь сидеть, куда ты можешь сходить в туалет, где и с кем тебе позволено есть» [Lahiri, 2017, p. xii]. Именно этот случай и подвиг автора на создание книги об индийских слугах, вернее – служанках, составляющих, по оценке Лахири, примерно две трети от общего числа домашних слуг в Индии[5].

В обширном предисловии [Lahiri, 2017, p. 1–28] автор исследует специфику отношений «слуга (служанка) – хозяин» в индийском контексте. Отмечая, что «слуги в Индии были всегда», она подчеркивает: если в первые десятилетия после обретения Индией независимости (1947 г.) количество домашних слуг резко сократилось (главные наниматели-англичане уехали, и общий уровень жизни индийцев был таков, что лишь очень богатые могли позволить себе нанимать прислугу, особенно для постоянного проживания в доме). Однако с начала 1990-х гг. экономическая либерализация вызвала значительный рост доходов среднего класса, не говоря о промышленной, финансовой, политической и т. д. элите. Средний класс получил возможность покупать дома или строить на долевой основе в многоэтажных комплексах-кондоминиумах многокомнатные и многоуровневые квартиры, где предусматривались места и для слуг. Резко вырос процент работающих женщин: с 2001 по 2011 гг. их стало больше на 70% [Lahiri, 2017, p. 15], и растущая занятость женщин в самых

странах. Непосредственно Южной Азии посвящен международный проект Европейского исследовательского совета *Servants' Pasts* (URL: https://servantspasts.wordpress.com/ (дата обращения 3.09.2018)). См. также меморандумы конференции ПНЮА-7 2017 г. и ПНЮА-воркшопов 2018 г. (URL: http://ivran.ru/pnua (дата обращения 3.09.2018)).

[5] Точной статистики количества домашних слуг в Индии не существует. Переписи населения включают их в категории «других работников» или «неорганизованного сектора» (т. е. не относящихся к числу земледельцев, промышленных рабочих, ремесленников и т. д.). Основанные на различных методиках подсчеты и оценки дают огромный разброс результатов – от 4,2 до 100 млн. чел. – *Domestic workers across the world: Global and regional statistics and the extent of legal protection*. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_173363.pdf (дата обращения 15.07.2018). Сама Лахири, ссылаясь на различные оценки, считает реальной цифру в 5–7 млн. [Lahiri, 2017, p. 14].

различных сферах экономики, образовании, медицине, административной деятельности и политике, других сферах, вплоть до армии и полиции, заставила даже относительно небогатые семьи нанимать тех, кого политкорректность заставляет определять как «домашние помощники»[6].

Главная индийская специфика состоит, как подчеркивает Лахири, в том, что взаимоотношения хозяев и «домашних помощников» **определяются не только и даже не столько обычной рыночной экономикой покупки-продажи рабочей силы**, сколько традиционными социально-этическими нормами «господство – подчинение», кастовыми представлениями, в числе которых особая роль принадлежит понятиям «ритуальной чистоты – нечистоты» и статуса. Заработная плата служанок определяется сторонами контракта (иногда письменного, иногда словесного), одна из которых готова платить за труд определенную сумму (часто хозяева тратят на один обед в престижном ресторане гораздо больше, чем дают прислуге в месяц), а другая, в условиях массовой безработицы, согласна даже на мизерное вознаграждение.

Однако в условиях Индии не менее важным, чем зарплата, является **статус служанки** в доме, ее доступ к элементарным благам (туалету, питьевой воде, пище), праву на перерыв и отдых, а главное – человеческое достоинство, признаваемое всем обществом, включая хозяев, и защиту от унижений, побоев, изнасилований и прочих обид, с которыми постоянно сталкиваются служанки. Причем часто это происходит не из-за сознательной злонамеренности хозяев, а просто потому что они не считают служанок, принадлежащих, как правило, к низшим кастам и племенам, равными себе человеческими существами и, лицемерно рассуждая о равенстве и правах человека, отказывают своей прислуге в праве пользоваться туалетом или пить воду из домашнего фильтра – гигиенические соображения здесь маскируют традиционную боязнь «осквернения». Все попытки федеральных и местных властей законодательно установить минимальную заработную плату для прислуги и заставить работодателей заключать с ней контракт, оговаривающий количество рабочих часов в день, необходимость предоставлять слугам обеденный перерыв и доступ к основным элементам жизнеобеспечения, разбиваются о традиционные представления нанимателей о слугах как о существах низшего порядка.

С горькой иронией Лахири отмечает, что это даже «не заслуживает называться лицемерием», поскольку «лицемерие предполагает осознание огромной разницы между нашими декларациями и нашими действиями», а такого осознания у большинства индийских работодателей просто нет. Строя себе роскошные апартаменты, они сокращают и без того крохотную жилплощадь, отводимую в доме для слуг, «ради просторных мраморных ванных и туалетов, ради огромных гостиных, где мы и наши гости, живущие в таких же домах, ведем дискуссии о том, как Индии выбраться из нищеты», в то время как слуги ютятся в каморках под крышей [Lahiri, 2017, p. 25]. В домах, «построенных на средства налогоплательщиков для служащих государства, конституция которого заявляет о социальном равенстве и борьбе с кастовой дискриминацией, туалеты имеют по два входа, один из которых зарезервирован для уборщика... Люди, объявляющие себя свободными от кастовых предрассудков, не разрешают уборщице туалетов готовить пищу, ссылаясь на гигиену. Делийские профессора левых убеждений, оплакивающие убийственное влияние приватизации и неограниченного капитализма на рабочую силу, вдруг заявляют о необходимости “придерживаться рыночных цен”, когда кто-то из друзей платит своей прислуге, по их мнению, слишком много. И даже, что особенно болезненно, наша семья, славившаяся терпимостью к межкастовым и межконфессиональным бракам (таким, как брак моих родителей), держит, опять же из “гигиенических” соображений, отдельную посуду для прислуги» [Lahiri, 2017, p. 26].

[6] Характерно, что операционная система моего компьютера подчеркивает слово Maid в названии рецензируемой книги (сноска 2) как стилистически неверное и предлагает заменить на House cleaner.

В начале расследования Лахири обращается к вопросу о том, как женщины (часто юные девушки или вообще дети[7]) становятся служанками, и отвечает примерами конкретных судеб, повествуя о семьях своих героинь – уроженок Бихара, Джхаркханда, Западной Бенгалии и Ассама[8]. У одних родители бедствуют на крошечном клочке земли, у других зарабатывают гроши на поденной работе; ассамские девушки с родителями вынуждены оставить свои дома после резни, устроенной боевиками из племени бодо и переселиться в лагеря для беженцев. Выходцы из низших каст и племен, как правило, неграмотные или, в лучшем случае, едва знающие буквы, они отправляются в Дели по рекомендации знакомых и родственниц, уже работающих в столице, или поддавшись на уговоры «дяденек» и «тетенек» – агентов специальных вербовочных фирм, о которых речь ниже. Лахири описывает целые поселения в бедных и отсталых районах, где главными кормильцами семей являются жены и дочери, работающие служанками в крупных городах; мужчины пробавляются случайными заработками, кое-как ковыряют жалкие участки земли и любят судачить о том, что, на самом деле, лишь немногие из женщин занимаются «работой номер один», то есть выполняют обязанности нянь, кухарок и уборщиц, а остальные зарабатывают «работой номер два» – сексуальным ублаготворением хозяев. Так они позорят жен, дочерей и сестер, которых сами же отдали в служанки.

Далее автор прослеживает судьбы девушек и женщин, которым, в целом, повезло: «дяденьки» и «тетеньки» не продали их в криминальные банды, для занятий проституцией или полурабского труда на маленьких нелегальных фабричках, а действительно определили для «работы номер один» в какой-либо из делийских домов. Вся книга написана на материале Дели, и многие ее главы названы по адресам тех столичных кварталов или жилых комплексов, где живут представители среднего и высшего класса. Как и во многих других городах, в Дели место проживания человека сразу же говорит о его социальном статусе.

Приехав в метрополис, сельский житель попадает в совершенно новый для себя мир – эта давно ставшая клише фраза вполне точно описывает существование служанок в столице, но с одним уточнением: они привозят с собой свой мир, свои привычки и навыки, совершенно несовместимые с образом жизни представителей среднего класса и элиты, опередивших своих деревенских соотечественников, особенно из отсталых регионов, не на десятилетия – на века. Поэтому многие агентства, занимающиеся рекрутированием и размещением в городе прислуги, содержат специальных инструкторов, которые обучают потенциальных служанок пользоваться бытовой техникой и химией, стучать при входе в комнату хозяев, накрывать на стол и прочим правилам этикета. Многие, либо вовсе не зная хинди, либо пользуясь провинциальными диалектами, непонятными столичным жителям, нуждаются в языковой подготовке; инструкторы также сообщают женщинам об их правах, о принятых парламентом и местными законодательными органами законах о домашнем труде, и т. п. На сайтах агентств размещаются онлайн-калькуляторы, с помощью которых будущий работодатель, введя данные о требуемом объеме работ, может определить, какую сумму он должен будет платить служанке (плюс оплата услуг агентства). Завершив переговоры, агентство заключает между прислугой и нанимателем договор, в котором указываются права и обязанности сторон. Но это идеальная схема, работающая, как показывает Лахири, лишь в сравнительно небольшом проценте случаев. Часто хозяева просят увольняющегося слугу привезти себе замену из числа родственников или соседей по деревне или берут прислугу по рекомендации знакомых. В данном случае ни о каких договорах и обязательствах речи не идет, и деревенские жительницы даже не подозревают об их существовании.

Оказавшись в доме хозяев, служанка втягивается в сложнейшие отношения с хозяином, «мадам» (главным человеком в доме, управляющим слугами), прочими членами

[7] В Индии детский труд запрещен законом, который легко обходят, поскольку дети из низших каст и племен часто не имеют свидетельств о рождении и, по инициативе вербовщиков и хозяев, а также собственных родителей, завышают свой возраст.

[8] Названия штатов в Индии.

господской семьи – и своей собственной тоже. В одних случаях женщины теряют контакты с родным домом из-за недоступности во многих отсталых районах средств мобильной связи, в других – по злой воле хозяев, отнимающих у служанки телефон или запрещающих заводить его, «чтобы не тратила время на болтовню». Но бывает и так, что, глотнув городского воздуха, прислуга сама отказывается от общения с родными: они приезжают в город, разыскивают дочь или сестру с помощью специальных некоммерческих организаций (НКО), помогающих насильственно удерживаемым женщинам, и слышат, что служанка теперь живет своей собственной жизнью, не желая общаться с семьей и посылать ей деньги. В доме хозяева и слуги разделены социально и пространственно (отдельные комнаты и входы для прислуги в богатых домах, нередко запрет входить в господские покои, готовить себе пищу там же, где ее готовят для хозяев, пользоваться холодильником, фильтром для воды, туалетом, стирать свои вещи). Все эти вопросы дамы обсуждают на специальных интернет-форумах, которые сплачивают «нас» – богатых, образованных, цивилизованных, благовоспитанных – против «них», грубых, ленивых, грязных, вороватых и диких, нуждающихся в постоянном контроле.

К чести Лахири, в книге отсутствует прямолинейный социологизм. Далеко не все хозяева – злобные эксплуататоры: некоторые ведут себя с прислугой корректно, хорошо ей платят, а иные и вовсе делают служанок членами семьи и помогают им или их детям получить образование и найти в городе достойное место. Аналогичным образом, далеко не все служанки несчастные жертвы; среди них есть воровки, обманщицы, лентяйки и т. д. В то время как некоторые домашние работницы становятся жертвами побоев и изнасилований со стороны хозяев, даже гибнут от их садистской жестокости (в книге подробно рассказывается о потрясшем всю Индию случае, когда супруга известного политика «на нервной почве», из-за неурядиц с мужем, забила насмерть служанку), другие возводят на своих работодателей ложные обвинения в сексуальных домогательствах, чтобы отомстить за грубое обращение или просто «получить много денег»[9]. Однако при всех хитросплетениях исследуемых автором конкретных судеб хозяев и их домработниц, вывод, который делает Лахири, точно раскрывает индийскую специфику взаимоотношений «слуга – хозяин». Эта специфика выражена писательницей в строках, вынесенных на обложку книги:

«Отношения, которые большинство индийцев поддерживают со своими слугами, выросли из феодальных прав сельских землевладельцев на людей, которые должны были служить им за возможность арендовать землю или потому что принадлежали к определенной касте. Как таковые, эти отношения отмечены знаками, маркирующими превосходство хозяев над теми, кто работает для них. Мы едим раньше, они – после, часто остатки нашей пищи; мы живем в основной части дома, они – на заднем дворе; мы сидим на стульях, они – на полу; мы пьем из стеклянных стаканов или керамической посуды, а они – из металлической, специальной для них отложенной; мы называем их по именам, а они нас – по титулам, иногда формальным, иногда семейным: сэр/мадам, сахиб/мэм-сахиб[10], *бау-джи, ма-джи, диди*, тетушка, *бабá*[11]» [Lahiri, 2017, p. 24–25].

---

[9] Два года назад профессор университета им. Дж. Неру в Дели, хорошо знакомый многим российским индологам, был обвинен служанкой в сексуальных домогательствах. Созданная руководством университета и преподавательским профсоюзом комиссия провела расследование и доказала, что служанка оклеветала хозяина в отместку за грубую ругань, которую тот обрушил на нее за невыполнение одной из обязанностей – кормления и выгуливания собаки. Прежде, чем навет был опровергнут, профессора отстранили от работы и публично опозорили. Несмотря на доказанную невиновность, в университет он так и не вернулся.

[10] Мэм-сахиб – вошедшее в практику в колониальные времена обращение к госпоже: «мэм» (от madam) + «сахиб» (господин).

[11] *Джи* – в хинди и других североиндийских языках прибавляемая к имени, названию родства или обозначению профессии частица, означающая «уважаемый». *Бау* или *бабá* – отец, батюшка, *ма* – матушка, *диди* – старшая сестра. Индийские слуги нередко используют имена родства при обращении к хозяевам.

Из книги Трипти Лахири «Служанка в Индии

Служба, не слуги[12]

Я впервые услышала о компании "The Maids" («Служанки»), подслушав беседу ее основательницы на каком-то званом вечере. Панджабка Гаури Сингх, подобно многим молодым индийцам, после школы двинулась по стопам родителей. Ее отец и мать были архитекторами, основавшими в Чандигархе[13] фирму и работавшими над престижными проектами, включавшими даже базу ВМФ в Южной Индии. Но, получив диплом архитектора, Гаури все же решила идти своей дорогой. Закончив в Лондоне высшую школу по изучению развития, она работала на гуджаратскую НКО SEWA[14], которая занимается проблемами женщин, занятых в неформальном секторе. Через несколько лет она основала небольшую микрофинансовую группу для женщин из Лудхианы[15]. Многие ее клиентки были служанками, что и натолкнуло Гаури на мысль о новом проекте, о чем она и рассказывала нашему общему приятелю на том вечере.

Теперь и мы с ней друзья, но тогда я знала о Гаури лишь то, что она стильная женщина и живет в великолепно обустроенном доме, в хорошем квартале – сочетание, которое неизменно настораживает меня в общении с малознакомыми людьми. Услышав, как она рассказывает о своей работе по подготовке и трудоустройству кухарок и уборщиц в Гургаоне[16], я ворчу: какое отношение поставка служанок в богатые семьи имеет к развитию?

Год спустя я зашла на веб-сайт компании Гаури. Сайт бодрый, с мультяшным изображением женщины, держащей сковороду, веник и прочие орудия труда. Онлайн-калькулятор позволяет будущим работодателям подсчитать, сколько им придется платить служанке за четыре, восемь или двенадцать часов готовки и уборки, исходя из минимальной зарплаты в штате Хариана[17]. Я пытаюсь высчитать, как люди смогут определить справедливую зарплату для своей кухарки или уборщицы – проблема, которую я решаю с трудом для собственной прислуги, разрываясь между желанием быть лучше, чем люди моего круга, и опасением, как у многих, что «нас используют». На интернет-форумах, предоставляющих информацию новым жителям Дели, иностранцам и вернувшимся на родину индийцам, вспыхивают словесные битвы по вопросу о том, сколько нужно платить прислуге, и люди одного класса и одного уровня достатка приходят к совершенно разным выводам.

Как многие рынки труда в Индии, рынок домашних услуг одновременно страдает и от изобилия, и от недостатка. На вечеринках многие гости жалуются, как трудно найти надежную прислугу. Вместе с тем, согласно переписи населения, между 2001 и 2011 гг. 13,5 млн. работников ежегодно пополняют рынок труда. Большинство из них не имеют достаточного образования, для того чтобы получить даже скромную должность в сегменте «белых воротничков». В результате, на рынок труда выходят женщины, чтобы дополнить заработок мужа платой за работу, которую каждая из них знает с детства. Таких женщин много, и когда спрос на домашних работников велик, они сбивают цены на свой труд на 100–200 рупий в месяц. Проблемы наступают из-за того, что ожидания хозяев не соответствуют тому, что они действительно готовы платить.

---

12 Этот и следующий фрагмент публикуется в сокращенном переводе Евгении Ваниной.

13 Город на северо-западе Индии, общая столица штатов Панджаб и Хариана.

14 SEWA – аббревиатура (Self Employed Women's Association – Ассоциация самозанятых женщин) складывается в слово, обозначающее на хинди и других языках «служение».

15 Лудхиана – город в Панджабе.

16 Гургаон – пригород Дели, один из элитных районов столицы.

17 Административно Гургаон принадлежит штату Хариана.

За вознаграждение, устраивающее хозяев, они могут найти лишь неквалифицированных работников и сезонных мигрантов, отправляющихся в свои деревни на время жатвы или праздников и возвращающихся потом в город – или нет. Если вам нужен кто-то, не требующий особой подготовки и готовый пустить корни в городе, вы платите больше. Намного больше. Самые умные, опытные, надежные женщины – те, кто, если вы хотите, может управлять вашей жизнью и водить ваших детей гулять без вашего присутствия, – встречаются гораздо реже и пользуются огромным спросом.

Мы встречаемся с Гаури в кофейне, в августе 2012 г., и она говорит мне, что верит: если можно научить служанок, хотя на это нужно много времени, вести хозяйство в городе и вообще ориентироваться в городской жизни, то можно научить и хозяев платить прислуге нормальные деньги. По словам Гаури, ее потрясло, когда исследования, проведенные в 2011 г., показали, что средняя зарплата домашней прислуги составляла 5500 рупий в месяц за полный рабочий день, около 12 часов, даже в богатых семьях работников транснациональных компаний и IT-фирм. Она также подсчитала, что минимальная сумма для выживания семьи из четырех человек составляла 10000 рупий в месяц. Гаури и две ее доверенные помощницы, последовавшие за ней из SEWA, решили привязать зарплату прислуги к минимальной зарплате штата Хариана, таким образом заставив нанимателей увеличить зарплату прислуги на 50%.

Через год после начала своей деятельности Гаури сумела набрать около 70 служанок в надежде распространить свой бизнес на всю страну. В 2012 г. клиент, нанимавший горничную через фирму Гаури, должен был платить 7150 рупий в месяц за 12-часовой рабочий день. В 2015 г. онлайн-калькулятор высчитывал 9600 рупий за 8-часовую работу – 12-часовой рабочий день даже не предлагался. 10% процентов компания удерживала на такие расходы, как аренда офиса, обучение служанок и предоставление им первой медицинской помощи. Клиенты, однако, заявляли, что зарплаты прислуге установлены слишком высокие. Гаури сказала: «Я думала: ух ты, может, я действительно перестаралась, потому что слышала: “Миссис Сингх, ваши цены зашкаливают”, “Вы что, из-за границы, из Англии прислугу привозите?” Было время, когда за мытье посуды платили 300 рупий, то есть 10 баксов[18] за полсотни грязных тарелок. Просто смешно!».

Все это заставило Гаури понять: если она, легко завоевавшая уважение клиентов своим обликом, одеждой и знанием английского, столкнулась с таким сопротивлением, то что могла изменить в своем положении служанка? В доме, где она окружена людьми из другого класса, в условиях, когда все новые и новые женщины выходят на рынок труда с готовностью выполнить работу за меньшую плату, каковы ее шансы убедить хозяев платить больше, разрешить прислуге пользоваться туалетом или давать еженедельный выходной? Классовая война, решила Гаури, должна идти между членами одного и того же класса. Такие люди, как мы, утверждает она, не изменят своего поведения до тех пор, пока не испугаются потери лица в глазах себе подобных, пока они не поймут, что нарушают нормы своего класса – или того, в который желают войти. «Они не будут слушать прислугу, – говорит она мне, – они будут слушать таких, как я».

Многие служанки, особенно недавно приехавшие в город, не любят жаловаться на отношение к себе хозяев до тех пор, пока можно терпеть. Домашние работницы, с которыми я общалась в январе 2014 г. в офисе компании “The Maids”, в основном – бенгалки, делятся секретами о поведении своих нанимателей. Во время дискуссии о необходимости для них изучать хинди, Сеоли, невысокая и крепкая бенгалка, повествует о некоторых эпизодах в семье, где она раньше служила. «Я делала всё, что прикажет хозяйка, но не всё понимала, что она говорит, как быть? Она велела мне выгладить белье, а я стояла, не двигаясь, потому что не понимала, чего она хочет. Старший братец[19] врезал мне крепкую оплеуху и сказал: “Дочка,

[18] В настоящее время 300 рупий соответствуют 4,38 долларам США.
[19] Имеется в виду хозяин.

почему ты не можешь выучиться? Учись поживее. Нам всем будет хорошо, если мы станем понимать друг друга"».

«Он тебя ударил?» – спрашивает Прити Чаухан, инструктор компании по этикету.

«Братец был хороший», – отвечает Сеоли.

«Но он тебя ударил?» – снова спрашивает Прити.

«Они были хорошие», – отвечает Сеоли.

Пришла моя очередь попытаться: «Но они же били тебя».

«Подумаешь, две-три оплеухи. "Почему ты не можешь выучиться?" Вот за что. Он мне врезал, и я выучила хинди хорошо. Со страху», – хихикает Сеоли.

Прити объясняет женщинам, что если кто-то бьет тебя, это преступление, за которое сажают в тюрьму. Потом выясняется, что впоследствии Сеоли тоже не смирилась и все-таки вызвала полицию. «Она била меня по лицу все время, едва встанет», – говорит она о невестке своих хозяев. Даже когда Сеоли упала на лестнице и сломала руку, она продолжала работать. «Если я не подавала чай вовремя, она меня била. Я ужасно рассердилась. Она сказала: "Я тебе ничего не заплачу. Пошла вон!" Она выбросила мои вещи на лестницу. Я позвала полицию».

Когда полиция пришла, хозяйка использовала хорошо известную тактику – обвинила служанку в краже смартфона. Но Сеоли получила помощь из двух неожиданных источников. Соседка сказала полицейским, что Сеоли – честная женщина, и засвидетельствовала, что хозяева ее часто били. Младший сын хозяев, еще не воспитанный в духе классовой и семейной солидарности, заплакал и сказал полиции: «Папа часто бьет эту тетю». Полицейские, не отличающиеся особой чувствительностью и не осознающие, насколько рискованно втягивать в такое дело ребенка, спросили мальчика, не видел ли он мамин смартфон. Мальчик побежал и достал гаджет из-под подушки, куда, как он заметил, мама его спрятала.

«Если мадам выдвигает такое обвинение, немедленно приходите к нам. Не принимайте его, – обучает женщин Прити, – если вас кто-то бьет, ругает или обвиняет в краже, не глотайте обиду, идите скорее сюда. Почему вы должны терпеть? Сегодня они обвинят вас в чем-то незначительном, и если вы смолчите, завтра обвинят в чем-либо крупном». Прити поясняет, что если служанку обвинили в краже, два сотрудника компании придут в помещение прислуги искать пропавшую вещь. Если ее найдут, хозяева имеют право написать заявление в полицию.

В этой специфической сфере контракт, заключаемый компанией "The Maids", свидетельствует о сложных переговорах, целью которых являются как повышение статуса служанок, так и удовлетворение запросов нанимателей, имеющих завышенные, строго иерархические ожидания. В определенных случаях Гаури склоняется перед запросами хозяев, но гораздо чаще она вторгается туда, куда редко проникают подобные агентства, хотя именно они впервые инициировали заключение контрактов там, где всегда действовали устные соглашения.

Поскольку фирмы по найму прислуги берут высокие комиссионные, это сделало необходимым подтвердить получение денег и заключить контракт между агентством и нанимателем с простым указанием имен и адресов сторон, зарплаты служанки и комиссионных агентства, дат начала и конца найма. Как правило, агентства никогда не уделяют внимания условиям труда прислуги, оставляя этот вопрос на милость хозяев. "The Maids", напротив, затрагивают мельчайшие детали взаимоотношений служанки и ее нанимателей, и реальная практика клиентов дает уникальную возможность узнать, как ведут себя господа, если их не контролировать.

Большинство людей не терпят вмешательств в домашние дела, будь то взаимоотношения супругов, воспитание детей или положение слуг. Но троянский конь контрактов, заключаемых компанией, сопровождает появление в доме давно разыскиваемой служанки, дает гарантии нанимателю и одновременно ставит их домохозяйство под определенный контроль.

В одном из своих пунктов, например, контракт требует от хозяина «относиться к служанке с уважением и предоставлять ей ежедневный доступ к адекватного качества туалету». Этот пункт входил еще в самые ранние версии контрактов, ибо во время пилотного эксперимента в Лудхиане многие служанки сообщили Гаури, что хозяева не допускают их к домашнему туалету. Даже в Гургаоне одна из женщин жаловалась на то, что семейная пара, нанявшая ее, требовала, чтобы прислуга справляла нужду за пределами дома. «И куда, черт возьми[20], ей надо было ходить?» – возмущается Гаури (со своими охранниками и шоферами хозяева поступают точно так же, поэтому даже в роскошных, элитных кварталах с обилием прислуги можно так же часто, как и на больших дорогах, встретить мужчин, справляющих нужду у стены).

Еще один пункт контракта гласит: «Служанка должна быть обеспечена питьевой водой». Он был добавлен, когда многие домашние работницы заявили о том, что стесняются просить своих хозяев о воде даже в сильную жару и ничего не пьют целый день, хотя температура зашкаливает за сорок градусов. Добыть воду самой, особенно для новенькой, – невозможно, не случайно в Индии продаются холодильники с замками[21]. Служанки, работающие более длинные смены – 8 или 12 часов – жалуются, что хозяева требуют от них трудиться все время без отдыха, тем более что считают плату за услуги и без того завышенной. Так появился пункт: «служанке предоставляются два чая (в первую и вторую половину дня) и ланч за 9–10 часов работы. За 4–5 часов работы предоставляется один чай». При этом уточняется, что перерыв на чай должен составлять не менее 15 минут, а на ланч – 40. Указывается также, что если хозяева не намерены кормить прислугу ланчем, они обязаны доплачивать ей 1000 рупий в месяц. Хозяев также просят зафиксировать, будет ли прислуга сама готовить себе обед или получит то же, что готовится для семьи, когда она сможет обедать – до хозяйского приема пищи или после.

Это не мелкие вопросы, и пренебрегать ими означает, что на службе домашней работнице придется двигаться по минному полю, всякий раз рискуя не угадать, что ей можно и чего нельзя. Одна из служанок рассказывает, что как-то раз ее хозяйка ушла на прогулку рано утром и долго отсутствовала, не предупредив прислугу о времени своего возвращения. В ожидании госпожи служанка пообедала; когда же хозяйка вернулась, она была возмущена тем, что прислуга поела раньше нее, и закатила истерику. «Ты кем себя возомнила, чтобы есть раньше меня? Кто тут служанка – я или ты?» – орала она.

Именно такие гневные вспышки и истерики Гаури надеется оставить в прошлом. Она полагает, что взаимоотношения между работниками и нанимателями, слишком опутанные семейными отношениями, стали слишком личными. Слугам и хозяевам будет лучше, если четко отделить работу от того, кто ее выполняет, отделить таким образом, который марксистские мыслители подвергли бы критике, но, по мнению Гаури, именно это освободит и слуг, и хозяев. «Нет необходимости кричать, вопить и сходить с ума из-за нее или чувствовать неуверенность “Что будет со мной, если она уйдет!” Нужно фокусироваться на домашней работе, а не на домашней работнице, которой необходимо управлять»[22].

Битва, которую вела Гаури все пять лет существования ее бизнеса, была трудной, и перспектива сделать его общеиндийским осталась далекой. Изменения в индийском налоговом законодательстве заставили увеличить комиссию с нанимателей. «Я трачу больше времени на тренировку хозяев, чем слуг», – говорила она. В 2016 г. она практически закрыла компанию, сосредоточившись на создании мобильных приложений под названием «Смотри

---

20 В оригинале более грубое выражение.

21 В индийских домах бутылки с питьевой водой – фильтрованной или минеральной из магазина – обычно держат в холодильнике.

22 Если я поняла верно, Гаури хочет избавить хозяев и служанок от межличностных отношений, базирующихся в Индии на кастовых предрассудках, практиках социального доминирования и подчинения, ритуальной чистоты – нечистоты и т. д., оставив лишь труд как таковой и вознаграждение за него. Хозяйка, согласно такому подходу, должна думать о чистоте своей кухни, а не о том, что воду из холодильника достает низкокастовая служанка. Не надо быть марксистским мыслителем, чтобы понять несбыточность таких надежд (прим. переводчика).

и учись», обучающих хозяек и служанок. Прислуга обучается этикету, кулинарным секретам и прочим хозяйственным технологиям (как стелить постель или мыть стеклянные стаканы[23]) с помощью специальных видео на различных языках. Хозяйки могут с помощью этих приложений не только учиться обращению с прислугой, но оставлять заказы на определенные виды работ и оплачивать их онлайн. Не была бы идеальной система, при которой домашний работник не контактировал с хозяевами, получая заказы и плату через мобильное приложение?

Однако создание нечто вроде «Убер-такси» для найма домашней прислуги пока еще в далеком будущем. Главной проблемой является безопасность, и если люди садятся в такси, управляемое незнакомцем, то вряд ли они доверят свой дом случайным работникам. Отношения между слугами и господами в Индии напряжены не только из-за феодальных пережитков, но и из-за стрессов, с которыми связано ведение хозяйства в стране. Любая «мадам» знает: придет служанка или нет, нужно кормить семью и сделать так, чтобы жизненный цикл ее членов не нарушался. Даже в хорошо платящих и добрых к прислуге семьях нередки потрясения, потому что они нередки, прежде всего, в жизни самих служанок. Неуверенность хозяек, ведущих дом с посторонней помощью и не знающих, какой кризис принесет им наступающий день, заставляет постоянно фиксироваться на служанках, ибо именно они обеспечивают нормальную жизнь семьи, и поэтому «мадам» постоянно вращается в круге между благодарностью и раздражением, зависимостью и дистанцированием. Служанка становится метафорой для всего, что разочаровывает и утомляет в жизни индийского дома, и именно на нее всегда можно свалить все проблемы. А для прислуги единственно возможным способом улучшить условия труда становится включение хозяина или хозяйки в свою жизнь на правах старшего члена семьи. Ей нужно стать почтительным просителем помощи. И потому многие служанки воспринимают ругань и оплеухи своих нанимателей не как недопустимое беззаконие, а как доказательства того, что их приняли в семью и будут о них заботиться. В конце концов, разве не таким же образом многие мужья дисциплинируют жен, а родители – детей, которых любят и за которых отвечают?

И все же излишняя персонификация тяжело сказывается как на худших, так и на лучших взаимоотношениях. Вы нанимаете прислугу, чтобы не думать о домашних делах, чтобы освободиться от нескончаемой череды забот хорошего индийского дома о постоянном поступлении к столу свежих блюд[24] и бесконечной уборке, но это не работает, приводя, в конечном итоге, к обмену обязанностями.

К этому пониманию приходят все нанимательницы домашней прислуги в Индии, как это происходило с англичанками колониальной эпохи. В начале 1800-х гг. Мэри Марта Шервуд, дочь священника, спрашивает другую англичанку о том, что происходит с детьми индийских женщин, которые нянчат детей своих английских господ. «Они обычно умирают», – ответила англичанка, которая, видимо, считала подобные смерти неизбежными издержками профессии. «Но ведь это убийство», – возмутилась Шервуд. Ее собеседница отвечает: «Когда они нянчат белого младенца, они перестают заботиться о своем». Единственный способ избежать этого, продолжает она, состоит в том, что английская мать, нанявшая индийскую кормилицу для своего ребенка, «берет на себя труд взять ребенка кормилицы в свой дом и приглядывать за ним». Иными словами, женщина заботится о ребенке мадам, а мадам, в свою очередь, приглядывает за младенцем своей прислуги.

Когда женщины из Джхаркханда, Западной Бенгалии или Уттар-Прадеша попадают в делийские дома, это всегда рулетка, которая может поместить их в одну из тех индийских

---

[23] Стеклянная посуда в Индии – атрибут городских жителей; сельские, в основном, пользуются металлической, что создает для деревенских служанок сложности в городских домах.

[24] Индийцы не доедают остатки от предыдущей трапезы, считая такую пищу «нечистой». Каждое блюдо подается на стол свежеприготовленным; наше обыкновение готовить на несколько дней и разогревать пищу в Индии исключено.

семей, которые гордятся традицией хорошего обращения с прислугой, или в гораздо менее счастливые условия. И пока они не откроют ворота в загадочный мир за стенами дома, они никогда не знают, что ждет их впереди.

«Магнолии», Гургаон

Нарушив в процессе подготовки этой книги множество журналистских правил, я собираюсь нарушить еще одно, самое святое: никогда не скрывай, что ты журналист. Я сопровождаю Амита Капура, сотрудника компании "The Maids", не как журналист, а как коллега, чтобы помочь будущему нанимателю найти подходящую прислугу.

На подобных встречах Амит, элегантный молодой человек из Химачал-Прадеша[25] с дипломом бакалавра по бизнесу, выясняет, какую служанку семья хочет получить, и старается найти наиболее подходящую. Я сопровождаю его в «Магнолии» – престижном жилом комплексе Гургаона, где некоторые этажи белых небоскребов заняты единственной квартирой площадью в 6000 квадратных футов[26]. Вход в комплекс, где цветочный орнамент лепнины скрывает лифтовые шахты, мы с Амитом проходим быстро, но бенгалку, которую мы привели с собой, женщина-охранница осматривает более тщательно.

Обычно Амит ведет переговоры о найме служанок с хозяйками, но на этот раз нам предстоит встреча с мужчиной, предпринимателем за пятьдесят, который собирается перевезти в новую квартиру свою семью. Небритый мужчина открывает дверь и просит подождать в прихожей, пока он доложит хозяину о нашем приходе. Несколько минут спустя нас приглашают войти. Сняв по просьбе мужчины обувь, мы входим внутрь и по сверкающему полу из итальянского мрамора перемещаемся в гостиную, уставленную белыми кожаными кушетками. Кроме них, никакой другой мебели нет, стены также голые – процесс обустройства явно еще не закончен. На одной из кушеток восседает мужчина в белой одежде, носках и тапочках: итальянский мрамор зимой холоден.

Амита и меня приглашают сесть, но на Прартхну, потенциальную служанку, приглашение не распространяется. Высокая, худощавая, очень прямо держащаяся женщина в голубом хлопковом сари и кофте остается стоять у кушетки. Начальница Амита, Гаури Сингх, всегда требует, чтобы будущей прислуге предлагали стул. Как-то раз, когда клиент велел служанке сесть на пол, Гаури прервала его и сказала, что сделает то же самое. Но Амиту немногим больше 20 лет, он не так уверен в себе, как его хозяйка, а я нахожусь здесь вообще на птичьих правах, так что никто из нас не встал из солидарности с Прартхной.

Амит начинает знакомить хозяина с краткой биографией работницы, как его учили, но хозяин, не дав ему сказать и двух слов, начинает расспрашивать служанку сам. Что она умеет? Как давно работает? Почему оставила предыдущих нанимателей? Когда Амит пытается что-то сказать, хозяин обрывает его: «Не вмешивайтесь, когда я говорю с ней. Ваша очередь придет». Несколько мгновений спустя, когда Амит снова пытается вступить в разговор, клиент говорит: «Тихо, парень, тихо».

Амиту так и не удалось вставить ни слова, и бизнесмен приказывает своему небритому помощнику (он работает обычно в офисе, но сейчас помогает хозяину с наймом служанки, как часто бывает в семейном бизнесе) проводить Прартхну на кухню и провести испытание. Прартхна должна осмотреть кухню и определить, какие из находящихся там предметов чистые, а какие грязные. Я не могу не вспомнить тесты по редактированию, которые мне пришлось сдавать: если ты делаешь недостаточно, выглядишь робким и небрежным; если излишне проявляешь себя, да еще при редактировании уже опубликованного текста, показываешь излишний энтузиазм и агрессивность. Амит просит разрешения сопровождать Прартхну, но ни ему, ни мне разрешения не дают: возможно, хозяин боится, что мы передадим ей верные ответы. Она первый раз в этом доме и, очевидно, нервничает. Любой

[25] Химачал-Прадеш – штат на севере Индии.
[26] 557,4 кв. м.

бы занервничал, указывая на грязные вещи в чужом доме, даже у друга. Задание кажется ловушкой.

Прартхна возвращается и тихо перечисляет вещи, нуждающиеся в очистке. Человек на кушетке заявляет, что она перечислила не все и снова посылает ее на кухню. Так происходит еще дважды. Когда женщина дает несколько расширенный ответ, хозяин прерывает: «Отвечай на вопрос. Не более того» и поясняет, что хочет проверить ее способность выполнить простой приказ, в чем он сомневается. Это, по его мнению, общенациональная проблема: «Индийцы не умеют слышать, они только слушают. Звук влетает в их уши, и только». Он жестом изображает что-то наподобие влетающего в ухо комара.

Я думаю, что у этого человека со слухом тоже не все в порядке. В какой-то момент он спрашивает о полицейском подтверждении личности служанки, и Амит отвечает: «Да, сэр, подтверждение и все такие вещи мы сделали, не беспокойтесь». Ответ на вопрос получен, но хозяин, кажется, его не услышал: «Видите, Амит, вы не услышали, о чем я спросил. Вы ответили что-то другое. Я спрашивал о подтверждении». Он поведал нам, какая чудесная прислуга в Америке: «Оставляете ей ключ и уходите. Через два часа весь дом сияет».

Я знаю, что мы с Амитом думаем об одном и том же. В Америке не бывает пыльных бурь каждую неделю[27]. В распоряжении американской прислуги – пылесос, паровая электрошвабра, посудомоечная машина и прочие устройства, делающие домашнюю работу проще. В Америке, как моя сестра ответила своей служанке на вопрос о ведении хозяйства за границей, хозяйка – повар, а ее муж – уборщик. В Америке вы бы не заставили прислугу снимать обувь у входа. В Америке вы бы не могли говорить со своей служанкой так, как говорите с этой женщиной – разумеется, если вы не привезли в Америку индийскую прислугу.

Однако интервью еще не закончено.

«Как ты будешь подметать этот пол?» – спрашивает он. Я могу сразу же сказать, что любой ее ответ окажется неверным. Он уже заранее все решил. Прартхна отвечает, что будет подметать веником из мягкой травы. Конечно, ответ не принят. Этот мрамор такой мягкий, что веником его можно поцарапать, так что его надлежит только вытирать. Затем хозяин задает еще один вопрос, самый недобрый из всех: «Что важнее: пища или чистота?».

Прартхна родом из Западной Бенгалии. Многие домработницы в Гургаоне родом из деревень округа Малда, оттуда же, откуда Лавли и ее сестры[28]. В городе они питаются неплохо: бамия, помидоры, лук, даже иногда курица. В деревне мать и младшие сестры Лавли ни разу не ели овощей и фруктов в те дни, когда я была у них. Их рацион составляли рис, немного картошки и *дал*[29], причем кое-что было явно заимствовано у соседей ради гостьи. Постоянная забота о пище, даже у людей, теоретически находящихся выше уровня бедности, малопонятна для нас, горожан, способных потратить на одно блюдо из Кхан-маркета[30] столько, сколько хватит на рис в деревне для целой семьи. Поэтому Прартхна, не задумываясь, отвечает: «Пища, сэр». Мужчина отвечает быстро и жестко, хотя в спокойном тоне: «Тогда уходи. Нечего тебе делать в этом доме, раз ты так думаешь».

Инструкторы компании “The Maids”, которым мы рассказываем обо всем этом, в бешенстве. Одна из них заявляет, что в комплексе «Магнолии» работает немало рекрутированных ими служанок, которые подметают полы из итальянского мрамора без всяких проблем – такие полы там в каждой квартире. Она прекрасно знает, что если домработница не выметет эти полы, тут же последует жалоба в компанию. «Это нувориш, – замечает женщина, руководящая Амитом, – поэтому он так помешан на роскоши своего дома

[27] Пыльные бури – одно из самых тяжелых проявлений жаркого сезона, когда ветер гонит в Дели раскаленный песок из пустыни Тхар.

[28] Лавли и ее сестры тоже служанки, о которых рассказывается в книге Лахири.

[29] *Дал* – род похлебки из чечевицы, подается к рису.

[30] Кхан-маркет – торговый квартал в Дели, где расположены весьма дорогие магазины и рестораны, популярные у местной элиты.

и трясется, как бы чего не испортить. Еще не привык». Сотрудники живо находят на «Фейсбуке» страницу сына несостоявшегося нанимателя: он позирует на фоне голландских тюльпанов во время рабочей или учебной поездки. Семья занята производством, в соответствии с призывом «делай в Индии», который премьер-министр Нарендра Моди адресовал индийским и зарубежным предпринимателям. На другой фотографии он рядом с огромной шиной, на третьей – у двери квартиры, несравненно более скромной, чем та, в которую семья собралась переезжать. Все смеются. «Посмотрите, откуда он вылез», – говорит кто-то. И правда, семья прыгнула из среднего класса в огромное богатство, надо же это отметить. И они, и покупка ими квартиры, и наем инженеров, и наем прислуги – все, в конечном счете, хорошо для экономики, но не делает их счастливыми.

Руководительница Амита спрашивает меня, как почетного сотрудника, что делать с этим клиентом – исключить из базы данных или еще поработать с ним. Я за то, чтобы дать ему шанс. Может, она сама, женщина средних лет, лучше выполнит роль посредника. В конце концов, именно таких, как он, компания хочет изменить. Но руководительница не уверена: она уже давала подобный шанс другим клиентам и знает по опыту: есть люди, которых невозможно ни удовлетворить, ни изменить.

Литература/References

Lahiri T. *Maid in India. Stories of Opportunity and Inequality Within Our Homes*. Delhi, 2017.

Электронные ресурсы

Междисциплинарная проект-группа «Под небом Южной Азии». URL: http://ivran.ru/pnua (дата обращения 3.09.2018).

Domestic workers across the world: Global and regional statistics and the extent of legal protection. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_173363.pdf (дата обращения 15.07.2018)

Journal of Labor Research. URL: https://www.springer.com/social+sciences/journal/12122 (дата обращения 3.09.2018).

Labor Studies Journal. URL: http://journals.sagepub.com/home/lsj (дата обращения 3.09.2018).

Servants' Pasts. URL: https://servantspasts.wordpress.com/ (дата обращения 3.09.2018).

Work and Occupations. URL: http://journals.sagepub.com/home/wox (дата обращения 3.09.2018).

ПЕРСИДСКИЙ СОЛОВЕЙ В САДУ СТРАНЫ СОВЕТОВ: ПОЭМА АБУЛЬКАСИМА ЛАХУТИ «ПОВЕСТЬ О РОЗЕ»

Л. Г. Лахути, Н. Ю. Чалисова[*]

Абулькасим Лахути вошел в историю литературы Ирана как поэт-революционер, внесший значительный вклад в «обновление» персидской поэзии и становление иранской поэтической модерности. Он начал творческий путь с создания суфийских газелей, писал гражданские стихи, проникнутые идеями Конституционной революции 1905–1911 гг., а оказавшись в СССР, стал основоположником таджикской поэзии, посвятив множество персидских бейтов победе революции и строительству социализма. Почти все стихи Лахути следуют классической норме, как по форме, так и в отношении нарративных техник. В статье основное внимание уделено не публиковавшейся ранее поэме «Повесть о розе», созданной в 1938 г. как частное письмо И. В. Сталину. Посылая поэму-письмо, Лахути намеревался помочь Соломону Михоэлсу и театру ГОСЕТ. Публикация текста сопровождена историей стихотворения, проливающей свет на цель создания поэмы и на дальнейшую судьбу ее автора. Мы публикуем персидский текст с русским подстрочным переводом, а также поэтический перевод Бану Лахути, отправленный вождю вместе с персидским оригиналом. В кратком анализе стихотворения фокусируется внимание на классических истоках риторической стратегии убеждения, выбранной Лахути в попытке повлиять на эмоции правителя посредством поэзии.

Ключевые слова: персидская поэзия, Абулькасим Лахути, Соломон Михоэлс.

PERSIAN NIGHTINGALE IN THE GARDEN OF THE SOVIET COUNTRY: A POEM "THE STORY OF A ROSE" BY ABULKASIM LAHUTI

Leili G. Lahuti, Natalia Yu. Chalisova

Abulkasim Lahuti entered the history of Iranian literature as a poet-revolutionary, who made a significant contribution to the "renewal" of Persian poetry and the development of Iranian poetic modernity. He began his career with Sufi ghazals, wrote civil poems imbued with the ideas of Constitutional Revolution of 1905–1911, and in the USSR became the founder of modern Tajik poetry. He dedicated a lot of Persian lines to the victory of October Revolution, and building of socialism. Almost all his poems follow the classical norm, both in form, and in their narrative techniques. This article focuses on Lahuti's poem *The Story of a Rose*, created in 1938 as a private letter to Josef Stalin to convey a private message to the ruler asking to help Solomon Michoels and his Jewish Theater (GOSET). We preface our publication with the story behind the poem; shedding some light on the poem's goal and the subsequent fate of its author. *Dāstān-e gol* is published in Persian, with Russian prosaic translation and Banu Lahuti's verse rendition, sent to Stalin along with the original, and conclude this article with an analysis of the poem, focusing mostly on the rhetorical strategy of persuasion chosen by Lahuti in his attempt to influence the ruler by means of poetry.

Keywords: Persian poetry, Abulkasim Lahuti, Solomon Michoels.

[*] Лейли Гасемовна ЛАХУТИ, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lahuty@gmail.com

Leili G. LAHUTI, PhD (Philology), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lahuty@gmail.com

Наталия Юрьевна ЧАЛИСОВА, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; chalisova@hotmail.com

Natalia Yu. CHALISOVA, PhD (Philology), Principal Research Fellow, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow; chalisova@hotmail.com

Стихи Абулькасима Лахути (1887, Керманшах, Иран – 1957, Москва) многократно публиковались в России, Таджикистане и Иране и отдельными сборниками, и в виде полного корпуса[1], однако научно-критическое издание его произведений до сих пор не подготовлено [ʿĀbedi, 2009]. Его жизненный путь, многие эпизоды которого связаны с историей Ирана и России XX в., привлекал внимание как иранистов, так и советологов [Занд, 1957; Ворожейкина, 1981; Bayāt, 1997; Karimi-Hakkak, 1995, p. 3–4, 188–202; Loloi, 2015; Cronin, 2004; Kirasirova, 2017], но и здесь обобщающая работа еще впереди.

Авторы статьи хотели бы рассказать о стихотворении, не включенном ни в одно из собраний стихов Лахути, что не в последнюю очередь связано с обстоятельствами его создания. Речь о поэме *Dāstān-e gol* («Повесть о розе»), написанной в 1938 г. Рукописный оригинал хранится в архиве Лахути, а ее единственным адресатом и предполагаемым читателем был И. В. Сталин (1878–1953). Стихи о Сталине составляют обширный кластер советской поэзии[2]; восхваления, адресованные вождю, были мощным инструментом пропаганды, их публиковали в центральной печати. В этом ряду поэма *Dāstān-e gol* стоит особняком, поскольку была написана как личное послание, имевшее нестандартную цель.

Во введении сделана попытка реконструкции стоящей за текстом поэмы истории, проливающей свет на последующую судьбу Лахути. Вслед за текстом и подстрочным переводом приведен краткий анализ поэмы с разбором поэтических стратегий, избранные персидским поэтом, проживавшим в коммунистической России и вознамерившимся, по иранскому обычаю, с помощью прекрасного слова призвать правителя к справедливости.

Введение

Обзоры персидской литературы XX в. и статьи энциклопедий представляют внешнюю историю жизни и творчества Лахути. И. Бечка пишет, что поэт «стал одним из основателей советской таджикской поэзии, хотя он никогда не забывал родной Иран, считая свое творчество частью борьбы за освобождение восточных народов»[3]. К. ʻАбеди дает более «политическое» определение: «Поэт-марксист, политический активист, внесший важный вклад в современную поэзию Таджикистана»[4]. А. А. Сейед-Гохраб отмечает, что Лахути в России стал «первым персидским поэтом, воспевавшим дело трудящихся за пределами Ирана»[5]. Академические определения статуса поэта справедливы, но не менее важны его человеческие качества: он был известен как человек, обуреваемый двумя страстями – к персидской поэзии и мировой справедливости. Его супруга Цецилия Бану-Лахути писала в «Мемуарах», что «Лахути всегда был на стороне слабых против сильных»[6]. Именно борьба за справедливость и побудила его написать «Повесть о розе».

Наметим события, в результате которых поэт, родившийся на западе Ирана, попал в Москву. Его отец Мирза Ахмад Элхами Керманшахи происходил из старинного рода улемов Бедбехана. Семья обеднела, переехала в Керманшах, где Мирза зарабатывал изготовлением плетеных туфель («гиве») и приобрел известность как поэт, писавший под псевдонимом Элхами. Он был страстным любителем «Шах-наме»: создав поэму «Песнь о Кербеле в стиле “Шахнаме”» (*Ḥamāsa-ye Karbalā be sabk-e Šāh-nāma*) [Elhāmi, 2000], он получил прозвище *Ferdowsi-ye ḥosayni*. Его сын был не только назван Абу-л-Касимом в честь Фирдоуси, но и унаследовал любовь к великому поэту. Поэтический дар Лахути проявился уже в детстве, прошедшем в

[1] См. иранские издания [Lāhuti, 1978] и [Lāhuti, 1979]. Об источниках, использованных при составлении Дивана 1979 г., см. [Lāhuti, 1979, p. 6–8]; см. также собрание сочинений [Лохути, 1961–1963]; первые два тома второго издания (в семи томах), исправленного и дополненного, опубликованы в Душанбе в 2010 г.

[2] См., например, сборник хвалебных од, изданный к 60-летию вождя народов [Сталин, 1939].

[3] См. раздел в «Истории персидской литературы», изданной Я. Рипкой [Bečka, 1968, p. 564].

[4] См. статью о Лахути в Encyclopaedia Iranica [ʿĀbedi, 2009].

[5] См. в «Истории персидской литературы» [Seyed-Gohrab, 2015, p. 125].

[6] До сих пор неопубликованные «Мемуары» хранятся в «Архиве» поэта в семье Лахути.

окружении суфиев. За красоту юношеских духовно-мистических стихов[7] он и был прозван Лахути (от *lāhūt* – «божественный мир»). Однако он достаточно рано оставил поиски Бога и проникся идеями поиска социальной справедливости. В неоконченных воспоминаниях поэт рассказывает о детских впечатлениях, которые привели к радикальной смене мировоззрения: когда по улице шел знатный человек, прохожие должны были склоняться до земли; однажды кто-то из-за боли в пояснице выпрямился раньше времени; вельможа приказал отрезать ему уши, и лишь мольбы старейшин побудили его заменить наказание на более милостивое – 50 палок «как лучшее лекарство от болей в пояснице». Лахути добавляет: «Я много раз наблюдал подобное “милосердие”» [Лохути 1961–1963, Т. 6, с. 81–82].

Первые стихи Лахути, проникнутые духом конституционной революции, появились в 1907 г., в дальнейшем он стал активным участником борьбы с шахским режимом, издавал революционно-демократические газеты и журналы, писал стихи для повстанцев. В 1921 г., разочаровавшись в идеях буржуазной демократии, Лахути вступил в созданную в 1920 г. Иранскую коммунистическую партию. Однако важнейшими для поэта остались идеи единства, равенства и взаимопонимания людей (это отражено в поэме «Спутники» [Lāhuti, 1979, p. 322]). Всю жизнь он гордился самодельным орденом, полученным за преодоление национальной розни между повстанцами во время борьбы с войсками шаха во время первой персидской революции 1909 г. (поэма «Два ордена» [Lāhuti, 1979, p. 366]). Во вторую персидскую революцию, после подавления возглавленного им второго восстания в Тебризе (*Šureš-e Lāhuti-ḵān* – «Восстание Лахути-хана»), он с отрядом сторонников пробился на территорию СССР, поверив, что в этой стране воплотится в жизнь равенство между людьми.

Начало вынужденной эмиграции поэт провел в Нахичевани, Тбилиси и Баку. Вскоре военный министр Ирана Реза-хан (будущий Реза-шах) потребовал от советского правительства, чтобы Лахути как опасный мятежник проживал не менее чем в 500 км от границы Ирана. Так в 1923 г. Лахути оказался в Москве. Он всегда считал, что живет в Москве временно, до возвращения на родину. В 1925 г. Лахути по собственной просьбе был направлен в Таджикистан, где люди говорили на понятном ему языке, а год спустя его назначили заместителем народного комиссара просвещения Таджикистана. В этой должности он проработал четыре года, большую часть времени проводя в Душанбе и в поездках по республике и неизменно принимая «сторону слабых». Он создавал школы, типографии, театры, для которых переводил на таджикский Пушкина, Шекспира, Лопе де Вегу, Грибоедова. Для молодых таджикских поэтов он стал наставником и помощником[8], он создавал стихи, став одним из основателей современной таджикской поэзии (многие его песни до сих пор поют в Таджикистане как народные).

Супругой и соратником Лахути стала поэт Цецилия Бану (1911–1998). На протяжении многих лет Лахути и Бану разбирали бейт за бейтом любимую книгу поэта – Шахнаме. Над полным поэтическим переводом поэмы Фирдоуси на русский язык Бану проработала более 30 лет[9]. Ей принадлежат и многие переводы персидских классиков (Омар Хайям, Хафиз и др.), понимать которых она училась под руководством мужа[10], а Лахути читал и переводил на персидский русских поэтов – Пушкина, Грибоедова, Маяковского. В 1934 г. Лахути – уже знаменитый таджикский поэт, и на I съезде советских писателей его избирают одним из секретарей ССП; эту позицию он сохранит до конца 1938 г.

В этот период Лахути живет в Москве, в числе его друзей многие видные советские писатели. К 1937 г., когда нараставшая в стране волна репрессий превратилась в Большой террор, Лахути оказался одним из немногих, отважившихся деятельно помогать попавшим в

[7] См. тексты в [Lāhuti 1979, p. 719–880].

[8] Эль Регистан, бывший в то время журналистом «Правды Востока», опубликовал в газете статью о том, как Лахути вступился за студентов, приехавших и далеких памирских сел в Душанбе и страдавших от невыносимых бытовых условий; см. [Эль Регистан, 1927].

[9] Подробнее см. [Chalisova, 2006].

[10] Недавно ее переводы были изданы отдельным сборником, см. [Переводы Цецилии Бану, 2016].

опалу коллегам. Пользуясь в то время (примерно в 1933–1938 гг.) благорасположением Сталина, он старался использовать его для предотвращения арестов таджикских и узбекских писателей, в том числе классика таджикской литературы Садриддина Айни[11]. В 1937 г. он встречался с вернувшимся из ссылки О. Мандельштамом, пытаясь помочь ему организовать «творческие командировки», вечер в ССП и т. п. Н. Я. Мандельштам писала в «Воспоминаниях», что он «изо всех сил старался наладить что-нибудь для опального поэта», и нашла для Лахути удивительно точную характеристику: «доброжелательный перс» [Мандельштам, 1989, с. 42, 287, 289].

Сохранились свидетельства его помощи разным людям [Сосюра, 1988]; в декабре 1938 г. Лахути сделал еще одну попытку помочь другу. На этот раз речь шла о судьбе актера и режиссера Соломона Михоэлса (1890–1948) [Гейзер, 1990], руководителя Государственного Еврейского театра (ГОСЕТ) [Veidlinger, 2000]. Театр был создан в 1919 г. в рамках национальной политики молодого государства для идеологической работы с еврейскими рабочими и беднотой. Спектакли шли на идиш, который «сквозь призму классовой борьбы» виделся языком трудящихся масс[12]. Организатором театра и до 1929 г. художественным руководителем был А. М. Грановский (1890–1937). С театром сотрудничали такие художники русского авангарда, как М. Добужинский, Р. Фальк и А. Тышлер, а декорации к спектаклю «Вечер Шолом-Алейхема» (1921 г.) создал Марк Шагал, выполнивший семь стенных панно, украшавших стены театра сначала в Большом Чернышёвском переулке, а затем на Малой Бронной улице, д. 2 (где частым гостем бывал Лахути)[13]. Первоначально в репертуар входили пьесы о жизни старых еврейских местечек.

В 1928 г. ГОСЕТ выехал в Европу на гастроли, прошедшие с огромным успехом. Однако в советской печати стали появляться публикации, обвинявшие театр в «безыдейности», «левачестве» и формализме. Гастроли в Америку отменили, Грановский остался за границей, а после возвращения труппу возглавил Михоэлс. С начала 1930-х гг. репертуар и стилистика постановок ГОСЕТ изменились: теперь большую часть репертуара составляли пьесы на современные темы, появлялись и спектакли по мотивам мировой и еврейской классики. Став режиссером, Михоэлс оставался и ведущим актером труппы. Советская пресса второй половины 1930-х гг. не обделяла ГОСЕТ вниманием, в центральных газетах печатались одобрительные рецензии. Заглавные роли в переведенном на идиш «Короле Лире» и «Тевье молочнике» принесли Михоэлсу славу. «Король Лир» оказался настоящим потрясением для Лахути (позднее они с Бану перевели пьесу на таджикский).

В январе 1936 г. в «Правде» появилась печально знаменитая статья «Сумбур вместо музыки», осуждающая «формалистскую» и «буржуазную» музыку Д. Шостаковича. Председатель Комитета по делам искусств П. Керженцев пояснил: критика музыки относится ко всем видам искусства. По воспоминаниям дочери Михоэлса, зимой 1937 г. арестовали директора ГОСЕТа Иду Лашевич, и театр охватил страх: «…волнение (отнюдь не творческого порядка) охватывало коллектив театра, когда наверху, в кабинете директора, представители Комитета по делам искусства решали вопрос, быть или не быть спектаклю» [Вовси-Михоэлс, 1997, с. 118]. Возможно, поэтому летом 1938 г. знаменитые панно Шагала, годом раньше принявшего французское гражданство, сняли со стен и спрятали[14]. «...Страх неминуемо вползал в жизнь самого Михоэлса, – пишет М. Гейзер. – Он возвращался после спектаклей поздно. Ночные беседы в доме продолжались до утра. Среди ночи к нему

[11] Известный советский иранист И. С. Брагинский рассказал эту историю в документальном фильме «Устод» (режиссер Давлат Худоназаров, «Таджикфильм», 1987).

[12] См. [Иванов, 2007, с. 8]; спектакли в другом еврейском театре – Габима, работавшем в Москве в 1918–1926 гг. под патронажем МХТ, шли, в отличие от ГОСЕТ, на иврите.

[13] Соломон Михоэлс трижды запечатлен на самом большом из них, см. описание в [Shatskikh, 2005].

[14] Об их судьбе см. [Shatskikh 2005]. Широкая публика увидела эти панно Шагала из ГОСЕТа лишь в 1991 г., см. каталог выставки “Chagall en Russie en provenance provenance des musées et collections privées en U.R.S.S, Suisse, 1-er mars au 9 juin, 1991”, published by Martigny: Fondation Gianadda, 1991.

приходили Качалов, Москвин, Зускин...[15] Ночи тридцатых годов! Длинные, страшные... Михоэлс однажды признался Анастасии Павловне (жене. – *Л. Л.*), что испытывает страх перед каждой предстоящей ночью не меньший, чем перед выходом на сцену... Забирают обычно ночью или под утро. Утром, выпив крепкого кофе, он уходил в театр. И так сутки за сутками…» [Гейзер, 1990, с. 137]. Эти строки создают минимальный контекст «Повести о розе», а конкретные обстоятельства создания поэмы описала в «Мемуарах» Ц. Бану:

«В 30-е гг. в Москве в нашем театре часто бывал персидский… поэт Лахути. Переводила шепотом с идиш для него его жена Цецилия Бану. Оба они не пропускали почти ни одной премьеры театра, а на таких спектаклях как “Тевье-молочник” и “Король Лир”, бывали даже по нескольку раз.

Частенько после спектакля они заглядывали к нам за сцену. С. М. Михоэлс бывал у Лахути дома, и за чашкой кофе, которое С. М. научил хозяев варить по-турецки, они вели долгие задушевные беседы.

Мы, артисты, полюбили Л. за его простоту и сердечность, за горячее сочувствие нашим бедам, о которых мы ему откровенно рассказывали. Отношение к нашему театру все ухудшалось, чувствовалось приближение катастрофы. Постепенно у Л. созрело намерение вступиться за нас на самом высшем уровне”. Он написал, в форме притчи, небольшую “Поэму о цветке” и вместе с русским переводом Ц. Бану отправил ее Сталину обычным путем – через окошко в кремлевской будке».

«Надо сказать, – продолжает уже сама Бану, – что, невзирая на благосклонность некоторых “вождей”, Л. был далек от закулисной жизни партийной верхушки. В простоте сердечной он изобразил Сталина садовником, бережно выхаживающим все цветы сада, и позволил себе указать ему на один цветок, оказавшийся в тени, незаслуженно забытый, лишенный воды и питания, так что ему грозила гибель, хотя это был нежнейший, редчайший цветок. Садовник, по мысли поэта, должен был тут же спохватиться и исправить свой недосмотр.

Сталин написал сбоку стихотворения: “Подхалимская штука”, что было зачитано Фадеевым на собрании писателей. Насколько оставалась еще тогда непоколебленной вера Лахути в Сталина, видно из того, что в ответ Фадееву он гневно воскликнул:

– Ты клевещешь, я не верю тебе, Фадеев! Ты очень низко пал в моих глазах. Хочешь представить тов. Сталина каким-то самодержцем, способным расправиться с поэтом через твое посредство!

С этими словами он покинул зал. В отличие от многих, которых малейшая немилость Сталина доводила до инфаркта или инсульта, он пришел домой не расстроенный, а разгневанный как лев. Немедля написал письмо Сталину, ответа на которое не дождался, конечно».

Итак, Сталин назвал поэму «подхалимской штукой». Через некоторое время Лахути попал в опалу, продолжавшуюся до смерти Сталина. Числясь по-прежнему членом правления ССП, поэт был отстранен от участия в руководстве союзом. После XX съезда КПСС, окончательно развеявшего все иллюзии, здоровье его резко ухудшилось: к болезни сердца прибавился туберкулез. Лахути скончался 16 марта 1957 г., в день, когда вышел из печати первый том «Шахнаме» в переводе Ц. Бану под его редакцией[16].

Несколько слов о судьбе Михоэлса. Судя по реакции Сталина, Лахути не удалось помочь другу, хотя Михоэлс не был арестован в разгар предвоенных репрессий, напротив, эти годы «были годами официального признания Михоэлса – актера, режиссера, общественного деятеля, педагога» [Вовси-Михоэлс, 1997, с. 125]. Его жизнь оборвалась 13

[15] Василий Качалов (1875–1948) и Иван Москвин (1874–1946) – ведущие актеры Московского Художественного театра, в числе первых получившие введенное в 1936 г. звание «народный артист Советского Союза»; Вениамин Зускин (1899–1952), один из ведущих актеров ГОСЕТ, в 1948 был арестован и казнен 12 августа 1952 г.

[16] Об обстоятельствах создания автобиографии вслед за выходом в Иране поддельной биографии Лахути и о борьбе поэта за признание литературы Ирана общим наследием персов и таджиков см. [Kirasirova, 2017].

января 1948 г. в результате инсценированной во время командировки в Минск автокатастрофы. Михоэлсу устроили пышные похороны, а театру ненадолго присвоили его имя. Однако в ходе развернутой в последние годы жизни Сталина кампании «борьбы с космополитизмом» театр был закрыт «по причине непосещаемости», а режиссер объявлен участником заговора «еврейских националистов». В ходе расследования МГБ было выяснено, что сотрудники Министерства убили Михоэлса по указанию Сталина[17]. Диктатор поступил как описанный в поэме Лахути самодержец, глаза которого при виде соловьев и роз «наливались кровью от злобы и ярости»[18].

Из оригинала *Dāstān-e gol* в архиве сохранились две страницы текста в арабской графике, написанные рукой автора. Они включают бейты 64–79 и дату – декабрь 1938 г. Полный вариант поэмы сохранен в машинописном виде в таджикской графике. Название переведено как «Поэма о цветке», последняя страница перевода содержит дату, вписанную Лахути по-русски. Мы приводим полный текст, используя арабскую графику, прилагаем филологический перевод и поэтическую версию Бану, чтобы дать представление о тексте, которому предстояло воздействовать на кремлевского горца. Оба текста публикуются так, как они сохранились в архиве Лахути.

А. Лахути «Повесть о розе»

(перевод Л. Г. Лахути, Н. Ю. Чалисовой)

ابو القاسم لاهوتی
داستان گل

	به رهبر. به رفیق. به ستالین	Вождю. Товарищу. Сталину
	داستان گل	Повесть о розе
		I
1	این شنیدستم که در ملک قدیم بوده یک باغی و گلزاری عظیم	Слыхал я, что в древнем царстве Был некий сад и великолепный цветник.
2	آب آن جانبخش و خاکش زرفشان لیک دشمن بود آنجا پاسبان	Вода там была животворной, земля – золотоносной, Однако стражем там был враг.
3	دشمن بی دانش و بی آبرو ضد زیبایی و لطف و رنگ و بو	Враг – невежественный и бесчестный, Был против красоты, изящества и прелести.
4	برگ گل در دیدهٔ او خار بود طرهٔ سنبل بشکل مار بود	Лепесток розы был шипом в его глазу, Локон гиацинта казался змеей.
5	گر که رویاندی طبیعت یک گلی یا که خواندی بر گلی یک بلبلی	Когда выращивала природа розу Или пел перед розой соловей,
6	پاسبان زین ماجرا مجنون شدی چشمش از کین و غضب پرخون شدی	Страж из-за этого становился Маджнуном, Его глаза наливались кровью от злобы и ярости.
7	فتنه ها میکرد و جوشش مینمود با تمام قوه کوشش مینمود	Устраивал смуты и возбуждал волнения, Прикладывал все силы,
8	تا که آن گل محو از آدم شود ازدحام گلپرستان کم شود	Чтобы та роза скрылась от [взоров] людей, Поредела толпа почитателей розы.
9	گر که آن بلبل به دامش میفتاد قندی و بال و پرش دادی به باد	Когда тот соловей попадал в его сети, Сладость и перья он пускал по ветру (губил).

[17] О сохранившихся свидетельствах см. главу «Убийство Соломона Михоэлса» в [Медведев, 2003].

[18] История создания поэмы о Михоэлсе, как и сама она, никогда не обсуждались в иранистике. О ней кратко упоминает А. Максименков (1932–1946) [Максименков, 2003, с. 254, примеч. 34]; М. Гейзер излагает ее отголоски и относит к 1947 г. [Гейзер, 1990, с. 186].

10	بـود بـهر آنچنان خصم هنر	Была для такого врага искусства
	چـوب خـشک از میوهٔ تر خوبتر	Сухая ветка лучше свежего плода.
11	زآنـکه هیزُم حاصلِ بی رنج بود	Из-за того, что дрова добывались без труда,
	بـهر آنـسان پاسبـان این گنج بد	Для такого стража они были сокровищем.
12	از درخت مرده هیزم میفروخت	Он продавал как дрова мертвые деревья,
	هیزم پنهان ز مردم میفروخت	Продавал их тайком от народа.
13	زین سبب آن باغ گل پژمرده شد	По этой причине тот сад роз увял,
	میوه زارش خشک و آفت خورده شد	Его благоуханный плодовый сад постигло бедствие.
		II
14	صبر خلق از آن خیانت شد تمام	Терпение созданий от этого предательства иссякло,
	متحد گشتند بهر انتقام	Они объединились ради отмщения.
15	بر سر نامرد خائن تاختند	Они ринулись на бесчестного предателя,
	نخل عمرش را به خاک انداختند	Свалили на землю пальму его жизни.
16	مردِ استادی بزرگ و کاردان	Муж-учитель, великий и знающий,
	گشت بر آن باغ ویران پاسبان	Стал стражем в том заброшенном саду.
17	او به عشق کامل و عقل متین	Он совершенной любовью и крепким умом
	ساخت گلزار جهان در آن زمین	Устроил цветник мира в той земле.
18	کرد با هر آفتی جنگ و جَدَل	Вел войну и сражение с каждой напастью,
	کارهای او به عالم شد مثل	Его деяния во всем мире стали пословицей.
19	خلق را در کار خود همدست کرد	Он сделал все создания соратниками в своем труде,
	نیست را با زور دانش هست کرد	Силой знания небывшее сделал сущим.
20	رسته شد بی حد ز فضل باغبان	Выросли без числа благодаря мудрости садовника
	میوهٔ نو از درختان جوان	Новые плоды на юных деревьях.
21	جا در آن گلزار واسع گشت تنگ	В том цветнике стало тесно –
	آن قدر گلها در آن بد رنگ رنگ	Столько в нем было разноцветных цветов.
22	در جهان القصه بیمانند شد	Короче, ему не стало равного в мире,
	خلق از گلزار خود خرسند شد	Создания радовались своему цветнику.
		III
23	یک سحر چون هر سحر آن باغبان	Как-то утром, как каждое утро, садовник
	شد به تفتیش و پرستاری روان	Отправился присматривать и ухаживать за садом.
24	دید در گلشن ز بس گل رسته است	Увидел, что в цветнике выросло много цветов,
	شکل گلشن مثل یک گلدسته است	Цветник по форме – как букет цветов.
25	سبزه چندان بد که جای پا نبد	Зелени было столько, что некуда ступить,
	از زمین یک خال هم پیدا نبد	Ни одного пятнышка земли не было видно.
26	برگها شادا و رنگین هر طرف	Листья радостны и повсюду яркие краски,
	میگذشتی از سر آدم علف	Выросли [все] травы [какие были] со времен Адама.
27	باد فارح باغ خرم جو روان	Ветер веет, сад цветет, ручей бежит,
	بلبلان هر سو به گلها نغمه خوان	Соловьи со всех сторон поют песни для роз.
28	باغبان با لذت ایجادکار	Садовник с удовольствием созидателя
	مینمود از پیش هر گلبن گذار	Прогуливался перед каждым розовым кустом.
29	سرخ میشد روی او چون روی گل	Его лицо разрумянилось как лицо розы,
	مست میشد نی ز می از بوی گل	Он пьянел не от вина, от аромата розы.
30	ناگهان یک بلبلی او نیز مست	Вдруг один соловей, тоже опьяненный,
	جست و بر شاخی به پیش وی نشست	Вспорхнул и сел перед ним на ветку.
31	دل تنان و لرزلرزان پر زنان	С бьющимся сердцем, дрожа и трепеща крыльями,
	دوخته چشمان به چشم باغبان	Посмотрел на садовника – глаза в глаза.
32	زد چنان چهچه چنان فریاد کرد	Так щебетал, так стенал,
	کآن چمن را پرسِدا از داد کرد	Что ту лужайку наполнил эхом зова «На помощь!»

33	باغبان شد جلب بر آواز او	Садовника привлекли его взывания,
	خواست گردد باخبر از راز او	Он захотел узнать о его тайне,
34	تا به دردش فکر و غمخواری کند	Чтобы обдумать его несчастье и посочувствовать,
	بلبل بیچاره را یاری کند	Прийти на помощь несчастному соловью.
35	بلبل از برگی به برگی میپرید	Соловей перелетал с ветки на ветку,
	باغبان را از پس خود میکشید	Увлекал за собой садовника
36	تا به کنجی اندر آن باغ کلان	В уголок в том огромном саду,
	پر ز گلها و علفهای جوان	Полный свежих цветов и трав.
37	بلبل اندر بین آن گلها خزید	Соловей скрылся среди тех цветов
	وز جگر فریادهای نو کشید	И от всего сердца принялся вновь стенать.
38	باغبان دقت به آن آواز کرد	Садовник прислушался к тому голосу,
	بین گلها بهر خود ره باز کرد	Проложил себе дорогу меж цветов.
39	رفت و دید آنجا گلی پنهان بوَد	Пришел и увидел – там таится цветок розы,
	بلبل اندر پیش او خندان بوَد	Соловей радуется ему.
40	گل چو هر گل بود و این محسوس بود	Роза была как всякая роза, и это чувствовалось,
	لیک رنگ و شکل او مخصوص بود	Однако, окраска и форма у нее были особенные.
41	تازه و طناز و خوب و نازنین	Свежа, изящна, хороша, нежна,
	برگ او پاکیزه بویش دلنشین	Лепестки ее чисты, аромат у нее проникновенный.
42	بس که در آن باغ گل بسیار بود	Столь много было роз в том саду,
	جای او پوشیده از انظار بود	Что ее место было скрыто от взоров.
43	باغبان بر روی بلبل، مهربان	Добрый садовник на лицо соловья
	یک نظر انداخت نیکوتر ز جان	Посмотрел взглядом нежнее души.
44	گفت آری بلبلک یار من است	Сказал: «В самом деле, соловушка – мой друг,
	آخر که گل هم ز گلزار من است	Да и роза – из моего цветника.
45	باید این گل با چنین حسن این زمان	Теперь эта роза такой красоты должна
	جلوه گر گردد در انظار جهان	Явить себя взорам мира!»
46	زود از آنجا باز گشت آن اوستاد	Быстро вернулся оттуда тот учитель,
	پس به همدستان خود دستور داد	Потом дал наказ своим соратникам:
47	کآن زمین را که گل در روی آن	То основанье, на котором роза
	رسته بود آنگونه خوب و دلستان	Выросла столь прекрасной и пленительной,
48	از ره علم آن قدر بالا برند	Пусть путем знанья поднимут так высоко,
	تا ز هر سو خلق آنرا بنگرند	Чтобы люди со всех сторон увидели ее,
49	غنچه های دور او خندان شوند	Чтобы бутоны вокруг нее расцвели,
	شاخ و برگ و سبزه صد چندان شوند	Ветки, лепестки и зелень стали [краше] стократ.
50	آنچنان کردند همدستان او	Так и сделали его соратники,
	پیروان علم جاویدان او	Последователи его вечного знания.
51	پس مقام آن زمین بالا گرفت	Тогда возвысилось положение той земли,
	شهرت آن گل همه دنیا گرفت	Слава той розы разнеслась по всему миру.
52	بر چنین اقدام مرد نامور	Такое деяние прославленного мужа
	آفرین گفتند گلهای دگر	Восхвалили другие цветы.
53	خلق هر اقلیم و هر جنس و زبان	Создания всех стран, всех видов и языков
	شد پرستشکار باغ و باغبان	Стали поклонниками того сада и садовника.

IV

54	ای عزیزو حامی و مطلوب ما	О наш дорогой и чтимый, к кому [все] стремятся,
	ای رفیق مشفق و محبوب ما	О наш любимый и добрый товарищ!
55	تو به گلزار لنین گلپروری	Ты ухаживаешь за цветами в цветнике Ленина,
	تو به دنیای لنینی رهبری	Ты возглавляешь мир Ленина.
56	تو به هر جا یک گل نو کافتی	Ты повсюду искал новые цветы,
	کافتی گلهای نو را یافتی	Искал и находил новые цветы.
57	حسن گلها از تو بی اندازه شد	Красота цветов благодаря тебе стала безмерной,

	این حقیقت در جهان آوازه شد	Эта истина разнеслась по миру.
58	در گلستان تو گل بی حد بوَد	В твоем цветнике цветов без числа,
	بلبل اندر هر کنارش صد بوَد	Сто соловьев в каждом его углу
59	بر همه گلهای تو من عاشقم	Я влюблен во все твои цветы,
	بر گلستانت امین و صادقم	Верен и предан твоему цветнику.
60	دیده ام این روزها یک دانه گل	Видал я в эти дни одну розу,
	وه چسان گل! عطر مطلق لطف کل	О! Какая роза! Вся – аромат, вся – благоуханье!
61	من جهان را سر بسر گردیده ام	Я исходил мир из конца в конец,
	گل به این لطف و صفا کم دیده ام	Мало я видел роз такой прелести и чистоты.
62	جلوه اش هم مهر و هم خشم آورَد	Ее появление несет и любовь, и гнев,
	خنده بر لب اشک در چشم آورَد	Вызывает улыбку на губах и слезы в глазах.
63	من به این سان جلوه شیدایی شدم	Я обезумел от явления такой красоты,
	والهٔ این رنگ و رعنایی شدم	Стал поклонником этих красок и изящества.
64	رهبرا چون مدح میگویم به آن	О вождь, если я слагаю ей хвалу,
	وصف گلشن میکنم با این زبان	То тем самым я на этом языке описываю [весь] сад.
65	ز آنکه اینهم حاصل کار تواست،	Ибо это тоже – плод твоих трудов,
	چون دگر گلها ز گلزار تو است	Как другие цветы – она из твоего цветника.
66	در تو بینم من تمام خلق را	В тебе я вижу весь народ,
	اختیار و احترام خلق را	Выбор и уважение народа.
67	تو چو فکر خلق و چون بازوی خلق	Ты как мысль народа и как длань народа,
	چون وکیل صادق و نیکوی خلق	Как истинный уполномоченный и краса народа
68	دست آز، ای رهنمای پرظفر	Подай руку, о победоносный вождь,
	این گلِ خوش جلوه را بالا ببر	Вознеси высоко эту розу, являющую красоту.
69	تا به بیند هر کس از نزدیک و دور	Чтобы все увидели, близкие и далекие,
	کاندرین گلزارِ آزادی و نور	Что в этом цветнике свободы и света
70	گل به هر شکلی و هر رنگی که هست	Цветок любой формы и любого цвета
	بهره ور یکسان از الطاف تو است	Пользуется одинаково твоими милостями.
71	زنده باد این باغ رنگارنگِ ما	Да здравствует этот наш красочный сад,
	باغ رنگارنگ یک آهنگِ ما	Наш красочный солидарный сад!
72	باغ ما و خلق ما و کار ما،	Наш сад, наш народ, наш труд,
	صنعت ما، علم ما، آثارِ ما	Наше созидание, наше знание, наше наследие!
73	لیکن آنجا، در جهانِ ظلم و جنگ،	Однако там, в мире притеснения и войны,
	در جهانِ وحشت و نیرنگ و ننگ،	В мире дикости, обмана и позора,
74	روز و شب کوشند کز اینسان گلان	День и ночь тщатся, чтобы от таких цветков
	نه بماند نام باقی نی نشان.	Не осталось ни имени, ни следа.
75	این جهان خالی شود از بویشان	Чтобы в этом мире не стало их аромата,
	چشم کس دیگر نه بیند رویشان	Чтобы ничьи глаза не видели их лиц.
76	قوهٔ فاشیسم زورِ کور و کر،	Сила фашизма, слепая и глухая,
	دشمن آزادی و علم بشر	Враг свободы и знания людей,
77	هر کجا اینگونه گلرا بنگرد،	Всюду, где ни увидит такой цветок,
	برگِ آنرا کنده بیخش را بُرّد	Оборвав его листья, вырывает его с корнем.
78	"شد عنانِ گفته از دستم برون"	«Выпали поводья речи у меня из рук»[19],
	از گلی توصیف میگفتم کنون	Ныне описывал я цветок,
79	کیست، گویم، آن گل پر زیب و فر	Кто, скажу, тот цветок, прекрасный и блестящий?
	میخوئلس است او، سلیمان هنر.	То – Михоэлс, Сулайман искусства!

[19] Это полустишие заключено в оригинале в кавычки, но источник точной цитаты найти не удалось, хотя фразеологизмы «обуздывания» (чувств, воли, языка), включающие слово «поводья» (‘inān), весьма распространены в персидской поэзии.

А. Лахути «Поэма о цветке»

(перевод Цецилии Бану)

Вождю. Товарищу. Сталину.

I

В минувшие годы под небом страны благодатной
Слыхал я, цветник простирался и сад необъятный.
С водой животворной, с землей золотой, плодоносной.
Но сторожем сада был враг, тупоумный и косный.
Он враг был всему, что красуется, взоры чаруя,
Оттенков и форм ненавидел он прелесть живую.
Бутон нежно-алый шипом ему в очи вонзался,
Виток гиацинта змеею опасной казался.
Порой украшался цветник вновь расцветшей мимозой
Иль песнь запевал соловей над красавицей-розой.
Событье такое заметив, служитель неверный
Тотчас загорался досадой и злобой безмерной.
И против цветка он придумывал черные козни,
Чтоб со свету сжить, иссушить его рано ил поздно,
Чтоб розы в саду неприметно в числе убавлялись,
Чтоб роз почитатели меньше в тот сад устремлялись.
И если в силки соловей попадался злодею,
Он крылья и перья ему обрывал, не жалея…
Бревно недостойному сердцу служителя злого
Любезнее было любого плода наливного.
Затем, что с бревном ни забот, ни усилий не знал он,
Корысть утоляя, поспешно его продавал он.
Не первую пышную яблоню, вишню и сливу
Тайком от людей обращал он в дрова и наживу.
И стал уже блекнуть и вянуть цветник несравненный,
Редея, стал чахнуть и сад вековой, драгоценный…

II

Глаза у народа открылись на то злодеянье,
Решился он вырвать у вора свое достоянье.
Сплотился разгневанный люд и поднялся сурово,
И рухнуло дерево жизни предателя злого.
И мастер испытанный, муж благородный, ученый
Народом был призван тот сад возродить истощенный.
С отвагой, умом и любовью он взялся за дело,
Все грозные беды искусство его одолело.
Тому возрожденью весь мир удивился, как чуду,
О мудром садовнике слух прокатился повсюду.
Он шел не один, с ним трудился народ беззаветно,
И сад зашумел, и цветник заиграл многоцветно,
И ветви под тяжестью сочных плодов изогнулись,
И розы, головки подняв, соловьям улыбнулись.
Казалось, пространство бескрайнее сделалось тесным,
Терялся восторженный взгляд в изобилье чудесном.
И пели в саду возрожденном свободные птицы,
И гордость и счастье народа не знали границы…

III

Садовник однажды с рассветом, как с каждым рассветом,
Цветник обходил, что гигантским казался букетом.
Журчанье ручья с легким лепетом листьев сливалось,
Сверкающей зелени море, шурша, колебалось.
На листьях и травах алмазные капли горели
И мощно звучали кругом соловьиные трели.
С волненьем творца, среди лилий, и роз, и бегоний
Садовник шагал, опьянев от волны благовоний.
Лицо, словно мак, заливалося радости краской,
Над каждым кустом он склонялся с заботой и лаской.
Глядит, из кустов соловей вылетает навстречу,
К нему приступает с немою, но внятною речью.
Трепещет крылами, всем телом дрожит и горит он,
Садовнику прямо в глаза неотступно глядит он,
И вдруг запевает, и песня в саду благовонном
Надолго встревожила воздух серебряным звоном.
Взлетел соловей, и садовник навстречу стремится,
Желая постигнуть, какой он заботой томится.
Так с ветку на ветку порхая в листве шелестящей,
Увлек соловей человека в цветочную чащу,
И в заросли быстро скользнул, и оттуда с восторгом
Призывные трели из самого сердца исторг он.
Садовник на зов соловьиный счастливо-тревожный
Идет, раздвигая растенья рукой осторожной,
И видит: в одном из углов цветника отдаленных,
Средь множества юных бутонов, побегов зеленых
Цветок пламенеет прекрасный на диво, и рядом
Довольный порхает певец со смеющимся взглядом.
Цветок, как другие растенья, растеньем был тоже,
Но запахом, формой и цветом с другими не схожий,
Какой-то причудливой прелестью взор поражал он,
И дух веселил, и волненье в душе пробуждал он.
За чашей роскошных растений в том парке огромном
Его разглядеть было трудно в местечке укромном.
Все понял садовник. С улыбкою, полною ласки,
Взглянул на певца, на цветок небывалой окраски
И молвил: «Такое ли прятать от взоров творенье?
Пусть каждый, увидев его, почерпнет наслажденье.
Пусть каждый, кто друг красоте, назовет его другом,
Соловушка прав. Воздадим же цветку по заслугам!»
Вернулся садовник, товарищей верных призвал он,
О виденном им рассказал и затем указал он,
Чтоб почву под редким растеньем они приподняли,
Да так, чтоб его лепестки на весь мир засияли.
И мастера воля сбылась во мгновение ока,
Земля под чудесным цветком поднялася высоко,
Оттуда он людям явился в расцвете и силе,
И люди любовью, почетом его окружили.
Гордились побегом, смеялся бутон, расцветая,
И множилась подле цветка их толпа молодая,

И славили мастера дело цветы остальные,
И сад полюбили вдвойне все народы земные.

IV

О мудрый учитель, о друг и защитник наш лучший,
В саду ленинизма садовник искусный, могучий!
Ты с Лениным вместе вел в битву народ пробужденный,
Ты пестуешь ныне народный цветник возрожденный.
И так же как он неусыпно следишь ты за садом,
И новое любишь ты зорким отыскивать взглядом.
Здесь тысячи ярких цветов расцветают повсюду,
Тут сотни свободных певцов распевают повсюду.
Я розами всеми в родном цветнике очарован
И верной любовью к нему я навеки прикован…
Порадуйся: чудо-цветок я видал, восхищенный,
Поверишь? Сама красота, аромат воплощенный.
Игрою волшебною красок он взор ослепляет,
И душу и разум у зрителя равно пленяет.
Посмотришь, и сердце то гневом, то нежностью бьется,
И плачет невольно, и тут же невольно смеется.
Немало я странствовал, видел чудес я немало,
Но зрелищ подобных мне мало судьба даровала.
Недаром сегодня, охвачен волненьем счастливым,
Я славлю цветок пред тобою, вождем прозорливым.
Не ты ли несешь ему цвет, плодородие почвы,
Растишь его мудро, любовно, как тысячи прочих?
А в прошлые годы созданья такие, бывало,
Рука самодержца тупого со света сживала.
И там, за оградою, ноги фашистов презренных
Поныне их топчут немало, цветов несравненных…
В тебе просветленную долю народа я вижу,
О вождь, и отец, и учитель, рукой благородной
Высоко цветок подними, вознеси всенародно!
Пусть видят повсюду, вблизи и в краю отдаленном,
Что в нашем свободном саду, в цветнике обновленном,
Цветам всех окрасок и форм счастье даришь равно ты,
Все греются равно в лучах твоей мудрой заботы.
Да славится в мире наш сад, где бесчисленны краски,
Бесчисленны краски, но все уживаются братски,
Где тысячи роз разноцветных взрастают в народе,
Где сотни певцов разнозвучных поют о свободе!
Над розою пышно цветущею как не распеться?
Что сердце мне молвило, молвил тебе я от сердца.
Но кто же цветок, что волнует и разум, и чувства?
Зовется Михоэлсом он, Соломоном искусства.

Лахути отправил вождю собственноручно переписанный арабской графикой оригинал и перевод Бану, причем оба текста сокращены по сравнению с архивными вариантами. Оригинал, посланный «через окошко в кремлевской будке», отличается рядом незначительных разночтений и сокращением последней части поэмы (18 бейтов вместо 26, бб. 72–73 и 75–79 опущены). Кроме того, добавлен заключительный, подписной бейт: «Мое сердце сказало эти слова мне, а я – тебе, // Бессчетные приветствия тебе от твоего Лахути» и

точная дата: 31 декабря 1938 г. Перевод Бану сокращен за счет смыслового стяжения ряда строк в частях III и IV; в варианте, хранящемся в архиве Лахути и опубликованном здесь, он составляет 68 бейтов, а в отправленном Сталину – 62, также добавлен 63-й, подписной: «Что сердце сказало мне, молвил тебе я сегодня. // Весь твой Лахути шлет тебе свой привет новогодний». Этот перевод с ремаркой вождя «Подхалимская штука», арабографичный оригинал и письмо Поскребышева от 3 января 1939 г., адресованное «тов. Фадееву» о том, что ему по поручению тов. Сталина посылается «присланная Лахути “Поэма о цветке”», хранятся в РГАСПИ (Ф. 558, оп. 11, д. 760, док. 7), размещены они и в «Электронном архиве Сталина»[20].

Поэма заслуживает серьезного анализа в рамках проблемы становления иранской поэтической модерности, здесь же мы ограничимся лишь самыми предварительными наблюдениями. Хорошо известно, что Лахути не был творцом «новой поэзии» (*šeʻr-e nou*) и сторонником «литературной революции» (*enqelāb-e adabi*), случившейся у него на Родине в 1920-е гг. Борец и искатель справедливых форм жизни, он не испытывал нужды в борьбе с тысячелетними канонами стиха; его стихи написаны в традиционной манере: «он считал, что такие классические формы, как газель и касыда, достаточно гибки, чтобы вместить новые идеи и образы» и видел в них «подходящее средство общения с людьми из любых слоев общества» [Seyed-Gohrab, 2015, p. 131]. Он соблюдал правила метрики ʻаруза и рифмы, жанровые различия между касыдой, газелью и маснави, и придерживался классических конвенций в области топики. Лахути создавал новую поэзию, но основу его инновационной стратегии составляло оттачивание техники «семантического поворота», позволяющей обогащать классические образы современными смысловыми обертонами[21]: «там, где Омар Хаййам пишет о кирпичах, сделанных из праха ушедших людей, Лахути говорит о дворцах, построенных из праха бедняков» [Bečka, 1968, p. 564].

Пристрастие Лахути к семантическим трансформациям классических образов представлено в публикуемой поэме. Классические поэты описывали сад (*bāḡ*) как земной рай, таящий и являющий красоту творца[22], а Лахути воспевает «ленинский сад свободы» и Сталина как его «доброго садовника». «Повесть о розе» была написана, чтобы воздействовать на единственного читателя, и Лахути использовал всю палитру риторических приемов и стратегий, чтобы повысить убедительную силу стиха, создал жанровый «фьюжн», соединив в небольшой поэме-маснави элементы героического и дидактического эпоса, любовную газель и панегирик, и обратился к старинной технике аллегорического нарратива, которую использовал в революционных стихах[23].

Среди таких стихотворений есть и «Садовник» [Lāhuti, 1979, p. 242] с тем же посвящением – «Вождю. Товарищу. Сталину». Оценивая мнение, что основная тема «Садовника» – «укрепление братских отношений между народами Советского Союза» и что стихи «направлены против националистов в Центральной Азии» [Bečka, 1968, p. 565], следует учесть более широкий политический контекст. В 1932 г. в СССР полным ходом шли «партийные чистки» под лозунгом борьбы с саботажниками и социально чуждыми элементами[24]. Лахути еще не сомневался в правильности курса Сталина: Большой Террор только надвигался[25]. «Садовник» начинается с притчи о виноградаре, который много лет взращивал сад и превратил его в земной рай. Однажды прохожий, гуляя по саду, увидел, как

---

20 *Stalin Digital Archive*. URL: https://www.stalindigitalarchive.com/frontend (дата обращения 11.09.2018).

21 См., например, анализ поэмы *Be doḵtarān-e Irān* «Дочерям Ирана» в [Karimi-Hakkak, 1995, p. 188–202].

22 Садовая образность в персидской классике хорошо изучена; краткий обзор см. [Hanaway, 1989]; о растительных и цветочных метафорах см. [Zipoli, 2009]; примеры метафорических употреблений *bāḡ* «сад» в персидской поэзии см. [ʻAfifi, 1993–1995, p. 219–220].

23 Ср., например, такие стихи, как *Se qaṭre* «Три капли» (1933); *Vaṭan-e šādi* «Отчизна радости» (1935), см. [Lāhuti, 1979, p. 248, 433].

24 См. информативную главу об “Insulted and Injured” в [Fitzpatrick, 1999, p. 115–138].

25 См. монографию [Kuromiya, 2007], где на основе анализа огромного массива архивных материалов сделана новая попытка разгадать загадку сталинского террора.

садовник срубил лозу, и упрекнул его в жестокости. Садовник объясняет смысл поступка: у лозы был злой корень, который, разрастаясь, стал бы красть «обильные блага сада»: «Я отрубил засохшие побеги не из-за злобы, // Я сделал это ради спасения (сада) от болезни» [Lāhuti, 1979, p. 245]. Стихи завершает обращение к Сталину, в котором толкование притчи соединено с восхвалением вождя и призывом к действию: он – тот садовник, что взращивает лозу коммунизма; чтобы обновленный сад труда не пострадал от враждебных побегов, ему следует срубить вредные шипы. В стихах ясно видна аллюзия к одной из историй четвертого дафтара «Маснави», где Руми рассказывает о Сулаймане [Руми, 2010, с. 129–130 (бб. 1287–1291); 135 (бб. 1355–1357); 137–138 (бб. 1373–1385)]. Великий царь и пророк, мусульманский двойник библейского Соломона, каждое утро обходил двор воздвигнутой им при помощи ангелов и джиннов мечети ал-Акса, осматривал травы и цветы и беседовал с ними об их целебных свойствах. Однажды он увидел неизвестное растение, свежее и прекрасное. Растение рассказало царю, что его имя – харруб (*xarrūb*), и там, где оно растет, все разрушается. Сулайман усмотрел в этом предвестие смерти. Далее Руми переходит к наставлению ученикам, в котором уподобляет харруб «дурным друзьям»; их подобает вырвать из сердца с корнем, иначе они разрушат сердце, как харруб разрушает стены мечети.

«Садовник» написан тем же вариантом метра *ramal* (*fā*ʻ *elāton fā*ʻ *elāton fā*ʻ *elon*), что и поэма Руми. Соотнесение Сталина с Сулайманом, а «классовых врагов» его «сада» – с растением харруб, конечно, было внятно лишь немногим читателям, знакомым с притчами «Поэмы о скрытом смысле». Тем не менее сравнение уже существовало, и в послании в защиту Михоэлса Лахути вновь обращается к теме царя и сада[26].

Идея тесной взаимосвязи между моральными качествами правителя и благоденствием его царства имеет глубокие корни в культуре Ирана. Парадигматическая история включена в дастан «Шахнаме», повествующий о царствовании сасанидского владыки Бахрама Гура. Отравленный ядовитым дыханием дракона, царь добирается до жилища бедняков. Жена хозяина гостеприимно принимает гостя. Бахрам заводит беседу и спрашивает мнение хозяйки о правителе, ожидая похвал. Однако женщина отвечает, что «шах – это начало и конец всего», а затем рассказывает о несправедливостях, творимых царскими слугами и сборщиками налогов. Женщина уходит, оставив царя в ярости; он готовится сурово наказать ее и прочих неблагодарных подданных. Утром женщина возвращается. Не подозревая, кто на самом деле их гость, она жалуется мужу: наверное, в сердце шаха поселилась недобрая мысль, потому что ее корова больше не дает молока. Ведь всякий знает – если царь превращается в тирана, весь мир приходит в упадок! Услышав это, Бахрам раскаялся, а молоко немедленно вернулось к корове[27]. Наличие непреложной корреляции между нравственными качествами правителя и процветанием страны позволяло персидскому придворному поэту выступить в роли «морального наставника» [Meisami, 1987, p. 44][28]. Именно эту роль выбрал Лахути для «рассказчика» своей поэмы. И название поэмы – *dāstān-e gol*, и парная рифма *маснави,* и начальная формула *in šenidastam ke* «слыхал я» напоминают о дастанах Шахнаме. Фирдоуси не раз использовал глагол *šenidan* в перфектной форме *šenidastam* при ссылках на «предыдущего рассказчика» предания[29].

История о двух садовниках занимает 53 из 80 бейтов поэмы. Лахути излагает ее как

---

[26] Такой выбор вряд ли случаен; садовые образы в персидской классике распространены и семантически наполнены, были они популярны и среди советских панегиристов, воспевавших «цветущий сад» отчизны.

[27] См. [Ferdowsi, 2005, p. 468–476]; эпизод включен и в литографическое издание «Шахнаме», которым Лахути и Бану пользовались до 1946 г. (между страницами 401 и 402 до сих пор лежит закладка Лахути).

[28] Об идеале правителя в панегирической поэзии см. [Meisami, 1987, p. 40–76].

[29] Ср.: be-d-u goft bahrām k-in dāstān // šenidastam az gofte-ye bāstān «Бахрам сказал ему: “Этот дастан // Я слыхал в рассказах о прошлом”» [Фирдоуси, 1968, с. 316 (б. 203)]. šenidastam отсылает к миниатюре Рудаки о трех рубашках Йусуфа: negārinā šenidastam ke gāh-e meḥnat-o rāḥat // se pirāhan salab buda-st yusuf rā be ʻomr andar «О красавец, слыхал я, что в годы бедствий и благоденствия // Одеждой в жизни Йусуфа были три рубахи». В первых двух бейтах поэт напоминает сказание о Йусуфе, затем превращая его в аналогию событий собственной жизни.

дастан о двух царствованиях – злого правителя низвергают, как когда-то Фаридун сверг злодея Заххака, а ему на смену приходит справедливый. Однако дастан играет роль дидактической притчи, ссылки на которую обосновывают обращенную к адресату просьбу «рассказчика». Возможно, дидактическую функцию притчи призван подчеркнуть и избранный метр. Это не *мутакариб* «Шахнаме», а трехстопный *рамал* «Маснави» (использованный и в «Садовнике»). Поэтому *Dāstān-e gol* самой музыкой стиха напоминает притчи Руми, тоже порой называемые дастанами. Лахути знал наизусть многие фрагменты «Маснави», часто цитировал знаменитую историю из второго дафтара – «Спор четырех человек из-за винограда, который каждый из них называл по-разному»[30]. Согласно Руми, споры и драки между людьми возникают из-за их неспособности понять язык друг друга: им нужен наставник, поскольку «от речей шайха приходит единение» (б. 3699). Руми уподобляет такого наставника Сулайману, «который познал язык всех птиц» (б. 3700) и «был посредником между врагами» (б. 3703). Затем он призывает учеников искать такого Сулаймана, поскольку «Птицы душ людских в эти последние времена // не чувствуют безопасности ни на миг друг от друга. // Но и Сулайман есть в наш век, // который дарует мир и искореняет наше насилие» (бб. 3706–3607)[31]. Надеяться, что вождь КПСС станет Сулайманом своей эпохи, было трагической ошибкой.

Рассмотрим структуру и мотивику поэтического послания Лахути. Автор разделил «Повесть о розе» на четыре части; повествование в первых трех ведется в подчеркнуто простой и безыскусной манере. В первой части описан прекрасный сад в древнем царстве, охраняемый невежественным и бесчестным стражем При описании слепого к красоте садовника травестированы многие клише классической поэзии: лепестки розы кажутся ему шипами, локоны гиацинта – змеями; красота сада превращает его в Маджнуна, сошедшего с ума не от любви, а от ярости; его глаза полны крови не от любви, а от злобы; красота возлюбленного должна вызывать смятенье среди влюбленных, а садовник сам устраивает смуту, чтобы погубить розу; соловей, как положено, воспевает розу, но акцент делается на реакции садовника, в злобе обрывающего соловью крылья.

Вторая часть повествует о восстании, в результате которого обитатели сада «свалили пальму жизни» злодея, стражем стал «муж-учитель, великий и знающий», и расцвели цветы, которые «радовались своему цветнику». В третьей части царь-садовник отправляется ухаживать за садом и находит его в наилучшем состоянии (аллюзия к притче о Сулаймане-садовнике из IV дафтара «Маснави»). Соловей поманил садовника в уголок, где, увидев розу особенной формы и окраски, заслоненную другими цветами, садовник решил помочь ей явить себя миру и дал наказ поднять основание, на котором рос цветок, на такую высоту, чтобы люди со всех сторон увидели его. Слава цветка разнеслась по всему миру, от этого возросла слава сада, и прочие создания стали его поклонниками. В последней части стихотворения сохранена рифмовка маснави, но применены приемы, характерные для панегирической касыды[32]. Она начинается с непосредственного обращения к адресату чередой восхвалений (б. 54: *ey ʻaziz-u ḥāmi vu maṭlube mā…*). Рассказчик переносит ситуацию притчи в реальные обстоятельства, приравнивая адресата послания к аллегорическому царю-садовнику, сад – к Советскому Союзу, себя – к соловью, а розу – к Михоэлсу. Он обращается к «садовнику» с панегириком, называя его заботящимся о цветнике Ленина (б. 55), который стремится находить новые цветы. Не забывая похвалить других обитателей сада, он переходит к цели послания.

Соловей-поэт, как в притче, привлекает внимание садовника к особенной розе, полной красоты и прелести, но теперь, в отличие от притчи, он обращается к нему прямо,

---

[30] См. [Руми, 2009, с. 219, бб. 3681–3712]. Лахути находил в этой истории подтверждение собственным идеям о внутреннем единстве разных народов и неразрывной связи между людьми, ср. его стихотворение Su'-e tafāhom «Недоразумение» [Lāhuti, 1979, p. 322].

[31] Все цитаты приведены по указанному изданию в переводе М. Н.-О. Османова.

[32] Мастером сочинения «панегирических касыд» в рифмовке маснави был Фирдоуси, включивший в свою поэму восхваления Махмуду Газнавиду.

восхваляет розу как украшение сада вождя (*rahbar*); вождь – воплощение всего народа, и поэт призывает его последовать примеру садовника: «высоко вознести эту розу». Его просьба звучит и как наставление и как предостережение. Ведь сад окружен миром «притеснения и войны, дикости, обмана и позора», где от такой розы «не осталось бы ни имени, ни следа». В б. 76–77 поэт прямо упоминает о фашизме, который «где ни увидит такой цветок, // Оборвав его листья, вырывает его с корнем». В эффектном финале поэт сначала приносит извинения за длину рассказа о «некоей розе» – из-за ее красоты он потерял власть над речью (б. 79 «поводья речи выпали у меня из рук»). Затем наконец называет имя цветка: это Михоэлс, Сулайман искусства. Сравнение не было простой поэтической фигурой: об удивительном таланте Михоэлса упоминают многие. «Михоэлс был великолепным актером, но, конечно, он был больше, чем мастером: он был актером-художником, мудрецом, творцом тех миров, которые он познавал, открывал, являл нам, его зрителям, слушателям, собеседника», пишет известный театральный актер Юрий Завадский [Завадский, 1964, с. 486].

Из «Мемуаров» Бану известно, что поэму передали адресату в оригинале и в сделанном ею «за одну ночь» поэтическом переводе. Прочел Сталин перевод или удовольствовался пересказом референта – неизвестно, но он оставил заметку на полях. Садовые образы были не чужды вождю народов. Он вырос в Грузии, знал грузинскую классику, а особенно любил насыщенную персидскими образами поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В 1890-е гг. И. Джугашвили и сам сочинил несколько стихотворений по-грузински и опубликовал в газете «Иверия». В одном из них («Утро») он использовал садовые метафоры, уподоблял соловья наставнику и сравнивал родину с цветущим садом[33]. Учащийся тбилисской духовной семинарии, несомненно, знал и предания о Соломоне. Итак, Лахути сыграл на имени Михоэлса – Соломон. Роза оказалась схожа с садовником, они оба – могущественные Сулайманы, один – в «цветнике Ленина», а другой – в саду искусства. Возможно, поэт – вольно или невольно – напомнил правителю о том, что его власть не абсолютна и не повсеместна. Как отметил Е. Громов в заключении своего обстоятельного исследования: «Сталин любил искусство, и оно многое значило в его жизни. Только несравненно сильнее любил Сталин беспредельную власть» [Громов, 2003, с. 454]. В поэме Руми встреча с цветком сулила гибель Сулайману-правителю, но в реальности эта гибель ждала «Сулаймана искусства».

***

Лахути использовал всевозможные «трюки» персидской классической поэзии, чтобы призвать советского правителя к справедливости. Он не достиг цели; это было бы не под силу и самому Хафизу, стихи которого не смогли, как известно, укротить нрав красавца или – правителя Шираза:

hazār ḥila bar-angiḵt ḥāfeẓ az sar-e fekr
dar ān havas ke šavad ān negār rām-u našod
Тысячи хитростей измыслил Хафиз,
Надеясь, что тот красавец будет укрощен – и не вышло!
[Хафиз, 1994, с. 227, газель 168:9].

Однако стихи Лахути, к счастью, сохранились. Они расширяют наше представление о его творчестве, а окружающая их история добавляет красок к его портрету и портрету эпохи.

[33] В переводах на английский см. [Rayfield, 1985]; ср. русский подстрочный перевод (Заза Самсонидзе): Раскрыла роза свой бутон // И обняла фиалку, // И вот проснулся и ирис // Нежно кланяясь ласковому ветру! // Жаворонок где-то в облаках // Звонко напевал, // И соловей, наполненный чувствами, // Нежным голосом как бы говорил – // «Расцветай красивая страна, // Радуйся, обитель Иверов! // И ты, маленький грузин, // Родину своей учебой радуй!» – Джугашвили-Сталин И. Утро // *Стихи.ру*. URL: https://www.stihi.ru/2013/04/18/5045 (дата обращения 08.09.2018).

Литература / References

Вовси-Михоэлс Н. *Мой отец Соломон Михоэлс: воспоминания о жизни и гибели*. М., 1997 [Vovsi-Miho'els N. *Moi otets Solomon Miho'els: vospominaniya o zhizni i gibeli*. Moscow, 1997].

Ворожейкина З. Абулькасим Лахути // *Лахути. Стихотворения и поэмы*. Л., 1981. С. 5–40 [Vorozheikina Z. Abul'kasim Lahuti // *Lahuti. Stihotvoreniya i po'emy*. Leningrad, 1981. Pp. 5–40].

Гейзер М. *Михоэлс. Жизнь и смерть*. М., 1990 [Geizer M. *Miho'els. Zhizn' i smert'*. Moscow, 1990].

Громов Е. *Сталин: искусство и власть*. М., 2003 [Gromov E. *Stalin: iskusstvo i vlast'*. Moscow, 2003].

Жемчужины персидской поэзии. Переводы Цецилии Бану. Сост., вступительные статьи, примечания, глоссарий Л. Г. Лахути. «Абулькасим Лахути», вступительная статья Делира Лахути. М., 2016 [*Zhemchuzhiny persidskoy po'ezii. Perevody Tsetsilii Banu*. Sost., vstupitel'nye stat'i, primechaniya, glossarii L. G. Lakhuti. "Abul'kasim Lakhuti, vstupitel'naya stat'ya Delira Lakhuti. Moscow, 2016].

Завадский Ю. Михоэлс, каким я его знал // *Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе*. М., 1964. С. 485–490 [Zavadskiy Yu. Miho'els, kakim ya ego znal // *Miho'els. Stat'i, besedy, rechi*. Moscow, 1964. Pp. 485–490].

Занд М. *Абулкосим Лахути*. Сталинабад [Душанбе], 1957 [Zand M. Abulkosim Lahuti. Stalinabad (Dushanbe), 1957].

Иванов В. *ГОСЕТ: политика и искусство. 1919–1928*. М., 2007 [Ivanov V. *GOSET: politika i iskusstvo*. 1919–1928. Moscow, 2007].

Лохути А. *Куллиёт. Т. 1–6*. Душанбе, 1961–1963 [Lohuti A. *Kulliyot*. V.1-6. Dushanbe, 1961–1963].

Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946) // *Вопросы литературы*. 2003. № 5. С. 241–297 [Maksimenkov L. Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoi literatury (1932–1946) // *Voprosy literatury*. 2003. 5. Pp. 241–297].

Мандельштам Н. Я. *Воспоминания*. М., 1989 [Mandel'shtam N. Ya. *Vospominaniya*. Moscow, 1989].

Медведев Ж. *Сталин и еврейская проблема. Новый анализ*. М., 2003 [Medvedev Zh. *Stalin i evreiskaya problema. Novyi analiz*. Moscow, 2003].

Руми Дж. М. *Маснави-йи Ма'нави («Поэма о скрытом смысле»). Второй дафтар*. Пер. с персидского М.-Н. О. Османова, общая редакция, комментарий и указатели О. М. Ястребовой. СПб., 2009 [Rumi Dzh. M. *Masnavi-ji Ma'navi ("Po'ema o skrytom smysle"). Vtoroi daftar*. Per. s persidskogo M.-N. O. Osmanova, obshchaya redaktsiya, kommentarii i ukazateli O. M. Yastrebovoi. Saint-Petersburg, 2009].

Руми Дж. М.. *Маснави-йи Ма'нави («Поэма о скрытом смысле»). Четвертый дафтар*. Пер. с персидского Л. Г. Лахути, Н. И. Пригариной, М. А. Русанова, Н. Ю. Чалисовой, науч. редакция Я. Эшотса, указатели Л. Г. Лахути. СПб., 2010 [Rumi Dzh. M. *Masnavi-ji Ma'navi ("Po'ema o skrytom smysle"). Chetvyortyi daftar*. Per. s persidskogo L. G. Lakhuti, N. I. Prigarinoi, M. A. Rusanova, N. Yu. Chalisovoi, nauch. redaktsiya Ia. 'Eshotsa, ukazateli L. G. Lakhuti. Saint-Petersburg, 2010].

Сосюра В. *Третья рота*. Киев, 1988 [Sosyura V. *Tretiya rota*. Kiev, 1988].

Сталин (В поэзии. К 60-летию со дня рождения). М., 1939 [*Stalin (V po'ezii. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya)*. Moscow, 1988].

Фирдоуси. *Ша̄х-на̄ме. Критический текст*. Т. 7. Под редакцией А. Нушина. Составитель текста М.-Н. О. Османов. М., 1968 [Firdousi. *Shah-name*. Kriticheskiy tekst. V. 7. Pod redaktsiei A. Nushina. Sostavitel' teksta M.-N. O. Osmanov. Moscow, 1968].

Эль-Регистан. Горе человека со значком // *Правда Востока*. Ташкент, 3 февраля 1927 г. ['El'-Registan. Gore cheloveka so znachkom // *Pravda Vostoka*. Tashkent, February, 3, 1927].

'Afifi R. *Farhang-nāme-ye še'ri*. Vol. I–III. Tehrān,1372–1374/1993–1995.

Bayāt K. *Kudetā-ye Lāhuti*. Tehrān, 1997.

Bečka J. Tajik literature from the 16th century to the present // Rypka Y. (ed.). *History of Iranian Literature*. Dordrecht-Holland, 1968. Pp. 485–605.

Cronin S. Iran's Forgotten Revolutionary: Abulqasim Lahuti, and the Tabriz Insurrection // *Reformers and Revolutionaries in Modern Iran: New Perspectives on the Iranian Left*. Ed. S. Cronin. London and New York, 2004. Pp. 118–146.

Dīvān-e ġazaliyyāt-e Ḥāfeẓ. Be kušeš-e doktor Xalil Xaṭib Rahbar. Tehrān, 1373/1994.

Elhāmi K. *Divān-e Elhāmi Kermānšāhi (Šarḥ-e manẓūm-e ḥamāsa-ye karbalā be sabk-e Šāh-nāma)*. Tehrān, 1379/2000.

Ferdowsi. *The Shahnameh (The Book of Kings)*. Ed. by D. Khaleghi-Motlagh and M. Omidsalar. Bibliotheca Persica, Vol. 6. New-York, 2005.

Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s*. New-York, 1999.
Hafez. *Faces of Love and the Poets of Shiraz*. Tr. by Dick Davis. New York, 2013.
Karimi-Hakkak A. *Recasting Persian Poetry. Scenarios of Poetic Modernity in Iran*. Salt Lake City, 1995.
Kirasirova M. My Enemy's Enemy: Consequences of the CIA Operation against Abulqasim Lahuti, 1953–54 // *Iranian Studies*. 2017. 50:3. Pp. 439−465.
Kolliyyat-e Abolqāsem Lāhuti. Ed. by Behruz Moshiri. N.p., 1357/1978.
Kuromiya H. The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s. New Haven, 2007.
Lāhuti Abu'l-Qāsem. *Divān*. Ed. Aḥmad Baširi. Tehran, 1979.
Loloi P. Translations of European poetry and their reception // *A History of Persian Literature XI. Literature of the Early Twentieth Century: From the Constitutional Period to Reza Shah*. Ed. by A. A. Seyed-Gohrab. London, 2015. Pp. 311−352.
Meisami J. *Medieval Persian Court Poetry*. Prinston, 1987.
Seyed-Gohrab A. Poetry as Awakening: Singing Modernity // *A History of Persian Literature XI. Literature of the Early Twentieth Century: From the Constitutional Period to Reza Shah*. Ed. by A. A. Seyed-Gohrab. London, 2015. Pp. 30−132.
Veidlinger J. *The Moscow State Yiddish Theater: Jewish Culture on the Soviet Stage*. Bloomington, 2000.
Zipoli R. Poetic imagery // Bruijn J.T.P. de (ed.). *General Introduction to Persian Literature*. London, 2009. Pp. 172−232.

Архивные документы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) [Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)]. Фонд 558, опись 11, д. 760, док. 7.

Электронные ресурсы

ʿĀbedi K. Lahuti, Abu'l-Qasem // *Encyclopædia Iranica*. Online edition, 2009. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/lahuti-abul-qasem (дата обращения 08.09.2018).
Chalisova N. Šāh-nāma translations. XIV. Into Russian // *Encyclopædia Iranica*. Online edition, 2006. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/sah-nama-translations-xiv-into-russian (дата обращения 08.09.2018).
Hanaway W. L. Bāḡ iii. In Persian Literature // *Encyclopædia Iranica*. Vol. III/3, 1989. Pp. 395–396. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/bag-iii (дата обращения 08.09.2018).
Rayfield D. Stalin as Poet // *Poetry Nation Review* 41, Vol. 11.3 (Jan.-Feb. 1985). URL: http://www.pnreview.co.uk/cgi-bin/scribe?item_id=6036 (дата обращения: 08.09.2018).
Shatskikh A. The Theatre in the biography of Marc Chagall // *Galereya (The Tretyakov Gallery Magazine), Special issue. Marc Chagall "Bonjour, la Patrie!" (Moscow: 2005)*. URL: http://www.tretyakovgallerymagazine.com/articles/special-issue-marc-chagall-bonjour-la-patrie/theatre-biography-marc-chagall (дата обращения 08.09.2018).
Stalin Digital Archive. URL: https://www.stalindigitalarchive.com/frontend (дата обращения 11.09.2018).
Джугашвили-Сталин И. Утро // *Стихи.ру*. URL: https://www.stihi.ru/2013/04/18/5045 (дата обращения 08.09.2018).

Опечатки, замеченные в №3, 2018 «Вестника Института востоковедения РАН»

На с. 10, 13-я строка сверху: вместо «(с 1957 по 1989 гг.)» следует читать «(с 1957 по 1976 гг.)».

На с. 27, 5-я строка сверху: вместо «в 1989 г. (после И. С. Брагинского)» следует читать «в 1977 г. (после И. С. Брагинского)».

Подписано в печать 02.10.2018. Формат 60х84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Объем 24,4 печ.л.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru